

+

12

НОВАЯ МИРА

НОВАЯ МИРА

1974

12

1974

НОВОЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания L

№ 12

Декабрь, 1974 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
УКРАИНА, 74	
В. В. ЩЕРБИЦКИЙ — В едином, могучем строю	4
МИКОЛА БАЖАН — Вечер 24 октября, стихи. Перевели Александр Големба, М. Алигер	18
ПЛАТОН ВОРОНЬКО — Сон о баррикаде, стихи. Перевел Валентин Корчагин	22
МИХАЙЛО СТЕЛЬМАХ — Пусть вновь годам тем не прийти..., стихи. Перевел Юрий Саенко	24
ДМИТРО ПАВЛЫЧКО — Тракторист, стихи. Перевел Б. Косенков	26
АЛЕКСАНДР БЫЛИНОВ — Наследники	28
ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ — Закон земли, стихи. Перевели Юнна Мориц, Майя Борисова, Евг. Витковский	40
ФЕДОР МОРГУН — И снова Полтавщина. Перевод с украинского	44
ИВАН ДРАЧ — Орлы смотрят на солнце..., стихи. Перевели Валентин Корчагин, Петр Вегин	57
ФЕОДОСИЙ ВИДРАШКУ — Делись огнем	64
МИКОЛА НАГНИБЕДА — Союз, стихи. Перевел Юрий Саенко	82
БОРИС ОЛЕЙНИК — Истина, стихи. Перевел Н. Котенко	88
ВЛАДИМИР ДРОЗД — Люди села Халепье. Страницы сельского дневника. Перевел И. Карабутенко	92
МИКОЛА СЫНГАЕВСКИЙ — Прелюдия весны, стихи. Перевел Юрий Саенко	107
П. ПЕРЕБИЙНИС — Коммунисты, стихи. Перевел Александр Големба	109
ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ — Земля, стихи	113
ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ — Боцман Бересан	116
ИВАН РЯДЧЕНКО — Цены, стихи	131
МИКОЛА ЛИХОДИД — На стройке Днепрогэса-2, стихи. Перевел Александр Големба	135
ДМИТРО ЛУЦЕНКО — Баллада о братстве, стихи. Перевели Юрий Саенко, Тамара Сорочинская	137
К. ГРИГОРЬЕВ, Б. ХАНДРОС — Павлыш. Продолжение сказки	141

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
В. БОГОМОЛОВ — В августе сорок четвертого... Роман. Окончание	161
НАТАН ЗЛОТНИКОВ — Пять стихотворений	233
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. ЛИТВИНОВ — Словое поле романа. Над страницами «Поднятой целины»	236
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Л. Фияк. Закономерный выбор.— Николай Атаров. Дар понимания.— Ю. Гусев. Неувядающая молодость Гидаша.	
<i>Политика и наука</i>	
М. Воейков. Общество и соревнование.— Владимир Цветов. Япония: внешне-политическая доктрина на 70-е годы	265
КОРОТКО О КНИГАХ — Ю. Ляхов.— Анатолий Макаров. Человек с аккордеоном. Повесть. ♦ Ю. Манн.— С. Машинский. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. ♦ С Фрейлих.— А. Караганов. Всеволод Пудовкин. ♦ А. Ромм.— А. Аникст. Шекспир. Ремесло драматурга. ♦ Н. Молева.— Ирвинг Стоун. Ван Гог	274
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	278
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1974 ГОД	280

УКРАИНА, 74

Советская историография обогатилась оригинальным, пожалуй, не имеющим себе равных исследованием. Это — летопись городов и сел Украины, летопись, в создании которой принимали участие, кроме историков, литераторы и партийные работники, школьные учителя и библиотекари, рабочие и колхозники, сотрудники музеев и архивов, участники Великой Отечественной войны.

Сто тысяч авторов работали в течение двенадцати лет над «Историей городов и сел Украинской ССР». «Биография» всех городов и полутора тысяч сел республики — от основания до наших дней — составила двадцать шесть томов.

Краткие архивные справки, немногословные документы, точные анкеты воссоздают день за днем, месяц за месяцем, год за годом грамматическое прошлое украинских сел и городов и историю грандиозных преобразований в республике в послеоктябрьский период. Это исследование повествует прежде всего о людях, совершивших великие трудовые и ратные подвиги.

Завершен огромный труд! Но можно ли считать само исследование завершенным? Каждый день вносит новые и новые значительные факты в историю городов и сел Украины; перечень героев пополняется новыми именами, трудовые успехи множатся, духовный мир советского человека становится все богаче.

Современная жизнь Украины, отраженная в творчестве прозаиков и поэтов, и есть, по сути дела, продолжение и развитие многогранной летописи-истории республики, ее сынов и дочерей.

В статье члена Политбюро ЦК КПСС, Первого секретаря ЦК Компартии Украины Владимира Васильевича Щербицкого, которой мы открываем подборку очерков, зарисовок, стихотворений «Украина, 74», в статье первого секретаря Полтавского обкома Компартии Украины Федора Трофимовича Моргуна убедительно показано, сколь богатые плоды приносит каждый год девятой пятилетки, как приметны, поистине разительны перемены, происходящие в жизни республики, жизни, освященной идеями гружбы народов, ленинской национальной политики.

Предлагаемая вниманию читателей подборка «Украина, 74» — итог работы в республике творческой бригады «Нового мира», в которую вошли москвичи (Ф. Виграш-ку, В. Елисеева, Ю. Крелин, В. Полежаев, О. Смирнов — руководитель бригады) и литераторы Украины (М. Бажан, А. Былинов, П. Воронько, Л. Вышеславский, К. Григорьев, И. Драч, В. Дрозд, В. Коротич, М. Лиходид, Д. Луценко, М. Нагнибеда, Б. Олейник, Д. Павлычко, П. Перебийнис, И. Рядченко, М. Стельмах, М. Сынгаевский, Б. Хангрос). Активное участие в подготовке материалов подборки приняли переводчики И. Карабутенко, Ю. Мориц, Е. Витковский, Ю. Саенко, Б. Косенков, Н. Котенко, А. Големба, В. Корчагин, П. Вегин, М. Алигер.

Прозаики и поэты, люди разных поколений, разных творческих манер, — члены бригады «Нового мира» попытались создать коллективный портрет нынешней Украины, познакомиться с сегодняшними ее представителями, которые своим неустанным трудом продолжают славную летопись Украинской Советской Социалистической Республики — равной в братской семье наших республик.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ,
член Политбюро ЦК КПСС,
первый секретарь ЦК КП Украины

В ЕДИНОМ, МОГУЧЕМ СТРОЮ

Светом Октября озарена вся история нашей великой социалистической Отчизны — ее славное прошлое и прекрасное настоящее. Объединив трудящихся более чем ста наций и народностей, она с честью сквозь все грозы и нелегкие испытания высоко пронесла интернациональное знамя единства, братства и дружбы. И сегодня, словно легендарный исполин, излучающий неукротимую энергию созидания, наша Родина являет собой вдохновляющий образец для всех народов мира, их нынешних и грядущих поколений.

И ей, прекрасной и великой, питающейся неиссякаемыми истоками ленинского братства наций, отдаем мы свои помыслы и свои чувства. Она как дивный сад дружбы — и в нем в каждом могучем древе, во всем буйстве красок цветет наша любовь, та верная и горячая, которую поэт назвал «чувством семьи единой».

Равная среди равных, свободная среди свободных братских республик нашего нерасторжимого Союза, небывалого взлета своих материальных и духовных сил достигла в этой богатырской семье Советская Украина. В едином строю созидателей нового мира трудящиеся нашей республики уверенно идут под руководством Коммунистической партии по светлому пути, указанному великим Лениным.

* * *

Широка и, как песнь, прекрасна украинская земля. Выдающиеся мастера слова и кисти воспели красоту ее природы, душевное богатство и талант ее народа. Мы всегда помним — полное света, неповторимой поэзии шло рядом в его судьбе с печальным и трагичным. Все это нашло гениальное воплощение в произведениях Тараса Шевченко, Николая Гоголя, Панаса Мирного, Михаила Коцюбинского, Александра Куприна, Владимира Короленко. Нельзя не говорить об этом, мысленно листая сегодня страницы книги новой судьбы Украины, достигшей подлинного расцвета под знаменем Октября. Каждая страница этой книги — ступень жизни, героической борьбы украинского народа, плечом к плечу с народом русским, со всеми народами нашей великой Родины ковавшего нашу общую великую победу.

Как говорится, каждую эпоху узнают по биению ее сердца, в ритме которого слышатся ее неповторимые голоса, великая энергия народной поступи. Действительно, весь мир труда и прогресса затаив дыхание вслушивается — какие поистине исторически значащие отмеры в каждом ударе сердца нашей страны, сердца грядущей коммунистической эпохи. Его ритм — это настоящая неповторимая песнь созидания, песнь прекрасного утра обновления человечества.

И когда мы говорим о сердце нашей великой Родины, то оно у нас одно — и у русских, и украинцев, и белорусов, и грузин — берущее жизнь из истоков революции, из нерушимого братства, из верности идеям партии.

Вот почему и весь путь социалистической Украины открывается нам через титанический, направляющий и организующий труд Ленина, созданной им партии, через подвиг многонациональной советской семьи народов.

Вот почему и весь современный образ родной Украины видится нам через близкие и далекие просторы всей нашей советской Отчизны,

в каждом уголке которой кипит созидательный труд, рождающий золотой венек материальной и духовной культуры советского народа — первопроходца истории. И в какую бы сегодняшнюю грань жизни нашей республики ни всматривались, в ней отражен жизнетворящий свет каждого братского народа, всего нашего прекрасного Союза.

Вот почему каждого советского человека независимо от его национальной принадлежности так радует бурный расцвет Украины, как и всех советских республик, впитавших труд и любовь всех своих сынов и дочерей семьи единой, вольной, новой, в веках нерасторжимой.

Экономика нашей республики развивается в едином могучем народнохозяйственном комплексе страны. Это позволяет наиболее рационально использовать природные ресурсы и преимущества централизованной плановой экономики. Исходя из научно обоснованного межреспубликанского разделения труда, Украинская ССР развивается как одна из важнейших топливно-энергетических, металлургических, химических и машиностроительных баз страны, как республика высококоразвитой легкой и пищевой промышленности, крупного механизированного сельского хозяйства.

Раскроем хотя бы в некоторых цифрах экономический потенциал нашей республики: 183 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, 52 миллиона тонн стали, 215 миллионов тонн угля, 15 миллионов тонн минеральных удобрений. Это ли не показатели нашего размаха и созидания, это ли не выражение могущества всей нашей многонациональной Родины!

Все то, что делается сегодня на Украине в ее промышленности, сельском хозяйстве, на ниве науки и культуры,— это воплощение в жизнь величественных предначертаний партии. Это и величайшая в Европе криворожская доменная печь № 9, и уникальный прокатный стан «3600» на Ждановском заводе имени Ильича, и мирный атомный исполин в Чернобыле, в том когда-то богом и людьми забытом уголке, бывшем «полесском захолустье», о котором с болью в душе писал Константин Паустовский.

Это и обновленные украинские села, и новые белокаменные города, и высокие духовные ценности мастеров украинской культуры, постоянно обогащающейся из художественной сокровищницы социалистических наций. Все это и есть зримые черты развитого социализма.

Мы с полным основанием можем сказать: какое неповторимо волнующее время переживает ныне весь наш советский народ. Он отдает свои силы успешному претворению в жизнь начертанной XXIV съездом КПСС впечатляющей программы социально-экономического и культурного строительства. Это также время, волнующее и неустанной борьбой нашего народа против «холодной войны», время успешного осуществления ленинского курса внешней политики партии, который на всех континентах сегодня справедливо называют советской Программой мира.

Новым подъемом народной инициативы и массового трудового энтузиазма ознаменованы ударные годы девятой пятилетки. Неуклонно возрастают производительные силы страны, крепнет ее экономическое могущество, все новых и новых высот достигают наука и культура, с каждым годом повышается благосостояние трудящихся.

Изо дня в день растет та великая сила нашего народа, которая свершает чудеса в решении общенародных хозяйственных и культурных задач. Этой силой является непоколебимая сплоченность миллионов масс вокруг Коммунистической партии, крепнущая дружба и братское единство всех наций и народностей социалистической Отчизны.

Когда мы снова и снова говорим об этом, перед нашим взором проходят памятные веки развития Родины. Мы вспоминаем Магнитку и Московский метрополитен, Турксиб и Комсомольск-на-Амуре. Мы вспоминаем настоящее чудо монолитной дружбы народов — Днепрогэс. И Харьковский тракторный, и новые гиганты индустрии Приднепровья и Донбасса, и поднятые необозримые целинные земли, и автомобильный исполин на Каме, и рождающаяся ныне, уже ставшая легендарной Байкало-Амурская магистраль. Все трудовые свершения каждой из братских республик, каждой социалистической нации мы закономерно рассматриваем как наше общее достояние, как источник нашей советской общенациональной гордости.

Еще свежи в памяти празднества, посвященные тридцатилетию освобождения украинской земли от немецко-фашистских захватчиков. На наших торжествах мы как бы чувствовали присутствие каждого народа единой советской семьи, ибо за свободу и счастье Украины боролись, проливали свою кровь, отдавали свои жизни сыны и дочери всех братских республик. Свята и вечна память о них в нашем сердце.

Сейчас в нашей республике, как и во всей стране, все шире разворачивается подготовка к тридцатилетию победы советского народа в Великой Отечественной войне. В годы войны с особой яркостью и полнотой выявилась животворная сила советского патриотизма и пролетарского интернационализма, всепобеждающей дружбы народов-братьев. Эту знаменательную дату трудящиеся республики стремятся встретить новыми трудовыми победами. Достоинно встретят ее и деятели литературы и искусства. К юбилею будут изданы лучшие романы, повести, произведения разных жанров, рассказывающие о беспрецедентном подвиге советского народа в борьбе за свободу и независимость нашей Родины.

Послевоенные годы — это время могучей поступи Украины в братском союзе советских республик. Новые гигантские заводы, плодородные нивы, дающие высокие урожаи, все то новое и прекрасное, что до неузнаваемости изменило испепеленную войной землю, — это результат нашего общего труда.

Недавно мне довелось побывать в славной Полтаве, которая отмечала свое восьмисотлетие. История отвела этому городу на берегу Ворсклы завидную судьбу. Ее имя прославилось не только в далеком прошлом — она, как и вся Украина, как и вся советская Отчизна, повесенному расцвела в наше социалистическое время.

На полтавской земле мы повсюду видели черты того нового, из чего складывается современный облик нашей великой Родины. И самое прекрасное, самое драгоценное, чем богата и славна сегодня полтавская земля, как и весь наш обновленный советский край, это ее люди, возвращенные партией. И рабочие, и колхозники, и интеллигенция, деятели науки и культуры, и коммунисты — вожаки, настоящие специалисты своего дела, требовательные к себе и другим, работающие с полной отдачей всех своих сил.

Я как-то об этом разговорился с первым секретарем Полтавского обкома партии Ф. Т. Моргуном, сама биография которого интересна, ярко говорит о судьбах целого поколения. Сын хлебороба, он получил высшее образование, затем поднимал целину в Казахстане, всегда стремился быть в переднем крае, не искал легких дорог. Коммунистическая убежденность, широта взглядов помогают ему глубоко видеть жизнь, осмысливать ее явления, творчески проникать в их сущность. И вовсе не было неожиданностью, что Ф. Т. Моргун, руководящий партийный работник, проявил себя и как писатель, автор содержательной книги «Хлеб и люди», получившей признание всесоюзного читателя.

Поистине сердце наполняется радостью, когда видишь сегодня, как преобразуется вся украинская земля. Значительный удельный вес нашей республики в общесоюзном производстве налагает на коммунистов, всех трудящихся Украины высокую ответственность за выполнение заданий пятилетки, за высокоэффективную работу каждой отрасли, каждого предприятия.

Политбюро ЦК Компартии Украины постоянно направляет на это усилия партийных, советских и хозяйственных органов, общественных организаций, всех трудящихся республики. Большую работу в этом направлении проводят областные, городские, районные комитеты партии и первичные партийные организации.

Задания пятилетнего плана в области промышленности по основным показателям выполняются успешно. С начала пятилетки (за три года и девять месяцев) сверх годовых планов реализовано продукции более чем на 5,2 миллиарда рублей, в том числе на 2,8 миллиарда рублей товаров народного потребления. С планами производства справились все промышленные министерства, ведомства, все области.

Выступая в Новороссийске в связи с вручением городу-герою высокой награды, товарищ Л. И. Брежнев призвал широко распространить инициативу передовиков и отдельных предприятий, борющихся за досрочное выполнение пятилетки. Этот призыв получил широкую поддержку и вылился во всенародное соревнование, принося все новые плодотворные результаты. В республике все делается для того, чтобы Директивы XXIV съезда по росту промышленного производства были выполнены в сентябре 1975 года.

С начала пятилетки в нашей республике, как и во всей стране, немало сделано для решения задачи исторической важности, поставленной XXIV съездом партии,— органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. За эти годы значительно повысился технический уровень всех отраслей промышленности, возросла энерговооруженность труда.

Комплексно механизировано и автоматизировано 3,5 тысячи цехов, участков и предприятий, введено в действие 6 тысяч механизированных, поточных и автоматических линий. Создано и освоено производство свыше трех тысяч новых, более совершенных машин, механизмов, приборов. С производства снята почти тысяча наименований устаревшей техники. На разработку и внедрение мероприятий по новой технике за три года израсходовано 2,7 миллиарда рублей — почти на 40 процентов больше, чем за предыдущие три года. Суммарный экономический эффект от внедрения новой техники уже составил 1,8 миллиарда рублей. Сэкономлен труд 1 350 тысяч человек промышленно-производственного персонала.

Последовательная и целеустремленная, научно обоснованная аграрная политика нашей партии привела к дальнейшему подъему сельскохозяйственного производства, укреплению его материально-технической базы. Магистральным направлением развития сельского хозяйства стали его специализация и концентрация, создание и совершенствование производственных объединений и аграрно-промышленных комплексов. Все это коренным образом меняет характер аграрного труда, современный облик села, все более принимающего черты городского уклада жизни.

Особенно крупный шаг сделан в годы девятой пятилетки. За четыре года капитальные вложения в сельское хозяйство составят 16 миллиардов рублей — на 16 процентов больше, чем за всю предыдущую пятилетку. Энерговооруженность труда повысится в 1,6 раза. Среднегодовые поставки минеральных удобрений возрастут более чем в

полтора раза. В оборот вводится 465 тысяч гектаров орошаемых и 534 тысячи гектаров осушенных земель. Все больший размах приобретает шефская помощь колхозам и совхозам со стороны коллективов промышленных предприятий и строительных организаций.

Все это способствует повышению темпов роста производства продуктов сельского хозяйства. Если за 1961—1965 годы среднегодовой прирост валовой продукции составил 2,2 процента, а за восьмую пятилетку — 3,4, то за истекшие три года — 4,7 процента. Общий объем валовой продукции, несмотря на недобор ее в неблагоприятном 1972 году, достиг уровня, предусмотренного на три года пятилетним планом.

В минувшем году был получен самый высокий урожай — 48,4 миллиона тонн, в закрома Родины засыпано свыше миллиарда пудов хлеба. В нынешнем году в большинстве областей также выращен хороший урожай, что дало республике возможность выполнить социалистические обязательства по производству и заготовкам одного миллиарда пудов зерна, а также подсолнечника, картофеля, овощей и других культур.

Известно, что наиболее полное удовлетворение материальных и культурных потребностей народа — высшая цель экономической политики партии. Все советские люди с большим удовлетворением отмечают, что разработанная XXIV съездом КПСС программа повышения благосостояния и культуры народа последовательно претворяется в жизнь.

В нашей республике национальный доход увеличится за четыре года почти на 26, а реальные доходы на душу населения — более чем на 19 процентов. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в этом году увеличилась против 1970 года на 13,4 процента, оплата труда колхозников — почти на 25 процентов.

Непрерывно растут общественные фонды потребления, играющие все более важную роль в улучшении народного благосостояния. Выплаты и льготы из этих фондов по республике увеличились против 1970 года на 30 процентов и составили в этом году 15,4 миллиарда рублей. Улучшено пенсионное обеспечение трудящихся, увеличены размеры стипендий. Установлен ряд дополнительных льгот для работающих женщин-матерей. Расходы на здравоохранение возросли на 13,6 процента. В результате увеличения размеров зарплаты, пенсий, стипендий, пособий и других выплат за три года текущей пятилетки в республике повышены доходы более 8 миллионам человек.

Большую заботу наша партия проявляет об улучшении жилищных условий трудящихся. В республике ежегодно выполняются планы жилищного строительства. За три года введено в эксплуатацию свыше 1 100 тысяч квартир, улучшили свои жилищные условия более 5 миллионов человек. В нынешнем году трудящиеся получили еще свыше 400 тысяч квартир. Особая забота при этом проявляется о семьях инвалидов Великой Отечественной войны и погибших воинов. Повышаются качество квартир и уровень благоустройства жилого фонда.

Все эти достижения — результат самоотверженных усилий трудящихся Украины, широко развернувшегося социалистического соревнования, чудесные плоды дружбы советских народов, руководимых ленинской партией.

На всех этапах своего развития Советская Украина ощущала и ощущает постоянную заботу Центрального Комитета КПСС и Советского правительства. Трудящиеся Украинской ССР по-сыновнему благодарны родной партии, ее Центральному Комитету за внимание и помощь, за укрепление нерушимого интернационального братства советских народов.

Одним из боевых отрядов КПСС является Коммунистическая партия Украины, у истоков создания которой стоял великий Ленин. Сейчас в своих рядах она насчитывает свыше двух с половиной миллионов коммунистов. Ныне партийные организации республики направляют свои усилия на реализацию решений XXIV съезда КПСС, на осуществление планов коммунистического созидания. Великие дела и благородные цели высоко поднимают сознание и духовное богатство наших людей, в трудовом состязании миллионов выковывается характер советского человека, рождается подлинно патриотическое понимание долга перед Родиной.

Но каким бы высоким ни был взятый очередной рубеж, мы не должны останавливаться на достигнутом. Таков закон нашей жизни. Девятая пятилетка вышла на финишную прямую. До ее завершения остался год. За это время нам предстоит выполнить большой объем работы, решить сложные и серьезные задачи. Их осуществление требует большого напряжения сил, четкой организации и дисциплины во всех звеньях производства, как говорил В. И. Ленин, «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и *бугничной* работы» (ПСС, т. 39, стр. 17—18).

* * *

Вся многогранная жизнь советских людей проникнута духом интернационализма. Чувство общенациональной гордости стало естественным чувством советского человека, государственный подход к делу — нормой социального поведения каждого труженика. Именно в совместном труде на благо Родины складываются общие, социалистические по своему внутреннему содержанию духовные качества советских людей. Эти качества присущи новому типу человека, жизненные принципы и устремления которого основаны на марксистско-ленинском мировоззрении, советском патриотизме и социалистическом интернационализме. «За годы социалистического строительства,— говорил товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе Центрального Комитета XXIV съезду партии,— в нашей стране возникла **новая историческая общность людей** — советский народ».

Двадцатый век войдет в историю человечества как век рождения новой цивилизации — коммунистической. И ее творит сегодня советский человек, человек с научным мировоззрением, богатым духовным миром и самыми благородными нравственными качествами.

В эти огромные исторические преобразования и социальные сдвиги, и прежде всего в утверждение нового типа личности в нашем обществе, большой вклад, несомненно, внесли мастера литературы и искусства, все деятели культуры. Партия всегда высоко ценила и ценит их творческий благородный труд.

Многонациональное советское искусство и советская литература, звучащие на всех языках народов СССР, имеют единую идейно-художественную направленность, выражают думы и чаяния трудящихся, дороги и понятны каждому советскому человеку. Не будет преувеличением сказать, что правдиво воссоздать действительность, вылепить реалистические, социально весомые художественные типы и характеры можно лишь при условии верного ощущения и понимания великой правды общественной жизни, осмысления ее ведущих закономерностей и тенденций.

Известно, что наше время именуют — и справедливо — также эпохой научно-технической революции. Наука, как говорил Горький, действительно «становится нервной системой нашей эпохи». Мы, коммунисты, считаем, что умелое, энергичное использование достижений науки и техники, динамичное развитие научно-технической революции

должно быть превращено в один из важнейших резервов поступательного движения развитого социалистического общества и подчинено главной цели человечества — построению коммунизма.

Партия делает все для того, чтобы наука служила удовлетворению многогранных потребностей трудящихся, всестороннему духовному, интеллектуальному и физическому их развитию. В этом все полнее раскрывается гуманистическое содержание нашего социалистического общества, что для деятелей литературы и искусства имеет исключительно важное значение и служит постоянным источником творческого вдохновения.

Практическое решение величественных задач коммунистического строительства, последовательное воплощение в жизнь марксистско-ленинских идеалов питает нашу философию социального оптимизма, глубокую уверенность народа в исторической правоте сегодняшних и будущих его свершений. Успехи стран социалистического содружества, победное шествие коммунистических идей по планете являются неоспоримым подтверждением неодолимости нашего дела, величия и глубокой человечности марксизма-ленинизма.

Превращение труда каждого человека в неотъемлемую часть коллективного труда, гармоническое сочетание целей личности и общества и создание на этой основе широкого простора для всесторонней реализации способностей и талантов миллионов людей — в этом ныне наиболее полно проявляется гуманистическое содержание, революционное могущество социализма.

* * *

Известно, что ни одна объективно действующая социальная закономерность не реализуется автоматически, сама собой. Вот почему наша партия всегда глубоко анализирует, направляет общественные процессы, в том числе и процессы формирования общественного сознания. Вопросам литературы и искусства, работе творческих союзов постоянное внимание уделяют партийные организации и нашей республики. Они видят свой долг в том, чтобы помогать художественной интеллигенции еще глубже осмысливать постоянно обогащающиеся процессы экономической и духовной жизни народа, создавать все условия для полного и всестороннего развития каждого таланта. Мы стремимся к тому, чтобы руководство художественным процессом носило творческий, демократический характер, отличалось высоким уровнем компетентности и понимания специфики труда художника и было направлено на поддержку всего подлинно талантливого и общественно полезного, на принципиальную борьбу со всем, что чуждо духу и целям советского общества.

Усилия художественной интеллигенции ныне сосредоточиваются на решении важнейших идейно-творческих задач. В частности, вопросы развития литературы и искусства в республике были всесторонне рассмотрены на майском (1974) Пленуме ЦК Компартии Украины, обсудившем задачи партийных организаций по дальнейшему совершенствованию идеологической работы в свете решений XXIV съезда КПСС. Актуальные вопросы современного литературного процесса, развивающегося на основе метода социалистического реализма, принципы партийности и народности, находились в центре внимания объединенного пленума творческих союзов и обществ республики. В его работе приняли участие ведущие писатели и деятели искусства, секретари партийных организаций творческих союзов, республиканских театрално-концертных учреждений и художественных коллективов, партийные работники. Выступления мастеров литературы и искусства засвидетельствовали их идейно-политическую зрелость,

их стремление создать новые высокохудожественные произведения о современности, быть надежными помощниками партии в коммунистическом воспитании советских людей.

Украинская советская литература и искусство сегодня, как и культура других братских народов,— явление всесоюзного значения. Хорошо известны советским читателям произведения современных украинских писателей О. Гончара, М. Стельмаха, М. Бажана, П. Загребельного, Ю. Збанацкого, В. Козаченко и многих других. Художественные коллективы достойно представляют республику как в Союзе, так и за рубежом. Лучшие произведения украинской советской литературы и искусства отмечены социально весомой проблематикой, масштабностью изображения, проникнуты духом социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма.

В последнее время в республике больше внимания уделяется повышению идейности и профессионального уровня творчества, усилению ответственности каждого писателя и деятеля искусства за свой труд, заботе об укреплении связей творческой интеллигенции с практикой коммунистического строительства. «Чем теснее связь художника со всей многогранной жизнью советского народа,— справедливо подчеркивал Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— тем вернее путь к творческим достижениям и удачам». В органической связи литературы и искусства с жизнью народа, в поэтической углубленности художника в многогранный духовный мир современника — мир его трудовых свершений, чаяний и стремлений — заложен вечный источник постоянного развития и обогащения правдивого художественного слова.

Ныне рождаются и развиваются разнообразные формы укрепления творческого содружества художественных и производственных коллективов. Как и в других республиках, у нас заключаются договоры на творческое содружество, проводятся творческие отчеты художников перед трудовыми коллективами, установлены премии, которыми отмечаются лучшие произведения литературы и искусства. Повышается организаторская роль творческих союзов, активизируется работа их первичных партийных организаций.

На многих примерах можно видеть, как установление непосредственных контактов художника с трудовыми коллективами обогащает его жизненными впечатлениями, расширяет тематику, помогает создавать правдивые образы наших современников. Особое значение это приобретает в наши дни, во время всенародной борьбы за выполнение исторических решений XXIV съезда КПСС.

Литература и искусство социалистического реализма изображают советского человека носителем высшего — социалистического образа жизни, передовых общественно-политических, моральных и эстетических идеалов. Герой нашего времени — самоотверженный труженик и интеллигент в наивысшем смысле этого слова, активная сила, стоящая на передовых позициях социальных и научно-технических свершений. Он широкообразованный и высококвалифицированный создатель материальных и духовных ценностей общества — одним словом, творец современной культуры. В его жизни и труде раскрывается вся сложность, новизна и красота нового, самого прогрессивного человека эпохи. Образ нашего современника — человека глубоких коммунистических убеждений и большой социальной активности — по праву все полнее находит воплощение в литературе и искусстве.

Однако в деятельности отдельных художников встречаются и творческие неудачи, художественные просчеты, а порой и идейные срывы. Анализ этих явлений еще и еще раз подтверждает мысль о том, в какой большой, во многих случаях решающей, мере успех или

неудача мастера искусства определяются глубиной и характером его связи с действительностью, степенью его партийного, гражданского участия в общественно-политической жизни народа. Помогая партии в нравственном воспитании трудящихся, деятели литературы и искусства, в свою очередь, учатся у передовых людей рабочего класса и колхозного крестьянства, вырабатывают у себя высокие гражданские качества.

Разумеется, отдельные просчеты и срывы, о которых идет речь, нельзя правильно понять без учета, так сказать, факторов внешнего плана, идеологических диверсий, осуществляемых зарубежными антикоммунистическими центрами. Хорошо известно, что обществу, давно утратившему позитивные духовные ценности и идеалы,— буржуазному обществу, где труженик является прежде всего объектом эксплуатации, словно воздух необходимы произведения, которые хотя бы еще на время охраняли частнособственнические устои, пригласили в людях стремление к свободе, идейно и морально обезоруживали трудящиеся массы. С этой целью на Западе, с одной стороны, широко насаждается так называемая массовая культура, рассчитанная на формирование потребительских стремлений и обывательского сознания. С другой стороны, не прекращается поток произведений, проникнутых настроениями «отчуждения», пессимизма, страха и отчаяния, полного одиночества человека в «индустриальном» обществе. Исчезновение героя в таких произведениях, как правило, связано с утратой гуманистических идеалов, с проповедью антагонизма между личностью и обществом, искусством и жизнью, с призывом к художникам находиться вне баррикад, парить «над схваткой» социально-классовых сражений. А такое мировоззрение — свидетельств тому много — всегда деформирует эстетические взгляды, обрекает художника на социальную пассивность, беспомощность и в конечном счете творческие поражения.

К сожалению отдельным писателям не удается в полной мере противостоять идущей с Запада тлетворной духовной пище. Иные, падкие на лесть и похвалы буржуазной прессы, теряют способность отличить истинное от ложного, подлинное от фальшивого. Судьбе таких людей, если они вовремя не опомнятся, не позавидуешь: порывая связь с народом, художник рано или поздно порывает с искусством.

* * *

Изображение современности, так же как и событий из истории Советского государства, теснейшим образом связано с показом и утверждением революционной роли рабочего класса в становлении социалистического общества, глубоким проникновением в социальную психологию рабочего человека. Невозможно даже представить, чтобы литература, рожденная в процессе подготовки и победного свершения пролетарской революции, революцией ради счастья трудового человека, могла быть пассивной по отношению к тем историческим преобразованиям, которые происходят в сфере трудовой деятельности людей. Не случайно Максим Горький, который в своем творчестве связывал тему труда с осмыслением путей революционной борьбы, отмечал, что основным героем наших книг писатели должны избрать труд, а самым необходимым человеком на Земле должен стать человек, организованный процессами труда, вооруженный могуществом современной техники, человек, который, в свою очередь, возводит труд в степень искусства.

Эти слова особенно убедительно звучат в настоящее время. Мы являемся свидетелями знаменательного процесса, когда социальный и научно-технический прогресс все больше влияет на формирование

новой психологии, морали советского человека. Можно утверждать, что это влияние охватило ныне все сферы его трудовой, общественной и личной, эстетической и нравственной жизни.

Социалистический труд в широком понимании стал ныне категорией эстетической, сферой творческого самовыражения человека, небывалого возрастания социальной ценности личности. Наблюдаемое нами повсюду превращение труда человека в основной показатель его гражданского и нравственного достоинства привлекает в наше время усиленное внимание не только писателей, работников искусства, но также и философов, психологов, социологов. Современная психология, к примеру, углубленно изучает внутренний мир человека труда, систему его поведения в связи с автоматизацией производства и другими изменениями в производственных процессах. На современных предприятиях все чаще появляются новые должности — социолог, психолог. Надо ли говорить, как важно именно писателю, художнику знать и понимать психологию своих современников и ее связи со всем духовным обликом человека.

Известно, что новая литература рождается с новым героем. Его выдвигает сама жизнь. Поддерживая и возвышая лучшие черты передовых людей, литература тем самым активно содействует дальнейшему росту, формированию ценнейших человеческих качеств, необходимых строителям коммунистического общества и всему человечеству. Вот почему так важно, чтобы наши писатели не только стояли на уровне социального, научно-технического и духовного прогресса советского общества, но и шли впереди читателя в понимании и отражении общественных явлений и процессов. Только при этом условии литература может быть с веком наравне, только при этом условии она сумеет достойно воплотить образ героя наших дней, еще глубже воспеть духовный взлет и нравственное величие гражданина нашей страны.

У нас много говорят об образе рабочего в литературе. И это вполне объяснимо, поскольку речь идет о герое, воплощающем лучшие черты нашего современника. Многие сетуют на то, что рабочей теме у нас «не везет», что художники мало уделяют ей внимания. Видимо, речь идет о хороших произведениях о рабочем классе, в которых мы действительно испытываем недостаток. Ибо вообще на эти темы пишут немало.

Тема рабочего класса как магистральная тема литературы социалистического реализма все больше привлекает внимание украинских писателей и старшего и младшего поколений. Уместно напомнить и о том, что литература наша имеет большие традиции в отображении человека труда. Ее давней, вполне оправдавшей себя традицией является и раскрытие поэзии, романтики социалистического труда. В период автоматизации и компьютеров люди испытывают особую потребность в глубоком и содержательном отражении его нравственных и эстетических истоков.

Хотелось бы, чтобы наши писатели и критики увереннее брались за разработку общественных проблем, связанных с научно-технической революцией, глубже изучали сложные современные социальные процессы. Понятно, что поэзия творческого труда не в производственной технологии — нередко авторы этим чрезмерно увлекаются, — но прежде всего в отношении человека к труду, к коллективу, где он выявляет свои высшие духовные качества. Для искусства важно понять и передать, как труд «перерастает в красоту», — только здесь художника ждут подлинные открытия. Описания технологии и машин, даже самых совершенных и интересных самих по себе, не должны заслонять человека, ибо литература — это человековедение и

обществоведение. Тем более важно помнить об этом, поскольку вокруг всех этих вопросов сегодня в мире ведется напряженная идеологическая борьба.

Советской литературе чужда фетишизация техники. Вместе с тем вполне естественно, что высокосовременная и соответственно «оформленная», полная рационального смысла машина является для человека, работающего на ней, также источником эстетической радости.

Современный передовой рабочий все больше занят управлением сложными технологическими процессами и механизмами, все чаще выполняет по существу функции техника и инженера. После работы он, как правило, учится в вечернем институте или техникуме, в той или иной форме повышает свой культурно-технический уровень. В Донбассе, скажем, немало примеров, когда сегодняшний рабочий завтра получает диплом инженера, становится рационализатором и проводником новых технических идей. Это еще один убедительный факт стирания граней между трудом физическим и умственным. Со всем этим нельзя не считаться ни политику, ни экономисту, ни художнику.

Многим нашим писателям до сих пор трудно дается изображение людей в трудовом коллективе, который, как известно, является основной ячейкой нашего общества. А здесь, в трудовом коллективе любого нашего предприятия, хозяйства, учреждения,— напряженная и богатая внутренняя жизнь, сложно разветвленные взаимоотношения людей, объединенных общими интересами, сознанием своего долга перед социалистическим обществом. Наша задача, как указывается в недавнем постановлении ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»,— добиваться, чтобы каждый трудовой коллектив выступал как носитель «высокой политической сознательности, социалистической дисциплины труда и организованности, непримиримо боролся против проявлений стяжательства, пьянства, хулиганства и других антиобщественных поступков». Это должно послужить еще одним напоминанием писателям и всем мастерам искусства о необходимости постоянного внимания к психологическим процессам, происходящим в жизни трудовых коллективов, к многообразным конфликтам, в которых преобладают остатки собственнической, эгоистической психологии, мещанских, обывательских взглядов.

Если же говорить об отображении в украинской литературе «трудов и дней» наших хлеборобов, характер деятельности которых теперь приближает их к промышленным рабочим, то читательский счет к писателям здесь будет не менее значительным. Ведь за последние годы неузнаваемо изменилось село, его культура и быт. Может быть, на примере колхозного села особенно наглядно видны плоды научно-технического прогресса, ощутимы глубинные результаты стирания различий между городом и деревней. В селе появляются все новые и новые профессии. Современное сельскохозяйственное производство требует самых совершенных машин, умелых и талантливых людей. Глубокие преобразования в селе проявляются и в новом отношении людей к труду, в новом понимании ими общественно-го и личного, в государственном подходе к делу.

Украинская литература всегда была внимательной к людям села. Однако это не дает никаких оснований рассматривать ее как литературу «сельскую». Украинские буржуазные националисты за рубежом из года в год трубят, будто украинская нация исключительно «крестьянская» и литература ее тоже «крестьянская», будто рабочий класс — нечто неестественное для нее. Никак не могут они смириться с тем,

что благодаря Великому Октябрю наша республика стала одной из передовых индустриальных республик и что социалистический строй неузнаваемо изменил жизнь и сознание как человека города, так и человека села, все более сближая их, создавая единый духовный тип строителя коммунизма.

От романа «Бурьян» А. Головки и до таких произведений послевоенных лет, как «Большая родня» М. Стельмаха, на всех этапах своего развития украинская советская литература раскрывала сложный путь становления характера колхозного крестьянства, показывала, как социальный, научно-технический, культурный прогресс изменял лицо того села, в котором господствовала «власть земли», как человек приобретал «власть над землей».

Процесс этот был длительным, нередко драматичным, и только глубокое знание жизни помогло писателям создавать типические характеры тружеников земли. Надо, однако, признать, что ярких типических характеров, воплощающих черты и качества передовых людей современного села, явно недостает украинской литературе последних лет. Мы знаем — наши писатели дружат с такими замечательными героями и организаторами социалистического производства в сельском хозяйстве, как Александр Гиталов или Мария Савченко, что они хранят крепкую и благодарную память об Александре Бузницком, Макаре Посмитном, Федоре Дубковецком. Будем надеяться, что правдивые и высокохудожественные образы людей такого масштаба, такой гражданской и нравственной высоты займут достойное место в новых произведениях украинской прозы, поэзии, драматургии.

Сегодня в огромный, волнующий мир прекрасного пришел не только герой, создающий невиданные ранее материальные ценности. Пришел герой, помогающий создавать эти ценности познавательной, исследовательской работой своей мысли, герой, без которого литература уже не может претендовать на полноту изображения всей многогранности нашей жизни. Речь идет о человеке науки. И, что особенно хочется подчеркнуть, целеустремленность, красота, творческий характер труда ученого полнее и ярче раскрываются тогда, когда ученый выступает в живом сотрудничестве с рабочим и колхозником, с людьми практического дела. Думается, что о людях науки, ставшей в наше время могучей производительной силой, об их сотрудничестве с людьми индустриального и сельскохозяйственного труда, об увлекательных и сложных путях их творческих поисков украинская литература еще скажет свое яркое слово — в развитие того, что уже сделано.

Иногда можно услышать, будто с ускорением перемен в производстве и в быту, уплотнением потока научной, технической и другой информации и т. д. обедняется мир человеческих чувств, притупляется эмоциональная отзывчивость человека к людям, обществу, природе. Мы с этим не можем согласиться и искренне радуемся, когда наши художники воспевают любовь, материнство, природу, высокую поэзию души, полноту человеческой жизни. В конце концов, эту работу можно считать и большим политическим делом, ибо кому как не нам, советским людям, надлежит отстоять гуманистические ценности человечества от разрушения их и буржуазным образом жизни и порожденным им искусством.

* * *

Связь художника с советской действительностью, верность идеалам коммунизма обеспечивают ему безграничные возможности и лишают только одного права — права писать бесстрастно, скудно, серо.

Высокая социальная роль художественного слова в наше время неизмеримо поднимает ответственность художника перед обществом. Ведь литература и искусство, как, пожалуй, никакая другая форма общественного сознания, особо зримо выражают глубоко человеческую, общественную меру ощущения и понимания окружающего мира. Они, так сказать, воспроизводят саму эту меру, формируют и воспитывают универсальную способность — творить мир «по законам красоты», заставляют звучать струны человеческой души, непосредственно связанные с эмоциями, нравственностью и сознанием. В ярких художественных образах раскрыть дела и помыслы современника, величие его духа и героизм свершений — такая творческая цель может сравниться с этой, если перед нами действительно талантливый и честный художник, если он стремится к подлинной, а не мнимой творческой свободе.

Большую роль в направлении творческого процесса играет литературно-художественная критика. В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» широко и масштабно определены ее задачи на современном этапе, раскрыто ее значение в создании коммунистической культуры.

Нынешнее состояние критики дает определенные основания говорить об общем ее оживлении, дальнейшем укреплении ее методологических позиций. Интересы критики все более сосредоточиваются на главных проблемах литературного процесса, в частности таких, как идейное и эстетическое содержание принципов партийности и народности искусства, конкретно-исторический подход к изображению действительности, диалектика интернационального и национального, растущее сближение и взаимообогащение культур. Все это позволяет критике активнее влиять на современный литературный процесс и формирование высоких художественных вкусов и запросов читателей.

Однако общий уровень литературно-художественной критики, как нам кажется, все еще не вполне отвечает высоким современным задачам и требованиям. Ей недостает постоянной целенаправленности в решении актуальных проблем. Еще мало, например, печатается серьезных, подлинно исследовательских работ, обобщающих опыт советской литературы как части единого процесса развития культуры, раскрывающих ее значение в формировании коммунистического сознания людей. То же самое можно сказать об исследовании проблем межнационального обмена духовными ценностями. Очевидно, критика постоянно должна держать в поле своего зрения вопросы, связанные с ролью художественной литературы в формировании и развитии новой исторической общности людей — советского народа.

Изучая плодотворные процессы сближения литератур социалистических наций, литературная критика призвана глубоко раскрывать то исключительно большое значение, какое имела и имеет для развития литературы каждого народа нашей Отчизны великая русская литература, творчество таких ее гигантов, как Пушкин и Толстой, Горький и Маяковский. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть важную роль русского языка во взаимообогащении советских наций и народностей, в приобщении их к сокровищнице мировой культуры, языка, добровольно избранного нациями и народностями нашей страны как средство межнационального общения.

Литературная критика, естественно, должна быть подлинным голосом самого народа, неустанно напоминающим о высоком назначении писательского труда и высокой ответственности за него, за его идейное и художественное качество, выступать гражданской совестью нашей культуры. Критик, как и писатель, также инженер че-

ловеческих душ, и главная его забота состоит в том, чтобы замечательные художественные ценности, созданные и создаваемые литературой социалистического реализма, доходили до глубин читательского сознания, приводя, по выражению В. Маяковского, «в движение миллионы сердца».

Добрые семена, зароненные в обширную творческую ниву дыханием времени, подчас прорастают еще медленно и не скоро дают ожидаемые всходы. Вот почему нам необходима терпеливая, вдумчивая работа, особенно с творческой молодежью. Мы обязаны помогать политическому и нравственному становлению художника, заботиться о том, чтобы все молодые художники, как и мастера старших поколений, неизменно руководствовались ленинскими принципами коммунистической партийности и народности литературы, умели с четких классовых, глубоко принципиальных позиций освещать как явления современности, так и исторические события прошлого.

У нас в республике, особенно в последнее время, в этом направлении проводится значительная работа. В апреле этого года в Киеве состоялось республиканское совещание молодых литераторов, на котором шел деловой, обстоятельный разговор о задачах современного литературного процесса, вытекающих из решений XXIV съезда КПСС, о гражданском долге писателя, его идейной закалке, активном участии в коммунистическом строительстве, о проблемах художественного мастерства. И само совещание, и выработанные Союзом писателей республики совместно с ЦК ЛКСМ Украины конкретные рекомендации безусловно будут способствовать дальнейшему профессиональному росту творческой молодежи, ее воспитанию в духе глубокой преданности идеалам Коммунистической партии, великой советской Родине.

* * *

Советские люди уверенно, с оптимизмом смотрят в будущее. Политическая обстановка в нашей республике, как и во всей стране, характеризуется тесной сплоченностью народа вокруг ленинской партии, мощным подъемом производственной и политической активности трудящихся в борьбе за выполнение решений XXIV съезда КПСС.

Каждый день приближает нас к очередному XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. Партийные организации, все трудовые коллективы многое сделали и делают для разработки всесторонне и глубоко обоснованных встречных планов и социалистических обязательств, тщательно готовятся к большому, напряженному труду в 1975 году. Это и понятно. Ведь именно по показателям будущего года мы будем отчитываться на очередном съезде партии, и достигнутый уровень будет базой для десятой пятилетки. Вот почему борьба за успешное выполнение народнохозяйственных планов и обязательств стала боевым девизом всех участников социалистического соревнования.

МИКОЛА БАЖАН

★

ВЕЧЕР 24 ОКТЯБРЯ

Чуть слышно он приотворяет дверь
И вслушивается. Нет ни души теперь.
Мерцанье электрической спирали
Не разгоняет темень. Не пора ли
Идти? Ползут ступени в полутьму.
Пора идти. Пора идти ему:
По всей земле, по всей планетной шири,
Туда, где надвигается гроза,
Оставив на столе в пустой квартире
Записку, чтобы бросилась в глаза
Хозяйке. Пусть увидит, в самом деле,
И попытается его постичь!
«Ушел туда, куда вы не хотели,
Чтобы я уходил». И росчерком: «Ильич».

Не мешкая, вниз по ступеням круто,
Схватив помятую кепчонку чью-то,
Надев пальто потертое... Один,
Второй и третий марш, потом — полого...
И даже Рахья¹, молчаливый финн,
Вдруг буркнет укоризненно и строго,
Что очень просто голову сломать
На этих чертовых ступеньках можно.
Что ж, пусть бурчит! Он — человек надежный.
Все будет хорошо. Шагать, шагаты!
Всенепрерённо все пойдет на лад.
И этой ночью, в этот миг суровый,
Они вдвоем пройдут сквозь Петроград,
Сквозь революционный, предгрозовый.

И вступят в Смольный. Там его друзья.
Товарищи. Настал последний срок.
Миг напряженья. Больше ждать нельзя.
Пришла пора переступить порог.
И в сердце ощутив сил небывалых сдвиг,
Неся в себе миллиард всечеловечьих вольт,
Идет сквозь Петроград как через материк
На свой бессонный пост, где гроз вселенских пульт.

Тягуче льется даль. Тягуче длится час.
Заборы. Ветер. Снег. Фонарь над головой.

¹ Эйна Рахья — большевик, сопровождавший Ленина в эту ночь.

Вот грохот вдруг возник, рассыпался, угас,
 А вот во весь опор промчался верховой.
 И расступаются проспекты и дома,
 Разводятся мосты, вздымаются во тьму.
 Ему велит идти История сама,
 Ничто, никто пути не преградит ему.
 Он мягко отстранит прохожих суету.
 Расступится толпа военных на мосту.
 Солдаты путь дадут. Пройдет он, расправ
 Назойливый галдеж крикливых конкеров;
 И он увидит, как, сияюще остры,
 У Смольного цветут высокие костры.
 И он, взволнованный, на площадь выйдет вдруг
 И, шурясь, поглядит на свет из-под руки:
 Народ, народ, народ, народ шумит вокруг,
 Облеплены людьми, гремят броневики.
 Бьет в небо низкое багровый блеск костров.
 Орудья у ворот. Народ гудит, суров.
 Но смолкнет вдруг людской водоворот.
 На миг расступятся стальные патрули,
 В штаб Революции уверенно войдет
 Ее великий вождь, бессмертный сын земли.

Перевел АЛЕКСАНДР ГОЛЕМБА.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДИМИТРОВЕ

Он с нами шел, еще наполнен гулом,
 Тем гомоном прекрасным и могучим,
 Каким его на площади встречала
 Ликующая шумная толпа.
 Он с нами шел, и радость в нем играла,
 И буйно билась, и ключом кипела,
 В глазах сияла, на устах светилась
 И пряталась под темными усами,
 Выплескиваясь из-под них усмешкой.

Он с нами шел, еще не наглядевшись
 На краски человеческого потока,
 Что золотом, багрянцем, синевою,
 Неукротимым радужным цветеньем,
 Весенним бело-розовым расцветом
 По многозвучным улицам Софии
 Струился бесконечно вдоль трибуны.
 Он жадно, щедро и самозабвенно
 Душой вливался бы в другие души,
 Тонул бы взглядом в каждом добром взгляде,
 И пожимал бы трудовые руки,
 И всех детишек к сердцу бы прижал.
 Ведь это шли его родные люди,
 Его народ, свободный и красивый.
 Страна справляла торжество свободы,
 Болгарского раскованного слова,
 Болгарского старинного писанья
 В день, посвященный письменности, в день

Кирилла и Мефодия. Народ
 Впервые за минувшие столетья
 Слил воедино слово и свободу
 В один высокий, славный, неделимый,
 Победный, светлый, всемогущий гимн.
 Он с нами шел. Нас — несколько посланцев
 На праздник из Советского Союза,
 И все мы, так же как и наш хозяин,
 Растроганно, взволнованно, счастливо
 По парку шли вослед за Димитровым,
 В порывистую вслушиваясь речь.

Цвели сереброствольные платаны,
 Веселой рябью запятнав аллею,
 Серебряно дрозды перекликались,
 Серебряно поблескивали нити
 Седых волос, как бы вплетенных в волны
 Откинутой свободно львиной гривы.
 Он шел стремительно. Он счастье нес в себе.
 Светился победительно силой
 Красивого болгарского мужчины,
 Отважного, запальчивого мужа
 Больших советов и великих битв.

Он говорил. Души его волнение
 И страстность Прометеева его
 Ложились рассудительно и мудро
 В простые неприкрашенные фразы
 Из точных и прямых, непышных слов,
 Таких же беспредельно человеческих,
 Как этот человеческий человек,
 Который стал за жизнь свою легендой,
 Но памятником собственным не стал.

Он говорил о чудотворстве слова,
 О письменности несравненной силе,
 О свете поэтического взлета
 И о стихах, насущных точно хлеб.
 Употребляя имена родные,
 Он их назвал созвездьем побратимства —
 Мятежный Ботев, Пушкин и Шевченко,
 Предвестники той радости великой,
 Когда народы, позабыв раздоры,
 Одной семьей станут. Он сказал,
 Что счета нету им, искристым граням
 Прекрасного алмаза языка,
 Который чист и тверд, как дух народа,
 Затем, что он рожден в его глубинах,
 В них разгорелся, спекся, прояснился,
 Набрался силы тот алмаз священный,
 Примета и прикраса всех племен.

Я ликовал, прислушиваясь к речи,
 Что гордо раздавалась вокруг меня,
 Предчувствуя, каким широким светом
 Пойдет греметь торжественный язык,
 Написанный узорами Кирилла

На пурпуре развернутых знамен.
 Когда за стол, украшенный цветами,
 Уселась мы, чтобы отметить праздник,
 Он поднялся, вином наполнил кубок,
 И вспыхнуло костром оно в кристалле,
 Поднял его и осушил до дна
 За слово нашей правды человечей,
 Святой навеки и простой навеки,
 Как свет, как жизнь, как воздух, как свобода.

1972.

КЛАРNET ТЫЧИНЫ

Поклоняюсь высокому слову,
 сказанному поэтом,
 Гимну дерзких стремлений,
 песне далекой цели.
 В рифму поток струится.
 Игры лучей — как трели.
 Солнечный праздник утра
 чисто воспет кларнетом.
 Многоязычная гамма,
 симфония мировая —
 В ней не молкнет голос Тычины,
 кларнет светозарный и вещей.
 Людям, умеющим слышать,
 нежность его живая
 Над человеческим сердцем,
 как жаворонок, трепещет.
 И сколько бы мне ни слушать
 гомон, звучащий в мире,
 Я слышу в нем постоянно
 голос поэта-провидца.
 Он наполняет душу —
 и душа становится шире,
 Когда небывалой зарею
 едва начинают птицы.
 В те дни, когда земли гудели,
 смещались оси планеты,
 Вихрились в бурях дороги,
 кипели в душах пучины,
 О, как же мне было нужно
 певучее слово Тычины
 И как меня словом пронзили,
 учитель, ваши кларнеты!
 Дано им звучать органом
 во храме, людям открытом,
 Осанной дневному сиянью,
 эхом бездонной сферы,
 Как и надлежит вдохновенным
 провидцам космической зры,
 Певучим спутникам мира,
 летящим по вечным орбитам.

1973.

Перевела М. АЛИГЕР.

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

★

СОН О БАРРИКАДЕ

На ста крестах,
На ста кострах распятый,
Не умирал истерзанный мой край —
И день и ночь
Сожженной каждой хатой
Он мне кричал беззвучно: «Покарай!..»
Фашистский стан — в броне. Броня что надо.
Губных гармоник музыка текла...
А Ковпаку
Приснилась баррикада,
Где против роты вражьей — два ствола,
Где против ста винтовок, против строя
У большинства — булыжники одни.
И все же баррикада, насмерть стоя,
Держалась в предоктябрьские дни!
«Такой вот, хлопцы, сон.
К чему бы это?..»
И, забывая про неравность сил,
Мы к шляху вновь ползли в дыму рассвета —
И, подорвавшись, «тигр» предсмертно выл...
На ста крестах,
На ста кострах распятый,
Глубокой болью был мой край объят.
Но вещей сон грозил врагу расплатой,
И ненависть росла,
И рос отряд.

* * *

Ощущенье — как ток:
У меня за плечами
Что-то новое, странное, взора не пряча,
Тихо-тихо стоит и сияет очами,
Что ни знают ни смерти, ни смеха, ни плача.
Но как только решусь
Обернуться на свет его —
Свет мой давний в него перельется, горяч,
И в глазах у возникшего нового этого
Будет смерть,
Будет смех,
Будет плач.

В ДОМЕ У ХУДОЖНИКА

Был, видать, счастливей всех мгновений
 Миг, когда умелою рукой
 Вынес он на холст
 Рассвет весенний
 С буйною, раскованной рекой.

Взвоят осень, листья обрывая,
 Но не так уж будет и горька:
 Вот он, холст,
 И вот она — живая,
 Навсегда весенняя река.

* * *

А. Коломыйцу¹.

Нужна ли мне мудрость?
 Наверно, не очень.
 И так намудрили — аж стонет планета...
 Не разумом я, а душой озабочен:
 Ей мнится, крылатой, что ждут ее где-то.
 Лишь ей я и верю,
 В полет свой готовясь
 Не к смутному шару, что Марсом зовется,
 А к ясной планете по имени Совесть,
 Пускай и не в качестве первопроходца.

ДРОВА

Лежат дрова у тына во дворе.
 Их лето жгло,
 Их осень полоскала,
 Да и зима ветрами не ласкала —
 Все корку льда лепила к их коре.
 Чем так, уж лучше в печку бы, в огонь;
 Пусть мелочь, но ведь с корня, не валежник!..
 И вдруг по ним — волшебная ладонь:
 Стоит, смеясь, весна,
 В губах — подснежник.
 И в цвет пошли дрова, дубкам под стать —
 Где два, где три проклюнулось листочка...

«Еще сырые», — говорила мать.
 «Еще живые!» — говорила дочка.

Перевел ВАЛЕНТИН КОРЧАГИН.

¹ Известный украинский драматург.

МИХАЙЛО СТЕЛЬМАХ

Пусть вновь годам тем не прийти,
Когда с волнением ждешь свиданья,
Но это не конец пути,
Не смутный призрак угасанья.

Здесь только день высокий твой,
И в полном слове думы зрелость,
И песенный разлив иной,
Да и любви иная прелесть,

Когда ты свой посев готов
Отдать другим своею волей,
Сказав устами колосков:
— Я счастлив, люди, вашей долей!

АЛЕКСАНДРУ ДОВЖЕНКО

Наш хлеб — он пополам с грозью,
С огнем, что правил свой кутеж:
И не было земле покоя,
И небу — то ж, и слову — то ж!

И мастер потому в дозоре
Встал на меже добра и зла,
Чтобы не тлен, а луч во взоре
Душа живая пронесла.

Вглядись в довженковские очи —
В них бури века залегли,
Они народам мир пророчат
Из сплава сердца и земли.

НА РАССВЕТЕ

Все краше небо спозаранку,
Все больше ширятся разливы,
От сада ивы-подольянки
Идут к дуброве боязливо.

Глядишь — и ветер нежит ниву,
Горят в ресницах желтых росы —
Июнь проходит хлопотливо
И молоко полям разносит.

А там июль отточит косы
И в копны сложит рожь-пшеницу,

И август вдруг запылится
И позовет подругу осень.

Она зажжет багрянцем ветви,
Орешки в зарослях качая..
Пока ж — июнь идет в расцвете
Дорогами родного края.

* * *

На желтых пожнях бродят гуси,
И над ботвою вьется дым,
И груша скорбною бабусей
Стоит над шляхом вековым.

С ветвей ее листва стекает
Слезой в плаче золотом,
Все четче поле вытемняет
Пути, омытые дождем.

Прозрачнее над ними просинь,
Курлычут стаи журавлей..
А мне сдается, что не осень,
А счастье ходит средь полей!

* * *

Приходят дни, уходят годы,
Как грусть-печаль согбенных вдов,
Все, что приходит, — все уходит,
И не проходит лишь любовь,
Коль недомыслие иль зло
Не поломают ей крыло.
Жалей крыло. Жалей крыло.

Меж звездами летает птица,
Любуйся ею — не стреляй,
Не то в свою звезду-зарницу
Ударишь насмерть невзначай.
Ты вдовьи судьбы вспомнишь вновь,
Когда уйдет твоя любовь.
Жалей крыло — не бей в любовь!

* * *

Как синяя птица из сказки,
На травы спускается вечер,
Росинки блестят на ресницах метлицы,
И зорька купаться заходит в реку.

Приникнув к земле, притихает дорога,
Пропахшая рожью, снопами и солнцем,
И в роскоши лета тут кто-то идет,
На плечи собирающий звездную пыль.

Перевел ЮРИЙ САЕНКО.

ДМИТРО ПАВЛЫЧКО

★

ТРАКТОРИСТ

И день и ночь под солнцем и в тумане
Шумит его многолемешный плуг.
Уже Земля пошла на третий круг,
Как он не спит на этом дальнем стане.

И меркнет взгляд, и голова в дурмане,
На рычаге дрожит рука. Вокруг
Поля дрожат, качаются... И вдруг
Уже он в космосе, в ракетоплане.

Полет его стремителен... Куда
И для чего — когда зерно пшеницы
Таит загадок больше, чем звезда?..

Проснулся — и лицо его искрится
Улыбкой счастья. И опять страда
Бушует и земля в отвал ложится.

БЕРЕЗА

Не то стоит, не то идет в ложину
Она, как мать — сквозь озимь — из села...
Береза, ты откуда забрела,
Какую принесла сюда кручину?

А может быть, и впрямь на Украину
Из-под Москвы или из-под Орла,
Как песня колыбельная, пришла
Ты к павшему в бою с врагами сыну?..

В прозрачный полдень вижу я опять,
Как руки твои тянутся сухие,
Как тихих слез не можешь ты унять...

О праведная женщина России!
Калины сын, тебя я от стихии
Укрою небом, как родную мать.

ОТЕЦ

Почудился копытный перебор...
Уж не отец ли подъезжает к дому?
Тревогой совесть перебила дрему,
Как для допроса, вызвала во двор.

Горит в ракетах инея узор.
Никто не едет по селу пустому...
Отец! Исполнен каменной истомы,
Лежишь ты, как сгоревший метеор.

А мне всю жизнь без устали стараться
До этой мудрой доброты дозреть
И до вершин твоих трудов добраться...

Дай мне слова, что звонки, словно медь,
И в лужах не успели извальяться!
В огне высокой цели дай сгореть!

Перевел Б. КОСЕНКОВ.

АЛЕКСАНДР БЫЛИНОВ

★

НАСЛЕДНИКИ

1

Не знаю, точно ли так было в те далекие времена... Только видится длинный дощатый барак, почерневший от степных ветров и дождей, заводские ворота, толпа в серых свитках, с котомками, баулами, в лаптях, ждущая как откровения божьего приемщика от администрации нового здесь, в Екатеринославе, Александровского Южно-русского железоделательного и железопрокатного завода Брянского акционерного общества. «Издали колоссальные трубы и печи завода, окрашенные в черный цвет, являют вид башенного броненосца, возвышавшегося среди свободной песчаной площади в несколько десятков десятин...— писал репортер екатеринославского «Листка».— На обширной площади, отгороженной ныне под заводские сооружения, заложен фундамент сталелитейного завода, здание которого готовится из железа на Брянском заводе и будет доставлено водой по Днепру».

...Видятся трое парней у проходных. Робеют, не подозревая, какая высокая судьба уготована каждому. Они почти в одно время прибились к этим днепровским берегам.

Один из них десятилетия спустя станет президентом Украинской Советской Социалистической Республики, другой — великим доменщиком России, третий — видным умельцем по чугуну, обер-мастером, членом правительства, отцом славной династии металлургов.

Петровский, Курако, Лихорадов...

Пятерых своих сыновей провел затем Иван Тихонович Лихорадов, бедняк из села Раковичи на Орловщине, через проходные ворота завода. Но если бы кто-нибудь в те дни, когда топтался он вместе с другими у ворот в ожидании благодетеля приемщика, предсказал, что через много лет озорной внук его Толя, сын Петра, займет кресло директора завода, он прогнал бы насмешника. А случилось — и не удивился. Анатолий, внук лапотного чугунищика Ивана Лихорадова, стал первым заместителем министра черной металлургии СССР, начав свой путь рядовым слесарем на Урале в дни войны, а затем продолжив его начальником блюминга на Криворожском металлургическом заводе имени В. И. Ленина, директором.

...Я не летописец Петровки, как ласково называют у нас завод имени Г. И. Петровского, но, право же, трудно миновать ее проходную, рассказывая о Приднепровье, потому что в Петровке как в капле воды отражены грандиозные перемены в крае. Завод этот и флагман, и ветеран, и солдат, и ученый, и новатор — искатель новых путей в металлургии. Хоть уже и обскакали его «коллеги», хоть и поотстал он в валовой продукции, хоть тесновато ему в черте города, а все же он на переднем крае, в борьбе, и только ему, ему одному, в знак высшего

уважения к заслугам разрешено звучать по утрам своим низким, басовитым голосом.

На его бронзовых мемориалах — незабываемые имена Бабушкина и Лалаянца, соратников и учеников Ленина, Шелгунова и Морозова, Гопнер и Переславского, Квиринга и Аверина, связавших свои судьбы с судьбой рабочих Брянского завода, этого бастиона революции на Юге России.

Учитель словесности павлоградской прогимназии Сергеев-Ценский писал о приднепровском гиганте. По плитам его цехов шагал Владимир Маяковский. Александр Фадеев приехал на Петровку за материалом для романа «Черная металлургия». Здесь бывали Тренев и Вишневский, Панферов и Безыменский, Михаил Светлов и Дмитрий Кедрин. Многие старожилы-петровцы помнят раскатистый смех Фадеева, когда он случайно узнал, как готовились мартеновцы к его приезду: чтобы все было в ажуре, чтобы никаких вопросов писателю, никаких жалоб. А бед в ту пору было немало, и поговорить с автором «Разгрома» и «Молодой гвардии» очень хотелось.

Не удержался один машинист завалочной машины и разговорился с Фадеевым, рассказав между прочим о наивных попытках руководителей цеха оградить писателя от живой жизни.

— Вот уж посмеялся писатель, — рассказывали. — Да что писатель? Весь цех хохотал, а за ним и завод. Фадеев, не терпевший лакировки, высмеял любителей показухи.

Позднее побывал на заводе и писатель Александр Бек, но это особый разговор, связанный с именем Ильи Ивановича Коробова. В прошлогодних номерах «Знамени» посмертно опубликован документальный роман Бека о самом младшем из знаменитой династии доменщиков Коробовых. Несколько лет назад и в «Новом мире» был напечатан интересный очерк Бека об этой семье. Писателю удалось правдиво рассказать о выдающемся металлурге, хотя иного читателя может смутить замена по ходу романа фамилии Коробова на Прохоров (для широты и свободы домысла). Впрочем, сам Коробов не возражает против этого условного приема.

Жизнь коммуниста-доменщика — это непрерывная борьба за новое. Директор завода, он сумел заставить доменные печи послужить науке и испытать на себе некоторые из его новаций. С ними Коробов как с живыми существами. Нет, он не заклиняет, а директор-ученый, искатель, ныне профессор Днепропетровского металлургического института на кафедре металлургии чугуна. Вобрав опыт великих предшественников — Курако, Павлова, Бардина, — он совместно с коллегами сумел взглянуть повыше других, то есть на колошник домны, туда, где клубясь, скопляются газы, и применил режим повышенного давления газов под колошником. Домны дали дополнительные тонны чугуна. Потом, когда проснулась Шебелинка и направила в Днепропетровск природный газ, он вместе с известным в стране доменщиком академиком Зотом Ильичом Некрасовым и другими специалистами привел природный газ и кислород к фурмам печи и увеличил ее тепловой баланс.

Директор Коробов смело открыл двери старой Петровки кислороду. Ветеран прощался со сталеплавильными «грушами» Бессемера: новый, конвертерный метод выплавки стали просился в ряд второго передела. Что было под руками? Случайные фотографии конвертеров с верхней продувкой кислородом. Рисунки... Ни технологии, ни техники. Все там, за рубежом, в Австрии.

Мне довелось наблюдать за мучительным рождением нового, прогрессивного способа. Когда прозрачная струя кислорода ворвалась в жидкий чугун, к небу взметнулась смесь газа и дыма, выжигались не-

нужные примеси. Густой и серый дым, напоминающий грязную вату, перевалил через бетонный забор завода и пополз к жилым кварталам, забираясь в дома, вызывая слезы. Коробов вместе с главным инженером проекта Осиповым из Гипромеза лазал под крышей цеха в поисках возможностей «утопить» газ, устранить загазованность. Удалось придумать какие-то вытяжные «козырьки», но те поначалу мало помогли делу.

Приземистый, худощавый начальник бессемеровского цеха Олег Костенецкий только что прилетел из Канады.

— Там повсеместно сносят мартены, заменяют конвертерами, а у нас трудно заполучить вагранку гашеной извести: делай, мол, для себя сам...

Он тяжело дышал, будто только что прибыл с аэродрома «своим ходом». Так оно, собственно, и было: с аэродрома прямо в цех, как можно скорее рассказать товарищам, поделиться мыслями.

Между тем, как спички, сгорали кислородные фурмы, горела футеровка, то есть кирпичная кладка внутри ванны конвертера, горела подчас и одежда на каменщиках, которые, не дожидаясь полного охлаждения, лезли внутрь и клали огнеупорные кирпичи не очень высокого качества. На площадке теснились инженеры из ЦНИИЧЕРМЕТА, Института стали, харьковского Института огнеупоров, работники обкома партии, заводоуправления, газетчики, писатели. Заместитель начальника цеха Петр Самойлович Рубинский, впоследствии ставший главным специалистом Минчермета СССР по конвертерной выплавке стали, дни и ночи проводил у малоповоротливых и по-слови медлительных емкостей.

Помнятся жаркие переговоры в кабинетах и на площадках, когда заработок рабочих неуклонно покатился вниз, так как план выдачи стали на время дымных экспериментов почему-то не снижался.

Каменщик Бородулин, с лицом, опаленным зноем и посеченным морщинками, в брезентовой огнеупорной робе, в бескозырьковой кепочке, говорил:

— Мы уже, брат, не каменщики, нет, мы уже превратились в пожарников. Мало того что здесь пекло, так еще и с неба жмет светило. Да еще и заработок горит... Ну, то не беда, то как раз рабочий класс в силах выправить. Мне знаешь кого жаль? Мне инженерию нашу жаль. Как котята они, ей-богу... Что Рубинский, что Костенецкий, что Рыбалко, молодой вон, начальник смены... Молодой совсем, а какие испытания...

В красном уголке бессемеровского цеха — он еще так долго будет называться — собирались теоретические конференции, на которых обсуждались глубинные, таинственные процессы, происходящие во чреве конвертера в процессе плавки. В комнате тянуло газком — он и здесь не давал передышки цеховым работникам и специалистам-теоретикам из институтов Москвы, Харькова, Днепропетровска. Над всем металлургическим синклитом возвышалась внушительная фигура главного инженера Петровки Сергея Николаевича Филиппова, энтузиаста кислорода, поборника кислорода, которому вскоре самому не хватило кислорода и он, не дождавшись решения конвертерной проблемы, ушел от нас, оставив яркую и до сих пор не меркнущую память о себе.

Это были послевоенные годы, когда было мало хлеба, мало масла и молока и много революционного, солдатского упорства.

Потом все стало на свои места. «Котята» прозрели. Конвертеры ответили на заботы человека полноценными плавками, огнеупоры стали более надежными, увереннее стали и люди у конвертеров. В цехи пришли новые технические и технологические проблемы, типичные

не только для старой Петровки, но и для всей металлургии Приднепровья. В нашем областном центре родилось Министерство черной металлургии республики. Под руководством коммунистов Приднепровья происходит планомерный, но захватывающий процесс развития производительных сил богатейшего края, его металлургической, горнодобывающей, машиностроительной промышленности и энергетики. Тот, кто знает, к примеру, историю рождения, гибели и второго рождения единственного в стране цеха цельнокатаных колес для железнодорожного транспорта, тот сполна оценит факт недавнего пуска второй очереди этого уникального гиганта, чьи могучие колеса взяли на себя все тяжести военных и мирных перевозок.

Внуки прославленных рабочих династий совершили редкий и смелый технический эксперимент на заводе имени Дзержинского, надвинув вновь выстроенную доменную печь — 11 тысяч тонн! — на место старой, работавшей почти до последнего дня. Внуки построили конвертеры и блюминг на Криворожском металлургическом заводе, носящем имя В. И. Ленина, умнейший трубопрокатный стан «30-102» на Никопольском южно-трубном заводе, заканчивают очень важную непрерывную линию освинцевания стального листа на заводе имени Коминтерна...

По стальным магистралям катятся большегрузные хопперы с маркой завода имени «Правды» в Днепродзержинске. В разные страны мира шагают домны и мосты завода металлоконструкций имени Бабушкина. Автомобильные шины и станки, обувь и рельсы, бумагоделательные машины и бумага, радиоприемники и могучие прессы, кузнечное оборудование и трубы, минеральное удобрение и трикотаж, уголь и тюбинги, красители и тракторы, одежда и электровозы, моторы и руда, стеновые материалы, кирпич и железобетон, прокат и мебель, холодильники и пищевые концентраты — все это и многое другое дает стране Приднепровье. Внуки открыли новое месторождение угля на Павлоградщине и успешно разрабатывают его, построили крупнейшие в Европе тепловые электростанции в Днепропетровске и Кривом Роге, перекрыли бетонными перемычками Днепр возле Днепродзержинска и Запорожья, возводят вторую очередь Днепротэса, которую начинала знаменитая в свое время бетонщица Женя Романько, размешивая бетон ногами, обутыми в резиновые сапоги.

Но то, что происходит ныне на просторах Криворожья, на площадке завода имени Ленина, превосходит самые дерзновенные мечты металлургов и строителей, являя собой торжество научно-технической революции, вершину металлургического зодчества. Коллектив строителей — 13 тысяч человек! — возводит крупнейшую в мире доменную печь № 9 полезным объемом 5 тысяч кубометров. До сих пор флагманом в ряду отечественных домен считалась ново-липецкая — 3200 кубов.

Много это или мало — 5 тысяч кубометров?

Это значит, что одна эта доменная печь будет вылавлять столько чугуна, сколько давала вся дореволюционная Россия.

Одна она выплавит чугуна в год вдвое больше, чем все доменные печи уже известной нам Петровки.

Вот уж, в самом деле, шапки долой и голову вверх, туда, где на ветру раскачиваются шеломы кауперов, зацепленные кранами и мастерски застропленные верхолазами-монтажниками. Там увидите чистое украинское «девятое небо» и в небе том бригадира монтажников, заслуженного строителя республики Анатолия Павловича Матвиенко, которого Девятая «печка» прямо-таки не пустила на пенсию, а упростила с лесов Восьмой перешагнуть на леса Девятой. Он вместе со сво-

ими ребятами из бригады коммунистического труда «шьет шубу» для печи, мастерит «кожух», кроит металлическую «сорочку».

Еще будут книги о героях этой поистине редкой в стране стройки, где-то, наверно, вырезают и технические монографии, не менее емкие и значительные для науки, чем сама домна; и для романиста вдосталь материала здесь, потому что дерзновенный замысел рабочего класса, овладевшего идеями научно-технической революции, и воплощение этого замысла не могут не взволновать современника. Но наши поэты, этот «веселый народ», с благословения обкома партии, Союза писателей и издательства опередили всех, уже помчались в творческие командировки, к подножию рождающегося великана, чтобы не пропустить драгоценных мгновений и запечатлеть картины необыкновенного и неповторимого. Родился поэтический сборник, так и названный «Девятое небо», в котором собраны стихи и поэмы о ее строителях.

2

Трудовыми дорогами Приднепровья мне довелось поездить довольно основательно. Всюду видел я людей увлеченных, порой одержимых, отлично понимающих, что надо на современном уровне развития наших производительных сил. Это в большинстве своем сорокалетние, без боевых колодок на груди, но преуспевшие в труде, директора заводов, начальники цехов, председатели колхозов, секретари парткомов, прославленные бригады, ударники коммунистического труда. Это, к примеру, директор трубопрокатного металлургического завода имени Ленина коммунист Владимир Касьян, наш, кайдакский, приднепрский ученый и практик; это Владимир Петрович Ошко, тоже земляк, подручный сталевара с высшим инженерным образованием, ныне первый секретарь Ленинского райкома партии; Яков Петрович Заспенко, бывший «птенец гнезда Петровки», секретарь ее парткома, директор завода имени Коминтерна с его новаторской линией освинцевания; партработник, директор завода, замминистра черной металлургии УССР Георгий Бирик; Анатолий Гринев, молодой начальник гигантского стана «30-102» на Никопольском южно-трубном заводе, ныне главный инженер крупнейшего металлургического завода имени Карла Либкнехта; Юрий Таран, вчерашний аспирант, член-корреспондент Академии наук УССР, ректор металлургического института, студентом которого сам недавно был. Список таких творческих биографий можно бесконечно продолжать.

...В дальние дали отправляются сыны Приднепровья, чтобы поделиться опытом с зарубежными братьями или научиться у них огненному мастерству. Любопытный факт: через десяток лет после укращения строптивного кислорода в конвертерах на заводе имени Петровского механики конвертерного цеха поехали за границу передавать свой опыт. В Болгарии побывал старший горновой доменного цеха, делегат XXIV съезда КПСС И. Терещенко, в Чехословакии — Герой Социалистического Труда прославленный сталевар Дзержинский В. Канарейкин, старый наш знакомый Илья Иванович Коробов два года консультировал строительство металлургических печей в Чехословакии. За один год 800 специалистов только заводов черной металлургии побывали в длительных служебных командировках за рубежом.

Гулко звучит в странах мира позывной гудок Приднепровья. 70 стран ждут от него присылов: железную и марганцевую руду, чугуны и металлопрокат, трубы и метизы, кокс и минеральные удобрения. В свою очередь, в адрес Приднепровья за рубежом отгружают непрерывно заготовочный стан, вскрышные комплексы для горнообо-

гатительных комбинатов Криворожья, завод железорудных окатышей и многое другое. 710 иностранных делегаций металлургов — более четырех тысяч человек — переступали пороги наших цехов. Труженники Тржинского металлургического завода в Чехословакии жмут руки металлургам нашей Дзержинки, металлурги и горняки Криворожья дружат с поляками с заводов Верхней Силезии.

Из Вьетнама и Египта, из Индии и Болгарии, из Ирана и Польши, из Алжира и Югославии идут письма с приветом и благодарностью за помощь, за науку, за выучку...

— Посмотрите на небо,— сказали мне на одном металлургическом заводе.— Видите тучи дыма? А газ, нависающий иной раз над городом? Это и есть одна из неприятных сторон интенсификации. Гряды конвертеров выжигает серу из чугуна. Прогрессивный метод в сталеплавлении, а небу жарко...

Недаром за чистое небо над головой, за прозрачный воздух разворачивается борьба в международном масштабе. Чтобы человеку было хорошо и неопасно. Чтобы вольно дышалось в синем Приднепровье, в бассейне Днепра и ста шестидесяти малых рек, вьющихся в его пойме. Поезжайте в Днепродзержинск — и вы увидите поистине героические усилия города, стремящегося вырваться из объятий доменного, мартеновского, коксового газа, цементной пыли, одевшей серым панцирем заводские кустарники и деревья. Днепродзержинские Черемушки уже убежали от заводской копоти, поселок энергетиков, бывшее село Романково, названное местными остряками Романград, радуется чистым, упругим воздухом, а на левобережье уже маячит белыми этажами первый дом нового района города (260 тысяч жителей) — туда уже вход дыму и газу будет строго воспрещен.

Однако индустрия края шагает своей могучей поступью вдоль седого Днепра, его берегами, и хвосты дыма тянутся вослед.

— Чуть-чуть отстают наши газоуловители от потребности дня,— сказали мне здесь,— но верим, что в конце концов избавимся от копоти, как избавились, например, от угольной пыли, выносимой трубами ГРЭС...

На Никопольском южно-трубном заводе я встретился с начальником крупного инструментального цеха Александром Григорьевичем Палием, тоже сорокалетним, тоже одержимым. Он заслуженный рационализатор, член правления Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Его цех, как и многие цехи этого завода, упрятан в заросли посадок, цветников. 440 гектаров производственных площадей, а завода не видать. Нет, не в небо гляди в поисках труб, дыма, а на землю, где канны, сальвии, петунии, розы, сирень, львиный зев, флоксы... Завод по цветам — участник ВДНХ: бронзовая медаль.

И в цехе цветы.

— Сколько цветов?

— Сколько женщин, столько и цветов. Пятьсот.

— Людям должно быть хорошо,— говорит Палий,— чтобы как дома, чтобы его тянуло сюда.

Читаю заметку в стенгазете: «Пришла сюда два года назад. Поразила чистота и уют. Сжилась с цехом, и, право, часто не хочется уходить домой...» Это пишет фрезеровщица.

Палий рассказывает:

— Пять-шесть лет назад наш цех называли цех без резьбы. То есть попросту некому было нарезать обыкновенную резьбу на трубе. Сплошные вчерашние школьники у станков, а станочный парк у нас — будь здоров. Теперь делаем трубопрокатный инструмент не только

для отечественных заводов, но и для Болгарии, ФРГ, Японии, ОАР, их представители, между прочим, частые гости у нас. И тоже поглядывают на стены, на хозяйство нашего художника Леона Андреевича Усачева. Без него ни одного плакатика, ни одного объявления не повесят. Потому что уже есть уровень, уровень эстетики, ниже нам никак нельзя. Полюбили, оказывается, ребята свое рабочее место, свой станок, соседа справа, соседа слева, стены полюбили. Микроклимат в цехе такой создан: очень жесткие требования к дисциплине и тут же постоянное, не показное внимание к человеку. Чистота. Уют. Вежливость. Точность. Гласность. В общем, культура труда. За этим следим. Человеку должно быть уютно, ему должно быть хорошо... Светлые стены, автоматы с газированной водой. Не хочешь газированной — есть простая в изящных холодильничках. Основания столбов, колонн, опор, весь цоколь — в черно-желтых шашечках: надежней, спокойнее, веселее. Вот электротабло: нажмешь кнопочку — узнаешь, как там дела с твоим предложением. Для веселости, для изящества. Все «на кнопочках». У станков вспыхивает: «Надень очки, снимй рукавицы». Над головой, в пролетах, портреты писателей, цитаты в прозе и стихах. Соревнование гласное. Балльное. То есть побеждает тот участок, который наберет побольше баллов не только за выполнение плана, а отличится и по иным показателям жизни цеха. Директор нашего завода Антон Антонович Шведченко побывал как-то в Запорожье, на одном заводе увидел бытовки, то есть отличные душевые, ванны, зеркала, кафель, никель. Приехал домой, наутро заказал автобус и всех начальников цехов повез туда, к «братьям по классу», учиться уму-разуму. Дело и у нас пошло.

П а л и й з а п и с ы в а е т.

«Если ты видишь, что что-то делается не так, значит, ты в ответе за то, что оно делается не так». «Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление». «В науке и технике надо быть творцом — надо быть еще и хозяином». «Чем длиннее инструкция, тем капризнее машина в эксплуатации». «Главная задача руководителя — создать систему управления, действующую без его участия». «Инженеру непозволительно полагать себя маленьким человеком». «Нельзя быть черствым и подозрительным, тем более руководителю. Но попробуйте быть добрым, если вас разозлили, сдержанным, когда вам хмят,нисходительным, когда хочется быть беспощадным, мужественным, когда преследуют неудачи, — попробуйте представить себе, что все это входит в ваши профессиональные обязанности, и вы поймете, что значит руководить людьми».

785 афоризмов, сентенций, мыслей, выписок. Из книг, из журналов, из газет. Свои раздумья.

П а л и й д о к а з ы в а е т.

Ему бывает худо. Между прочим, как и многим начальникам цехов. Не так давно затрясло — текучесть. Острая текучесть среди станочников. Здесь бы помог социолог, но что-то очень медленно развивается эта наука. Палий имеет на этот счет свое суждение. Кстати, не только на этот счет, вообще он порой не укладывается «в рамки». Сам себе стал социологом. Беседы, цифры, выкладки, сопоставления, анализы. Выводы: «текут» в основном главные профессии станочников — токари, строгальщики, фрезеровщики. «Не текут» термисты. Как же так? В термоотделе и загазованность налицо, и работа значительно тяжелее, и ночные смены, и ручной труд, и работа в субботние дни, а текучести не наблюдается. Сопоставили зарплату, длительность отпусков, пенсионный возраст: термистам «выгоднее». Надо решать карди-

нальные вопросы, касающиеся судьбы и условий труда станочников. Ведь ни одного токаря не проводили на пенсию: все уходит, до пенсии не дорабатывают. Вот какие проблемы!

Ему сказали:

— Не зарывайся, Палий. Не твоего ума дело. Есть начальники повыше.

— Я этого не понимаю,— ответил он.

Ему сказали:

— Не будь сильно горький, чтобы не выплюнули, не будь сильно сладкий, чтобы не проглотили. Ты понял? А то по молодости...

Он все понял. К важному совещанию готовился как к бою. Но доклад его слушали с большим вниманием. Вопрос общегосударственного значения: обеспечение станочников! Он готов ко всему что угодно, но только не к равнодушию... А как же рождаются постановления вышестоящих организаций, если не при участии и содействии рядовых подразделений?

Людам должно быть хорошо, это главное. После войны здесь, говорят, несытно было. Завком создал бригады охотников из старичков и отправил их на зайцев: все же приварок в рабочем котле. Вот как! Но строили, восстанавливали разрушенное врагом, подняли завод. Знамя отцов понесли молодые. Изменилось время, все стало к лучшему поворачиваться, расцвела жизнь, и человек повеселел. А такие люди и производительность дадут и интенсификацию поднимут. В саду — деревцо. Не поухаживать за ним как надо — не жди плодов. Так и на производстве. А садов на Никопольщине! Что яблони, что черешни, что вишня... «Садок вишневый коло хаты...» Хата, правда, садовая, только летняя, придешь с завода прямо под вишню, покопаешься среди деревьев да кустарников — и дышитесь по-другому. Иной на Днепре с удочкой. Третий с книжкой. Отвлечение, развлечение...

3

Стародавнее село Перещепино.

Реки Орель и Орелька. Разнотравье лугов, озера, болота.

История этого приорельского села уходит в далекое прошлое, к Запорожской Сечи, где оно числится «главной слободой Орельской паланки». Двести дворов и сотни голодных ртов — таков облик Перещепина двухвековой давности. Позднее на плодородных землях Новомосковщины раскинулись поместья председателя Государственной думы, крупного российского помещика Родзянко.

Вскоре после войны попал я в «козлик» первого секретаря Новомосковского райкома партии. За рулем сидел очень пожилой, но еще довольно крепкий шофер.

— Знакомьтесь — шофер самого Родзянко,— представил водителя секретарь райкома.

Да, он возил Родзянко и его сыновей. Вот в этих местах было много рыбы, много дичи, глухомань, прямо сказать. Бывало, съедутся помещики-соседи, а то и родичи прибывали, молодняк, офицерье. На Орельку! Там шалаши, охота, уха, вино, дамочки, дым коромыслом.

...Многое хранит в памяти знаменитая ныне Орель, в пойме которой струится трасса внушительного канала Днепр—Донбасс. Взять хотя бы перещепинский пункт рабочей силы, мрачное порождение жестокой эксплуатации. Заболоченный берег Орели, деревянный барак, где жили сотни обездоленных крестьян в ожидании набора в батраки или рабочие. Рассчитанные на 180 человек трехъярусные нары вместили в 1902 году, как пишут очевидцы, 7649 безработных; большин-

ство, естественно, жило под открытым небом. Голодали и гибли от болезней; столовых не было, а воду брали прямо из речки...

Здесь, в Приднепровье, в местах нынешних трудовых подвигов, простирался тот давний лагерь страданий, уносивший жизни людей, низводивший их до уровня животных, чтобы обернуться затем, через много десятилетий, гитлеровским лагерем для военнопленных.

Неисчислимы могилы на берегу Орели. Они напоминают живым о земле страданий и о борьбе народов за свободу и торжество правды. Односельчане помнят имена Хорошуна и Кусенко, возглавивших революцию в Перещепине и погибших от руки деникинцев, комсомольца-мечтателя Ивана Котова, зарубленного кулацкими бандитами в 1920 году, 230 перещепинцев, замученных немецкими фашистами, и среди них повешенного в центре села земляка Григория Третьяка, одного из отважных партизан.

Новые, свободные поколения, сыны и внуки батраков Родзянко, преобразили Перещепино. Поселок давно стал благоустроенным и культурным, а тут еще добрая рука проектанта подтянула трассу канала Днепр—Донбасс и словно волшебной рукой окропила край. Есть уже тут свои перещепинские Черемушки, корпуса механических мастерских, новый магазин, новая школа для перещепинцев, белокаменная столовая, которой может позавидовать и райцентр.

Я вдоволь поездил вдоль трассы канала в минувшем и нынешнем годах. 263 километра водной трассы сооружают гидростроители от Днепра до Северского Донца, треть своих водных богатств отдаст Днепр засушливым районам Донбасса, Харьковщины, Ворошиловградщины. Ширина канала — девяносто метров. Семь его километров уже приобрели вполне «товарный» вид, хотя вода еще тут не днепровская, а грунтовая.

И здесь среди гидростроителей и просто строителей я повстречал множество сорокалетних, коим доверена великая забота о переустройстве природы, исправлении иных ее просчетов. Потому что, в самом деле, если Донбасс со своей металлургией и углем страдает от жажды и слабые его водные артерии, как правило, пересыхают знойным летом, а тонна стали «выпивает» двадцать пять тонн воды, а тонна пластмассы — пять тысяч, а гектар пшеницы — две тысячи тонн, а шахты тоже подставляют свои опустевшие фляги (гидродобыча и гидрообогачение), то вряд ли стоит говорить о справедливости в распределении водных ресурсов самой природой. Иногда она слепа, иногда беспощадна, хотя в основе своей мудра и даже талантлива.

Считали и подсчитали, что для полного благоденствия — пей не хочу — в Донбасс надо направить поток скоростью сто кубометров в секунду. Это значит три миллиарда кубометров воды в год. Это значит — Днепр; Краснопавловское водохранилище емкостью в полтора миллиарда кубометров воды; СМУ Днепродзержинск, Перещепино, Краснопавловка; 12 насосных станций, подающих воду вверх на общую высоту шестьдесят пять метров; экскаваторщики, бульдозеристы, крановщики, электросварщики, бетонщики, монтажники, электрики, слесари, водители и многие другие, кто населил этот приднепровский простор, орельскую пойму и никуда уже не уйдет, не двинется, так как зачalen им здесь фронт работ на пятнадцать—двадцать лет вперед. Да, да, на пятнадцать—двадцать лет вперед и видятся орошаемые поля, тысячи гектаров, не зависящие от дождей, стабильные и щедрые урожаи, новые оросительные системы и моря, белокаменные набережные наподобие жемчужной набережной в Днепропетровске, чистое, бездымное небо.

Криворожский металлургический гигант имени В. И. Ленина по всем статьям превзойдет знаменитую нашу Магнитку. Здесь умножит-

ся количество сверхмощных домен, прокатных станов и блюмингов, восторжествует способ непрерывной разливки стали, когда из бурлящего конвертера выползает отвердевающий и на ходу темнеющий — под цвет вишни — непрерывный длиннющий сляб. Ни тебе прокатных валков, ни мартеновской «канавы» с ее загазованными каньонами, ни изложниц...

А наша заслуженная Петровка отдаст свои старые доменные печи истории, их снесут вместе с могучими воздуховодами, газопроводами и прочими агрегатами, именуемыми доменным комплексом; уйдут на переплавку и мартеновские печи — их в полной мере заменят конвертерами, которым вообще в новой пятилетке и в грядущем пятнадцатилетии дадут зеленую улицу на предприятиях Приднепровья, так же как и принципиально новым технологическим процессам в металлургии.

А новь уже стучится в двери нынешних цехов и лабораторий: получение металла и руд без применения кокса, прямое восстановление железа, разработка методов коренного изменения свойств металлов, доменная плавка без применения атмосферного дутья, термоядерная энергия в черной металлургии. Ученые 70 исследовательских и учебных институтов, научных организаций и отраслевых лабораторий работают ныне для черной металлургии Украины, приоткрывают окна в завтрашний ее день, заботятся об интенсификации процессов, о качестве специальных металлов, рожденных в электрошлаковых, дуговых вакуумных, индукционно-вакуумных, электроннолучевых и плазменных печах...

Вернемся, однако, к орельским просторам, где медленно, но неуклонно движутся вперед земснаряды. Ведь все свершения на земле Украины крепко увязаны между собой: и металлургия, и канал, и тучные нивы вокруг.

На первой насосной станции вы можете пообедать в корчме «Большая ложка», где местный художник разрисовал стены веселыми картинками. Здесь много рабочих из села Петриковка, которое славится своими художницами-вышивальщицами. Корчма, где хозяйничают петриковцы, веселит людей и своим названием и тем, что устроена в чистеньком салон-вагоне.

Здесь мы повидались с бригадиром бетонщиков Владимиром Михайловичем Литовченко, чья бригада бетонирует в котловане фундаменты для первой экспериментальной насосной станции, изготавливаемой в Свердловске. Литовченко тоже чуть за сорок, и он, как и многие его коллеги, опален степным солнцем и рвется скорее подать воду в засушливые районы Украины.

...В кабинете главного инженера дирекции канала Василия Михайловича Ковацюка бивачная обстановка: штабеля чертежей, синек и калек, технической документации. Сам главный художав, седоголов, с черточками седых усов. Ему уже за шестьдесят. Он по-юношески влюблен в свою гидротехнику и канал просматривает из своего кабинета до капилляра, несущего микроряд воды, до колышка на его трассе, до малого зданьца, запланированного проектом. Ему, наверно, очень легко видятся будущие моря, водохранилища, гидростанции, каналы. Он строил Каховское море и породнился с Приднепровьем, окончив Львовский политехнический институт. Каховскому морю он отдал жизнь, долгие годы «руководил» морем, которое было создано при его непосредственном участии, под его руководством. Он с грустью говорил, что канал, видно, его последняя стройка, что впереди маячит пенсия, но я не верил этому.

Вообще ничего сенсационного, ничего уникального здесь вы не встретите. Масштабы нашего канала уступают многим подобным

сооружениям, а знаменитый Каракумский канал может считаться отцом, если не дедушкой нашему. О Каракумах мне увлеченно рассказывал бронзоволицый сын украинских степей родом из Умани Степан Евдокимович Кучеренко, главный инженер головного участка канала. Вообще Каракумский канал — первая его стройка после института, но песок пустыни как будто до сих пор хрустит на зубах. После Каракумов было в его жизни еще множество котлованов, каналов, бетона, арматуры. И любовно: жена — гидротехник, дочка тоже пошла по стопам родителей.

4

Да, не только сорокалетние у руля великих преобразований на Приднепровской земле. Есть ветераны — строители первых пятилеток, участники становления молодого Советского государства.

...Весной 1942 года в одном из совхозов недалеко от Сталинграда появился приземистый, уже не столь молодой человек в сапогах, в простой крестьянской одежде. Он рассказывал старикам и детям, оставшимся на этой огненной земле, о науке селекции, о гибридах кукурузы, которые он выращивал в далеком отсюда городе Днепропетровске, на Украине. Его слушали, все еще не понимая, зачем он забрался под бомбы, которые все чаще падают в этих местах, когда его институт, эвакуированный на восток, остался в Саратове.

Оказалось, что семена, которые он должен посеять во что бы то ни стало этой весной, требуют побольше тепла, а Сталинград южнее Саратова. Незнакомый человек вытащил из кармана пакетик и высыпал на ладонь семена, отливавшие желтизной.

— Это все, что осталось от сорта, над выведением которого я трудился долгие годы, — сказал он людям. — Вы видели, как горит урожай на корню? Это страшное зрелище. Огонь врага уничтожил все живое, сгорела моя лаборатория, исследовательская станция. Но я верю, что из этих зерен прорастет сорт, который обогатит нашу страну...

Ударил зенитка. Высоко в небе появился немецкий самолет.

— Послушай, добрый человек, — сказал седой старик в старом ватнике. — Далась тебе эти кукурузные зерна. Знаешь, что Гитлер рвется к Сталинграду?

— Знаю, конечно.

— Ты, я вижу, человек ученый. Шел бы подальше отсюда. Зачем жизнью рисковать?

— Но это... — человек разжал ладонь, — это и есть моя жизнь.

И он посеял зерна. Из двухсот стеблей выжили двадцать, но и это была большая победа. Линия не прервалась. Это была исходная линия будущего высокоурожайного гибрида «успех», который после войны завоевал Приднепровье.

Вместе с ним, Борисом Павловичем Соколовым, мы бродили выжженными войной улочками селекционной станции, затем пили чай с «угрызением», как сказала гостеприимная хозяйка, то есть вприкуску. Неподдалеку стеной стояла кукуруза, мощные неподвижные стебли выбросили щедрые метелки, обещая невиданный урожай гибрида, потомка растений, выхоженных на берегах Волги. Он рассказывал историю своей «чистой линии», а я дивился мужеству и верности этого человека.

Ныне он академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, ему далеко за семьдесят, но увлеченность работой не дает ему стареть.

Тридцать лет назад Украина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. За свободу украинского народа отдали

жизнь многие тысячи сынов всей нашей многонациональной родины, так же как и сыны Украины шли в огонь за независимость и свободу России, Белоруссии, Прибалтики, всех поработанных гитлеровцами народов Европы.

В Днепропетровске в бетоне и цветах стоит танк, на котором ездил освободитель Днепропетровщины генерал Пушкин. Сын Пушкина Виктор ныне научный работник одного из вузов Днепропетровска; сын выдающегося строителя и первого директора Криворожстали Весника — народный артист РСФСР Евгений Весник; три сына дорожного мастера колхозника Здора — Петр, Иван и Яков — знатные механизаторы, творцы канала Днепр—Донбасс; сын Ильи Коробова Владимир — мастер доменной печи на родной Петровке; дочь слесаря из села Паныковка, Шурочка Криушенко, как нежно называют ее на стройке, знаменитый бригадир бригады штукатуров, коммунистка, делегат съезда партии...

Обогатили, приумножили, расцвелили, возвеличили свой край сыны и дочери Приднепровья, наследники тех, кто у проходных ворот Александровского Южнороссийского, а позднее Брянского, завода дожидались приемщика, мечтали о лучшей человеческой доле и боролись за нее под славными ленинскими знаменами.

Днепропетровск.

ВИТАЛИЙ КОРОТИЧ

★

ЗАКОН ЗЕМЛИ

Покуда жив на земле,
покуда сам — не земля,
Пока не высказал все до конца и как есть,
Покуда пению учится песня твоя...
Рассчитайся с долгами,
как водится здесь.
От расплат ни забвеньё не в силах спасти,
Ни спокойствие, стержень которого лжив.
То, что зернышком брал,—
колоском возврати,
Так диктует земля, на которой ты жив.
Совесть этим законом земли пропитай —
Пусть он в совесть вращет и в судьбу глубоко:
То, что снегом одалживал,—
солнцем отдай,
То, что пил из дождя,—
возврати родником.
Ветку зимнюю брал —
веткой вешней вернуть!
А досталась пустыня,
к расплате — поля!
Все долги возврати, ни один не забудь —
Покуда жив на земле,
покуда сам — не земля!

Перевела ЮННА МОРИЦ.

МОЕ СЕЛО

Все пережили: две мировых войны
И несколько войн, не таких кровавых и трудных.
Случалось, в межах валялись мышинные трупы:
Когда нет хлеба, гибнут и грызуны.
Пережили наводнения,
топившие и коней,

Утята из гнезд выходят и переводят таинственное
Тихое слово вербы —

но даже им не по силе.

Не много новых умений на свете — известно это.

Способность к любви различна у всех на свете людей.

...Седой поэт прикасается к ясным лучам рассвета:

На чистой бумаге осени пишется новый день.

Одно зерно прорастет,

Другое зерно — смеется,

Ляжет на поле холодное

Солнечная дорожка.

Атеисты зарядку сделают,

Верующие — помолятся,

Старики — немножко покашляют,

Дети — всплакнут немножко.

День лицо свое прячет в бульваров зеленый ворот.

Наяву это или снится — люди думают втихомолку:

Поэт шагает с охоты, а за ним через город

Золотые утята несут незаряженную двустволку.

Перевел ЕВГ. ВИТКОВСКИЙ.

ФЕДОР МОРГУН,
первый секретарь Полтавского областного комитета
Коммунистической партии Украины

И СНОВА ПОЛТАВЩИНА

В 1954 году Федор Трофимович Моргун, главный агроном полтавского Сахсвеклотреста, отправился в Казахстан осваивать целинные земли. Много лет спустя в своей книге «Хлеб и люди» он расскажет о тех, кто прокладывал борозды на новых землях, о героизме целинников. Сам автор напишет, что «взялся за перо из чувства благодарности к тем людям, с которыми вместе работал на целине, у которых учился и опыт которых передавал другим». Следует добавить, что Ф. Моргун организовывал один из первых целинных совхозов, работал секретарем райкома партии, возглавлял управление сельского хозяйства Целинного края, был избран затем секретарем обкома партии.

Книга «Хлеб и люди» (как писал о ней автор, «не повесть и тем более не роман, а просто документальный рассказ о том, что видел, что пережил») вышла в Издательстве политической литературы в 1973 году, вызвала горячий интерес читателей и была отмечена литературной премией на конкурсе, объявленном президиумом ВЦСПС и секретариатом правления Союза писателей СССР.

Недавно Политиздат Украины выпустил книгу Ф. Моргуна на украинском языке. К этому изданию автор дописал главу о своем возвращении на Полтавщину, о первом годе работы, о том вкладе, который внесли полтавские хлеборобы в украинский миллиард 1973 года. Публикуемые ниже заметки легли в основу этой главы.

* * *

...**Г**оворят, что человеческую судьбу трудно предсказать. Об этом я сужу и по себе. Работаешь, вырастаешь в дело, рождаешься с людьми — и вдруг оказывается, что завтра ты нужнее не на этом, а совсем на другом участке работы. И тогда жизненный путь круто поворачивает, встают перед тобой новые задачи, начинаются новые заботы.

Так мне почти через два десятилетия после отъезда на освоение казахстанской целины снова пришлось возвратиться на Полтавщину. Теперь — на пост первого секретаря областного комитета партии.

Представил меня на пленуме обкома первый секретарь Центрального Комитета Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий. А перед тем почти целую неделю мы ездили с ним по городам и селам области. Побывали на многих заводах и фабриках Полтавы, Кременчуга, в нескольких колхозах и совхозах, сельских райкомах партии. Владимир Васильевич много беседовал с рабочими, колхозниками, специалистами, руководителями. Интересовался жизнью людей и коллективов, обеспечением населения продуктами питания, работой ма-

газинов и столовых. Подолгу бывал в первичных партийных организациях, в райкомах и горкомах партии, вникая в детали их деятельности. И я понимал, что многие вопросы он затрагивал специально ради меня, так сказать, для моей науки, чтобы я скорее освоился и увереннее чувствовал себя на новой, большой, ответственной работе.

А после пленума областного комитета, на котором решался организационный вопрос, после разговора с членами бюро, помню, остались мы с Владимиром Васильевичем в кабинете наедине.

— Итак, Федор Трофимович, — сказал он, — задача остается той же: хлеб и люди.

Точнее и короче подвести итог всем предыдущим установочным разговорам, которые вели со мной в Москве и Киеве, пожалуй, невозможно. Но я был искренне благодарен еще и за другое. Первый секретарь ЦК Компартии Украины, должно быть, не случайно употребил рядом оба эти слова: хлеб и люди. Именно так назывался журнальный вариант только что опубликованных моих записок с целины. И, очевидно, одобряя их, он как бы приглашал еще раз осмыслить главное направление будущей работы коммуниста Моргуна на его новой должности руководителя партийной организации Полтавщины — одной из крупнейших по своему сельскохозяйственному потенциалу областей в республике.

И начались будни.

Их, как мощный прожектор, высветил брошенный партией и правительством призыв: третий год пятилетки сделать решающим!

Складывались они, эти будни, из знакомства с аппаратом обкома и всеми другими областными службами, поездок в райкомы, на заводы и стройки, в колхозы и совхозы, из анализа состояния дел, к которому шаг за шагом привлекалось все больше специалистов, и снова — из встреч с людьми на местах, ибо успех — быстрый, надежный — виделся только в дальнейшей активизации всех тружеников.

И хотя с тех пор прошло уже больше года, ряд событий несколько заслонил первые впечатления, все же в памяти едва ли не самыми свежими остались именно эти «разведывательные» поездки по области. И хорошее, радостное изумление, вынесенное из них.

...Кременчуг. Не узнать этот тихий, каким я знал его в начале 50-х годов, приднепровский город. Ведь один только автозавод может сделать честь любому промышленному центру. А тут еще и вагоностроительный разросся почти вдвое. И завод дорожных машин вышел на всесоюзную арену. Не говоря уже о горно-обогатительном комбинате, о новых химических гигантах — нефтеперерабатывающем и сажевом заводах. В кременчугских темпах жилищного строительства тоже ощущается размах, благоустройство парков отличается заметным вкусом и удобством.

...Когда-то о Семеновском районе говорили почти поговоркой: «Семеновщиной кончается полтавский край и начинаются его самые большие хлопоты».

Интересуюсь оценкой земель по кадастру — она действительно самая низкая, а к тому же еще сложнее из сложнейших: не менее полусотни разных перемен почвы. Нет также по сравнению с соседними районами особой разницы в вооруженности техникой. А вот прыжок по урожайности несравненно больший, нежели где-либо в области. И уверенность людей в своих силах чувствуется. И поиск в работе. И дисциплина. Все чаще Семеновский район называют в числе передовых. Одним словом, пришла время переиначить поговорку.

Люди! — напрашивается вывод. Выросли прежде всего люди. Выросли и стали творцами всех удивительных перемен, происшедших на Полтавщине. В более сконцентрированном виде все это удалось уви-

деть во время одной из поездок в колхоз имени Ильича Хорольского района. Обо всем сразу рассказать невозможно. Остановлюсь на том, что, собственно, более всего интересовало меня в те дни. В конечном итоге это был вопрос: какие имеются неиспользованные резервы повышения отдачи хлебной нивы?

Вся острота проблемы вытекала из двух цифр: 2 и 262 тысячи. Первая из них — количество прошедших лет пятилетки. Вторая же означала то количество тонн зерна, какое область на протяжении 1971—1972 годов недодала государству к народнохозяйственному плану.

Так что было над чем задуматься!

А здесь, как говорится, под боком хороший опыт, и не просто хороший, а с огромной перспективой, ибо основывается он на новейших достижениях агрономической науки. Вот что делало поездку в колхоз имени Ильича просто-таки неотложной.

Комплексная противэрозийная система полей, за налаживание которой взялись в этом хозяйстве по инициативе председателя правления Героя Социалистического Труда Ивана Григорьевича Козлова, — будущее полтавских земель. В чем тут суть? За исключением отдельных лет, когда погода особенно капризничала, сумма осадков по области в общей сложности такова, что полностью обеспечивает высокий урожай всех сельскохозяйственных культур. Но запасы влаги не совсем благоприятно распределяются по периодам — подготовки почвы, подготовки к севу, в пору вегетации. Кроме того, эти запасы непродуктивно расходуются из-за множества крутогорьев на значительных площадях (в области они составляют почти две трети пахотных земель).

В основу хозяйствования в колхозе имени Ильича и положены меры, дающие возможность решить вопросы продуктивного использования влаги в почве, удобрений, неуклонного соблюдения севооборота. Это прежде всего продуманное обвалование полей, создание целого каскада площадей с так называемым лиманным орошением, сооружение искусственных прудов с достаточными запасами воды для полива.

Конечно, нечего было надеяться, что опыт колхозников Андреевки сыграет решающую роль уже в борьбе за урожай 1973 года. Ценность его на данном этапе заключалась в другом: он свидетельствовал, что использованы еще далеко не все резервы повышения плодородности почвы. Начался планомерный поиск этих резервов.

Без вреда для животноводства почти повсеместно нашли возможным перевести в группу зерновых культур значительные площади озимины, посеянной на корм. Создание дополнительных механизированных звеньев дало возможность взяться за выращивание кукурузы на зерно на площади, превышающей запланированную.

Вспомнили, в частности в Козельщинском и Диканьском районах, как выгодно применять на весеннем севе так называемые целинные сеялки. Была произведена сортозамена ряда ярых культур. Во многих местах уже тогда, в предпосевное время, решили раз и навсегда покончить с формализмом при составлении рабочих планов.

Сев ранних прошел без особых осложнений. В том, что урожай должен быть хорошим, ни у кого не возникало сомнений уже в мае. При встрече с руководящими работниками республики я высказывал убеждение, что урожай можем получить до 40 центнеров на круг. А если выйдет только по 30, то мы будем считать себя несчастными и обиженными. Ведь озимые хорошо перезимовали, а ранняя весна и теплая погода, установившаяся вскоре, создали прекрасные условия для бурного роста хлеба.

И тут появилось, как говорится, большое «но». Обильные дожди во второй половине апреля и в мае положили, особенно на площадях с лучшими предшественниками, не только «мироновку», а и более стойкие к полеганию одесские и кубанские сорта пшеницы. И поскольку произошло это еще до колошения, полегание было особенно угрожающим. Но оставалась все же надежда на благоприятный июнь...

Однако и первый месяц лета тоже не порадовал нас. Дожди, а то и ливни уже к середине июня положили травостой более чем на половине посевов пшеницы, ячменя и даже овса. И как положили: словно полями катки прошли! А кроме того, на стеблях появились плесень и грибок, ждали также ржавчины...

Так большие ожидания оборачивались тревогой, а от забот мы снова переходили к надеждам. Ибо наблюдение показывало: колос формируется неплохой, хотя, разумеется и не такой, какого следовало ожидать при наличии могучего стебля. Возможно, выручит небывалая густота стояния хлебов?

Письмо комбайнеров советской Украины, появившееся в печати приблизительно за месяц до начала уборки хлебов, помогло области усовершенствовать преджатвенную подготовку: оформляли готовность техники разрешительным знаком «Д-73», комбинировали материальные средства и людские резервы, комплектовали коллективы для агрегатов. Обнаружилась немалая нехватка кадров для двусменной работы комбайнов. Нашли их среди сельской интеллигенции, на заводах и фабриках. Охотно откликнулись также пенсионеры — бывшие механизаторы. Проблему транспорта решила помощь республики.

Однако никто не спешил объявлять о полной своей готовности. И, как выяснилось вскоре, кое-что все же просмотрели, не учли. Например, при подготовке токового хозяйства, при уборке высокостебlistого гороха. Все это в разгар жатвы сказалось на темпах, на качестве работ.

Не торопились рапортовать даже из Семеновского района, хотя там, как было известно обкому партии, вся подготовительная работа заслуживала высокой оценки. Поездка на место помогла выяснить, почему семеновцы не торопятся. Сделав все вплоть до гектарного осмотра каждого поля консилиумами специалистов и механизаторов, определивших оптимальный режим работы на таких обильных хлебах, в районе хотели добиться еще одного — мобилизовать на жатву буквально каждую службу, каждый, даже самый небольшой, трудовой коллектив, каждую семью. Для этого здесь проводили собрания в коллективах и сельские сходки.

— Понимаете, мы хотим навалиться на урожай всей громадой, — горячо уверял меня первый секретарь райкома Григорий Антонович Олейник.

Следовательно, речь шла не о неуверенности в хорошей подготовке к жатве, а о повышении чувства ответственности за будущую уборку. За такую, чтобы «не оставлять ни колоска на поле, ни зернышка в колоске», как призывали хлеборобов страны украинские комбайнеры.

— Тем более, — сказал я Олейнику, — важно, чтобы вся область знала о вашем опыте.

И за несколько дней до жатвенного старта в газете «Зоря Полтавщини» — нашей областной газете — появилась страница под «шапкой» «Наготове!».

Перечитывал я страницу, кстати, уже по дороге в Киев, куда меня в числе других товарищей пригласили на большое торжество: Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев должен был вручить Украинской ССР орден Дружбы народов. А перед тем со-

стоится собрание республиканского партийно-хозяйственного актива — тоже с участием товарища Брежнева.

Внимательно читал я материалы об опыте семеновцев и примерял его на всю область. За ним, этим опытом мобилизации всей Полтавщины на дело государственной важности, виделся уже собранный и сданный в закрома родины хлеб и зерно, засыпанное на семена и для нужд животноводства и выданное людям на пышные домашние паланицы. Это была, можно сказать, Мечта с большой буквы.

А назавтра родились гордые слова: украинский миллиард.

«На республиканском партийно-хозяйственном активе, — сказал Леонид Ильич Брежнев, выступая на совместном торжественном заседании ЦК Компартии Украины и Верховного Совета Украинской ССР в связи с вручением республике ордена Дружбы народов, — обсуждался вопрос о выполнении тружениками промышленности и сельского хозяйства Украины взятых на себя обязательств на 1973 год и о задачах на второе полугодие. Участники обсуждения подчеркивали, что социалистические обязательства, взятые хлебобобами республики, позволят ей выйти в этом году на небывалый еще рубеж. Речь идет о том, товарищи, чтобы продать государству в этом году миллиард пудов зерна. И мне было приятно, что республиканский партийный актив так единодушно принял это решение.

Это очень хорошо. Это замечательный рубеж».

Об украинском миллиарде заговорила вся страна. Вокруг патристического начинания нашей республики развернулась действенная организаторская, воспитательная работа. И на Полтавщине тоже прошли массовые собрания в колхозах и совхозах, сельские сходки. Причем люди не вообще обещали «выполнить», «добиться», а по-хозяйски оценивали возможности, подсаживали, что и где можно дополнительно привести в действие.

В начале июля в область приехал Владимир Васильевич Щербицкий. На этот раз, как и следовало ожидать, чтобы еще раз осмотреть будущий фронт жатвы. Накануне он побывал на Киевщине. С Полтавщины, сказал, отправится еще в Харьковскую, Днепропетровскую, Запорожскую области. Таким образом, последняя предуборочная поездка первого секретаря ЦК Компартии Украины охватывала тот район республики, откуда предполагалось взять почти половину украинского миллиарда и где нестойкая погода успела несколько испортить дело.

Состоянием хлебов в Пирятинском районе, откуда начался осмотр области, Владимир Васильевич остался доволен. Да и то сказать: пшеницы в тепловском колхозе имени Ленина (кстати, на родине академика-селекционера В. М. Ремесла) стояли стеной, с хорошо налитым колосом.

Но уже на территории Лубенского района сплошь пошли поля с полеглими хлебами. И почти возле каждого из них мы останавливались, чтобы собственными глазами увидеть: а какого конкретно можно ожидать здесь результата уборки? Как правило, приходили к выводу, что урожай должен быть неплохим, вот только жать хлеб будет нелегко...

К обеду добрались в лубенский колхоз имени Жданова. Товарищ Щербицкий бывал тут не раз, хорошо запомнил, в частности, звеньевого Петра Корниенко. Потому и попросил показать плантации кукурузы этого звена. Качеством посева и обработкой они очень ему понравились. Тем более что механизаторы, ухаживая за кукурузой на площади 310 гектаров, управлялись фактически без помощи женского ручного труда. Впрочем, не мог не огорчить один, снова-таки погод-

ный, фактор: растения явно запаздывали с выбросом метелок и это могло сказаться на урожайности. А на зерновую кукурузу тоже возлагались немалые надежды в борьбе за украинский миллиард.

И еще не закончился этот разговор, как довольно чистый солнечный небосклон затянуло вдруг тучами, они быстро сомкнулись в сплошную пелену свинцового цвета, прозвучал гром, и грянул дождь. Нет, не дождь, а сильнейший ливень. Минут пятнадцать с неба падали сплошные потоки воды. Видимость была не далее радиатора машины. А когда немного посветлело, хоть дождь еще и лил, мы увидели склоненную книзу кукурузу. Полег даже овес. И так было везде на нашем пути — в Хорольском, Великобагачанском, Полтавском, Чутовском, Машевском, Карловском районах, потому что в тот день ливень накрыл большую часть области.

Уже поздно вечером доехали мы до восточного края Полтавщины. Товарища Щербицкого здесь ждали первый секретарь Харьковского обкома партии И. З. Соколов и председатель облисполкома А. П. Бездитко. Поздоровавшись с ними, Владимир Васильевич сразу же спросил:

— Ну, как хлеба? Сколько харьковчане продадут государству? — А дальше сказал то, что мы восприняли как боевую задачу: — Если бы ваша троица — Харьковская, Днепропетровская и Полтавская области — смогла засыпать в закрома родины двести пятьдесят миллионов пудов зерна, то миллиард можно было бы считать гарантированным!

Мне хотелось быстрее возвратиться в Полтаву, встретиться с товарищами, еще раз подсчитать, чем будут обеспечены 933 тысячи тонн зерна, которые должна была продать область в счет украинского миллиарда.

Машина мчала асфальтом, а вокруг сквозь тьму все же просматривались поля. Грудь наполнялась хлебным духом созревающих злаков. Мысли заполнили голову: «Как оно будет? Осилит ли, не подедем?» Включил радиоприемник и услышал знакомый голос в эфире: «Люди и техника к жатве готовы!» Это словно бы отвечал на мои вопросы Герой Социалистического Труда Микола Миненко — комбайнер из Новосанжарского района. А после его короткого выступления по Украинскому радио диктор прочитал сводку погоды: «В юго-восточной части республики ожидаются кратковременные дожди...»

Таким и запомнилось начало жатвы: вода на полях, вода на дорогах, лужи на токах и подворьях. И небывалый энтузиазм людей, готовность сделать все, чтобы без потерь собрать урожай.

Вообще дожди накануне уборки хлебов на Полтавщине — редкость. Поэтому сначала их встретили даже с радостью: дескать, собьют жару, поспособствуют лучшему наливу зерна... Но они участились и в большинстве районов прошли с большими бурями. Из-за этого поздние хлеба еще сильнее погнало в рост, а ранние еще больше полегли. И созревание массивов было очень неравномерным.

Горох планировали собрать за пять дней, а застряли на нем в некоторых хозяйствах на срок вдвое больше. Не разогнаться было и на площадях, где полегла озимая пшеница.

Много драгоценных дней потеряли на всяких вынужденных перегонах техники: комбайны почти ежедневно снимали с тех полей, где прошел дождь, и перебрасывали на другие, а нередко и к соседям, чьих ливень в этот день обошел.

Как только светало, с тревогой смотрели на небо председатели колхозов и специалисты, бригадиры и механизаторы.

Изо всех сил старались механизаторы. Было их как никогда много. В некоторых районах, особенно в северных, по трое на комбайн: один основной и два помощника.

Один помощник, как правило, из местных жителей — старшекласник или еще кто-то из молодежи. Второй — приезжий с промышленного производства. Вся эта расстановка была заблаговременно спланирована. Основной комбайнер работал в самые ответственные часы, а когда полегче — помощники. Комбайнер имел, таким образом, время для отдыха, и потому в трудную пору он бывал собран и внимателен.

Мы вынуждены были принять специальное решение об оплате труда комбайнеров и их помощников. Сначала было условие: в первые десять дней механизаторы получают шестидесятипроцентную надбавку к основной ставке. Но дожди не позволили как следует поработать в эту декаду, и тогда было решено, учитывая плохую погоду, применить льготную оплату на все время жатвы. И комбайнеры восприняли это с большим пониманием.

Первая декада августа обещала стать для области в целом заключительной на уборке хлебов и решающей по продаже хлеба. Мы щедро поделились комбайнами с соседями-сумчанами, отправили первую группу комбайнеров с техникой в Казахстан. Тех агрегатов, которые остались, учитывая массовое перевыполнение дневных норм, вполне должно было хватить для окончания жатвы в кратчайшие сроки и без потерь.

Однако произошло непредвиденное. На полтавские земли, которым и до того досталось от июльских дождей, обрушились невиданные ливни. Таких дождей не знали в наших краях целых столетия. Кое-где только за 8—11 августа выпало по 200—280 миллиметров осадков. И сразу же под угрозой гибели оказалось почти полмиллиона тонн хлеба. Причем среди несобранного был урожай со многих семенных участков пшеницы и почти со всех площадей проса и гречки.

Обком партии и облисполком обратились к полтавчанам с призывом не дать погибнуть ни горсти зерна, ни килограмму соломы! И надо сказать, что дважды просить о помощи не пришлось.

За годы работы на целине я был свидетелем многих примеров самоотверженности в борьбе за хлеб, в том числе и тогда, когда речь шла о преодолении стихии. Но такого массового героизма, какой проявила Полтавщина, собирая в сложнейших погодных условиях урожай 1973 года, я, пожалуй, не встречал.

Переворачивать валки, сушить зерно на токах вышло свыше 15 тысяч трудящихся Полтавы, которых на промышленных предприятиях, в учреждениях и организациях заменили товарищи по работе. Во многих хозяйствах юго-западной части области рядом с каждым колхозником, рабочим совхоза встали по два-три человека из Кременчуга. А всего в самые тревожные дни в поле работало более 200 тысяч горожан и жителей райцентра.

Но основную ношу несли, конечно, хлеборобы. В первую очередь механизаторы.

Используя каждую погожую минуту, спасали урожай — косили, обмолачивали валки, просушивали, вывозили. И удивительно! Бывало, прежде под солнечным, безоблачным небом собирали меньше, работа продвигалась вяло...

Мобилизовались — вот каким словом наиболее точно можно передать настроение тех дней, залог успеха на уборке. Это был результат огромной работы партийных организаций. В очень большой степени содействовала и помощь, оперативно полученная областью. В частности, как только потребовалась дополнительная техника, Центральный Комитет Компартии республики немедленно прислал сотни автомашин и тракторов. Так же было и с синтетической пленкой для

накрытия хлеба — ее буквально за считанные часы сумели собрать для полтавцев со всей Украины.

Истинными друзьями показали себя наши соседи — днепропетровцы и черкасцы, харьковчане и кировоградцы. Их техника, их лучшие механизаторы и шоферы принимали самое активное участие в заключительном этапе этой многотрудной жатвы.

А как не поблагодарить сердечно русских рабочих! Ведь коллектив комбайнстроителей из Ростова-на-Дону постарался досрочно поставить нам сотни единиц новой техники.

И вот впервые за всю историю своего земледелия Полтавщина собрала на круг по 30,7 центнера зерна. Полученный валовый сбор дал возможность выполнить полтора годовых плана продажи хлеба государству, засыпать отборные семена, создать зернофуражные и другие фонды. 1009 тысяч тонн — таким был вклад области в украинский миллиард 1973 года.

А потом полтавчане порадовали отчизну урожаем сахарной свеклы. Был получен рекордный валовой сбор — почти 5 миллионов тонн корневищ. И хоть собирать пришлось почти вдвое больше, чем в предыдущие годы, с работой справились на две, а кое-где даже на три недели раньше.

На подъеме прошла уборка картофеля и кукурузы, осенний сев. Сеяли и помнили: в будущем году должны вырастить хлеба не меньше, чем в 1973-м. Поэтому особенно заботились о качестве работы, обязательном внесении минеральных удобрений.

Порадовало и то, что на местах творчески отнеслись к делу и нашли около 80 тысяч гектаров, чтобы перевыполнить план сева главной хлебной культуры — озимой пшеницы. Вместе с тем уделяли больше внимания будущему яровому клину. Ибо кто знает, какой еще выдастся зима. Новые же сорта ярового ячменя и высокая агротехника его выращивания — весомый зерновой резерв области. И, конечно, кукуруза.

Об этой культуре несколько слов отдельно.

Совершенно правильно ратуют за быструю сортозамену зерновой кукурузы, за широкое применение простых гибридов, хорошо зарекомендовавших себя в Молдавии и юго-западных областях Украины. Но главным резервом повышения урожайности этой культуры является надлежащее отношение к ней. Тем более что анализ показывает: на любых почвах и в любой год она может у нас расти густо. Такую сбрасывать со счетов в борьбе за новые украинские миллиарды или хоть в какой-то мере недооценивать — значит, допустить немалую ошибку. Иное дело — выращивание кукурузы необходимо смелее и настойчивее механизировать.

Необходимо, надо, нужно... Эти слова мы часто повторяем, подводя итоги года, определяя свои конкретные задачи, вытекающие из решения декабрьского (1973) Пленума ЦК КПСС и выступления на нем Генерального секретаря ЦК Л. И. Брежнева. Слова эти свидетельствуют о стремлении идти вперед, не повторять промахи прошлого года. Вот, скажем, при подготовке к жатве неточно подсчитали возможности токов области и из-за этого имели дополнительные заботы во время ливней. Значит, необходимо взять просчет на заметку и сделать практические выводы. Или другое: самые лучшие показатели в животноводстве были у районов, где специализация уже не лозунг, а практическое дело. Следовательно, нужно настойчивее браться за продуманную концентрацию поголовья, за действительную индустриализацию работы на фермах.

А самое главное, о чем нельзя забывать ни на день, ни на час, — это решение проблемы кадров для села. Без этого даже максимально

точно обоснованные планы, самые смелые замыслы и самые искренние стремления повиснут в воздухе.

В чем же заключается суть этой проблемы? Какое практическое значение имеет ее решение для будущего сельской Полтавщины?

Последние годы в жизни советского села отмечены не только большими достижениями в развитии экономики, но и значительными социально-культурными преобразованиями. Растет культурный уровень сельского населения, богаче становится духовный мир хлебороба, повышается его благосостояние.

Не могу не привести разительный, на мой взгляд, пример из жизни области. Известно, каким тяжелым, засушливым и неурожайным был на Украине 1972 год. И все же индивидуальное жилищное строительство в селах Полтавщины не сократилось, автомашин и товаров культурно-бытового назначения колхозники приобрели почти на треть больше, нежели в предыдущем году, на десятки тысяч экземпляров книг увеличились личные библиотеки, выросло посещение кинотеатров. Значительно возросли и вклады в сельских сберегательных кассах.

И вот передо мной статистическая справка, составленная по данным ряда лет. В ней учтены показатели и передовых хозяйств и средних. Все они пострадали от того, что значительная часть колхозников, прежде всего молодежь, оставила села. 140 тысяч человек за одиннадцать лет выехали из сел нашей области. Многие из них осели на целинных землях. Немало молодежи по комсомольским путевкам поехало осваивать нефтеносный Самотлор и алмазные месторождения в Якутии, строить Саянскую гидроэлектростанцию и Камский автомобильный завод. Кроме того, и все возрастающая промышленность нашей собственной области черпает рабочие кадры тоже в основном из среды колхозников.

Во всех этих фактах нет ничего странного или заслуживающего порицания. И все же приведенная цифра и проблемы, встающие за ней, не могут не тревожить.

Каждый ли выпускник сельской школы, ушедший из родного колхоза, имел определенную, точно осознанную цель, выбирая городскую профессию? И еще: почему в одном селе остается почти вся молодежь, а в соседнем только единицы?

Или такой еще факт: оставила девушка работу на ферме, где ее подруги получают ежемесячно по 130—150 рублей, поехала в город, стала подсобницей на стройке, живет в «углу» у дальней родственницы. Поговорите с ней — и вы убедитесь, что она толком так и не сможет объяснить, почему ее потянуло в город. Нередко за этим стоит просто инерция: тот поехал и та, а почему же мне оставаться?

Публицисты, демографы, социологи высказывают спорные точки зрения на проблему миграции сельской молодежи и дают не очень радостные прогнозы на будущее. Впрочем я, пожалуй, не ошибусь, если скажу от имени практиков, что для особенного пессимизма оснований нет. Но и ждать у моря погоды тоже некогда, нужно действовать. Достигнув в 1973 году высоких показателей в сельскохозяйственном производстве, мы не имеем права работать хуже в 1974-м.

Дальнейший подъем сельского хозяйства немислим без самого активного участия молодежи. Как же обеспечить это ее участие?

Поделюсь с читателем историей, которую мне рассказали в Лубнах.

Капитан запаса Никита Борисович Федорченко, приняв после войны печать александровского колхоза Лубенского района, еще долго не мог отвыкнуть от военной терминологии. Выходил первым на косовицу хлеб, на другие неотложные работы и бросал клич, как

в своем штурмовом батальоне перед атакой: «Комсомольцы и коммунисты — вперед!»

Но их в селе, к сожалению, было тогда мало. Многие колхозники старшего поколения пали смертью храбрых на фронте. А молодежь только подрастала. Да и она, несмотря на все старания бывшего руководителя, не задерживалась, выезжала в города. Производство держалось в основном на плечах женщин. Можно себе представить связанные со всем этим трудности. Кто угодно опустил бы руки. Но не таков был коммунист Федорченко. Он, можно сказать, первым среди колхозных вожakov этой глубинной части Полтавщины решил сделать все, чтобы подрастающая смена не уезжала из села. Для этого необходима была какая-то притягательная сила.

И вот председатель александровского колхоза только ему известными путями раздобыл... планер. Выдержал бой с членами правления, выбрал молодого годами бывшего фронтовика и направил его на курсы инструкторов планерного спорта в Харьков.

Так в селе был создан кружок планеристов. И — о чудо! — это помогло удержать в колхозе более полутора десятка ребят. Увлечшись планерным делом, они стали запевадами в работе, активно поддерживали все начинания неугомонного Федорченко. А он одновременно с хозяйственным строительством поднял колхоз на сооружение лучшего во всей округе клуба. Даже раньше, чем в ближайшем городе — Лубнах, осуществил полную электрификацию жилых домов. Для этого, правда, ему пришлось напроситься в подшефные к «Уралмашу», где он когда-то получал танки для своего батальона. И молодежь перестала рваться из села.

Сегодня этого талантливого и дальновидного руководителя уже нет в живых. Но высеянные им семена дали в колхозе имени Мичурина, с той поры уже дважды укрупненном, прекрасные всходы. Приемник Никиты Борисовича на посту председателя М. И. Ночовный и секретарь парткома колхоза А. Т. Гаврик, который в те послевоенные годы работал председателем сельсовета, вся партийная организация села в составе 120 коммунистов решают проблему обновления кадров хлеборобов исключительно за счет своей сельской молодежи, правда уже на новой основе.

Если говорить кратко, это полное понимание стремлений выпускников школы к высококомеханизированной и нормированной работе, приближение сельского быта и культуры к городскому уровню, повседневное внимание к учебному и воспитательному процессу в школах (их на территории колхоза четыре, в том числе средняя и восьмилетняя). Это также преемственность трудовых традиций, шефство производственников колхоза над каждым учеником, это повышение боевитости комсомольской организации, все увеличивающееся число колхозных стипендиатов в институтах, техникумах, училищах.

Здесь давно уже считается нормой обеспечение учителей жильем, бесплатные обеды для школьников, умелое привлечение родителей к пропаганде сельских профессий, теснейшая связь с юношами, которые пошли служить в армию.

И теперь из 200 механизаторов колхоза свыше 80 человек — молодежь двадцатипятилетнего возраста. Причем из года в год состав механизаторов «омолаживается».

Из 17 доярок больше половины тоже составляют недавние выпускницы средней школы, а коллектив мясооткормочного комплекса, сооружение которого завершается вблизи Александровки, должен быть целиком молодежным. Сюда выпускников словно магнитом притягивает возможность на деле применить свои знания по электричеству, перспектива познакомиться в ходе работы с электроникой, а

также упорядоченный рабочий день и другие выгоды, которые обеспечивают механизация и специализация ведущих отраслей производства.

Да, молодежи сегодня нужен не только материальный достаток. Вот в чем, пожалуй, главная причина того, что часть молодых колхозников оставляет хорошо оплачиваемую работу в родном селе и меняет уют родного дома на неустроенность жизни в чужом углу в городе. Ибо крепко тянется сегодняшняя молодежь к профессиональному, моральному самоутверждению.

За последние одиннадцать лет в сельское хозяйство Полтавщины вошло 20 тысяч выпускников школ. Они составляют ныне почти две трети нашего отряда сельских механизаторов. Молодые труженики охотно принимают за все новое, прогрессивное. Это именно они преимущественно входят в состав механизированных звеньев, которые обрабатывают в области по новой технологии более 90 процентов площадей сахарной свеклы, почти столько же кукурузы на зерно и подсолнечника. Именно недавние десятиклассники, придя на ферму, проложили широкую дорогу машинному доению коров. Они же, молодые труженики села, творчески овладевая профессией и получив среднее специальное или высшее образование, с успехом руководят бригадами, фермами, целыми отраслями производства, вырастают в подлинных мастеров сельского хозяйства.

Однако сегодня колхозам, совхозам нужен не хлебороб вообще, а труженик с творческой жилкой, относящийся к земле как ко всенародному богатству, которое необходимо беречь и приумножать, то есть гражданин и боец, знающий свое место в общем строю и готовый к преодолению трудностей. Все эти качества должны воспитываться, на мой взгляд, не только в стенах школы. Это объясняется особенностью текущего момента, которую можно коротко охарактеризовать так: село охвачено технической революцией.

Ее масштабы и база четко определены XXIV съездом КПСС. Это почти 129 миллиардов рублей капиталовложений в сельское хозяйство в 1971—1975 годах, или столько же, сколько страна выделяла селу за две предыдущие пятилетки. Это 900 разнообразных видов машин, в том числе полюбившиеся хлеборобам тракторы «К-700» и «Т-150 К», это могучие комбайны «Колос» и «Нива», многотонные автомобили, целые комплексы механизмов для ферм. Это более совершенная технология, отвечающая новой технике, введение машинного учета труда. Уже есть все основания утверждать, что переход отдельных отраслей на индустриальную основу дает хозяйствам огромную экономическую выгоду.

И вот в этих условиях приходится встречаться с фактами, когда в отдельных колхозах и совхозах не хватает трактористов для двусменной работы машин, когда завтра нужно вводить в строй животноводческий комплекс, а еще нет операторов для обслуживания сложного оборудования, когда ищут на стороне слесаря-электромонтера, заманивая его явно завышенной зарплатой. А когда начинаешь разбираться во всем этом, то выясняется, что трактор этот новой марки и потому не каждый на него сядет; что операторов подобного профиля готовят профтехучилища только на другом конце республики; что слесарей-электромонтеров выучили, казалось бы, достаточно, но доставшиеся по случаю сверхплановые дефицитные машины для животноводческих ферм поторопились побыстрее установить, а обслуживать их некому.

Конечно, в таких недостатках большая доля вины падает на хозяйственников, парторганизации, контролирующие их деятельность. Но за всем этим видится и нечто иное. Бурная техническая революция на селе уже не может опираться лишь на кадры, подготовленные

сельскими школами. Недостаточно и таких звеньев сельского технического всеобуча, как курсы при колхозах и совхозах, при райобъединениях Сельхозтехника, не говоря уже об индивидуальном ученичестве. Жизнь настойчиво требует расширения, усовершенствования государственной системы профессионально-технического обучения, ибо в поле и на фермах нужны механизаторы широкого профиля. В этом гарантия наиболее полной их занятости на протяжении всего года, а также значительной экономии трудовых ресурсов. Главное же — нужны механизаторы, которые знали бы новейшую технику.

Тем временем данные о работе сельских профессионально-технических училищ, расположенных на территории Полтавщины, да и не только, пожалуй, нашей области, свидетельствуют, что научно-техническая революция застала их врасплох. В 1969 году училища механизации в расчете на каждый новый трактор, поступивший в область, готовили в среднем по 1,7 тракториста. Теперь же этот показатель едва-едва достигает единицы. И это очень беспокоит.

Следует также позаботиться о более широкой подготовке специалистов недавно уникальных, а теперь обычных в деревне профессий — наладчика машинно-тракторного парка, оператора откормочного комплекса, птицефабрики, механизатора-мелиоратора и т. п. И ведь нигде, кроме как в сельских профессионально-технических училищах соответствующего профиля, их не подготовишь!

В противном случае нас ждут большие потери. И не только прямые — экономические, но и моральные. Руководители невольно вынуждены предоставлять молодежи, приходящей в колхоз после школы, устаревшую технику, искусственно сдерживать техническое перевооружение хозяйств до «лучших времен» с кадрами. С другой стороны, возникают вполне резонные претензии молодых, неудовлетворение работой. А отсюда лишь один шаг к тому, чтобы неудовлетворенный вообще разочаровался в работе на селе и выехал в город.

Таков один из недостатков, который общими усилиями надо убирать с пути технического прогресса в деревне.

Необходимо по-новому осмыслить и сам факт массового пополнения сельскохозяйственных кадров молодежью.

Недавно была у меня откровенная беседа с одним председателем колхоза. Опытный организатор, вдумчивый хозяйственник, на вопрос, доволен ли он приходом в тракторную бригаду целой группы выпускников местной средней школы, ответил:

— А как же, а как же...

А сам, вижу, чем-то очень встревожен.

В чем же дело?

И тут он признался.хлопот, говорит, стало больше — остается только специальность педагога освоить. И рассказал, что вчерашние школьники начали свою работу в тракторной бригаде с того, что раскритиковали (справедливо, конечно) учетчика за его халатность и заявили бригадиру, что не потерпят бестактного его отношения к людям. И вот председателю теперь нужно срочно устранять конфликт, «мирить» поколения.

Педагогика? Да, она уже давно напрашивается в арсенал всей нашей организаторской и воспитательной работы. Знаменитое ленинское «уметь подойти» должно стать основным ее содержанием.

Обо всех этих проблемах приходится серьезно задумываться, ибо жизнь ставит перед нами все более сложные задачи. Вот и на последней областной партийной конференции шел разговор о том, что без повышения организующей роли первичных парторганизаций, без воспитания воспитателей — руководящих кадров в промышленности и сельском хозяйстве, — без всемерной поддержки творческой ини-

циативы людей на любом участке работы мы не сможем двигаться вперед.

«...Перед нами стоят задачи не менее важные по сравнению с теми, которые мы уже решили,— говорил Леонид Ильич Брежнев.— Достаточно сказать об одной только задаче, которая стояла, стоит и, очевидно, долго еще будет стоять. Это подъем урожайности с каждого гектара. Если говорить откровенно, то во многих хозяйствах, и я бы сказал даже районах, мы все еще получаем низкие урожаи. А ведь повышение урожайности каждого гектара означает высокий валовой сбор зерна, рост закупок сельскохозяйственной продукции, а значит, дальнейшее повышение уровня жизни народа».

В этих словах, сказанных Генеральным секретарем ЦК КПСС на торжественном заседании в Алма-Ате по случаю двадцатилетия освоения целины, я словно заново ощутил неразрывность этой вечной двуединой задачи — хлеб и люди. Невольно вспоминаю торжественное заседание в Алма-Ате, в котором мне выпала честь принимать участие, и такое у меня чувство, будто снова переживаю незабываемые волнующие встречи во дворце имени Ленина, на проспектах и площадях солнечного города. Русские, казахи, украинцы, немцы, татары, молдаване, чуваша, белорусы ходили обнявшись, как родные братья. Такой была и встреча с моими друзьями, товарищами по работе в совхозе «Толбухинский» в Целинограде. Мы были вместе все время, но так и не успели всего рассказать друг другу.

Всем нам торжественное заседание запомнилось речью Леонида Ильича Брежнева, героя целины, чей неутомимый труд, организаторская работа, полная отдача делу способствовали успеху первых лет освоения целины, осуществлению последующих мероприятий по повышению урожайности на новых землях.

Что же впереди у меня и у всех моих побратимов по партии, по общим будничным заботам?

Работа, работа и еще раз работа.

Пусть она будет до седьмого пота. Пусть проходит в трудностях, без которых немислимо развитие. Лишь бы только она все щедрее оборачивалась хорошими результатами во имя процветания отчизны.

Цели выше этой у нас нет и быть не может!

Полтава.

Перевод с украинского.

ИВАН ДРАЧ

★

ОРЛЫ СМОТРЯТ НА СОЛНЦЕ...

ЯНВАРСКАЯ БАЛЛАДА 1924 ГОДА

«Постановили: избрать товарища Ленина председателем сельсовета села Мармулеевки, заместителем председателя оставить крестьянина того же села Чоповского Степана. Поручить Мармулеевскому товариществу направить к товарищу Ленину ходока с мандатом товарищу Ленину от райисполкома о его избрании...»

Из протокола съезда Советов Дзюнковского района Киевской губернии от 19 ноября 1923 года.

Как только мороз новогодний пожух,
Купили в Тетиеве ладный кожух,

Штаны подлатали (эх ты, одноштан!)
И вышли прощаться: мол, двигай, Степан.

Стояли на самой горбине села,
Откуда на Рось дорога вела,

Кирило Климяк, Горобец Омелян,
Химка с Домашкой да дед Задоян.

А из окна наблюдал что и как
Недруг их лютый — матерый кулак...

Колеса стучат себе: «Киев—Москва».
А в сердце стучат, как на стыках, слова:

«Я хитрый, ой хитрый придумала план!
Возьмись проверни-ка, товарищ Степан.

Он так не приедет, проси не проси.
Ведь раны... Нельзя... Да и дел на Руси!..

Нам надо б его — как глядите на это? —
Избрать председателем сельсовета.

Уж коль председатель — приедет раз в год...
Над Росью-то дух травяной — чистый мед.

Уж я, поручиться могу головой,
Его излечила б своею травой!»

Вот ум у Домашки!.. Нарком! Министерша!
А слово ж — как рыбка, а сердце ж — как верша...

Избрали на сходке. Район возразил.
Степан — по-матросски, на крик, что есть сил:

«От всей бедноты я! Имейте в виду!
Да я до Петровского даже дойду!..»

И тов. Гончаренко печатку — бабах!
Угрозы ему — что песок на зубах...

Степана в ночи дождались в сельсовете
Друзья-комнезамы, сияя как дети,—

Кирило Климяк, Горобец Омелян,
Химка с Домашкой да дед Задоян.

Печать приласкавший, хитрюга Домашка
От радости расщебеталась, как пташка:

Она тут и вправду ведь — первая скрипка!
А сердце ж — как верша, а слово ж — как рыбка ..

Приехал Степан. Вроде б точно — Москва.
Но что с ней стряслось? Ни жива ни мертва.

Знамена склонились, по ним — чернота.
Москва-то Москва, да как будто не та.

Людей — океан, только он не шумит.
Москва-то Москва, но не тот что-то вид.

Как врезанные в черно-алый мороз —
Лица рабочих. И льдинки из слез.

Красноармеец плачет навзрыд...
Нахмурься, мальчоночка старцем глядит...

Две ночи стоят у костров ходоки:
Полтавские, псковские есть мужики.

«Вот это приехал я! Вот оно как!..»
Откуда-то вихрем — балтийский моряк.

В бушлатике черном, знай ладит свое:
«Браток! Это правда?.. Иль, может, вранье?!»

И так за Степанов взялся воротник,
Как будто эсер перед ним, меньшевик.

Сказать бы: мол, я тут с бедняцким мандатом!
Да разве уместно? Уж где там, куда там...

Лишь думка все крутится — кстати ль, некстати ль:
«Ну, есть заместитель. А где ж председатель?»

И молвил Степан: «Это правда, браток».
И влился слезою в тот скорбный поток.

Болят миллионы сердец как одно!
А день на кострах догорел уж черно.

Но толпы людей не редели — росли.
Откуда ж народ? Не со всей ли земли?

Дед из-под Новгорода. Борода.
С бровью бровь — как с ордою орда.

Клюка. Усы от махорки желты.
Вдохнул — и к Степану по-свойски, на ты:

«Ему бы — слышь, парень? — к нашим озерам,
К рыбкам особенным, сизоперым.

От нашей ухи отлегло бы в груди!
А лекари — что? Из буржуев, поди...»

Тут зубы грузина сверкнули, как залп,—
Башлык откинув, грузин им сказал:

«В Сванетию лучше б! Там порохом раны
Ему залечили бы старые сваны:

В часы, когда небо грозит грозой,
Тот порох целебный разводят слезой...»

И смолк он, вокруг поглядев невзначай:
Для снадобья слез-то — хоть отбавляй!

И речи — как пчелы. И полночь — как улей.
«Он — наш председатель: избрали в ауле...»

«И в вёске моей, что на Свислочь-реке...»
«И в нашем селе...» «И у нас в кишлаке...»

Мороз. Но клокочет нестынувший вир!
А тут еще — дядька к Степану, башкир:

«Ой, хитрецы ж в сельсовете моем!
Мол, председателем изберем —

И Ленин уж как-нибудь выберет срок,
Приедет к нам на кумыс, на медок...»

И тяжко, беззвучно Степан зарыдал —
Сквозь ночь комнезамов своих увидал.

И шапка вздрагивала в руке,
И плакали так же — там, вдалеке,

Кирило Климяк, Горобец Омельян,
Химка с Домашкой да дед Задоян.

А стужа презлющая — может, все тридцать,
И звездами небо от боли слезится.

А здесь, у костров, где боль горяча,
Стоят заместители Ильича.

И скорбь нарастает от этого бденья..
А нэпманы шастают, как привиденья.

Один было — в смех. Заработал свое!..
«Как наше,— подумал Степан,— кулачье».

И жарко от горя — душе, голове.
Эх, жаль, в Мармулеевке, а не в Москве

Кирило Климяк, Горобец Омелян,
Химка с Домашкой да дед Задоян!..

Был поезд из Горок. Не молкли гудки.
Шли свитою траурной большевики.

А в глотке слова — до кипения аж:
«Владимир Ильич, председатель ты наш,

Теперь не приедешь к себе на Рось!..
Но сколь бы нам трудно в борьбе ни пришлось,

Бороться мы станем по-ленински впредь —
Ни силы, ни жизни самой не жалеть.

Буржуй ли, бандит ли — к нам лучше не лезь:
Мы все заместители Ленина здесь!»

Так, в тысячи горл, присягает Москва.
Гудит вся земля. Шепчут эти слова

Кирило Климяк, Горобец Омелян,
Химка с Домашкой да дед Задоян.

Над ними, над гвардией Ильичевой,
Навечно вздымается стяг кумачовый,—

И малой слезою, на самом краю,
Еще не рожденный, я с ними стою.

БАЛЛАДА ПРО ДЯДЮ ЗИНЬКА

Вот так я его и помню: по нашей улочке шел он,
Ему на босые ноги сыпал росу осот,
А день безветренный летний был духом шиповника полон,
А мама руками всплеснула: «Зинько-то... Скамью нам несет!»

Тащил на спине скамейку, чуть исподлобья глядя,
Будто из грушицы дикой выстругал пару крыл —
И над собой распростер их Зинько, мой любимый дядя,
И, как опереньем тяжелым, ладонями сверху покрыл.

Потом ту душистую ношу отцовы приняли руки,
Отец мой сказал при этом: «Остынь, Зинько, отдохни...»
А после, сидя под грушей на желтой скамье-разлуке,
Одеколон заедали яишенкой желтой они.

«Не давай ему дикалону!» — мать за меня просила.
 «А что? Пусть отведает малость. Уж дядьки-то, может, и нет...»
 Какая же горестно-горькая, какая полынная сила
 Была в том питье зеленом, в том зелье военных лет!

Скамеечку нашу новую затаптываю ступнями,
 Тянусь, птенцом заглядываю в наодеколоненный дядин рот
 И слушаю про войну, нависшую тьмой над нами,
 И, наголо постриженный, Зинько уходит на фронт.

Он вскоре будет убит. Но времени еще хватит
 Меня покидать, покачелить — мой дядька так любит детей!
 И стану я хохотать, малец, несмышленьш-лунатик,
 А уж Зиньку этот хохот — воды освященной святей.

Меня на ладонь он посадит, подшлепнет в четыре пальца,
 Подбросит еще напоследок, минутам ведя свой счет.
 «Ну так-то, братик Ивасик. Пускай оно все провалится,
 А гада побить нам надо!» — и в грудь легонько боднет.

А вскоре дяди не станет. И строго бабка Мария
 Объявит, что в небо, стало быть, взлетела Зинькова душа.
 И денно буду я вглядываться в синь, в облака грозовые,
 И ночью хоть искорки сверху все буду ждать, чуть дыша.

И подходить на цыпочках туда, где скамейка наша
 Таинственным смотрит оком — заструганным круглым сучком.
 А в сердце огнем разольется та первая горькая чаша,
 А в горле не будет проглатываться той первой утраты ком.

И только в памяти цепкой Зинько как живой вдруг встанет,
 И только в сны возвратится невозвратимая быль,
 Да крыльями — грушевым духом — скамья до небес достанет,
 Да волгло на ней осядет тяжелая звездная пыль...

Перевел ВАЛЕНТИН КОРЧАГИН.

КЛАДБИЩЕ-НЕБОСКРЕБ

В городах Италии для кладбищ не хватает земли — она нужна живым. Архитектор Ванди Виго так предлагает решить эту проблему: построить двадцатизэтажный небоскреб-кладбище на четырнадцать тысяч мертвецов. С благословения Ватикана этот проект осуществляется в городе Россано.

Люди, чудные мурашки!
 Куда вас девать после смерти?
 Переслать ли вас богу
 в герметичном конверте?
 Жизнь, она — центрифуга,
 вас разбрызжет капелью,
 и гробы вырастают на местах колыбелей,

и встают над землею, трагедийны не в меру,
кладбища-небоскребы — дети модерна.
Стынет сердце при виде этого сверхпорядка,
их пилоны щекочут Савафовы пятки.

А в приемной у бога

ангелы старомодные,

душ они не возносят —

они безработные...

Обрывают ракеты пуповины земные —
гроб на лифте возносится в небеса голубые,
птичье царство пугая на последней вершине, —
все по четкому плану кибермашины.

Да еще прокадит

реактивным Христом

самолет поминальный

с черноперым крылом...

БАЛЛАДА ОТКРЫТЫХ ДЕТСКИХ ГЛАЗ

Я хочу видеть мир открытыми глазами,
я такое покуда маленькое, что умею только смотреть,
маму хочу видеть веселой мамой,
солнце хочу видеть в золотистой шляпке,
небо хочу видеть в синей косынке,
я не знаю еще, какая на запах Честность,
я не знаю еще, какая на вкус Подлость,
какого цвета Зависть, какова мера Печали,
как горька Грусть, как бездонна Любовь,
как синеока Искренность,

как мельтешит Коварство,

я со временем все разложу по полочкам,
но все же, пока я вырасту, сделайте что-то такое

на свете,

чтобы никогда не закрывать глаза от Страх,
не смещайте по-взрослому пропорций.

Орлы смотрят на солнце открытыми глазами.

Дети смотрят на мир открытыми глазами.

ВЕЧЕРНЯЯ АКВАРЕЛЬ

Пастушок сидит на пригорке,
пасет на лугу вечер,

сбивает звезды кнутом, посвистывая,
а вечер пасется, хвостом помахивая.

Идет моя золотая, идет пританцовывая,
несет мне полные,

непригубленные губы,

ФЕОДОСИЙ ВИДРАШКУ

★

ДЕЛИСЬ ОГНЕМ

Этим летом в городе Дзержинске на первом слете наставников молодежи Донбасса выступал бригадир рабочих очистного забоя шахты имени Димитрова Кузьма Северинов.

— Мастерство каждого рабочего не умирает,— говорил он.— Писатель продолжает жить в своих книгах, художник — в картинах, рабочий — в своих учениках.

За столом президиума среди самых известных людей шахтерского края сидел широкоплечий крепкий седой человек и очень волновался. Северинов обращался к нему:

— Дорогой Иван Иванович! Когда я был совсем молодым шахтером, после первого моего успеха вы вручили мне свою шахтерскую каску. Я прошу вашего разрешения передать эту каску моему ученику Станиславу Носенко...

Иван Иванович Бридько живет в семидесяти пяти километрах от Донецка, в поселке имени Димитрова. Неподалеку от входа в шахту, в центре парка стоит его бронзовый бюст. Бридько один из немногих людей, кому по решению Президиума Верховного Совета СССР ставят бюсты при жизни. Он дважды Герой Социалистического Труда, единственный дважды Герой среди шахтеров. Ему около семидесяти лет, и на его глазах прошла вся история технического прогресса на угольных шахтах страны.

— А начал я вот так.— Иван Иванович показывает, как работали саночники.

Это было полвека тому назад. Он спустился в шахту. В низкой лаве саночник мог передвигаться только на четвереньках, надев на себя лямку и нацепив на шею лампу Вольфа. Наколенники, перчатки, а чаще всего без них, и тяжелые санки с углем. Так работали многие поколения шахтеров. Будто самим богом была проклята эта работа — добывать из недр тепло и свет для других, а самому видеть только землю, черную, колючую пыль. Бридько в двенадцать лет остался без родителей, воспитывался у чужих людей. С 1925 года живет в этом поселке. Здесь он работал саночником, вагонщиком, уборщиком породы, проходчиком, забойщиком, десятником и начальником угольной лавы. Ритмичная работа, непрерывно действующий поток — вот что требовалось, и Бридько стал решительно бороться за это. Он взялся за вытеснение с шахты обушка, за внедрение механизации, за новые методы добычи. У него было достаточно прирожденной энергии, настойчивости, но общих знаний маловато.

— Среди всех моих родичей я был грамотеем — три класса образования. Остальные близкие и дальние родственники ни одной буквы не знали.

Незадолго до войны Ивана Ивановича направляют в Москву в Промакадемию. Там же учился в то время Алексей Стаханов. Окончив учебу, Бридько на свою шахту не попал — началась война. Попросился на фронт, но его не брали, потому что у военкомата еще не было указания, как поступить с депутатами. Бридько в то время являлся депутатом Верховного Совета Украины. Пока суд да дело, он вступает в народное ополчение и идет на защиту столицы. После разгрома врага под Москвой Иван Иванович Бридько получает красноармейскую книжку и направляется на защиту Сталинграда. Одно ранение, другое, контузия, полная потеря слуха, паралич — все вынес. Могучий организм богатыря-шахтера побеждал, и Бридько снова и снова возвращался в бой. А когда был освобожден Донбасс, он пришел на шахту. Борьба с разрухой, с недостатком рабочих рук заставляла Бридько сутками не выходить из шахты. По состоянию здоровья ему предлагали работу в шахтоуправлении, начальником шахты предлагали, но он оставался там, откуда непосредственно поступал на-гора уголь. Сначала брали из верхних лав, а по мере того как выкачивали воду, восстанавливали и нижние.

Бридько, как и до войны, считал, что самое главное в работе участка — это знание всех особенностей лавы, точный график, строгое соблюдение цикла, хотя, казалось бы, о каком цикле может идти речь в условиях послевоенной разрухи? «Бумаги бумагами, — говорили ему, — а попробуй примени, что ты там начертил в шахте». Мастер же следовал своему правилу — за две смены надо выгружать уголь из лавы по всей ее длине, а в третью вести все ремонтно-подготовительные работы. О значении ремонтно-подготовительных работ перед началом работы Иван Иванович ведет речь и сейчас.

Движение за цикличность в работе лав, дисциплина и порядок на производстве ширились, страна благодаря почину димитровского мастера получала миллионы тонн сверхпланового угля. И 29 августа 1948-го года, когда впервые отмечался День шахтера, над шахтерским поселком Димитров зажглась яркая звезда в честь Ивана Ивановича Бридько. Президиум Верховного Совета СССР присвоил сорокатрех-летнему начальнику участка звание Героя Социалистического Труда. Вторую Золотую Звезду получил он в 1957 году. И тогда был воздвигнут в центральном скверике шахты бюст Ивана Ивановича.

В октябре 1971 года в Донецке состоялся «большой совет рабочей гвардии».

Именно здесь, в центре Донбасса, в шахтерской столице, собрались представители династий рабочего класса и колхозного крестьянства всех союзных республик, областей и краев Российской Федерации. Были и убеленные сединами ветераны, и молодежь. 48 Героев Социалистического Труда, 59 кавалеров ордена Ленина. На этом совете Ивану Ивановичу было поручено заложить в нишу рядом с памятником Владимиру Ильичу Ленину на центральной площади Донецка капсулу с посланием участников этой встречи трудовых династий к молодежи страны XXI века. «Вскрыть 29 октября 2018 года» — написано на мраморной плите над нишей. В тот день Ленинскому комсомолу исполнится сто лет. Смотрю на фотографии: Иван Иванович Бридько держит эту капсулу в вытянутой руке как эстафету, передаваемую в будущий век.

Иван Иванович Бридько на пенсии. Но он в курсе всех дел на шахте, его радуют успехи и огорчают неудачи коллектива, отсутствие ритмичности, рывки в работе — то выполнение, то невыполнение плана. Он считает, что Григорий Григорьевич Никитенко, энергичный директор шахты, сделавший так много за последнее время для благо-

устройства поселка, для налаживания быта шахтеров, выведет шахту имени Димитрова в число передовых в Донбассе («Только бы его от нас не забрали», — беспокоится Бридько).

Старый мастер — главная опора созданной два года назад общественно-воспитательной комиссии шахты. В нее включены парторг, наиболее уважаемые и авторитетные ветераны, передовики труда. Один раз в неделю на ее заседании разбираются наиболее явные нарушения трудовой дисциплины, разгильдяйства, пьянства.

— Главная цель таких разбирательств — исправить человека, — говорит Иван Иванович. — Выгнать с работы никогда не поздно. А вот исправить — это всегда трудно. Но сам факт вызова на эту комиссию уже дисциплинирует человека. Мы ему тут такое внушение устраиваем, что второй раз попадаться не захочет. Посмотрели бы вы, как усмиряются здесь дебоширы, как они потеют! Ни с какими пятнадцатью сутками не сравнить. И суд, наверное, меньше воздействует. Здесь нарушитель краснеет перед товарищами по работе. Мы многих людей исправляем.

Иван Иванович Бридько размышляет о том, как важно использовать в нашем народном хозяйстве опыт старых кадров, старых маяков. Не забывать о них, когда они в силу естественного движения жизни уходят из первого эшелона. Бывает так, что отправят прогремевшего в свое время начинанием человека на пенсию, а потом забудут и с праздником поздравить. А таким людям небесполезно и открыточку к празднику послать, и подарочек не помешает, а может быть, руководителю, секретарю райкома и навестить: как, мол, ты поживаешь, маяк, гордость наша?..

— Вас, конечно, поздравляют? — интересуюсь я.

— Меня-то конечно... Наше местное руководство шахты, парткома... Спасибо им, они меня, старика, не забывают...

— Министр, конечно, ко Дню шахтера обязательно вспоминает о вас?

— Министр? Да что вы... У него забот без меня хватает... А меня вот что волнует — семьи наших героев. Вот Никита Изотов помер. У него больная дочь была, я не знаю, как она там... Мы как-то разговорились об этом с Петровым. Слыхали о нем? Это тот, который непосредственно вдохновлял Стаханова на подвиг. Константин Григорьевич. Я недавно его встретил... На будущий год исполняется сорок лет со дня подвига Стаханова. И Петров уже сейчас начинает волноваться. Стахановское движение — это его кровное, родное. А какое он тогда постановление написал!

«Постановление пленума шахтпарткома шахты «Центральная Ирмино» от 31 августа 1935 года о производительности забойщика Стаханова.

Слушали:

о производительности труда забойщика участка «Нижанор-Восток» тов. Стаханова в ночь с 30 на 31 августа 1935 года.

Постановили:

считать, что Стаханов А. Г. в ночь с 30 на 31 августа за свои рабочие 6 часов установил мировой рекорд производительности отбойного молотка, дав 102 тонны угля.

Пленум шахтпарткома отмечает огромную заслугу тов. Стаханова в установлении мирового рекорда и считает, что он добился его благодаря тому, что овладел техникой дела, сумел оседлать технику и извлечь из нее все полезное.

Придавая особое политическое значение установленному тов. Стахановым рекорду — 102 тонны на молоток,— пленум шахтпарткома считает, что это и есть верный путь, который ведет к выполнению указаний партии о решающей роли кадров, овладевших новой техникой, и, безусловно, гарантирует досрочное выполнение годового плана.

Пленум шахтпарткома постановляет:

1. Занести имя тов. Стаханова на Доску почета лучших людей шахты.

2. Выдать ему премию в размере месячного оклада жалованья.

3. К 3 сентября предоставить тов. Стаханову квартиру из числа квартир технического персонала, установить в ней телефон.

4. Просить рудоуправляющего тов. Фесенко разрешить заведующему шахтой за счет шахты оборудовать тов. Стаханову квартиру всем необходимым и мягкой мебелью.

5. Просить председателя Первомайского рудкома угольщиков тов. Игнатова и председателя ЦК профсоюза угольщиков тов. Шмидта выделить для Стаханова семейную путевку на курорт.

6. С 1 сентября выделить в клубе два именных места Стаханову с женой во все кино, спектакли, всевозможные вечера.

7. 10 сентября в новой квартире Стаханова устроить вечер, пригласив на него знатных людей шахты, мастеров отбойного молотка тт. Гришина, Свиридова, Мурашко, Изотова.

8. Объявить соревнование между забойщиками на лучшего мастера отбойного молотка овладевшего техникой.

9. Предложить всем начальникам участков, партгруппам, профоргам, шахткому:

а) не позже 2 сентября по всем участкам посменно проработать опыт и установленный рекорд тов. Стаханова;

б) 3 сентября созвать специальное собрание забойщиков с обязательным участием «треугольников» участков, на котором заслушать доклад тов. Стаханова о том, как он овладел высокой техникой работы на молотке и установил мировой рекорд производительности на нем;

в) развернуть соревнование по участкам на лучшего забойщика участка шахты.

10. Пленум шахтпарткома считает необходимым заранее указать и предупредить всех тех, кто попытается клеветать на тов. Стаханова и его рекорд как случайность, выдумку и т. п., что партийным комитетом они будут расценены как самые злейшие враги, выступающие против лучших людей шахты, нашей страны, отдающих все для выполнения указаний нашей партии о полном использовании техники.

Партийный комитет уверен, что за тов. Стахановым появятся новые герои, которые нашей организацией будут встречены с радостью и гордостью как люди, решившие делом своим, честным трудом выполнять указания партии о полном использовании техники.

Парторг ЦК ВКП(б) К. Петров».

С этим документом знакомит меня уже сам Константин Григорьевич Петров в Кадиевке, на шахте «Центральная-Ирмино», у входа которой встречают короткие волнующие слова: «Здесь зародилось стахановское движение».

Владимир Федорович Грибов назначен начальником шахтоуправления имени XXII съезда КПСС (так называется сейчас шахта «Центральная-Ирмино») совсем недавно. Константин Григорьевич Петров зашел проведать нового начальника. Разговорились, вспоминали ветеранов шахты, недавний приезд в Кадиевку Алексея Григорьевича Стаханова. Зашел разговор и о предстоящей в 1975 году сорокалет-

ней годовщине стахановского движения. Начальник немного озадачен. Предстоят большие дела, немалые заботы. К юбилею надо готовиться уже сейчас. Хорошо бы к тому времени решительно увеличить добычу, сделать так, чтобы дела прославленной шахты прогремели снова на всю страну, как это было сорок лет тому назад.

Владимир Федорович просит Петрова рассказать, как это было, как зарождалось стахановское движение.

Шахта «Центральная-Ирмино» принадлежала к числу средних по мощности. В годы первой пятилетки была проведена реконструкция, постепенно уходили обушки, внедрялись отбойные молотки, лошадей вытесняли электровозы. Партия ставила задачу резкого увеличения угледобычи, и на шахты, как и на другие крупнейшие предприятия страны, посылались партийные организаторы Центрального Комитета ВКП(б). Среди восьмидесяти партторгов, направленных на шахты, находился и бывший воспитанник голубовского дома беспризорников, коногон, слесарь и подручный на шахтах Кадиевки, горячий комсомольский вожак и инструктор политотдела на железнодорожном транспорте Костя Петров. Ему было тогда двадцать шесть лет. Петров взялся энергично за выполнение боевого задания — больше угля! Из двухсот коммунистов шахты в забоях работали только семьдесят. «Не дело это», — сказал Петров и добился того, что уже к осени еще восемьдесят коммунистов работали непосредственно в лавах. Но Петров понимал: любые организационные меры могут улучшить работу, а к коренному перелому не приведут, пока методы добычи остаются старыми. Не принесла серьезных изменений и замена обушковых отбойными молотками. Каждый забойщик работал час-два молотком, а потом брал в руки топор и начинал подкреплять забой. Пока забойщик работал топором, компрессор крутился вхолостую. Парторг искал новую технологию угледобычи. К этому поиску были подключены и коммунисты и беспартийные инженерно-технические работники. С их помощью партком разослал рабочим шестьсот писем с просьбой ответить, почему, по их мнению, шахта работает плохо и что нужно сделать, чтобы дела пошли лучше. Почти все шестьсот рабочих ответили парткому. Письма, ответы, беседы мобилизовали людей. Каждый задавал себе вопрос: а что же ты сам сделал, чтобы шахта не отставала? Партком выяснял нужды рабочих, делал все, чтобы их удовлетворить.

В условиях развернутого партией невиданного наступления за преобразование страны повсеместно велись поиски новых решений, новых методов работы.

Много говорили тогда о трудовых рекордах. Петрову тоже очень хотелось иметь своих рекордсменов на этой еще почти ничем не приметной шахте. Но не в одних рекордах дело, рассуждал он. Превратить рекорды в стимул для всеобщего повышения производительности — вот главная цель. А для начала нужно доказать, что резкое повышение производительности труда возможно. И потому нужен первый человек, который бы смог это доказать.

Почему был избран именно Стаханов? Константин Григорьевич говорит, что он остановился на Стаханове как на одном из самых лучших забойщиков шахты. Знал его давно. Приехал Алексей в Кадиевку в белых отутюженных брюках, в такой же сорочке. Быстро освоился с шахтерским трудом и стал одним из лучших забойщиков. Он нередко, встречаясь с парторгом, говорил ему о неполадках, о толкотне в лавах, о том, что забойщик своей прямой работой — рубить уголь — занимается часа три за смену, остальное время тратит то на укрепление лавы, то на поиски крепежного леса, то ждет, пока заработает компрессор, а если молоток испортится — подымайся на-гора и ре-

монтирую там, в лаве запасных частей нет. «Если все это устранить,— говорил Стаханов,— сколько бы можно было угля добывать!»

Эти вопросы не давали покоя и Петрову. Он мог долгими ночами не спать и все искать ответа на них, прикидывать и прикидывать. Однажды он поделился с начальником шахты своими мыслями о том, что нужно рекордом доказать — резкое повышение производительности труда возможно. Но тот, озабоченный повседневными делами, махнул рукой: дело, мол, не за рекордами, и без них забот хватает. А позднее, когда стал конкретно вопрос о рекорде — в канун Международного юношеского дня,— он просто сказал Петрову: «Бросьте вы эту театральщину!» Но Петров не бросил. Он все заранее обдумал, поговорил и все рассчитал вместе с начальником участка «Никанор-Восток» Николаем Игнатьевичем Машуровым.

Из редакции местной газеты «Кадиевский пролетарий» запросили информацию о подготовке к Международному юношескому дню. «Позвоните через несколько дней»,— ответил Петров.

А через несколько дней...

Предоставим слово самому Стаханову¹:

«29 августа в шесть часов вечера к нам с Дусей нагрянули гости. Константин Григорьевич Петров сказал, что надо отметить МЮД рекордом. Я вначале колебался, думал: а что, если не получится? Ведь позор тогда, как людям в глаза смотреть? Но Петров и Машуров уверяли меня, что все будет хорошо, объясняли, как все уже подготовлено. «Тебе нужно выжать из молотка все, понимаешь? Крепить будут другие, вслед за тобой»,— говорил начальник участка. Тут вмешалась жена Дуся. Ей тоже не хотелось, чтобы я опозорился. А Константин Григорьевич стал нажимать на ее самолюбие. В то время очень завидовали орденосцам, гордились ими. Таким орденосцем был у нас Гришин. Так Петров и говорит Дусе: «Он будет таким же знатным, как Гришин». А она загорелась: «Как Гришин? Алеша докажет, что он не хуже Гришина!» И все было решено.

30 августа я поднялся чуть свет, быстро умылся холодной водой, оделся и пришел к шахте. Группами шли рабочие. Я обгонял их. «Чего бежишь?» — спрашивали. Я ничего не отвечал, спешил к Машурову: надо было узнать, кто из крепильщиков пойдет за мной следом, как будут доставлять лес, как вывозить уголь. Я уже был твердо уверен, что вырублю всю лаву. Николай Игнатьевич на все мои вопросы и просьбы ответил: «Будет сделано». Потом я пошел в мастерскую проверить исправность отбойного молотка. В мастерской тогда не всегда можно было надеяться на хороший уход за молотками. Их по нескольку дней не промывали и не смазывали. Разобрал свой молоток, промыл каждую деталь керосином, смазал маслом и снова собрал. Потом присоединил молоток к шлангу со сжатым воздухом и испытал. Молоток работал легко и ровно. Я вытер его паклей и передал дежурному слесарю. «Будь другом, не выдавай его никому! Ты видел, сколько я на него времени потратил!» «Видел»,— ответил слесарь и спросил, не собираюсь ли я в честь праздника тонн двадцать угля рубануть. У нас тогда самая высокая добыча на забойщика была не больше пятнадцати тонн. Бывало, что и я добывал иногда столько же. Слесарю я ничего не ответил. Посмотрим, подумал я про себя. Пошел домой позавтракать и заспешил на шахту, хотел попасть на дневной наряд. Нарядная была украшена плакатами и лозунгами в честь МЮДа. На стене — доска с показателями соцсоревнования. Самая большая цифра — 200 процентов. Я обговорил со своими товарищами-крепильщиками, когда спускаться коногонам, когда слесарям. Усло-

¹ См. книгу «Життя шахтарське». Киев. Политиздат України. 1973.

вились встретиться в девять часов. «До этого ты иди поспи», — уговаривал меня Константин Григорьевич. Но какой там сон! Я очень волновался, но все больше приходила уверенность, что смогу дать рекорд.

В десятом часу мы спустились в шахту. Петров до того был уверен в моем успехе, что позвал редактора многотиражки Михайлова. Начальник участка тоже шел вместе с ними, помогать. Пошли мы в даву и тут своим глазам не поверили — нет крепежа. Кинулись искать лес. Кое-что нашли в завале и перенесли в уступы. Я поднялся на верх лавы и проверил, не висит ли корж, как расположены струи пласта... Следом за мной, когда я снял верхнюю пачку угля и снимал земник, приступили к делу крепильщики. Они ставили по две стойки друг за другом. Константин Григорьевич Петров освещал забой своей надзоркой. Машуров на штреке руководил вывозкой угля, а Михайлов следил за временем и под свет лампы Петрова записывал. Так проработали мы пять часов сорок пять минут. А когда закончили, Машуров, задыхаясь от волнения, говорит:

«Ты знаешь, Алексей, сколько нарубил? По моим подсчетам, свыше ста тонн!»

И тогда прямо в шахтерке на рассвете 31 августа 1935 года парторг ЦК написал проект постановления парткома.

— Конечно, когда смотришь на этот документ сегодняшними глазами, — говорит Константин Григорьевич, — думаешь, что его можно было бы написать иначе, более толково, с более точными формулировками. Но тогда надо было все это написать очень быстро, потому что на шесть часов утра было назначено заседание шахтпарткома.

Об Алексее Стаханове написано немало, его имя гремит и до сих пор. Но как сложилась судьба самого Петрова? Об этом он говорит скупко. Промакадемия, фронт, еще до окончания войны вызов в ЦК и получение нового боевого задания — ехать на восстановление Донбасса. И снова Кадиевка. Партийная работа. Сейчас ему уже под семьдесят. Но, как сорок лет назад, Константин Григорьевич энергичен, подвижен, ласков и строг, заботлив и беспокоен. У него открытое доброе русское лицо, ясные глаза, он смотрит прямо в лицо собеседнику, и на душе у каждого, кто с ним говорит, становится тепло. Этими ясными глазами он сорок лет назад увидел в простом рабочем парне героя движения, охватившего всю нашу огромную страну.

— Поднять бы сейчас такой вопрос, — предлагает он. — Важный для всего нашего рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Общее же для всех отраслей является, по моим наблюдениям, дисциплина труда. Чтобы поднять ее, не потребуются никаких капиталовложений. Может быть, в связи с годовщиной стахановского движения заговорить всенародно об этом? Давайте вернемся к подвигу Стаханова. В чем его сила? В чем сила Бридько? В дисциплине труда прежде всего. И эта дисциплина должна охватить всех, от рабочего до министра.

Дисциплина труда волнует многих партийных и хозяйственных руководителей предприятий Донбасса. Поиск новых решений этой проблемы — характерная черта почти всех работников, с которыми приходилось встречаться.

Александр Павлович Протасов, начальник сталеплавильного цеха Макеевского металлургического завода. Он считает, что должна быть разработана научная система психологического климата и эстетической обстановки в рабочих коллективах, налажено в общегосударственном масштабе обучение руководителей всех звеньев науке управления людьми в условиях развитого социалистического общества.

Александр Павлович пришел к мысли о своем призвании выплавлять сталь давно, в сорок третьем году, когда Макеевка только восстанавливалась после военной разрухи. Мальчиком вошел он тогда в разрушенный цех мартеновских печей, построенных в годы первой пятилетки. В этом цехе прошел он школу сталевара. Он еще тогда проникся гордостью за свою профессию, потому что сталь всегда символ крепости: «крепок как сталь», «стальной человек», — говорят всегда о людях сильных и мужественных. Не знал тридцать один год назад Саша Протасов, что придет время — и он станет начальником всего этого цеха, что примет участие в его реконструкции, что именно в то время, когда будет его руководителем, производство получит высокое звание цеха коммунистического труда.

В цехе тысяча человек, и как о самом дорогом достижении всей системы работы с людьми Александр Павлович рассказывает о том, что уже два года из цеха никто не уволился. Нет случаев хулиганства, нерадивого отношения к делу. Нет ни единого прогула. Одна беда еще не совсем излечена: случается иногда, что кто-либо из работников попадет в медвытрезвитель (за два года было пять таких неприятных случаев). С такими оступившимися коллектив поступает строго, но не увольняет. Не делает никому чести, считает Протасов, когда очищение коллектива производится по принципу «давай выгоним». Отдавать на исправление другому коллективу своего провинившегося работника в условиях коммунистического труда считается делом непристойным. И макеевские сталевары не делают этого.

Изо дня в день приходил (и приходит на работу) по утрам раньше всех начальник цеха. Это часов в семь. Он обойдет все печи, посмотрит, в каком порядке механизмы, обязательно проверит чистоту на рабочих местах. Поздоровается с рабочими, спросит, как дела. Если накануне кто-нибудь жаловался на беду, неприятность, обязательно поинтересуется, как обстоят дела сегодня.

«Я обязан и радости и горести каждого знать не потому, что начальник, а потому, что по должности своей я ближе всех к рабочему и, когда нужно, должен и советом и делом помочь. Быть в курсе дела жизни каждого я обязан». Так записано в тетради правил для обращения с рабочими начальника цеха, созданных самим Протасовым.

— Когда встаю? В пять часов утра. Уже много лет подряд, с тех пор, как мне доверили этот большой коллектив. Я готовлюсь к приходу на работу, обдумываю все. Мне приходится много читать всякой специальной литературы, газет. И это все для дела. Оно неотделимо от моей жизни.

Позже, во Дворце культуры завода, заведующая библиотекой Людмила Ивановна Аксенова назвала Протасова среди самых ревностных почитателей философской лирики.

В кабинете у Александра Павловича просторно, много света, книг и цветов. Для них специальный стенд.

— Цветы создают настроение для глаза, ласкают душу. А книги ласкают ум, обогащают его. И требуют, чтобы их открывали и читали так же, как цветы требуют, чтобы их поливали.

Для того чтобы знать, быть в курсе дела всех новостей в области своей профессии, Александр Павлович имеет еще одну укоренившуюся привычку — он каждый день вырезает из газет все, что относится к сталеварению, к рассказам о жизни сталеваров. Открывает один из ящиков своего довольно большого стола и достает огромную папку вырезок.

— Вот посмотрите, сколько написала о сталеварах в этом месяце «Правда», а вот «Правда Украины», «Социалистическая индустрия».

Я слежу за тем, как освещается проблема создания хорошего настроения в рабочих коллективах страны. Уверен, что сейчас, когда в основном многие технические проблемы решаются по науке, когда во многом налажен и налаживается еще лучше быт, вопросы моральной чистоты труда выходят на первое место. Нам не хватает времени для того, чтобы говорить об этом чаще и весомее, но это время необходимо найти.

Закончилась смена, и к Протасову забежал Виктор Никитенко. Он Герой Социалистического Труда, избран депутатом Верховного Совета СССР — и в понедельник первый прием избирателей. Виктор волнуется в ожидании этого необычного дня и пришел посоветоваться со старшим товарищем. Как вести этот прием?

— Что я тебе скажу, Виктор? Депутатом Верховного Совета я не был и не знаю, как там... Но в одно твердо верю — депутат должен обещать только то, что он в состоянии сделать, в чем он уверен, что поможет. И только. Не давай, Виктор, пустых обещаний. Это самое плохое, что в состоянии делать человек. — И обращаюсь ко мне: — Этого парня знаю уже столько лет — один из самых лучших сталеваров. Главное, скажет и сделает. Посмотрите. — Подает бумажку с цифрами.

График выплавки стали первой мартеновской печью

1964	269 тысяч тонн
1970	590 тысяч тонн
1971	604 тысячи тонн
1973	606 тысяч тонн
1974	607 тысяч тонн

Говорит Виктору:

— Все, что обещано, — сделано. В депутатских делах таких же принципов придерживайся, Виктор, и цех не подводи!

Пока начальник и подошедший парторг Лагунов продолжают настаивать своего питомца, я заглядываю в стопочку аккуратных школьных тетрадей, лежащих на краю стола. Это рефераты, написанные слушателями школы совершенствования мастерства управления трудовыми коллективами. Протасов — руководитель этой школы. Пишут сталевары, рабочие, инженерно-технические работники цеха.

«Производственной эстетикой в мартеновском цехе мы начали заниматься с начала 1970 года. За эти прошедшие четыре года трудящиеся цеха достигли очень многого. Наведенный на всем участке порядок позволил нам избавиться от аварий, установить необходимый ритм производства, создать хорошую психологическую обстановку в цехе. Мы избавились от прогульщиков, число нарушений общественного порядка из года в год снижается, резко снижены случаи травматизма.

О том, как идут дела в нашем цехе, лучше всех скажут цифры, посмотрите эту таблицу.

Годы	1970	1971	1972	1973
Производство стали (тысячи тонн)	3714	3727	3790	3866
Производительность труда	298	299	311	322
Производственный травматизм	31	22	19	13

Высокая культура производства, слагаемая из разных факторов, позволила мартеновцам из года в год находить скрытые резервы, обеспечила нормальную работу всех производственных участков и производства в целом, создала спокойную, деловую обстановку во всех

подразделениях. Для нас культура производства — враг захламленности и загроможденности в цехе и на каждом рабочем месте. Казалось бы, мелочь — несвоевременное остекление оконных проемов или перегоревшая лампочка, а ведь это в конечном счете ведет к перенапряжению зрения, быстрому утомлению... Трудящиеся нашего цеха привыкли уже к тому, что наш светлый, чистый цех, аккуратно и рационально расставленное оборудование, окраска барьеров переходных мостиков в необходимые, неутомляющие цвета позволили нам старый цех превратить в красивый промышленный комплекс...» «Мастер должен быть сдержанным, терпеливым, внимательным, иметь разносторонние интересы и высокие профессиональные знания. В отличие от других руководителей мастер обязан показывать своим подчиненным, что делать и как делать. Ни эрудиция, ни опыт не обеспечат эффекта внушения, если мастер не сможет показать работнику, как надо выполнять ту или иную работу» (Середа В. П.).

«Забываясь о хорошем настроении и здоровой атмосфере в коллективе, руководитель обязан быть объективным, справедливым, нетерпимым к склокам, групповщине, в корне пресекать попытки наущничества, подхалимства и угодничества, способствовать развитию принципиальной критики и самокритики» (Лукьянцев А. И.).

«Борьба с явлениями, которые нами называются пережитками капитализма, родимыми пятнами прошлого, может быть успешной только при дружных усилиях всего трудового коллектива. В настоящем трудовом коллективе складываются отношения дружбы и товарищеской взаимопомощи. Такие отношения характеризуют наш сталелитейный цех. У нас нет прогулов, у нас нет опозданий на работу, резко снизился брак, растет производительность труда и производства в целом. Каждый рабочий стал приходить на работу аккуратно одетым и обязательно бритым. Каждый рабочий старается сдать смену так, чтобы не было претензий со стороны сменщиков. В нашем цехе вошло в систему в нужную минуту помочь товарищу» (Довнарлович В. В.).

Вспоминаются слова Владимира Ильича Ленина: «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда...»

На прощанье Александр Павлович Протасов посоветовал посмотреть второй прокатный цех.

— Это прекрасное производство. И там работает одна удивительная женщина, поговорите с ней.

Незадолго до семи часов утра прихожу на второй прокатный. У входа машина штампует этикетки с иностранным текстом — много стального проката из Макеевки уходит за рубеж.

— Где тут Литвиненко? Адель Николаевна... — спрашиваю стоящую у этой машины работницу.

— А вот там, видите, мостик? Через него, а потом направо и по лестнице вверх...

«Мостик» — это целое сооружение через линию рольгангов, по которым проносятся сверкающие нитки раскаленного металла. «Мостик» весь озарен огнем, и не без некоторого страха делаешь первые шаги вверх по ступенькам. Мчится со свистом поток ослепительно-ярких плетей, обдает нестерпимым жаром. Но вот я у операторской кабины холодильного участка прскатного стана. Предстоит смена рядом с оператором стана Аделью Николаевной Литвиненко. Попросил разрешение на это вчера, когда увидел ее в кабинете первого секретаря-

ря Кировского райкома партии города Макеевка Ивана Федосеевича Самокиша.

Мы беседовали с Иваном Федосеевичем, он рассказывал об этом полумиллионном городе, о его промышленности, и вдруг дверь открылась и вошла плотная женщина в светлом шелковом платье. Секретарь райкома вышел ей навстречу:

— Здравствуйте, Адель Николаевна...

Предлагает стул, но она не садится, в глазах усталость, движения замедленны. Называет чье-то имя и отчество. От обладателя этого имени и отчества, оказывается, зависит своевременная подача блумов на прокатный стан. Этот узел надо быстро развязать, потому она и зашла прямо с работы, хотя отстояла смену с одиннадцати вечера до утра. «Эта самая трудная смена,— скажет она потом по дороге в Краснодар.— В это время природа борется с волей человека: природа заставляет спать, воля — работать».

Спрашиваю:

— Когда можно к вам?

— В любое время. Моя следующая смена в понедельник в семь утра... А сейчас простите, у меня еще одна неотложность — в правлении фонда мира.

В приемной просит у дежурного разрешения позвонить. Говорит в трубку тихо:

— Смотри внимательно, непременно свари пюре, обязательно...

Адель Николаевна о восьмимесячном внуке заботится, ему обязательно по утрам пюре надо давать.

Она стоит за пультом управления агрегата, напоминающего крупный железнодорожный узел, по бесчисленным путям которого молниеносно движутся огненные составы. Адель Николаевна в рабочей спецовке, как на фотографии, напечатанной вчера в местной газете «Кировец», — брюки, удобная куртка, короткие волосы под легким белым платком. А агрегат, которым она управляет, носит чуть странное для непосвященного название — двусторонний холодильник. Правда, слово «управляет» не подходит к тому, что делает Адель Николаевна, потому что это скорее не управление, а тонкое искусство, мастерское умение делать трудное дело без заметного для постороннего глаза напряжения.

...Несется со свистом от прокатного стана по направляющему желобу только что вырвавшаяся из сжимающих тисков раскаленная полоса. Она еще гибкая, мягкая и от не осторожного движения сможет вздыбиться, становиться свечой или свернуться калачиком и наделать беды. Оператор должен определить, когда открыть стрелку и направить ее на правый или на левый приемный рольганг, дать секунду на «успокоение», потом потянуть рычаг сбрасывателя и уложить на качающиеся рейки. Это зубчатые длинные рельсы длиной в семьдесят пять метров, которые легко подхватывают «состав», переносят, укладывают его на некачающиеся рейки, а сами, возвращаясь на место, утапливаются и снова появляются, чтобы подхватить следующий.

Адель Николаевна то правой, то левой рукой, а то и обеими одновременно легко касается рычагов, и огромные площадки «узла» движутся плавно и ритмично. А издали по направляющему желобу все идет и идет прокат, и она должна принимать решение за решением, куда подать, как остановить, как определить его дальнейший путь. Обе стороны холодильника уже заполнены уложенным, успокоившимся металлом. Он постепенно остывает и приобретает все оттенки «отдыхающей» стали, после того как она прошла через высокие температуры прокатки. От этого накаляются рейки. «Я чувствую, когда

холодильнику немоготу от жары, он вроде задыхается»,— скажет Адель Николаевна. А в кабине прохладно, воздух кондиционируется.

Уходящий к краям холодильника «круг» (так называется этот сорт проката) сбрасывается, и тогда доносится грохот сталкиваемого на боковые рольганги металла, шум правильных машин. Резкие звуки, снова включаются рольганги и уносят прокат метров за сто в глубь цеха, где поджидают ножницы. Они обрежут остывший «круг» по заданному заказу, другие механизмы уложат, завяжут и подадут его на погрузку в стоящие наготове вагоны.

В громкоговорителе звучит команда, и Адель Николаевна оживляется, трогает руками на пульте все ручки подряд, будто хочет еще раз удостовериться, на месте они или нет. Голос сообщает, что сейчас подойдет другая плавка. Адель Николаевна смотрит на счетчик, он отщелкивает каждую подачу на холодильник.

«Другая плавка» означает, что сейчас пойдет сталь другой марки. Адель Николаевна знает, что это сверхтвердый металл, и потому готовится встретить его по-боевому. Голос звучит снова и просит уложить эту плавку только на одну сторону холодильника, она небольшая и должна попасть на одни ножницы, в одну связку. Для этого требуется особое умение, и голос повторяет:

— Сделай, Аделька, так, как ты умеешь.

Зажглась лампочка на пульте, прозвенел звонок, и к стрелке издали несется по-особому яркий ручеек. Вот он пересек границу холодильника, и тут в кабине щелкнул счетчик: раз! Не успел сбрасыватель оттолкнуть этот ручеек «на отдых», как с особым свистом несется другой такой же, потом третий, четвертый, десятый, двадцатый... Они послушно, ровно, без «капризов» поднимаются и опускаются на рейки, отправляются туда, где их ждут,— к боковому рольгангу, на правку и дальше к ножницам. Последняя порция сброшена, загредел боковой рольганг, заскрежетала правильная машина, и в громкоговорителе прозвучало:

— Спасибо, Адель, готовься к переходу.

Несколько минут передышки. Адель Николаевна протягивает мне яблоко, девушка в белой куртке приносит кофе и бутерброды — завтрак на рабочем месте. И снова звенит звонок, зажигаются сигнальные огни и голос сообщает:

— Пошла полоска!

Это уже новый вид проката.

Она укладывает эти полоски по три, между ними небольшой промежуток, снова три, потом четыре, опять промежуток.

— Это для того, чтобы легче было сбрасывать на рольганг. Вот посмотрите.

Со стороны направляющего желоба несутся, словно курьерские поезда, тысячекилограммовые полоски, они уже заполнили все пространство холодильника, и Адель Николаевна подводит к себе микрофон, торопит правильщиков — нужно быстрее освободить рольганги. А прокат несется во все убыстряющемся ритме. Промежутки между полосками почти незаметны.

— Хорошо работает стан,— радуется Адель Николаевна.— Давай так, давай так!

С высокого стеклянного потолка цеха падают косые лучи утреннего солнца. И во всем, что тут происходит, чувствуется какая-то праздничность. Отхожу незаметно, чтобы не мешать.

На холодильнике сейчас тридцать тонн стального проката, и все сверкает, летит, движется, «отдыхает».

Мне послышалось, или это было на самом деле,— Адель Николаевна Литвиненко запела.

За эту смену Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Украины Адель Николаевна Литвиненко пропустила через свой участок одну тысячу тонн проката.

И так каждую смену. Уже почти четверть века.

«Я, Литвиненко Адель Николаевна, родилась в 1926 году в ноябре месяце, в городе Киеве, в семье рабочего. Отец до революции — батрак, после революции — рабочий завода «Ленинская кузница». Мать — домохозяйка. Отец погиб в 1943 году на фронте.

В 1933 году я начала учиться в школе в первом классе в городе Киеве. В 1941 году окончила восемь классов. Эвакуировалась вместе с семьей, во время бомбежки отстала от родителей и поступила в Действующую армию. Была связной, санинструктором и разведчицей. Награждена тремя орденами Красной Звезды и тремя боевыми медалями. Лежала в госпиталях. После освобождения Киева пошла учиться в школу, окончила десять классов и одновременно работала воспитательницей в ремесленном училище № 2. В 1946 году по путевке ЦК ЛКСМ Украины приехала в Донбасс, работала вторым секретарем ГК ЛКСМУ в Дружковке, потом — госпиталь, а после госпиталя снова работала воспитателем в ремесленном училище. С 1950 года работаю оператором-прокатчиком на Макеевском металлургическом заводе имени Кирова...

Прошу принять меня в члены ВКП(б)».

Этот документ, написанный двадцать два года назад на двух листочках ученической тетради в клеточку, хранится в архиве Донецкого обкома партии.

Кончилась смена. Прощаясь с Аделью Николаевной, говорю о своем намерении съездить в Краснодар.

— Я поеду с вами...

От Донецка до Краснодона километров триста. Едем через крупнейшие промышленные центры — Енакиево, Дебальцево, Коммунарск. Навстречу едет сопровождаемая эскортом мотоциклистов службы безопасности движения колонна «Нив» и «Колосов». Завершена уборка, и комбайнеры сидят за штурвалами усталые, но гордые. Радио передает, что к 7 августа Донецкая область засыпала в закрома государства в счет украинского миллиарда 700 тысяч тонн зерна.

Зеленеют квадраты кукурузы, и цветет подсолнух. В летней дымке стоят египетскими пирамидами терриконы, ползут к их вершинам вагонетки с породой. В этой степи свыше тысячи терриконов.

Вдоль широкого шоссе шелестят листвою пирамидальные тополя и цветут высокие мальвы. В какую бы сторону ни поехали по Донбасу, тополя и мальвы будут сопровождать вас всюду.

Михаил Павлович Микашавидзе, муж Адели Николаевны, подсказывает водителю, как выбрать путь покороче. Он хорошо знает эти дороги двух областей, Донецкой и Ворошиловградской, — работает подрывником горных пород и приходится много ездить. Адель Николаевна запела полюбившиеся с юности песни — «Три танкиста», «Конармейскую», «Вдоль деревни». Михаил Павлович подпевает.

— А какие песни поет сейчас молодежь Донбасса?

— Наши песни поет! — с какой-то радостью и гордостью в голосе отвечает мне Адель Николаевна. — Наши песни поет... По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед... По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой восемнадцатый год... Дан приказ — ему на запад... Вперед, заре навстречу, товарищи в борьбе, штыками и картечью положим путь себе...

У Адели Николаевны голос звонкий, юношеский. У Михаила Павловича баритон. И они поют тихо-тихо.

До Краснодона осталось километров шестьдесят. На развилке указатель. Адель Николаевна говорит:

— Вот здесь, наверное, стояла Люба Шевцова и ждала попутную машину, спешила в Ворошиловград...

До самого Краснодона едем молча. Каждый думает о своем.

Сколько бы ни прочитал книг, ни смотрел спектаклей, живописных полотен, фильмов о подвиге «Молодой гвардии», все равно не сможешь испытать вот такое чувство непосредственного приближения к месту бессмертного подвига, какое испытываем мы сейчас.

Ровная насколько охватывает взгляд степь... Далекие и близкие терриконы... А вот немой свидетель, у подножия которого шагнули в вечность мальчишки и девчонки сорок третьего года, сыны и дочери этой великой степи.

Это на краю города.

А в центре его — известный всем памятник на площади, возведенный на средства комсомольцев Украины сразу же после войны, и сооруженный недавно торжественно-печальный мемориал, музей краснодонцев.

— Они были совсем детьми,— слышу я голос Адели Николаевны. Вещи молодогвардейцев.

Изорванное детское пальто Сергея Тюленина, концертное платье Любы Шевцовой, сани, на которых перевозили оружие, древко поднятого над биржей красного флага...

Горят огнем всемирно известные слова Любы Шевцовой: «Передайте всем—я люблю жизнь. Впереди у советской молодежи еще не одна весна и не одна золотая осень. Будет еще мирное голубое небо и светлая лунная ночь. Будет очень хорошо на нашей дорогой и близкой, всеми нами любимой Советской Родине».

Адель Николаевна задержалась у одиноко стоящей невысокой ученической парты. «Парта Олега Кошевого, за которой он сидел в 9 классе в 1940—1941 учебном году». Она точно из-за такой парты ушла в сорок первом году на фронт, ей было столько же лет, сколько Олегу Кошевому.

Санитары вынесли с поля боя окровавленного мальчишку. Это был Юрка-разведчик — так звали тогда Адель Литвиненко, награжденную уже первым боевым орденом Красной Звезды. А когда Киев был освобожден, она пришла в девятый класс с тремя орденами Красной Звезды и с боевыми медалями. Она ходила в девятый класс, потом в десятый, а для того, чтобы прожить в то тяжелое время, вечерами шла работать в общежитие, воспитывать будущих рабочих. И тогда, общаясь с рабочими мастерских, с преподавателями второго ремесленного училища города Киева, она решила раз и навсегда связать свою жизнь с рабочим классом. По окончании десятилетки идет в Центральный Комитет Украины и просится на восстановление Донбасса. Ей поручают работу в горкоме комсомола. И до сих пор в донбасском городе Дружковка помнят черноглазую худую девчонку с мальчишеской прической, так похожую на Зою Космодемьянскую, что встречные поглядывали ей вслед и спрашивали, не сестра ли знаменитой Зои приехала в Донбасс. А второй секретарь горкома комсомола Адель Литвиненко шла на рабочие собрания, принимала фронтовиков-комсомольцев, беспокоилась о раненых, она знала, как облегчает боль и страдания в госпиталях доброе слово друзей, ком-

сомольцев, пионеров. Потом заботы об устройстве в детдомах оставшихся без родителей детей, помощь инвалидам, шефство над семьями погибших фронтовиков, борьба за каждого человека, за каждую жизнь. А в один вечер напомнило о себе тяжелое ранение. Адель теряет сознание, теряет речь, и ее снова берут под свой надзор врачи, теперь уже на долгие месяцы.

— Не выживу... Иногда подкрадывалась такая мыслишка,— признается Адель Николаевна.— Но потом как-то я стала слышать, возвратилась способность еле-еле двигать рукой, оставлять на бумаге каракули, и постепенно училась разговаривать...

Только очень, очень долго длились эти месяцы, все казалось, что она плывет в океане тумана, в бездне.. Иногда сознание возвращалось полностью, и тогда вспоминала фронт, бои, операции в тылах противника...

— Меня наши называли Юркой. «Юрка»,— говорили. И пристало ко мне это имя, так до самой демобилизации называли— Юрка. И когда возвращалось сознание, я думала: ты, Юрка, не выживешь. А если выживешь, Юрка, оправдай и на гражданке свое мужское военное имя.

Уже в Макеевке Адель Николаевна сказала, что в Краснодоне бывает часто. Тянет ее к ровесникам, не дожившим до победы.

В Донбассе я узнал о давнем шахтерском девизе «Делись огнем!». Он существует со времени, когда русский первопроходец Капустин (ему будет воздвигнут памятник в центре Макеевки) докладывал в петровскую Берг-коллегию, что найден «горяч камень», и трудовой люд спустился под землю, чтобы добывать уголь.

«Делись огнем!»

Если в забое погаснет лампа твоего товарища, он не сможет дальше работать (зажигать лампу нельзя — опасность взрыва), ты пододвинь к нему свою лампу, и работайте вдвоем от одного огня, а если и у третьего и у четвертого погаснут лампы — от одного света работайте все. Таков прямой смысл девиза. Со временем же эти два слова стали наполняться и иным содержанием.

«Делись огнем!»

«Донбасс, это — не случайный район, а это — район, без которого социалистическое строительство останется простым добрым пожеланием».

Так говорил Ленин.

И как бы иллюстрируя эту ленинскую мысль, художник нарисовал плакат.

Один экземпляр хранится в краеведческом музее Донецка. Донбасс изображен в виде громадного сердца. Многочисленные артерии ведут к Москве, Петрограду, Симбирску, Самаре, Ярославлю, Саратову, Риге, Минску, Витебску, Одессе, Вологде, Полтаве, Киеву...

«Донбасс — сердце России» называется плакат. Богатейший промышленный край делился огнем со всей страной.

Сохранилась бумага, как бы одно из первых социалистических обязательств рабочих Донбасса. Еще не кончилась гражданская война, стране нужен был металл. Тридцатилетний коммунист Иван Иванович Межлаук написал на бланке Русско-Бельгийского металлургического общества, распорядившегося до революции богатствами Донбасса, документ. Вот он.

«Коммунистический вексель.

Москва, 7 ноября 1921 года.

Вексель на 10 000 000 п. черного металла.

С 1 января 1922 г. по 1 января 1923 г., работая на основаниях, изложенных в утвержденном 3 ноября с. г. Президиумом ВСНХ Положении о Югостали,

повинен я²,

по получении определенных Югостали на сей предмет 27 октября с. г. Президиумом ВСНХ оборотных средств, поставить тов. Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину)

через Президиум ВСНХ с петровских, макеевских и юзовских заводов Югостали

6 000 000 п. чугуна и 4 000 000 п. катанного металла, а всего
10 000 000 п. черного металла.

Директор-распорядитель Югостали
Иван Иванович Межлаук».

Так освобожденный от белогвардейских банд пролетарский Донбасс помогал республике Советов.

Бурное развитие страны в годы первых пятилеток преобразило край угля и металла. Ушли в прошлое мелкие шахты-мышеловки, выросли механизированные шахты-заводы. Были построены новые города и рабочие поселки с просторными Дворцами культуры, школами, вузами, электростанциями, парками, садами. Весь советский народ гордился Донбассом, его называли в с е с о ю з н о й к о ч е г а р к о й. Больше половины всего добываемого в Союзе угля, три четверти коксующихся углей, треть чугуна и одну четверть стали давал Донбасс родине в канун войны.

Захватив Донбасс, гитлеровцы рассчитывали, что им не придется возить уголь и металл из Германии. Но они просчитались. Созданные ими акционерные общества «Ост-Берлин», «Фридрих Крупп» и другие терпели крах из-за массового отказа шахтеров и металлургов работать. Большая часть оборудования заводов была вывезена в восточные районы страны, а десятки тысяч шахтеров переехали на Урал, в Кузбасс, в Караганду, в Киргизию. С ними эвакуировался и прославленный Алексей Григорьевич Стаханов. Донбассовцы помогли расширить угольно-металлургические базы на Востоке, делились с горняками Востока своим опытом. Самоотверженно трудились верные сыны Донбасса, чтобы снабжать фронт и тыл углем.

До войны социалистический Донбасс давал 260 тысяч тонн угля в сутки, а немцы к концу своего почти двухгодичного хозяйничания не получали и 10 тысяч тонн. Донбассовцы не пошли в рабство. Народные мстители, отважные партизаны пускали под откос вражеские эшелоны, взрывали мосты, портили дороги, истребляли оккупантов и предателей.

Убегая из Донбасса, фашисты разрушили все шахты, вывели из строя все заводы, привели в негодность все железные дороги. Десятки тысяч советских людей стали жертвами фашистского террора. Глубокий, четырехсотметровый ствол шахты «Калиновка» возле Донецка был забит трупами людей. Три тысячи советских граждан — стариков, женщин, детей, — расстрелянных и замученных, были замурованы в карьерах артемовского алебастрового завода. Десятки тысяч мирных граждан Мариуполя стали жертвами чудовищных массовых казней, и в числе их знатные люди Украины — сталевар Маркар Мазай и депутат Верховного Совета республики Никита Пузырев. 125 тысяч жителей были угнаны на каторгу в Германию.

Немцы разрушили все города и рабочие поселки Донбасса, все мощные электростанции. Но главный удар враг наносил по людям.

² В документе сохраняется терминология старых векселей.

И он не щадил никого. Только в Донецкой области было зверски истреблено за двадцать два месяца немецкой оккупации 279 тысяч человек.

Донецк называют шахтерской столицей. У него более чем столетняя история. Председатель городского Совета Василий Петрович Миронов с улыбкой цитирует Вересаева. «Скучные тут места. Безобразные здания шахт, ряды рабочих землянок, удушливый запах каменноугольного дыма. Черная земля, черные дороги. На всем руднике ни одного дерева, ни одного кустика, нет ни пруда, ни ручейка. Кругом докуда хватает глаз однообразно выжженная степь». Английские капиталисты, хозяева Юзовки, на предложение местных органов о преобразовании поселка Юзовка в город дали следующий ответ: «Поселок не имеет никакого самостоятельного значения, он нежизнеспособен и обречен на запустение».

Горисполком расположен на небольшой возвышенности по центральной магистрали Донецка — улице Артема, ее называют еще Первой линией. С верхнего этажа здания хорошо виден миллионный город с ровными улицами, парками, утопающими в зелени домами. И всюду розы. Мне кажется, что в Донецке больше роз, чем в Сочи. «Вырастим по одной розе на каждого жителя Донецка!» Таков был лозунг. Посадили миллион кустов. И они разрослись, и сейчас подсчитайте, сколько в Донецке роз!

Еще в Киеве в Государственном комитете Совета Министров Украины по охране природы мне говорили о Донецке как о городе, где охране окружающей среды придается первостепенное значение. Председатель горсовета подчеркивает, что окружающей зеленой среды в Донбассе не было. «На всем руднике ни одного дерева, ни одного кустика». Значит, надо было сначала создать эту среду, вырастить все то, чем природа обидела край, а потом уже охранять.

В настоящее время выполняется третий десятилетний план озеленения Донецка. Вокруг города посажено семь тысяч гектаров леса, создаются лесопарки, балки и овраги используются как зеленые коридоры для притока свежего воздуха в город. Создано специальное управление зеленого хозяйства — свыше 1700 озеленителей. Три специализированных совхоза выращивают семена, посадочный материал, цветы для посадки в открытый и закрытый грунт. Город имеет 75 тысяч квадратных метров поля для выращивания цветов круглый год. Множество цветов, деревьев и кустарников сажают сами жители Донецка. Хозяйственные руководители тоже привыкли к мысли о том, что озеленение — это дело, за которое спрос не меньший, чем за выполнение государственных заданий по выпуску продукции.

В Донецке начали решать и проблему терриконов, их на территории города свыше ста тридцати. К этому идут разными путями. Один — вывоз. Нужно найти площадь, куда засыпать породу. Чаще всего это овраги. На новую породу стелится чернозем и создается плодородное поле. Другой путь — озеленение. На одном терриконе уже устроены террасы, посажены деревья, и он выглядит как естественный зеленый холм. Все это, конечно, очень дорого и потребует продолжительного времени.

Мы уже как-то привыкли к очередям, пригляделись к ним. В Донецке меня удивило отсутствие очередей. Заходи в магазин, выбирай нужный тебе товар из довольно обширного ассортимента, заплати в кассу — и все. Подумал, что попал как раз в такое время, когда мало народу. Ничего подобного. Я это заметил и на третий и на четвертый день в разных магазинах — и в мясных, и в молочных, и в булочных.

Василий Петрович объясняет мне это очень просто: городской Совет при строительстве жилья планирует большую плотность магазинов, чтобы рабочие и служащие не теряли времени по очередям, а использовали его более разумно. Отсутствие очередей в магазинах породило еще одно приятное явление — директора и снабженцы стараются вовремя доставлять товары, заботятся о лучшем их качестве.

В универмаге «Белый лебедь», который мог бы украсить любой столичный проспект, обилие промышленных товаров, но качество их далеко не удовлетворяет покупателя. Ему, покупателю, дай получше, говорит председатель горсовета, пусть будет подороже, но качество чтобы было на высоте. В промышленных товарах высокого качества еще чувствуется большая потребность.

Я наблюдал эту сторону жизни шахтерской столицы и невольно вспомнил одно место из довоенной книги Алексея Григорьевича Стаханова: «Люди хотят жить культурно. Деньги тратят не только на питание и одежду. Каждый старается получше обставить свою квартиру. Приобретают мебель, музыкальные инструменты. Работники нашей шахты имели в 1936 году 100 патефонов, 70 радиоприемников, 6 пианино, 258 балалаек, 82 гитары, 38 мандолин, 13 скрипок, 19 баянов. К годовщине стахановского движения на квартирах рабочих было установлено более тысячи радиоточек. 260 рабочих шахты имеют свои велосипеды».

Я напомнил об этом Константину Григорьевичу Петрову.

— Это была тогда наша гордость, — ответил мне Петров. — Шахтер приобрел себе патефон, велосипед, новый костюм — все это событие. Мы сравнивали свою жизнь с нищетой, от которой пошли строить социализм. И подумайте еще о том, что между этими строками в книге Стаханова и сегодняшним днем была еще целая война. И все же как мы взлетели. На шахте сейчас только одних легковых автомобилей штук шестьсот. А телевизоры, холодильники, радиолы, магнитофоны — в каждом доме.

Константин Григорьевич говорит об этом с радостью, лицо излучает внутренний свет при каждой цифре, каждом факте. Потом задумывается.

— Хорошая песня есть у Гамзатова... «Журавли». Мне кажется порою, что солдаты, с кровавых не пришедшие полей... Вчера ее передавали по радио... Сколько хороших ребят ушло на фронт отсюда и не вернулось... Сколько они еще могли сделать... И я почему-то убежден, что каждый из нас должен работать и за них, каждый...

Донецк — Москва,
август 1974 г.

МИКОЛА НАГНИБЕДА

★

СОЮЗ

Морей глубинность,
Безграничность поля,
Алеющих созвездий высота,
Земля моя! Страна труда и воли!
И поколений давняя мечта!

Бурливость рек,
В седых снегах вершины,
Степные дали и росистый луг,
Синь васильков, леса, в цвету долины,
И солнца вечный круг,

Мои Карпаты и мои Курилы,
Мой океан во льдах
И мой Алтай
В одной судьбе объединили силы —
И в дружбе вечной процветает край.

Край Ленина,
Идущего сквозь годы,
Ведь все победы наши —
Только с ним!
Сто-соловьиных песен —
Сто народов
Под знаменем одним!

И вечен он —
Союз Труда и Братства,
Свободы, вдохновенья и побед,
В нем жизнь твоя, мой друг,
Твое богатство,
Твоя защита от невзгод и бед!

Морей глубины,
Безграничность поля,
Алеющих созвездий высота,
Земля моя! Страна высокой доли,
Всех поколений страстная мечта!

МОЕ СЕРДЦЕ В СТЕПЯХ

Мое сердце в степях,
На кургане оно,
Здесь синее кругом
Лишь небес полотно
Да пути, словно реки, к морям понеслись,
Здесь орлиными крыльями мечена высь.

Мое сердце в степях,
Где алеет рассвет
Над могилами славы,
Как знамя побед,
Перекопских бригад и героев лихих,
Что в легенды входили во имя живых.

Мое сердце в степях,
А под ним — глубина,
Там шахтерская песня
Звенит, как весна,
И хоть недрами голос ее приглушен,
Но сквозь толщу, как ключ, пробивается он.

Мое сердце в степях
На кургане лежит,
И колосьями рядом
Пшеница шумит.
Даль и даль — без границы ее ширина, —
На полсвета, как дума, простерлась она.

Мое сердце в степях...
Оно слышит сквозь даль,
Как бурлит и кипит
Над Славутичем сталь.
Там глядит у мартена в неистовый жар,
Будто сам Прометей, мой земляк-сталевар.

Запорожье в огнях,
Здесь цвести ему,
Жить,
Здесь же,
Рядом,
В степях,
Мое
Сердце
Лежит...

БЕЛОРУССКАЯ ПУЩА

Идет дорога в синий лес —
Змеится, выпрямляется.
Деревья каждой веткой здесь
Приветливо склоняются...
Краса и слава этих мест
Вовек не забываются.
Не потому, что все кругом

Здесь сказкой душу трогает
 Иль тучка звонким серебром
 Прольется над дорогою;
 Не потому, что ветровой
 Зеленым шумом славится...
 Смотри внимательней: в траве
 Сплошь ягода кровавится.
 Не вглядывайся в след косуль,
 Смотри, что тут приметнее:
 Осколков сколько, сколько пуль
 Хранят стволы столетние.
 Постой одно мгновенье здесь,
 У ручейка искристого,
 Войди тропинкой в этот лес,
 Где ель стоит ветвистая.
 Тут шаг иль два — и у межи —
 Землянки смелых жителей —
 Передовые рубежи
 Бойцов — народных мстителей.
 Блиндаж заросший — лазарет,
 Прикрытый хворостиною,
 Отсюда хлопцы шли в рассвет
 Под крики журавлиные.
 Оружье их давным-давно
 Вошло в музей со стендами,
 Но лес их помнит все равно —
 Шумит, гудит легендами.
 А грянет буря, как беда,—
 Здесь молнии сшибаются
 И ветка каждая тогда,
 Как тень бойца вздымается.

Лишь раз один придешь сюда,
 А век не забывается.

ИЗ ДОРОЖНОЙ ТЕТРАДИ

Десять стихотворений

1

Как пропою я тебе, Украина,
 Все, что я видел на долгих путях?
 Мудрость народа, как корень — в глубинах,
 Подвиг, как ветви — у всех на глазах.

Как же тебе, Украина, скажу я,
 Чем ты жива в поднепровских краях?
 Возле мартенов, как лава, бушует
 И дышит душа огневая твоя.

Как же сказать тебе ласковой, милой,
 Что на красу твою не насмотрюсь?
 Радугу сердца крылом расстелила
 Ты на Смоленщину, на Беларусь.

2

Корабли прощаются, как люди,—
 Грусть сирен
 и слезы якорей...
 Волны бухт — мелодия прелюдий
 К штормам океанов и морей.
 Чайки к горизонту провожают,
 Шарфом машет пена за кормой,
 Огоньками тусклыми мерцают
 Окна на черте береговой.
 Корабли, как люди в расставанье,
 Покидая свой родимый дом,
 В дальних странах,
 в синем океане
 Думают о берегу родном.

3

На скалах Хортицы спят ранние туманы,
 Иль это, может, давней битвы дым,
 Или казак над братом-кошевым
 Склонился и ему бинтует раны?
 А может быть, белеют там косынки
 Тех девушек, что радостной толпой
 Из сел степных ушли в рассветной дымке
 И первыми пришли на Днепрострой?
 Иль собрались на слет свой пионеры
 На той земле, что славою гремит?
 А может быть, еще дымят карьеры,
 Где для плотины брали мы гранит?
 На скалах Хортицы спят ранние туманы...

4

Сказал узбек мне, гостю, ныне,
 Даря своих трудов плоды:
 — Зло превратит сады в пустыни,
 Добро же — пустоши в сады.

И просиял душою всею,
 И, подведя меня к окну,
 Открыл мне мудростью своею
 Величье братства — Фергану...

5

То не каменный идол на скифской могиле —
 Это девушка вышла с улыбкою милой
 И к рассветным лучам протянула ладони,
 Где лежат облаков красногривые кони,
 Где белеющий лебедь на глади лимана,
 Где легенды степные в дремотных туманах.
 Там подсолнухи, соком земли налитые,
 Клонят головы, будто и впрямь золотые.
 Нет, не каменный идол, в веках поседельный,—

Это девушка выпла в косыночке белой
 И застыла на миг в красоте и привете
 Под прозрачным багрянцем в степи на рассвете.

6

В море швыряет гроза гарпуны,
 Дико грохочет громами.
 Но все они гибнут в пучине волны,
 Освистанные ветрами.

И море,
 Встречая грозы острие,
 Лишь грудь свою
 Выше вздымает...
 И туча бледнеет,
 В просвете ее
 Уже синева проступает.

И ветра не слышно.
 И нет полутьмы.
 Лишь на́ берег
 Гневной волною
 Море выкатывает громы,
 Зброшенные грозою.

7

Таджик мне сказал, что в глазах человека —
 История края, народа и века...
 Я слушаю мудрость, и люди мне ближе,
 И в старческих лицах я прошлое вижу,
 И жаль мне немного согбенных седых,
 Но вот заглянул я в глаза молодых
 И радуюсь правде, что мне говорились:
 Все счастье страны в их глазах отразилось.

8

На свидание с тобою
 С головой пришел седою,
 Потрудившись на раздолье,
 За троих поевши соли.

Кто измерит все дороги?
 Нет, пока не слабнут ноги
 И без страха сердце бьется,
 Если с бурей схлестнется.

Были штормы грозовые,
 Чайкой падал в волны злые,
 Но клянусь последним вздохом:
 Не стонал я и не охал!

Я, как ты, бывал в запале,
 Даже волны закипали,

Был голодным,
реже — сытым,
Но, как ты,
всегда открытым.

9

Октябрь багрянцем на Карпаты
Свои флажки несет с долин,
Как будто жгут костры солдаты,
Идущие на штурм вершин.

Уже фиалковые склоны
Вдали, как волны, поднялись,
Вершины гор по небосклону
Резьбою четкой целят ввысь.

И к ним уже лебяжьей стаей
Приплыть туманам привелось,
А лето, снявши урожай,
На отдых в доли улеглось.

Но краток сон его в низинах,
Меж красно-золотых палат
Оно глядит на рост озимых
За Приднепровье от Карпат.

Оно живительные чары
Таит под золотым крылом...
И хлеборобы, винодары
Над новым трудятся добром.

Им снится колос,
гроздь, как в сказке
И лето щедрое в поту...
Осенний луч в багряной краске
Свет проливает в их мечту.

10

На дюнах Латвии
Я видел юный лес —
Он на бугре — как птиц зеленых стая,
Весь щупленький, но вглубь корнями влез
И в грунт вцепился. крыльями махая;

Они готовы встретить в каждый миг
Балтийский шквал в его свинцовой хмури...
Гляди, как гордо соснячок шумит,
Когда встречает натиск бури.

Перевел ЮРИЙ САЕНКО;

БОРИС ОЛЕЙНИК

★

ИСТИНА

Мы новый мир задумали
создать руками чистыми.
И люди нам поверили,
как непреложной истине.
Наш путь не упирается
в сухой ломоть насущного,
Мы каждой клеткой отданы
великому грядущему.
Чисты мы перед совестью,
сынами и Планетою —
Клянемся в этой истине
своими партбилетами!
Дороги наши мечены
паденьями и взлетами.
Знамена наши сечены
дождями пулеметными.
Нас разлучали с жизнями,
с мечтаниями первыми,
Но никакие беды нас
не разлучили с верою!
Чисты мы перед совестью,
сынами и Планетою —
Клянемся в этой истине
своими партбилетами!
В боях завоевали мы
одну лишь правду вечную,
Что утро начинается
звездой пятиконечною,
Что на весах истории
всей поднебесной золото
Не перевесит спаянных
стальных Серпа и Молота.
Чисты мы перед совестью,
сынами и Планетою —
Клянемся в этой истине
своими партбилетами!
В наследство капиталов мы
себе не заготовили,
Зато храним запасливо
всю красоту духовного,
Зато любить способны мы —
не сыщешь крепче верности,

И поймите меня: я — всего лишь солдат.
 Вы — история Чили, и память, и стих.
 Я погибну — товарищ займет мой квадрат.
 Вам замены, Поэт, не найти.

Отвечал: — Я люблю ваш красивый народ.
 Глубоко ваше небо, счастьем песни звенят.
 Шлю поклон Украине с Кордильерских высот...
 Но и вы — поймите меня:

Золотые погоны, конечно же, тлен.
 Комендантского часа не хватит на миг.
 Но когда над моими селеньями тень —
 Не уйду никуда от них.

Вы сказали: поэт — это память земли.
 Если вырвут меня, как худой корешок,
 Генералы вздохнут облегченно...
 Внемли:
 Стерли память — конец пришел.

Я останусь навеки в родимой земле,
 Как вулкан, что в себе не угас.
 Буду ждать, словно искра в седой золе,
 Когда вызреет судный час.

Возвращайся домой,
 на священный свой пост.
 Расскажи, прокричи, не прости!
 Из стихов возведу я до Киева мост —
 Не разрушить его, не снести.

...Над Крещатиком — голубь Пикассо парит,
 Зреют краски погожего дня...
 Только сердце мое под Сантьяго болит!
 Я — солдат. Поймите меня.

ДИПТИХ

I

За все, чем жизнь успеет одарить,
 Платить придется по большому счету:
 За первый финиш и за круг почета,
 За юный грех, и поцелуй девчонки,
 И за сердечный учащенный ритм —
 Платить придется по большому счету.

Так что же — затаись? Забри?
 Тщета:
 За сытую умеренность не купишь
 Истлевшей индульгенции лоскутья.
 Итак, бери свое. И — к черту скупость,
 Когда платить придется по счетам.

II

Отдай сполна, что взял,— и освятись.
Чем взял, сумей отдать намного больше...
Вот мать лучится болью и любовью —
Учись. Учись.

Она тебя вселенной отдала.
О, как ей больно было — кровь белела,
Когда себя в ребенке родила!

Все отдала — вовеки не вернет —
И красоту всю, и непогрешимость,
Ото всего на свете отрешилась,
Войдя в космический круговорот.

Проверь счета — до маленькой строки.
Сумей же всем воздать, не забывая:
Себя познать, и мать родить, и сваи
Под новый дом забить, и в мир бескрайний
Сынов послать, и обогреть, встречая...
А ты считал: бессмертье — пустяки?

Перевел Н. КОТЕНКО

ВЛАДИМИР ДРОЗА

★

ЛЮДИ СЕЛА ХАЛЕПЬЕ

Страницы сельского дневника

Есть на берегу Днепра неподалеку от Киева одно из живописнейших и древнейших сел Халепье. Впервые увидел я его с Холодной горы, откуда видны даже село, и Днепр, и златоглавая колокольня Киевской Лавры,— трудно даже поверить, что до Киева отсюда всего лишь полсотни километров. Чем дальше всматриваешься в Днепр, который вбирает небо и изменяется вместе с ним — то покрывается белыми облаками, то становится розовым перед заходом солнца, то тускнеет перед дождем,— тем великолепнее кажутся и излуцина реки, и живописные холмы, и село. Восторженно, с наивной непосредственностью рассказал я о Холодной горе и своих ощущениях на ней председателю сельского Совета, бывшему учителю Андрею Константиновичу Воловенко. Он улыбнулся:

— Ну что там — пейзажи... Вы еще не видели Халепье по-настоящему. Вот я немного освобожусь от своих хлопот и покажу вам наше село...

И он показал Халепье, как может показывать человек, глубоко влюбленный в свой край.

Мы начали наше путешествие с Яблочного, где живут халепьенские соловьи, хотя и менее прославленные, чем курские или полтавские, зато не менее певучие, и откуда разбегаются три древние дороги в три древних города времен Киевской Руси: в Витачев, о котором писал еще византийский император Константин Багрянородный как о крупном порте на Днепре; в Триполье, водные ворота древнего Киева; и в летописный Святополч. Из Яблочного, из Птичьей рощи, мы прошли вдоль речушки Скваровки до знаменитого урочища Коломыйщина, где впервые были раскопаны поселения трипольской культуры: тридцать восемь наземных жилищ, расположенных концентрическими кругами, в центре которых (за три-четыре тысячи лет до нашей эры!) стояли большие общественные строения. Тут жили земледельцы и скотоводы. Склоны этих холмов они распахивали мотыгами и оралами, впрягая в них быков, сеяли пшеницу, ячмень, просо. В этих долинах и ярках они выпасали овец, коз, коров, свиней. В этих днепровских притоках и в Днепре ловили рыбу. Из этой вот глины, краснеющей в ложбинах, лепили посуду.

Когда археологи взяли от земли все, что она могла дать науке, колхозные бульдозеры разровняли склон, колхозные плуги снова запахали древнюю ниву, и снова, как тысячелетия назад, на холме, за роскошным колхозным садом колосится пшеница.

А за десяток минут, словно бы прибегнув к фантастической машине времени, мы с Андреем Константиновичем перебросились через пять тысяч лет и стояли на городище — тут, над Днепром, в объятиях речек Бобрицы и Скваровки возвышалась крепость Киевской Руси Халеп, о которой упоминается в летописи под 1136 годом. Прямо перед нашими глазами, за осокорями и яворами Скваровки, возвышалась Острая гора.

По улице, ведущей к кирпичному заводу, мы снова спускаемся в лощинку, и походка наша становится все медленнее, а голоса все глуше. Тут, где Скваровка впадает в Днепр, под холмом летом 1919 года произошел один из кровавейших актов трипольской трагедии. Бандиты Зеленого бросили живыми в колодезь тридцать шесть героических киевских комсомольцев. Несколько лет назад их останки перенесли в центр Халепья, где теперь возвышается памятник революционному мужеству.

Мы медленно поднимаемся по склону горы Жомировка. Она перепажана окопами — следы войны. Эти следы можно увидеть повсюду на холмах Халепья — фашисты надеялись остановить здесь наступление советских войск.

С горы Жомировка окружающий мир становится все шире, и вот на горизонте на белых песках Славутича, там, где в древности было глухое село Хлодеевка, вырастает белостенный голубоглазый город — Украинка...

Когда фиолетовая вечерняя мгла окутывает белые леса домов над Днепром, цепочка электрических огней опоясывает юный город: это вспыхнули уличные фонари Украинки. Наполняется голубоватым светом бетонно-стеклянная ракета электростанции, красные лампочки зажигаются на ее антеннах-трубах, и, отраженная в древнем Славутиче, встает Украинка, новая Украинка, новая Украина...

А я думаю о другом свете, свете лампы, которую бывшая работница кирпичного завода Варвара Акимовна Куркина зажигает в особенно торжественные минуты. На посторонний глаз это обыкновеннейшая керосиновая лампа начала XX столетия — на высокой стеклянной подставке с холодноватым стеклом и широким фарфоровым абажуром. Но когда Акимовна берет лампу в руки, лицо ее светлеет:

— Эта лампа светила семье Ульяновых, когда они жили в Киеве.

Лампу подарила Варваре Акимовне ее родственница Анна Прохоровна Куркина, жившая в семье Ульяновых в 1903—1904 годах...

За все, чем сегодня обладает обновленное Халепье, оно заплатило столетиями страданий. Отец Даниила Кочубея, колхозного сторожа, прожившего на свете около ста лет, поведал сыну о монахах, которые запрягали в плуг людей и пахали землю на халепьенских холмах, — часть здешних земель в древности принадлежала киевскому Софийскому монастырю.

Горестное повествование Даниила Прохоровича дополнила восьмидесятилетняя бабушка Шереметиха, которой пришлось батрачить у местных богатеев, а потом идти на заработки в Киев.

Вот так и Анна Куркина да ее сестра Федора, измученные нищетой, пошли в Киев на заработки. Тут Анна познакомилась с семьей Ульяновых. С тех пор и до отъезда Ульяновых из Киева девушка жила с ними как в своей семье, ухаживая за больной матерью Владимира Ильича.

Анна Прохоровна Куркина-Литовчук прожила долгую жизнь, вырастила трех сыновей и навсегда сохранила в сердце светлую память о тех годах. Она написала воспоминания. «Обстановка в квартире на Лабораторной,— пишет Анна Прохоровна,— была очень скромной.

Занимали Ульяновы три небольшие комнатки на втором этаже и кухню. Не было ничего лишнего: шкаф с книгами, пианино, кровати, дорожные чемоданы». Девушку глубоко поразил арест Ульяновых в ночь с 1 на 2 января 1904 года. Через полуоткрытую дверь кухни Анна видела, как жандармы перевернули в комнатах все вещи, перетрясли книги, все перевернули вверх дном. Когда полиция ушла, Анна с Марией Александровной начали наводить порядок в квартире. «Что случилось?»—спросила Анна у матери Ильича. Мария Александровна горько улыбнулась: «Ох, Анна, ты еще ничего не понимаешь».

Шли годы, девушка выросла. Встреча с семьей Ульяновых определила жизнь Анны Прохоровны Куркиной и ее сыновей. И когда смотришь теперь с круч села Халепье на новостройку над Днепром, от которой во все стороны протянулись линии высоковольтных электропередач, не можешь не думать о керосиновой лампе, стоящей в светлице родичей Анны.

На старом сельском кладбище на круче прошлым летом между двумя старыми могилами вырос украшенный красными лентами и цветами холмик земли. Это были необычайные похороны. Хоронили урну с горстью земли из-под Ленинграда. Ее привез в Халепье Всеволод Литовчук, внук Анны Куркиной. Это земля с места гибели его отца, сына Анны, военного летчика, гвардии капитана Александра Федоровича Литовчука. Как сообщает Центральный военно-морской архив, коммунист Александр Литовчук воевал с белофиннами, командовал авиационным звеном, был заместителем командира эскадрильи, награжден двумя орденами Красного Знамени. 19 августа 1943 года экипаж «ИЛ-2», которым командовал Александр Литовчук, не возвратился с боевого задания; подбитый зенитным снарядом, самолет упал в болото неподалеку от Нового Петергофа. Слуща много лет рабочие местного совхоза во время земляных работ обнаружили обломки самолета и останки героического экипажа, который погиб, защищая Ленинград от фашистов. Второй сын Анны Куркиной, капитан-лейтенант Иван Федорович Литовчук, командовал разведывательной ротой во время известного евпаторийского десанта сорок второго года и героически погиб, защищая Севастополь.

Так неразрывно переплелось прошлое и настоящее в судьбах моих друзей — жителей села Халепье, представителей разных поколений.

И первое мое слово — о председателе колхоза «Октябрь», члене Обуховского райкома партии, депутате районного Совета Федоре Семеновиче Бельдиде.

Мне нравится этот человек с худощавым выразительным лицом, густым ежиком коротко остриженных седых волос, нервной неукротимостью слов и движений. Мне приятна его молодая, не по годам ярость, одержимость в работе. Я люблю сидеть по утрам в его кабинете на стареньком дерматиновом диване и наблюдать, как он дирижирует своим многолюдным колхозным трудовым хором. В его работе в эти напряженные утренние часы в самом деле есть что-то от искренней самоотдачи дирижера.

Ему за шестьдесят.

Вспоминаю июнь прошлого года. В летнюю пору в сельском клубе и библиотеке обычно немногочленно. Что ни говорите, а когда пшеничное зерно просится в колхозные сусеки, когда бурьяны наползают на плантации и наливаются соком огурцы и помидоры, хлеборобам не до книг — для книг будет много времени осенью, зимой, ранней весной. Но в начале того лета был день, когда в Дом культуры собралось чуть ли не все Халепье. Много людей приехало и из соседнего села Веремье, где расположена бригада колхоза «Октябрь». Первые ряды,

как и надлежит, отведены для гостей — представителей киевских предприятий, шефствующих над колхозом, для хлеборобов других артелей Обуховщины.

Было в этом собрании что-то торжественно-трогательное: доярки приехали в клуб прямо с луга, в рабочей одежде; колхозные шоферы, поставив автомашины в тень, стояли в клубе в промасленной спец-одежде; босоногая детвора ютилась у порога, несмело вытягивая шею...

На юбилее председателя колхоза я был впервые.

Юбиляр сидел за столом президиума на сцене, как-то застенчиво-виновато вскакивая каждый раз, когда ораторы с трибуны обращались к нему. А обращались они чаще всего именно к нему — так им легче было найти слова, которые соответствовали их настроению. Слова рождались трудно, потому что эти люди лучше умели работать в поле, чем произносить речи. Но была в их монологах неподдельная и трогательная искренность, которую невозможно подменить никаким красноречием. От сердца шли и слова благодарности, которые произнес после приветствий колхозников, гостей и пионеров юбиляр Федор Семенович Бельдид. За двенадцать лет работы на посту председателя в этом колхозе он множество раз выступал перед колхозниками, но сейчас, на собственном юбилее, был смущен, говорил о себе мало, — больше о других — о тех, с кем работал все эти годы.

Был этот юбилей не только Федора Бельдидя, председателя колхоза, а юбилей всех хлеборобов его поколения, которые так много взяли на свои плечи и пронесли сквозь нелегкие десятилетия.

Так понимали колхозный праздник все, кто присутствовал в этом зале, в том числе Григорий Евфимович Федоряченко, живая история колхоза «Октябрь». Сорок лет назад он проложил первую колхозную борозду, которую сейчас продолжает его сын, механизатор артели; после войны Григорий Евфимович запрягал в плуг коров и распахивал засеянные осколками халепьенские холмы, а теперь руководит полеводческой бригадой.

Когда начинается рабочий день председателя колхоза?

В горячую пору (а в сельскохозяйственном производстве напряжение несколько спадает разве лишь в зимние месяцы) Федор Семенович в шестом часу уже в кабинете.

Одним из первых в кабинет входит заведующий гаражом — распределять автомашины по участкам. Оба хорошо помнят, сколько было радости, когда в колхозе вскоре после войны появилась первая полупортка. Тогда казалось, что техническая оснащенность хозяйства стала вдруг необычайно высокой. Теперь в колхозе около трех десятков автомашин, и их не хватает, приходится тщательно взвешивать, обдумывать каждый наряд.

Приходит зоотехник Елена Гавриловна, вид у нее невеселый: надой молока снизились. Елена Гавриловна предлагает давать коровам больше комбикорма. Федор Семенович соглашается неохотно, до нового урожая еще далеко. Нужно переправить стадо за Днепр, на луга, вода уже спадает.

Ходит агроном — сеять или не сеять просо, плановый отдел требует сводок. Федор Семенович успевает следить за специальной литературой. Белоцерковская опытная станция советует сеять просо после 20 мая — меньше бурьяна, пышнее метелки; но и весна засушливая, сеять сейчас, в сухую землю, — все равно что на дорогу высыпать, а плановикам, как известно, нужна «справная цифра». Вчера в районе договорились, что Сельхозтехника пришлет сегодня на один

день бульдозер, а автохозяйство — машины, нужно как можно скорее вывезти навоз. Федор Семенович звонит в Сельхозтехнику, кашляя в трубку и задыхаясь (сердечная и легочная недостаточность), бранится с диспетчером, но из этой перебранки ничего обнадеживающего не получается: бульдозер неисправен и может прийти только завтра. Федор Семенович тотчас же звонит в районное автохозяйство, но машины уже выехали в Халепье. Теперь нужно во что бы то ни стало раздобыть бульдозер, чтобы транспорт не простаивал. Единственная надежда на кирпичный завод.

Председатель звонит директору завода, у него собственной работы хоть отбавляй, однако Бельдй «нажимает на сознание», и директор соглашается дать бульдозер в займы на один день. Одновременно Федор Семенович договаривается о том, что рабочие завода помогут колхозникам прополоть кормовую свеклу. В перерыве между телефонными разговорами он посылает бригадира в строительную бригаду; нужно спешно ехать на луг строить загородку для коров и будку для пастухов, отремонтировать колхозный паром. Умерла старая одинокая колхозница — нужно организовать похороны и выписать продукты на поминки. Позвонили из районного правления — совещание по зеленому конвейеру. У бригадира тракторной бригады милиция отобрала колхозный мотоцикл (ехал без шлема). Завтра будут переправлять телят на дальние луга, необходима баржа, предварительная договоренность уже есть, но нужно поехать к речникам договориться поточнее.

Земля сухая, дождя нет с апреля, а сурепка на свекловичном поле буйно разрастается, не лучше ли вырвать сначала сурепку, чтобы она не забрала все соки, а уже потом прорывать свекловичные всходы; нужно ехать в звенья и договариваться с женщинами. Колхоз — пригородный, и завод в селе, многие жители Халепья работают в Киеве и Украинке. Он понимает — объективные процессы, рабочий класс необходимо пополнить, но понимает и то, что хлеб нужно выращивать, а людей не хватает; заболела доярка, а где взять подмену? Завхоз едет в Киев. «Ты там купи две люстры в клуб, хорошие, рублей по триста,— говорит Федор Семенович,— чтобы лампочки были внутри, а вокруг них искрилось»...

Звонит председатель соседнего колхоза — просит займы скирду соломы. Занять займом, отвечает Бельдй, а еще охотнее обменяли бы на комбикорм; сосед соглашается на обмен и только после этого спрашивает, как Федор Семенович поживает. «Как веревка втрое!» — бодро отвечает Федор Семенович, кладет трубку и долго не может отдышаться, прислонившись грудью к письменному столу. Входят каменщики, сооружающие кормоцех: заканчивается цемент и срочно нужен бак для воды...

Дела большие и мелкие накатываются непрерывно, как морские волны на берег. Привык он все брать на себя, возможно, и лишнее порой и слишком мелко, но это каждый день и уже в течение тринадцати лет работы на посту председателя.

Их двое братьев — Федор Семенович Бельдй и Илья Семенович Бельдй. Федор Семенович председательствует в Халепье, Илья Семенович много лет возглавляет колхозное хозяйство в соседнем Триполье — люди заслуженные и известные в нашем Приднепровском краю. Илья Семенович — Герой Социалистического Труда, Федор Семенович награжден многими орденами и медалями.

Оба бывшие батраки.

Оставшись сиротой, Федор Бельдй с малых лет батрачил у кулаков. В четырнадцать лет уже ходил за плугом. Когда же исполнилось

ему семнадцать, Федора взяли в совхоз. Вскоре в районе организовались курсы трактористов: одним из первых курсантов стал комсомолец Федор Бельдйй. С тех пор и до пятидесяти девятого года (кроме, конечно, военных лет) не расставался с сельскохозяйственной техникой — тракторист, бригадир тракторной бригады, механик МТС. Правда, был еще один перерыв в его работе. В середине 50-х годов, когда в село широким потоком двинулась новая техника, Федор Семенович почувствовал, что знаний, полученных на курсах и в практической работе, уже недостаточно, и поступил в сельскохозяйственный техникум на дневное отделение. За партой в его возрасте было труднее, чем в поле, однако техникум окончил успешно. После реорганизации машинно-тракторной станции коммунист Бельдйй возглавил отстающий колхоз «Октябрь».

Вместе с Федором Семеновичем едем в Украинку. Он — на причал, договариваться о базе для телят; я — на электростанцию. Ночью прошел небольшой дождь, небо затянуто тучами, день мягкий и влажный.

— Это очень хорошо для пшеницы, — говорит председатель. — Золотой дождик. Вот если бы зной сразу, было бы хуже. — И вдруг радостно: — А посмотрите, как красиво вокруг! Самые лучшие дни года. Все произрастает, цветет... «Вишневый садик возле хаты». Люблю Тараса Шевченко. И нужно же — обыкновенные слова, а будто привораживает душу. И Котляревского люблю. Возного играл, когда был малод, в сельском клубе... Через Батьеву гору едем, монгольское войско здесь долго стояло, пришлось, говорят, братъ Триполье штурмом, крепким орешком оно оказалось. Предки наши тоже умели воевать и землю пахать умели. Интересно было бы в летописях найти — говорили мне, что есть упоминания о Халепье, и о Триполье, и о Витачеве. Времени вот за всю жизнь так и не нашел поискать, невозможно выкроить: хлеб, хлеб, хлеб. Опять-таки, почему наше село Халепьем называют? Раскапывали до войны наши холмы над берегами Желудевки и Скваровки, я поблизости пахал, спрашивал ученых. Вот что они сказали. Будто потому наше село Халепьем называется, что жили здесь холопы князей трипольских. Возможно, и верно...

Значительная часть строителей Трипольской теплоэлектростанции поехала возводить Чернобыльскую атомную станцию. Но и в Триполье остался большой отряд молодежи. Это их руками строится над Днепром и Стугной новый город.

Главнейшая новостройка нынче — межколхозный комбикормовый завод в Григорьевке. Это пусковой объект. Его с нетерпением ждут работники животноводческих ферм районов. В ближайшие недели будет сдан в эксплуатацию цех травяной муки.

Иду по новому городу. Современнейшее из бетона, алюминия, стекла здание электростанции; в нескольких стах метрах — огороды, на которых зеленеют лук, чеснок и поднимаются вдоль межи подсолнухи; современные многоэтажные дома — и совсем рядом, в венках из яблонь и вишен последние хатки бывшего села Злодеевка. А в конце огородов, над Стугной, в которой, по свидетельству летописца, погиб во время похода на половцев молодой переяславский князь Ростислав («Не такова, молвят, река Стугна: скудную струю имея, пожрав чужие ручьи и воды, расширяясь к устью, юношу князя Ростислава скрыла на дне у темного берега. Плачется мать Ростиславова по юноше князе Ростиславе»), могучий бульдозер расчищает площадку для еще одного высотного дома.

И теплоэлектростанцию и новый город над Днепром строила, собственно, вся страна. Приборы связи присланы рижским заводом

«ВЭФ». Не уступают лучшим зарубежным образцам ленинградские электронно-вычислительные машины. Рабочие эстонского завода передали трипольцам защитные приборы, которые при малейшей неисправности выключают двигатель. Первокласная арматура химической водоочистки поступила из Еревана.

Если строители намечали досрочную сдачу объекта, их друзья в других республиках также пересматривали график поставок. Раньше, чем намечалось, трипольцам понадобились трубопроводы, изготовляемые в Белгороде. Коммунисты новостройки попросили белгородцев ускорить поставку, и они досрочно выполнили заказ. Рабочие таганрогского завода «Красный котельник» установили новую, более близкую дату поставок оборудования для котлов. На берега Днепра и Стугны поступало электрооборудование из Актюбинска и Баку, низковольтная аппаратура — из Фрунзе, насосы — из Барнаула и Мары Туркменской ССР, регуляторы — из Улан-Удэ, столицы Бурятской Автономной Республики.

Домой возвращаюсь пешком. Мимо меня проносятся тяжелые самосвалы — к причалу подплывают все новые и новые баржи со строительными материалами. Город растет, он уже почти сливается с Триполем: двадцатипятитонный кран, разгружающий баржи, похожий на гигантского аиста, возвышается возле трипольских хат.

По извилистой крутой улице поднимаюсь на Замковую гору. Когда-то здесь стоял шляхетский замок, и шляхта, наслаждаясь плодами завоеванной, но непокоренной земли, любовалась заднепровскими далями. Идиллию нарушили те же самые холопы, в честь которых было названо соседнее село Халепье. В 1638 году казаки напали на замок, разогнали шляхту и забрали артиллерию.

Выхожу на гору — круча стремительно падает вниз, в синие днепровские волны. С этой кручи бандиты Зеленого бросали в реку раненых комсомольцев. Одна из трагичнейших страниц истории народа. 26 июня 1919 года на борьбу с зеленовцами отправился 2-й караульный полк, в состав которого влился отряд киевских комсомольцев. Они успешно наступали, но в час передышки на красноармейцев неожиданно напали бандиты. Силы были неравные, и бой окончился трагично. В память погибших героев на круче возвышается обелиск. В 1958 году в Триполе открылся музей комсомольской славы Киевщины. Теперь на этой горе будет сооружено новое помещение музея. Молодежь трипольского колхоза «Приднепровский» постановила объявить строительство музея ударной комсомольской стройкой. Их инициативу поддержали все комсомольские организации Обуховщины.

Люблю витачевскую дорогу.

Она начинается там, где река Желудевка впадает в реку Скваровку, и круто взбирается на холмы.

Люблю витачевскую дорогу в дни весеннего птичьего полногосья, когда все вокруг до отказа наполняется соловьиным щебетом, переключкой скворцов и загадочным свистом — из молодой пшеницы и овса — мелких полевых птиц.

В такую весеннюю пору можно до утра сидеть под звездным небом и слушать ночь.

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут...

Вспоминаю лицо Федора Семеновича там, в машине, когда он говорил о своей любви к поэту.

Как и сто лет назад, белеют хатки, пускай и не хатки, а дома, и сады вишневые возле них, и жуки снуют над вишнями. Но что-то кардинально изменилось в сельской жизни, и эту новизну невозможно выразить в нескольких словах, потому что она не только внешняя. Один из ее аспектов — отношение к труду.

— Нанял меня кулак за десятку в год скот пасти. Попас я до жатвы, а в жатву он мне и говорит: бери, парень, вилы, будешь по-давать снопы на воз. Снопы огромные, а я — подросток. Сноп на-колю, а поднять не могу, — рассказывал Федор Семенович. — Так я вилы торчком в стерню ткну и так приподнимаю этот сноп, и жилы у меня расширяются, и кровь, бывало, из носа хлещет, и вены на ногах расширились, до сих пор с этой болезнью не разлучился. И так я ненавижу работу! Лишь после того, как выучился на тракториста и оседлал «путиловца», понял, что работа не только мачеха — она и матерью может стать...

Полоска света от фары выхватывает из темноты уголок сада на склоне горы, и с улицы доносится знакомое тархтение мотоцикла. Возвращается со смены мой сосед — пахарь, колхозный механизатор Дмитрий Сидорович Кочубей. Мотор умолкает возле моих ворот, и высокая худощавая фигура соседа вырастает на фоне белой стены хаты: Дмитрий Сидорович просит сигарету. Сидим на заваulinке, ку-рим и беседуем о жизни, о профессии, о работе. Дмитрий Сидорович, обычно человек замкнутый и скупой на слова, в эту соловьиную ночь открывает краешек своей души.

Сегодня переправляем коров за Днепр, на луга.

Руководит «операцией» заместитель председателя, секретарь партийной организации колхоза Николай Моисеевич Калита. Колхозники зовут его Моисеевичем. Моисеевичу за тридцать. Сам он из села Красная Слободка, где на протяжении нескольких десятилетий председателем был известный на Обуховщине, да и не только на Обуховщине, Иван Федорович Кабанец. Ныне колхоз в Красной Слободке назван именем прославленного хлебороба. В детстве Иван Федорович произвел глубокое, незабываемое впечатление на Николая Калиту, и, наверно, не без его влияния юноша решил посвятить свою жизнь хлеборобскому труду, поступив в сельскохозяйственный техникум. Возвратившись из рядов Советской Армии, работал в Халепье колхозным агрономом.

— Николае не забуду свою первую агрономскую весну, — рассказывает Моисеевич. — Теперь в нашем колхозе три агронома, а тогда я был один на все хозяйство. С утра до ночи, бывало, мотаешься по полям. Ляжешь в полночь спать, а перед глазами — пашня, пашня и сеялки ползут...

Лет пять назад колхозники избрали Моисеевича заместителем председателя, а коммунисты — секретарем партийной организации. Калита учится заочно на четвертом курсе Высшей партийной школы при ЦК КП Украины. Энергичный, настойчивый, всегда в кожаной куртке, он чем-то напоминает известных нашему поколению лишь по книгам и кинофильмам комиссаров первых лет советской власти. Любимые литературные образы Калиты — Семена Давыдова из «Поднятой целины» Михаила Шолохова и Давида Мотузка из «Бурьяна» Андрея Головка.

Яркий майский день. Широченный — еще не спало весеннее по-ловодье — Днепр празднично сверкает синевой. Коровы, возбужденные ароматом молодой травы, предчувствием луговой свободы, рвутся к воде. Ждем речников, которые должны перебросить для кол-

хозного стада «зеленый мост» через реку. Небольшой трактор подвозит к берегу прицеп с маленькими телятами, подкатывает машина с бидонами и ведрами, которые ярко сверкают в лучах солнца. Николай Моисеевич приказывает загонять на паром стельных коров. Он, умеющий и любящий пошутить, сегодня серьезен и требователен: отвечает за полтысячное колхозное стадо. Тракторист, шофер и председатель ревизионной комиссии беседует на открытой поляне под светофором о строении Солнечной системы, о космосе, энергетических запасах земли, о солнечной энергии.

— А вот я читал...

Моторист колхозного катера опустил в бак автомашины, стоящей на берегу, конец шланга и перекачивает бензин.

Настроение у людей праздничное, в сегодняшнем дне есть что-то весеннее, необычное. К берегу причаливает катерок старшины халепьенских речников, а сверху подплывает красная лодка бакенщика. Можно начинать.

— Хотите поехать представителем от колхоза? — обращается ко мне старшина.

Я с радостью соглашаюсь...

Из-за Желудевки, перепрыгнув через речушку, которая отделяет мой двор от двора его дочери, пришел Владимир Григорьевич Демченко. Лето, а он в кирзовых сапогах, поношенном пиджачке и в выдавшей виды фетровой шляпе. Привычка. Он хотя и сутулится, но весь жилистый, лицо моложавое — никак нельзя дать шестидесяти восьми лет.

Желудевка, Скваровка и трасса с трех сторон опоясывают холм, и во все три его склона теперь врылась семья Демченко. Дочь, сын и зять работают на кирпичном заводе. Владимир Григорьевич проработал на этом же заводе почти сорок лет: по десять тысяч кирпичей за смену перевозил. Теперь кирпич от печи к баржам перевозят автопогрузчики. Раньше их возили тачками. Владимир Григорьевич работал и на обжиге и на формовке кирпича. А теперь вот уже восемь лет — пенсионер.

— Воевать вам не пришлось? — спрашиваю у Владимира Григорьевича.

— Ну а как же, воевал. Вот возьмите карту и посмотрите, сколько там рек от Сталинграда до Берлина, — чуть ли не через каждую я наводил переправу, а через Днепр дважды. В саперном батальоне служил. Бывало, и с берега немец поливает, и с неба бомбы сыплются, а ты стучишь да стучишь топором. Теперь техника, а нам пришлось еще и топором орудовать.

На том берегу Желудевки, где возвышается кирпичный дом, уже под шифером, но еще без дверей и окон, останавливается «газик», хлопает дверца.

— Наверное, за мной, — предполагает Демченко, поворачивая голову в ту сторону. — Из колхоза. Я ведь собирался сегодня еще малость глины накопать, да и песку нужно привезти...

В самом деле, приехал Николай Калита. Из района позвонили, чтобы срочно забрали с базы цемент, колхозники на работе, горячая пора, а Владимир Григорьевич, знают, не откажет. Несмотря на пенсионный возраст, мой сосед — один из активнейших помощников колхоза. Он и на сеновалке, он и за строительным материалом может поехать, он и овец стрижет — на все руки мастер, да еще какой мастер! Откуда только в человеке столько энергии?

— Нужно и детям помочь, нужно и колхозу подсобить, я ведь понимаю, как же...

Владимир Григорьевич вместе с заместителем председателя садится в машину, и «газик», круто развернувшись, мчится к кладовой.

Под вечер приходит к нам Демченков зять — Владимир Бойко:

— Просим прийти завтра — у нас работа на помочах...

Молодые поженились зимой, а с ранней весны строят дом на берегу Желудевки. Дом вырастал на моих глазах — сначала цоколь из бутового камня, потом стены, в один из дней его и обшили, то есть настелили доски, на доски — шифер. Людей молодые хозяева созывают для того, чтобы сообща стены оштукатурить.

С утра над Желудевкой зазвучали песни. Работать на помочах собрались соседи со всей улицы. Мужчины месили глину, женщины мазали. После работы искупали молодых хозяев — Володю и Мотю — в кадушке: на счастье, на здоровье, так заведено. Расходясь, говорили:

— Пусть будет благо...

— Желаем блага...

— Блага вам...

Благо — это когда чистое небо над головой и не гремят пушки.

Благо — это когда есть хлеб и к хлебу.

Благо — это когда рождаются дети.

Благо — это когда строят, а не разрушают.

Благо — это жизнь.

Нет, наверное, ничего приятнее на свете, чем видеть, как вырастает дом и как рождается молодая семья. Мои молодые соседи через Жомеровку покамест живут у родителей, но с осени хотят зажить собственным гнездом и спешат. С раннего утра на том берегу речушки стучит топор, звенит пила, шуршит о сухое дерево рубанок: Володя Бойко изготавливает рамы и косяки, навешивает двери, вставляет оконные рамы. Мотя наводит порядок во дворе, хлопочет на грядках. Потом они купаются в реке, и громко разносится над левадами их смех. Потом они идут по витачевской дороге и дальше вдоль Скваровки на смену, на завод.

Однажды утром из трубы их дома впервые повалил дым — хозяева затопили печь. Иду на огонек. «Гнездо» молодые скотили крепко и надежно — и для детей и для внуков, смеется Владимир. Передняя, кухня, три просторные комнаты. Из окон дома, стоящего на возвышении, да еще и на высоком цоколе, открывается прекрасный вид на Острую гору и дальше, на зеленые склоны Жомеровки. По левадам стелется седой туман, на Днепре перекликаются теплоходы и баржи, молоденькие, ослепительно-черные, только что из гнезда, что на шелковице, скворчата прогуливаются по двору.

В семье Бойко шестеро сыновей и две дочери. Мать работает в колхозе, отец — на кирпичном заводе. Трое сыновей еще учатся в школе, Виктор после восьмого класса был помощником тракториста, колхоз послал его на курсы механизаторов, уже третий год парнишка самостоятельно работает на тракторе. Николай шоферил в Киеве и возвратился в село. Теперь в колхозном гараже, ждет новую автомашину, которую вот-вот приобретет колхоз. Старшая дочь в Киеве, младшая, Надя, — десятиклассница трипольской средней школы. Надя вместе со своими одноклассницами второй год изучает в школе основы агрономии в механизации сельского хозяйства, скоро получит третий разряд тракториста. Своей жизни вне Халепья она не представляет.

— Как же можно оставить наши чудесные поля, рощи, реки!

Она любит свой край. И эта любовь — на всю жизнь.

Однажды мы беседовали с Федором Семеновичем о проблеме омоложения колхозных кадров и пришли к мысли, что сегодня все больше юношей и девушек приобщается к хлеборобскому труду. В первую очередь это объясняется тем, что материальный и культурный уровень современного села несравненно выше, чем раньше. Но крайне необходимы новые хозяйственные меры, которые способствовали бы этому приобщению.

Настало время позаботиться о всем комплексе бытовых условий для колхозников. Человек, связывающий свою судьбу с селом, должен иметь возможность, как и на производстве, улучшать с течением времени свои жилищные условия. Нужно, чтобы колхоз мог предоставлять своим лучшим труженикам строительные материалы, установив очередность, как это делается на заводе или в учреждении. Такую возможность — выделять материалы для индивидуального строительства — имеют еще не все колхозы. Но суть вопроса не только в дереве или кирпиче. Сельский житель ныне смотрит телевизор, слушает радио, читает газеты, он хорошо знает городскую жизнь и вполне справедливо хочет, чтобы уровень и его жизни был не ниже. Сельский житель хорошо зарабатывает и хочет иметь за свои деньги свежий хлеб, высококачественные промышленные товары, хочет увидеть на сельском экране новую кинокартину, а не ту, которую в городе, расположенном неподалеку, показывали еще в прошлом году. Он хочет послать своего ребенка в музыкальную школу.

Возвращаемся из дальних веремских лугов колхоза. Вода в днепровской заводи тихая и тускловатая, в расселинах между тучами сверкают первые звезды, словно белые кувшинки. Катерок гонит к берегам волну, все отдаляется от нас — загородка с телятами, вагончик пастухов, розовый островок костра.

В катере, кроме меня, еще четыре человека: Моисеевич, бухгалтер колхоза и секретарь бригадной партийной организации Шинкаренко, зоотехник колхоза, ветеринарный врач. Партийные организаторы и специалисты — костяк современного сельскохозяйственного производства. Недавно на бригадном партсобрании говорили о роли специалиста в колхозе. Разговор был искренним и принципиальным. Докладывал Шинкаренко. Халепьенский колхоз на фоне хозяйств Обуховщины — добротный середняк. Легко было найти обнадеживающие факты и цифры и успокоить коммунистов: дескать, дела идут неплохо, можно и не беспокоиться. Шинкаренко подготовил весьма тревожный, сознательно заостренный доклад. «Я и по себе и по другим товарищам знаю, что мы порой свыкаемся с недостатками в нашей работе и предпочитаем закрывать на них глаза,— начал бригадный парторг,— а самоуспокаиваться никак нельзя, потому что сегодняшние маленькие недостатки угрожают в будущем перерасти в большие, привести к большим потерям. По сравнению с семидесятым годом колхоз отстает по многим показателям, в хозяйстве еще довольно высокая себестоимость продукции, и тут первейшее слово за специалистами сельского хозяйства». Возразить докладчику трудно — Шинкаренко хорошо знает экономику; коммунисты поддержали своего парторга.

Вспоминая об этом партийном собрании, я наблюдаю за тем, как спокойно и уверенно Петр Тимофеевич управляет катером; Днепр он прекрасно знает, вырос в Триполье, его отец был одним из организаторов местной артели. Лицо Шинкаренко задумчиво: районный комитет партии рекомендует его на пост председателя соседнего колхоза и сегодняшняя поездка Петра Тимофеевича с нами, халепьен-

цами, наверно, последняя. Мыслями он уже там, в своей завтрашней нелегкой работе; колхоз, куда его направляют, отстающий, да и вообще дать согласие на должность председателя колхоза означает дать согласие на долгий рабочий день, на бессонные ночи, на огромную ответственность. Шинкаренко дал согласие...

Рядом с ним сидит зоотехник Елена Гавриловна, в ее руках букет луговых цветов: деревьев, гвоздички, васильки, колокольчики. Осматривая луга, мы вместе собирали цветы и дарили их единственной женщине среди нас.

Некогда в Халепье она приехала уже с семьей.

— Спросила у Федора Семеновича: быть может, я не подойду колхозу — с двумя маленькими детьми? — вспоминает Елена Гавриловна. — Бельгий засмеялся: подойдете. И во многом помог мне.

С тех пор прошло более десяти лет, выросли дочери Елены Гавриловны, выросло и колхозное хозяйство, особенно животноводство. Но не зря ведь говорят: малые дети — малые хлопоты, большие дети — и хлопоты большие. Так и с хозяйством. Двенадцать лет назад думалось: если бы построить новые коровники, уже можно было бы и жить. Коровники и свинарники построили, но появились новые заботы: жизнь действительно требует полной механизации в животноводстве. Луга очень выручают в летние месяцы, иначе пришлось бы давать коровам каждый день до сорока тонн зеленой массы, но коров в полевом лагере приходится доить вручную, себестоимость молока увеличивается. Свинарки вручную кормят свиней, количество животных, за которыми ухаживает одна колхозница, не увеличивается. Колхоз становится специализированным овцехозяйством, а новую кошару еще только планируют строить и мало зеленой массы, чтобы подкармливать овец, которые пасутся по склонам, трава на которых часто выгорает. Проблемы, проблемы...

— Когда я начинал работать агрономом, — улыбается Николай Моисеевич Калита, — одна старушка мне сказала: «Не нужно, сынок, бога учить, как хлеб делать, он и сам знает». Но бог не всегда знает, далеко не всегда, как нужно вести хозяйство по-современному. Я вот смотрю — не трава, а лекарство на наших веремских лугах. Но как только случается сухая весна — выгорает до основания. А чтобы иметь сено, нужно луга удобрять и орошать, это единственный выход.

— Влетит в копеечку...

— Копеечка эта окупится, ежели действовать по-хозяйски. Слышали, что пастух говорил: мужик, прежде чем косить, и на небо посмотрит, и радио послушает. А мы косим как попало: дескать для большого стада сойдет. Да и на наших поливных землях можно по три урожая зеленой массы снимать. А если еще осушить болотистые участки...

На днях я был свидетелем интересной беседы. В колхозную контору вошел юноша, только что окончивший десятилетку. Он хотел бы учиться на агронома. «Идите учиться на гидромелиоратора, — посоветовал ему Николай Моисеевич. — Направим в техникум от колхоза, будем стипендию платить. Возвратитесь через два года — нам гидромелиоратор будет нужен, начнем осушать большие площади...» Юноша согласился.

Человек живет будущим... Иначе сейчас нельзя.

Плыдем мимо Украинки.

Улица в десяти метрах от воды. Стеклоздание маленького кафе над рекой, удвоенное днепровским плесом. Сквозь грохот мотора доносится веселая музыка.

Трубы теплоэлектростанции в огнях, и вся она до отказа налита голубовато-зеленым сиянием, будто каменный цветок в очаровательных сказах Бажова.

— Вчера впервые за все лето купался в Днепре,— говорит Николай Моисеевич.— Возвратился от комбайна почти в полночь — и на реку. Вода теплая ночью.

— Очень люблю воду,— говорит Елена Гавриловна.— Плынешь на рассвете паромом на утреннее доение — Днепр спокойный и широкий-широкий. И туманы...

Говорим о любви, о молодости и о людях...

Десять часов вечера. Николаю Моисеевичу и ветеринарному врачу сегодня еще предстоит ночное дежурство в поле...

Кажется, я впервые замечаю сегодня, как много седины в волосах Николая Моисеевича, который моложе меня. И лицо у него сегодня какое-то осунувшееся, переутомленное. Федор Семенович в больнице, Николаю Моисеевичу приходится работать и за председателя колхоза и за парторга. А время ответственное: через какую-нибудь неделю — жатва, нужно подготовить всю технику, и еще раз подкормить кукурузу, потому что во время жатвы трактора будут заняты, и заложить сенаж. По колхозному двору перед мастерскими «прогуливаются» комбайны — последние приготовления. Комбайнеры Обуховщины обязались в этом году работать только на первой скорости, чтобы не потерять ни одного колоска. И затягивать уборку нельзя. Жатва предстоит напряженная.

Вместе с Николаем Моисеевичем и колхозным инженером Андреем Джерело едем в поле. Андрей Джерело родился и вырос в Халепье, окончил школу, техникум, длительное время работал в РТС кустовым механиком. В колхозе первое лето. Он скуп на слова, движения, но деловит и работающ.

— Старая техника, много машин необходимо заменить,— сокрушенно покачивает головой инженер.— Однако к жатве почти готовы. Жатки уже стоят в полях там, где и начнут работы. На боевых позициях, так сказать...

По старому городищу над Днепром, где, согласно преданиям, стоял город Киевской Руси Халеп, движется травоизмельчитель с трактором, их сопровождает автомашина, кузов которой наполняется измельченной зеленью. И Днепр, и Заднепровье, и город Украинка, и ТЭЦ отсюда будто на ладони. Но людям сегодня не до пейзажей. Травоизмельчитель останавливается, подходим к механизаторам.

— Хорошо работаете, ребята,— подбадривает парторг.— Но и завтра сделаем рабочий день, не успеваем, нужно заложить тысячу тонн сенажа.

— Да ведь завтра красное число,— напоминает тракторист,— мне надо бы косой помахать...

— А колхозный скот чем будем кормить зимой?

— Да, это верно. Что ж, если нужно, выйдем и завтра...

Едем вдоль Днепра, и Андрей Джерело показывает место, где наши войска переправлялись через реку в сорок третьем году.

По склону неумоимо движется трактор с жаткой, холм от основания до вершины в покосах. Василь Пупченко косит горох с овсом для сенажа. Николай Моисеевич в восторге от его работы.

— Ну и молодец же наш Василь! За день столько накопил! Давайте поднимемся поблагодарим, а то ведь у нас иной раз так бывает: отругать находим время, а на похвалу скуповаты...

Поднимаемся на пригорок. С каждым нашим шагом горизонт удаляется, и уже долина Скваровки с вагончиками полевого лагеря

тракторной бригады под сенью развесистых верб будто нарисована. Свежий, ароматный ветерок веет с полей.

— Красота какая!—растроганно вздыхает Николай Моисеевич.— Вот так посмотришь, вздохнешь — и усталость как рукой снимает.— И уже другим, деловым тоном добавляет: — Нужно, Андрей, вон ту ложбинку осушить, завтра пришьешь сюда бульдозер...

Василь Пупченко — тракторист со стажем: двадцать пять лет работает механизатором.

— Знаю ведь, что сенаж назавтра нужен, даже обедать не ездил. А завтра воскресник?

— Воскресник, Василь. Нужно до жатвы успеть.

— Понимаю. Беда только, что тракторишко мой очень уж износился.

— Первый же колесный трактор, который прибудет в колхоз,— твой,— твердо обещает инженер.

Идем дальше в поля, а трактор на розовом в лучах предзакатного солнца склоне снова тархтит под аккомпанемент жатки.

Вечером возле Дома культуры в честь Василя Пупченко, выполнившего две дневные нормы, поднимается по мачте красное полотнище знамени...

Долгожданная жатва, венец сельскохозяйственного года. Жатки уже четвертый день стрекочут на пшеничном поле, но комбайны сегодня впервые выйдут на хлебные нивы. В полевом стане механизаторов Андрей Джерело в последний раз проверяет машины. Комбайнеры суетсяя вокруг с ключами, вытирают их тряпками, машины сверкают как новенькие. С кухоньки вкусно пахнет борщом, там упревает гречневая каша, жарится сало. У моего соседа Дмитрия Кочубея — свежая синяя сорочка с закатанными рукавами, кожаная фуражка. Лицо озабоченное и одновременно праздничное.

Прежде чем отправиться в поле, механизаторы собираются в саду возле вагончика. Деревья молодые, но уже созревают на них вишни и абрикосы, раскинул пахучие лапчатые листья грецкий орех. Николай Моисеевич раздает комбайнерам книжки качества. Осенью эти книжки нужно сдать в контору, желательно, конечно, без замечаний. Парторг, председатель колхоза, главный инженер желают механизаторам счастливой жатвы. От имени комбайнеров выступает Дмитрий Кочубей. Речь его предельно краткая:

— Будем честно работать...

Подкрашенные, чистенькие выкатываются комбайны с полевого лагеря, торопливо движутся мимо Грушевой горы на Куст. Мы на обитой брезентом, с наращенными бортами автомашине приезжаем первыми. Федор Семенович, еще бледный после больницы, садится на подножку машины, снимает шляпу и продолжает начатый в кабине разговор с шофером. Он уговаривает его поехать учиться — или в сельскохозяйственную академию на агронома, или в техникум на автомеханика, или на годичные курсы механиков по холодильникам и газовым установкам. Колхоз будет выплачивать среднюю заработную плату плюс к ней стипендию.

— Нам нужны люди с высшим образованием. Приедешь — можешь, еще и председателем колхоза будешь. По-новому поведешь хозяйство. Я что, я работаю по-старому, я практик. И покрикиваю иногда, а ты будешь вести все согласно науке, деликатно. Думаешь, после академии или техникума ты вернешься таким же, как сейчас? Нет, вырастешь, изменишься. Ты сам себя не узнаешь...

Лицо Федора Семеновича задумчиво и трогательно-торжественное. Быть может, это его последняя колхозная жатва — врачи настоя-

чиво советуют отдыхать. Последняя — после множества праздников. Праздников, потому что первый день жатвы для хлебороба — праздник. И сегодня повел он речь об учебе, о молодежи не случайно.

Человек живет будущим...

Комбайны уже в поле. Еще миг — и они медленно двинутся в великую хлебную дорогу. Наблюдаю за Дмитрием Кочубеем. Прежде чем включить скорость, он снимает картуз, поднимается с сиденья. Глаза светятся. Жатва...

В конце гона он останавливается, заглядывает в бункер. Там кипит золотистая пшеница. Движение руки — и зерно льется в кузов машины. Федор Семенович зачерпывает зерно в горсть, и мы берем с его ладони по зернышку. Пробуем на вкус.

Сладок вкус молодого хлеба.

Начиная с сегодняшнего дня и в течение многих вечеров первые огни в Халепье будут зажигаться над колхозным гумном.

Дмитрий Кочубей выписывает квитанцию, вручает шоферу, Федор Семенович улыбается:

— Везете первую тонну зерна нового урожая...

Село Халепье на Обуховщине.
1973 г.

Перевел И. КАРАБУТЕНКО.

МИКОЛА СЫНГАЕВСКИЙ

★

ПРЕЛЮДИЯ ВЕСНЫ

У нас весна на Украине —
на крутосклонах
и в долине,
в тенистых рощах и в ярах,
на раздорожьях,
во дворах.
Вода весенняя ярится,
в глазах и в небе — голубень.
Готовься, друг мой, в челн садиться
и мчаться в жизни бурный день.

В лесах фиалка светит нежно —
она у неба синь взяла,—
на ножки поднялся подснежник,
и медуница расцвела.
В дрожащих дымчатых узорах
весна выходит из лесов.
В колхозных зерновых коморах
уже скрипит дверной засов.

Весна звенит над Украиной,
над нашей Родиной
былинной.—
она в селеньях,
в городах.
И каждый сердцем молодеет,
теплом весенним думу греет
и носит солнце на устах.

Сперва пусть скажет хлебобоб нам,
его пора уже близка,
и каждый день — как выезд пробный,
и почву пробует рука.
От горсти влажной и до грома —
он взвешивает все как есть.
Ночами снится агроному
Весны стремительная весть.

С весной сговор невозможен —
до зорьки в поле выезжай!
Как светел он, но как тревожен
весенний вид на урожай.

Идет весна по Украине
 И в каждый дом
 заходит ныне,
 сама веснянки
 привела,
 вошла
 в хозяйские дела.

Во двор она бросает взоры,
 и в уголки,
 и в просторы,
 заглянет мельком и в криницу,
 в ведре с водою
 отразится.
 Разбудит горлицу,
 синицу...
 И что ж тут скажешь — хороша,
 коль вся в труде ее душа.

Но кто ж ее не замечает
 И кто ее не узнает?
 Свою таинственность и чары
 она ведь щедро раздает.

Ее как дар я принимаю.
 Весна, благословенна будь!
 Но просьба есть: в Полесском крае
 мать навестить не позабудь.

Ты издавна Полесье знаешь,
 пройди же Лесиной¹ тропой,
 я слышу, ты уже вступаешь
 и в сад, и в рощу, в бор густой.

И стелишь рушники с любовью
 у Случа,
 Припяти,
 Десны.

Вот встретился и я с тобою,
 я, сын лесов, певец весны.

* * *

Ловят солнце осенью леса,
 ловит небо птичьи голоса,
 ловит вечер звездочку свою,
 ловит ветер
 шорох свой в гаю.

Ловит волны быстрина ручья,
 утро ловит песнь свою,
 а я

в жизни всей,
 которую люблю,—
 как последний, первый миг ловлю.

¹ Леся Украинка.

П. ПЕРЕБИЙНИС

★

КОММУНИСТЫ

Партбилет,
прикрывший сердца рану,
легший на простреленную грудь.
По его багряному экрану
в дальний край пролег отцовский путь.

Фронтová трудная дорога —
та, что от подольского села,
от родного нашего порога
на порог рейхстага привела.

Вижу — кумачом святого стяга
осенен
и помыслами чист —
на пороге черного рейхстага
мой отец,
солдат и коммунист.

— Батько, батько, да поберегись ты,
это же войны последний день...
Батько, глянь:
пышны сирени кисти,
светится
над пламенем
сирень...

Нет, не слышит слов моих,
не знает,
как цветет весна
в седом дыму.
Он не гнется,
он в огонь шагает,
виден только сердцу моему.

Партбилет.
Я повторю, чеканя,
утренние вешние слова.
На его немеркнущем экране
мой маршрут,
мой путь,
судьбы канва.

СИМВОЛ МОЛНИИ

О. К. Антонову.

Прости меня, генеральный конструктор!
 Я все как есть
 посмотрел
 и постиг.

Пирамидальные
 тянутся в струнку
 тополя
 на аллее
 ваших раздумий крутых.

И пока вы
 вышагиваете
 все тяжелей
 по аллее под тополями,
 формулу молнии
 вынашивая
 в безмерной стремительности,—
 самолет
 в синеве над вами
 поглотил
 сотню тысяч таких аллей,
 согласно теории относительности.

Стрела самолета
 в просторы бурые
 слетает
 с тугой тетивы окоема,—
 прославим звеняще натянутый лук!
 Лишь молния мысли,
 соперница грома,
 достигнет стрелу,
 обогнавшую звук,
 лишь молния мысли,—
 о, как мне знакома
 блаженная боль
 ваших творческих мук!

Мятежных,
 не знающих передышки,
 на грани возможностей
 сердца
 и нервов —
 в щемящем ожидании вспышки,
 знакомом
 одним лишь минерам,
 наверно!

Щемит каждый нерв ваш.
 Мечты
 и свершенья,
 химеры и явь
 в сочетанье взаимном.
 Мгновенье —
 и в Небо Воображенья
 вонзится ликующей молнии символ!

ПРАВИЛА НЕЖНОСТИ

По бульвару,
испещренному, как глобус,
островковой и материковой тенью,
нежно и плавно
едет автобус,
автобус
особого назначения.

Там, где он проезжает —
движение стоп! —
даже трамвайные к рельсам пристают колеса.
А регулировщик готов поставить деревья косо,
подальше от бровки, не мешали чтоб!

Готов презреть все запреты и запрещенья,
подчинясь иным правилам в житейской безбрежности!

Катится автобус особого назначения
по правилам нежности.

Люди,
можно сказать, с незапамятных лет
пестовали и вынашивали разных идей высоту.
Скажем, один изобрел электрический свет,
а другой — электрический стул...

Не знаю, кто он —
порядка страж,
учитель,
администратор
или маляр,
чья мокрая кисть
заполнила прорези в трафарете, —
но только уверен, что он
на ш,
тот, кто придумал автобус
с надписью:
«Д е т и!»

ПРИЗНАНИЕ

Над тишиною Южно-Сахалинска
летит на запад предрассветный снег.

А на междугородной
все будто в полусне.
За толстой перегородкой изредка
просыпаются аппараты.

А в зале ни души,
лишь в уголке моряк сидит в опрятном
бушлате.
На свиданье он пришел
и ждет теперь, терпения набравшись.

На циферблате
замыкает круг
час ожидания.
Стрелки длинно-длинно
ползут.
И вдруг:
«Киев. Восьмая кабина...»

«Алло, алло... Это я...
Ты меня слышишь?
Люблю!..»

«Люблю!» — в кабине прозвучало
и покатилося
на спутнике связи
над безмерными просторами отчизны,
над снегами
и морями теплыми,
из раннего утра —
в вечер,
из России —
на Украину.

«Люблю!» — в мембранах телефонных дышит,
«Люблю!» — витает над Землею
голубою.

И светит спутник —
третьим,
но не лишним —
над вечною, как белый свет, любовью.

Перевел АЛЕКСАНДР ГОЛЕМБА.

ЛЕОНИД ВЫШЕСЛАВСКИЙ

★

ЗЕМЛЯ

Из-под крыла земля видна.
В просветах облачных она
в цвету и хлебе
течет, как из медвяных сот.
Небеснее ее высот
не сыщешь в небе.

Над ней протекшие века
всклубились, будто облака,
и еле-еле
поют рассветные ветра —
они валялись до утра
в ее постели.

Вот телом собственным горда
лежит... Неси к ней, как всегда,
судьбу сыновью!
В ее лицо смотри, смотри,
светящееся изнутри
людской любовью!

СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

Всегда — и в минуту крутую,
езде — и у круч на краю,
природа не любит впустую
растрачивать силу свою.

Созревшее пламя в созвездьях,
набухшее в почве зерно,
висящая глыба над бездной —
все сдержанной мощи полно.

И кажется: чайка не крылья
сложила, плывя на волне,
а лишь затаила усилья
в таящей рассвет тишине.

И тополь, сдержав напряженье,
как будто застыв на бегу,
вдвоем со своим отраженьем
живет на крутом берегу.

Отрадно мне в долгие ночи
сидеть перед мирным огнем,
в молчании сосредоточась
на слове, на деле своем.

ПОДАРКИ

Пчелы танцующий полет.
Вселенная в медовой раме.
За клуней старую цветет
жасмин, придавленный дровами.

За клуней старой полутьма
стекает с кровельных ладоней,
и вечность, кажется, сама
со звоном падает в подойник.

Тропинка вьется меж хлебов
в логу причудливом и чудном
и удивляет, как любовь,
непрекращающимся чудом.

Еще широк мой кругозор,
еще в глазах довольно света,—
какое счастье: до сих пор
и познавать и видеть это!

Былая молодость моя!
Быль, отстоявшаяся в слове!
Но замечаю тут же я,
что мне в диковину и внове.

Забыв за клуней тряский воз —
к чему нужны сегодня кони?!
Мой давний друг себе привез
на мотоцикле газ в баллоне.

Девчонка, вдоль дорожных ив
волос развеивая прядки,
покрепче парня обхватив,
летит у «Вятки» на запятках¹.

Колотит женщина белье,
и с нею в речке отразился
стоящий около нее
поющий тенором транзистор.

Лишь вербы, хлынув на волну
волною лиственного дыма,
святую копят тишину,
что так душе необходима...

Я по реке плыву, гребу
туда, где полдень жгуч и ярок,
благодаря свою судьбу
за каждый час как за подарок.

¹ «Вятка» — марка мопеда.

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

★

БОЦМАН БЕРЕСАН

«ХАРАКТЕРИСТИКА»

Дана Бересану Александру Павловичу, боцману теплохода «Донецкий металлург». Год рождения — 1913-й, украинец, беспартийный, женат.

На флоте работает с 1931 года по настоящее время в должностях матроса и боцмана. Боцманом стал в 1953 году. Плавал на судах Черноморского пароходства «Армения», «Крым», «Грузия», «Полтава», «Балтика», «Украина», «Московский фестиваль», «Файзабад», «Иван Гончаров».

Выполняя важнейшие народнохозяйственные задачи, принимал участие в перегоне тяжелых доков из Одессы на Дальний Восток и из Югославии в Одессу.

Имеет следующие правительственные награды: орден Ленина, медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа», награжден также знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года».

По праву считается одним из лучших боцманов Черноморского пароходства.

Капитан теплохода «Донецкий металлург» Иван Бебель».

Секретарь парткома пароходства Виктор Сенько уточнил:

— Один из лучших — слишком расплывчато сказано. Лучший боцман! Так вернее будет...

Давно это было. Чумазее судна на всем Черном море не сыскать! Посудину так и звали — грязнуха. Грязнуха да грязнуха — никто имени ее настоящего не знал. Хотя официально это корыто именовалось то ли «Чайкой», то ли «Колобадкой», то ли еще как...

Местом прописки у грязнухи была крохотная насвайна у Воронцовского маяка, клином врубавшегося в бухту. Грязнуха чистила дно подле самого маяка, была с головы до пят облеплена ошмотьями ила, водорослями, рыбьей чешуей и на нормальное судно походила не больше, чем «кастрюля на аэроплан» (выражение Бересана). Моряков на грязнуху отправляли работать в наказание, как сейчас на пятнадцать суток отправляют хулиганов скоблить тротуары. Над сосланными на грязнуху хохотала вся Одесса — большего унижения и придумать было нельзя...

На грязнухе и начал свою морскую карьеру Саня Бересан. Он пришел на посудину в котлах — фанерных тапках, — в рядновой рубахе, подпоясанной шнурком, под который был подсунут завернутый в газету ломоть хлеба с припеченными к корке отрубевыми остьями. Капитан встретил Саню хмуρο, рот серпом изогнул.

— Матросом прислали? А ночной горшок-с для малых нужд с собой не прихватил? Давно ль маминым молоком в последний раз питался?

Через полчаса капитан дал первое «боевое» задание. Традиционное, описанное в сотнях книг про «первые университеты».

— Дуй в город, шкалик добудь.

— На чем дуть? Макаром каким? Кругом вода. Берег в бинокль только виден.

— А смелый парень! Капитану перечишь! Э-э... Как хошь, так-с и добирайся. Мое дело — задачу ставить, твое дело — исполнять. Да-с!

Бересан исхитрился и добыл тогда шкалик, капитан остался доволен новым матросом.

К осени Саня пересел на новый «карапъ» — ростовский пассажирский пароход «Дельфин». Там познал он, что такое настоящий дракон. Драконами на старом флоте величали боцманов. На «Дельфине» драконом был могучий, усатый мужик Иван-Ваныч. Иван-Ваныч уважал свои бицепсы, любил их оглаживать, оципывать — «для массажа», с лаской в голосе звал «бульонками», но нагрузку им давал редко, берег.

С палубной же командой дракон был суров. Еще обожал он покупать новичков и был в этом деле весьма изобретательным: то посылал напильником якорь от ржави чистить, то заставлял взять лом и отправиться на помощь к кочегарам, которые-де «котел на новое место передвигают». Новичок с готовностью бросался на помощь к кочегарам, не зная еще, что в котле весу пятьдесят тонн и никогда и никуда его на судне не передвигают.

Бересан стоял перед Иван-Ванычем навтыжку, руки по-солдатски плотно прижаты к телу, пятки вместе, носки врозь; ел глазами дракона. Иван-Ваныч имел знатные не только бицепсы, но и усы, густоющие, кольцом огибающие подбородок и сходящиеся у кадыка; «поездил» дракон усами, побуравил Саню глазами, произнес, не вынимая рук из-за спины:

— Для сыгтания, ваше морское величество, вот какое дело... Возьми ножовку и поди лапу у якоря отпили. Одна лишняя.

Сбоку кто-то прыснул в кулак; когда Саня Бересан оглянулся, то увидел матросика в бескозырке с георгиевскими лентами, матросик сделал вид, что закашлялся.

Обида стиснула Бересану горло, из глаз уже были готовы выкатиться первые слезы, но он сдержался.

— Слушаюсь!

Иван-Ваныч пощипал бульонки и удалился с величественным видом. Матросик в бескозырке с георгиевскими лентами засеменил следом, ныряя боцману под высоко оттопыренный локоть. Бересану даже противно стало от такой неприкрытой услужливости.

— Значит, лапы надо отпилить!

Перегнулся через хлипкий, редко покрашенный поручень, увидел в отражении судна мелких проворных рыбешек; это бычки, «божьи коровки» моря, шныряли около борта, ожидая кормежки. «Будет те лапа! — решил Саня Бересан. — Отпилю».

Вдоль берега, согнувшись под тяжестью баллона с «бензиновым духом», брел газорезчик.

— Эй, дядя! — крикнул ему Саня.

— Ну?

— Подь сюда. Поднимайся, не бой-ись! Дракон дельце одно поручил. И деньга отпущена! — Саня помахал двумя зелеными кредитками.

Газорезчик, кряхтя, вскарабкался по трапу, сбросил у Саниных

ног бухту резиновых шлангов, вытащил из кармана громоздкий, похожий на маузер самодельный резак.

— Ну?

— Лапу у якоря надо отрезать. Боцман велел.

— Сколько заплатишь? Две зеленых? Мало. Тут работы навалом.

Добавь еще одну.

— Не могу. Деньга-от государственная...

— Я тоже человек государственный.

Саня Бересан заколебался: уж больно жалко денег, заработанных на грязнухе, но дракона надо было проучить. Раз и навсегда.

— Пошли!

Газорезчик покорно двинулся за ним. Настроить немудреный инструмент было для него делом трех минут, и едва с пороховым шипением заискрился огонек, опоясав пулевидный носик горелки, как газорезчик, натянув на нос синие велосипедные очки, начал разогревать лапу.

— Где отрезать? На изгибе? Иль под корешок?

— Под корешок.

— Поехали,— сказал резчик.

В воздухе запахло паленым.

— Пароход не сожги.

— За три зелененьких не сожгу. За две сжег бы.

Газорезчик добавил еще огня.

— Якорное тулово не зацепи. Чтоб ни пореза, ни слединки не осталось.

— Бу сделано.

Мало ли, много ли времени прошло, Саня Бересан не помнил, только на шипенье прискакал матросик в георгиевской бескозырке. Как увидел матросик, какие метаморфозы с якорем происходят, так челюсть у него и отвалилась.

— Чего это?

— Как чего? Лапу отпиливаю. Боцман при тебе же приказал?

Матросик по-кошачьи прыснул и унесся, топоча жесткими спиртовыми подошвами по палубе.

Когда дракон примчался на бак, обезлапленный якорь уже был вытащен на солнце, а Саня Бересан, орудуя кистью, закрашивал место отреза антрацитовым кузбасс-лаком.

У Иван-Ваныча подогнулись ноги, он рухнул на палубу и долго так сидел, раскачиваясь из стороны в сторону, сдавленно мыча. Но делать было нечего — приказание-то сам давал? Сам! И оно было выполнено в наилучшем виде.

Через двадцать минут «Дельфин» отвалил от причала — он делал очередной рейс вдоль побережья, — а еще через двадцать начался шторм. Это был первый шторм в жизни Бересана. Иван-Ваныч вышел из каюты еще зеленый от злости на хитроумного новичка. Наделил всех работой. Сане же велел спуститься в пассажирское отделение третьего класса вымыть гальюны.

В третьем классе пахло кислым, стоял полумрак, из которого доносились охи, ахи, причитания, бабий плач, вопли детишек. В полумраке Саня разглядел длинную шеренгу корчившихся мужиков, а отдельно — в полуметре — шеренгу женщин, стоящих лицом к стенке, мучавшихся от морской болезни.

Едва Саня приблизился к страдальцам, как его вырвало, и он, полубесчувственный, вялый, с мутными глазами, полез наверх.

На палубе к нему подскочил матросик в георгиевской бескозырке:

— Траванул?

Саня кивнул.

— Галюны не вымыл?

Бересан отрицательно качнул головой.

— Ну, дракон тебе задаст! Дай-кось.

Матросик вырвал из рук Сани Бересана ведро, нырнул в третий класс, через несколько минут вылез обратно, с грохотом опустил ведро на палубу.

— Все! Давай дружить! Меня Гришкой величают. Григорием Файчетом. А Иван-Ваныча ты здорово поддел, над ним теперь бычки смеяться будут, криветки лапками сучить от дармового веселья.

...Много было потом учителей у Бересана, сразу всех и не перечислишь. Но эти первые уроки запомнились навсегда. В личном талмуде Бересана, тетрадке с жестким лаковым переплетом, собраны записи разных лет — умные мысли, выдержки из писем, отрывки из выдающихся произведений, крылатые выражения; выписаны они не без умысла, в них заключены правила, ставшие сутью жизни, ее орудовскими знаками. Среди этих орудовских знаков есть следующее: «Учитель, воспитай ученика!» Позже Бересан уже сам стал драконом, сам воспитывал учеников. Бывало, и шутка проскальзывала... Ведь ученье без юмора — что борщ без соли. А потом, говорят же, что десять минут смеха удлиняют жизнь на год. Но никогда Бересан не позволил себе издеваться над другими, даже если эти другие заслуживали. Хотя однажды позволил... Почти что позволил.

Как-то, когда Бересан уже был боцманом теплохода «Украина», к нему на практику прибыл курсант средней мореходки — низкорослый настырный парень, о которых говорят: себе на уме. Бересан начал знакомить его с хозяйством.

— В подчинении у боцмана — целая команда. Палубной зовется, — втолковывал он курсантику, — десять матросов — десять ртов. Да еще всевозможная погрузочная амуниция — электролебедки, такелаж, — что, как и человек, тоже кушать иногда просит... Вот. Словом, все, что расположено на судне от клотика до клотика, козыряет боцману при встрече. Все в подчинении! Особенно тросы надобно держать в порядке; тросы, блоки, лебедки... Груз на палубе должен крепиться так, чтоб ни один конец не лопнул, чтоб никакой шатки не было. Никакой! А то, бывает, в шторм попадаешь, в борт лупит волна такая, что зубы изо рта вылетают, не удерживаются в пазах. Зубы-то пусть вылетают, а груз не должен вылетать. Не дай бог посеять груз. Позор из позоров... Чего улыбаешься? Не видел матросов с выбитыми зубами? Я у себя во рту давно на железные сменил — надежнее, не потеряешь при тряске... Чего смеешься?

— Смешно.

— Как твоя фамилия, говоришь? Бабель?

— Бебель.

— Сродственник писателю, что ль?

— Нет! Писатель — да! Действительно Бабелем был. «Конармию» написал.

— Бебель! Бебель... Фамилия известного революционера? Август Бебель?

— Был такой.

— Сродственник?

— Нет. Папа и мама взяли себе фамилию в его честь.

— Где такие выдающиеся папа-мама живут?

— На Алтае.

Бересан присвистнул.

— С Алтая приехал? Эх куда тебя занесло. М-да. Слушай лекцию дальше.

— Про палубную команду? Про киль и клотик? Про такелаж? Все знаю!

— А про концы?

— И про концы знаю.

— Какие бывают концы?

— Стальные и растительные. В растительные входят капроновые, манильские, сизальские...

— Диаметр бросательного конца?

— Двадцать пять — тридцать миллиметров.

— Чем начинается барабуля?

(Барабуля — тяжелое утолщение в основании бросательного конца, иногда колотушкой называют.)

— Песком!

— Может, лучше свинцом?

— Свинцом нельзя. Можно в берегового матроса угодить, покалечить... Песок мягче.

— Откуда теорию познал?

— Научили.

— Судовой галдьюн мыл когда-нибудь?

— Нет.

— Пора познакомиться и с этой работой... На уборку галюна шагом марш!

— Есть! — неохотно отозвался курсант, но все-таки, не роняя «фасона», сунул ладонь под околыш. — Будет выполнено. Квадратно-гнездовым способом. — Резко повернувшись, Бебель двинулся в «кору» к старшему матросу получать ведро.

А боцман посмотрел курсанту вслед и вдруг ощутил себя поганно — поганно, иного слова не подберешь... Издевка это — посылать будущего капитана отхожие места чистить. Он хотел броситься вслед, позабыв про свою боцманскую серьезность, но в эту минуту его окликнули с «седьмого неба» — штурман вызывал на мостик.

...Бебель довольно быстро прошел практику и уехал в мореходку защищать диплом. А через два месяца он вновь появился на теплоходе «Украина». На трапе его встретил Бересан, хотел что-то спросить, но Бебель, опережая его, протянул сложенную вдвое бумажку. В бумажке значилось: «Бебель Иван Корнеевич направляется работать на теплоход «Украина» в должности старшего помощника капитана». Вот те и «квадратно-гнездовой способ!» Случится же такое!

«Учитель, воспитай ученика!» Когда Бересан произносит эту фразу, то всякий раз вспоминает низкорослого курсантика.

Кстати, когда я спросил Бебеля — ныне одного из самых знаменитых черноморских капитанов, единственного судоводителя, имеющего право на самостоятельное, без лоцмана, хождение по озерам США и Канады, — кого же он считает своими учителями, то одним из первых он назвал боцмана Бересана. Правда, о встрече и знакомстве на «Украине» он умолчал. Это уж потом сам Бересан разоткровенничался...

Заместитель секретаря парткома Черноморского пароходства Альберт Желяев тоже начинал у Бересана — учеником электрика; позже, после Бересановых курсов, он окончил институт, плавал электромехаником, помпой (так зовут на флоте первого помощника капитана), потом перешел на партийную работу.

— Молодец парень! — сказал о Желяеве Бересан. — Есть в ём жилка!

...Было довольно много встреч с Бересаном. Капитан теплохода И. К. Бебель освободил боцмана от всех забот, откомандировав его в «распоряжение корреспондента». Каждый раз беседы наши начи-

нались с упорного, какого-то жесткого молчания. Разговорить боцмана стоило немалых трудов, но разговорившись, он стал очень интересным собеседником. Речь у него отрывистая и сбивчивая — со стороны казалось, что он каждый раз прислушивается к своим словам, взвешивает их, фразы обдумывает долго, и хотя по форме они угловаты, корявы, мысль его доносят доходчиво и убедительно...

— Что? Просишь рассказать о последнем рейсе? Самом последнем? Что ж. Стояли мы под разгрузкой в стамбульском порту. До дома рукой подать — сутки ходу. Вода в стамбульской гавани деготь дегтем. Котельные топить можно. Туркам бы неплохо нефтесборник заиметь. У нас дома, в одесском порту, есть такой — приземистый, на плот похожий катеришко. Санитар-катеришко. Подбирает разную сальную гадость. Вода после него чистая, как в ванне, и бычки, если сунешь ладонь, теребят пальцы губами... Небеса прорвало у турков в тот день. Дождь шел, и вообще холодно было. Все думалось — как там, в Одессе? Утром радист изловил сводку по «Маяку» — диктор передал, что в Москве плюс тридцать, в Мурманске — двадцать четыре, в Прибалтике — двадцать шесть, а в южанке Одессе (вона!) всего десять! На пляж в шубе надо ходить. Не иначе как солнце одесское с перебоями работать начало. Через раз. Стынет светило. Вот так! Значит, дождик идет и какой-то странный красноватый дым плавает перед глазами. Смотрю, в дыму реденький лесок высветился, деревья старые; много пней. Каждый пенек — грибная столица, ей-ей. Подножья осыпаны опятами, а опята эти будто на подбор, крупные как рубли. Ну, раз опята в глаза лезут, значит, тоска прихватывает. Не приведи господь эта ностальгия, хуже морской болезни. И так потянуло домой, что хоть плачь. Четыре месяца не был дома. Вот осенний лесок и мерещится. Кроме грибов, смотрю, под пнями еще ягода плантациями, и все почему-то северная. Брусника, морошка, терновник крупный такой, что даже слюни текут. Крупнее винограда.

Совсем раскис я. Тут, спасибо, Витек Ляшенко объявляется... Витек — это моя правая рука по палубной службе. «Что, дядя Сань, ностальгия прихватила?» — спрашивает. Я же не признаюсь. Нет, говорю. Ляшенко у нас на судне все зовут Чубатым. На голове у него волос больше, чем в скирде соломы, — жесткие и желтые, волосы эти растут вкривь и вкось, и вообще Витьку стоит немалых трудов справляться с прической. В прошлый раз на берегу он пришел расчет под отпуск брать, так инспектор отдела кадров пароходства посмотрел на его датлы и отрубил: «Пока не подстрижешься, бегунок не подпишу. Стиляга. Энгельберт Хампердинк, — говорит. — Элвис Пресли». Ляшенко пулей вылетел из отдела кадров. Надо было ему что-то делать? А что? Перешел он Дерibasовскую, увидел на углу бочку, которой заправляла вежливая и участливая дама. «Почему у вас, юноша, грустный вид? — спрашивает эта дама. — Неприятности на работе? Премии лишили?» «С премией полный порядок», — отвечает ей печальный Витек. Киноартист! «А к чему тоска в глазах, позвольте вас спросить?» — «Подстричься велят!» — «Понимаю. Жив, здоров — лежу в больнице, кормят сытно — есть хочу!» С этими словами дама наливают в пивную кружку квасу и протягивает этот квас Ляшенке. «Держи, — говорит. — Лучшего рецепта не предложит даже английская королева Виктория». Тут-то до Ляшенки и доходит, что надо делать. Квас-то ведь — лучшее средство для создания причесок. И всего за шесть копеек. Дешево и сердито. Смочил он волосы квасом, уложил их один к одному перед стеклом какой-то витрины. Побродил по

улицам полчаса, а потом заявился к инспектору. Так тот, сказывают, даже из-за стола привстал. Довольный был.

...Так вот, я и отвечаю Чубатому: «Ностальгия не ностальгия, только домой, Витек, тянет». А Витек: «Завтра же в Одессу отчаливаем! Сдадим контейнеры — и в путь-дорогу, в путь-дорогу, капитаны...» Песенку запел, но я его обрезал. «Было в позапрошлом рейсе,— говорю,— в двух шагах от дома находились, ан нет — пришла радиограмма, развернула нас на сто восемьдесят, и мы в Канаду за грузом. Таких случаев — сплошь да рядом... Так что стучи костяшками пальцев по деревяшке, когда произносишь такие слова. Пока в Одессу не пришли — не загадывай». Смеется Витек. «Ты у нас, дядя Сань, пророк», — говорит. «Сорок лет проплаваешь — и ты станешь пророком». Что-то нехорошее витало в воздухе в тот день. Непокойное. Но вот что? Думы эти прилипчивые, тоска... Тут Витек мне и сообщает, что «Ейск», азовский пароход, у одной стенки с нами пришвартовался. Маленький пароход, миниатюрный. Водоизмещение ноль целых ноль десятых... Поговорили мы про «Ейск», замолчали. Тему, так сказать, исчерпали. А потом будто что толкнуло — оглянулись и увидели вдруг, как над «Ейском» поднялся легкий клуб.словно жар над костерком. «Ё-моё,— шепчет мой Витек, а губы у него, смотрю, белеют быстро-быстро.— Наши горят! Наши!..» Смотрим остолбенелые: сухогруз-иностранец засуетился. Оборвал канаты, отвалил от причала — позже поняли, что спасался он от огня, поворачивался к опасности спиной. Канаты лопались, как прелые нитки,— напор-то дай боже, корабельные дизеля мощнее мощных...

Гляжу, Витек мой загромыхал ботинками по трапу, скатился вниз, забухал каблуками по причалу. Я за ним. На бегу уже увидел, что ребята наши несутся следом лавиной кто с чем... У одного огнетушитель, у другого лом, у третьего лопата, у четвертого скатка брезента. А у меня ничего. Голые руки. Спасибо, Ильин выручил, пригасил сразу два огнетушителя.

Бегу, выдыхаюсь, а тут еще боль, зараза, начала стрелять под мышку, в ушах — сорочий стрекот. Невесело, одним словом. Проскочили мы под кормой какого-то танкера, вымахнули к «Ейску» и остановились будто вкопанные. И боль сразу пропала, вот ведь как. Горел не «Ейск». Горел портовый склад. Он располагался рядом с причалом. Полыхала гряда какого-то хлама, вонючего до невозможности, лопались в ящиках бутылки с каким-то цветастым зельем — такая пальба стояла, что хоть уши затыкай. Горел синтетический картон, несколько малолитражек. И «Ейск» в одиночку все это тушит. Сухогруз утек, американцу (это танкер, рядом стоял, под его кормой мы промахнули) пожар тоже до лампочки, дизель едва теплится, над трубой ни облачишка. Один только малютка «Ейск» встал к пожару бортом и шпарит по пламени всеми своими стволами. Молодец «Ейск»! Хотя что там стволики-то у «Ейска»... Слабоваты, одно фонтанирование. Вот если б американец врубил свои мортиры, тогда пожару конец в минуту пришел бы.

А тут еще лоцман-турок появился, прижимает рукой к макушке кепчонку. Плется в пламень слюной. Тоже тушит. Витек мой очнулся, первым стукнул пяткой огнетушителя об асфальт и вдарил по огню пенной дугой. Тут и остальные ребята засуетились. В общем, «сухопутная команда» «Донецкого металлурга» оказала заметное подспорье «Ейску».

А лоцман-турок кричит и кричит что-то «Ейску». По-английски. «Ейск», не вырубая стволов, подработал машиной, сбросил с борта деревянную сходню. Турок наверх. Ругался он мастерски, у него уроки ругани брать можно. Замысловатый человек. А потом этот за-

мысловатый человек изрек несколько более или менее отчетливых фраз. Тут все стало понятно: лоцман от имени командования порта предлагал «Ейску» покинуть причал, отойти в глубину залива. Портовое начальство боялось, как бы наше судно не загорелось. В таком разе им ущерб компенсировать пришлось бы. Вона! Покажь-ка, кричу, «Ейск», ему на-кось выкусь! Не в моряцких это правилах — бросать кого-либо в беде. Без «Ейска» этому складу хана, десяти минут хватит огню, чтобы слопать его. Останутся голые перекрытия, как кости обглоданные. Словом, «Ейск» продолжает обрабатывать склад. Еще чуть-чуть — и огню погибель. Рядом мои ребята действуют. Женья Овчинников, Витя Ильин, Вася Згурский. Боязно за них: как бы не пожгло. Перед самым домом это вдвойне неладно будет. Тут по правой ноге меня словно ножом полоснуло — больно, чертыхаюсь; старый многоопытный хрен, других предостерегаешь, а сам в огонь лезешь, конечность вот опалил...

Через пять минут пламя опало, и пожар мигом приутих, сдался. А лодыжку жжет и жжет. Покряхтел я, дал команду: «Домой, ребят! Кок небось все жданки прождал, а нас нет и нет». Бредем мы домой, речи ведем про пожар, про «Ейск», про лоцмана-турка... Тут один из наших и отличился. Фамилии я не буду называть, потому что парню досталось так, что он навсегда этот урок запомнил. Словом, слышу: «Нужно же было лезть в этот пожар? Нам он как зайцу стоп-сигнал!»

Не успел я собраться с мыслями, как Витек Ляшенко заявителю в ответ: «Не-е, парень, с таким суждением не на флоте те работать. Не-а,— говорит.— Из флота ты с таким суждением убирать надо по профнепригодности. Есть такая трудовая статья. «Г», кажись. Спроси,— говорит,— у Бересана насчет флотских заповедей...» А что заповеди? Заповеди как заповеди. Есть среди них одна, от Суворова пошла... Суворов, он хоть и не моряк был, а моряцкую душу знал, для нас эту заповедь полтора с гаком лет назад изложил. «Сам погибай, а товарища выручай» — вот эта заповедь!

За обедом шел разговор о том, что в порт-де приезжал турецкий министр, объявил советским морякам благодарность за участие в тушении пожара. За участие, обратите внимание, за участие! Будто тушительщиков было бог весть сколько. А кто еще тушил пожар? Никто. Кроме всего прочего, была объявлена и цифра: полтора миллиона. Громоздкая цифра, согласитесь, а? Оказывается, на столько долларов было спасено имущества. За пятнадцать минут — на полтора миллиона долларов. И как только все происшедшее втиснулось в короткие пятнадцать минут? Если все заснять на пленку, то сюжетов бы на полтора часовой фильм хватило. И захватывающая же картина получилась бы! Художественная!

— Рассказать о самом запомнившемся рейсе?

Да разве можно выбрать из всех рейсов какой-то один, более выдающийся, чем другие? Невозможно, нет. Моряку, наверное, запомнятся только два рейса — первый, когда он, еще необстрелянным желторотым птенчиком выходит в плаванье, и последний, перед тем, когда его списывают на берег... Доки перегонять? Перегонял. Об этом в газетах писали. Правда, заметок я не храню, а то мог бы в качестве наглядного пособия выставить...

А так рейс как рейс. Что с доком, что без дока. Хотя задание само по себе сложное: все-таки не фунт изюма — перегнать через многие моря-океаны железобетонный плавучий док. Это махина поболе жилого дома будет. Ну было, было... Пункт отправления — порт Ильичевск. Пункт назначения — Находка. Это на Дальнем Востоке. Вес

дока — ни много ни мало пять тысяч тонн; на перегон нам отвели три с половиной месяца, а если быть предельно точным — сто пять суток.

...Шли сороковые сутки перегона. Плыли по Атлантике, пустынной и тихой. Изю дня в день вода да вода, морская пустошь, которой, казалось, конца края нет, волны да волны, до самого горизонта волны и за горизонтом тоже; летучие рыбешки вымахивают из воды на добрый десяток метров, норвят в рот заскочить. Шли по специальным данным метеосводок, избегая волнистых участков. Всем морякам известно, что у экватора волна ведет себя не поймаешь как: у экваторной волны характер загадочный — и вскинуться беспричинно может, и разыграться не на шутку. Злыдня она. Потому начальник перегона Евгений Малохатко и прислушивался к голосу «слуг погоды», выбирал штилевые коридоры; по штилевым коридорам, известно, суда идут быстрее — куда быстрее, чем на попутной волне...

Малохатко руководил буксиром. Бересана же поставил во главе команды, находящейся на доке. Команда эта насчитывала десять человек; ребята на подбор, горячие, решительные, но неопытные, лишь недавно армию отслужили, еще только начинали свои трудовые биографии. Связь с судном-буксировщиком поддерживалась по радию; буксировщик шел далеко впереди, был едва виден — нос у него в океане полощется, вот голову вниз и держит, как коняга, что тащит тяжелую телегу; заметно лишь пятнышко кормы да буксирные тросы по обе стороны, на вожжи похожие, в каждой по восемьсот метров, одна вожжа выпущена с правого борта, другая с левого.

Перед вечером, в закатную пору, доковские собирались на «мотаню», в которой запевакой был «сам Бересан». Начинаясь «мотаня» с последних известий, с далекого, едва слышимого голоса «Маяка», что, пренебрегая инструкцией, ловили с помощью несильной радиации. Потом шли песни и «душещипательные беседы».

Тропики, тропики! Духотища дикая, ни днем, ни ночью прохлады нет. Обезуметь можно! Недаром за проход в тропиках надбавка особая к зарплате начисляется, она так и зовется тропической: машинным матросам один рубль в день, палубным по семьдесят копеек... Едва судно пересекает границу тропиков, как надбавка снимается. Тропики, тропики! Экватор, будь он неладен... Если бы каждый раз за переход экватора давали по традиционной Нептуновой грамоте, то этих грамот у Бересана скопилось бы штук семьдесят. А так получил он одну, давным-давно потерять успел, да, впрочем, и не нужна она — во время перехода через экватор у него уже никто «документов» не спрашивает. Последнее время самого назначают на должность «хлябей морских и пучин океанских правителя; штормов, туманов, ветров, ураганов властелина; всего трицарствия подводного, водного и надводного владыки».

Ну, а беседы на «мотане» по-разному начинались. Иногда с вопроса. В тот раз, к примеру, по поводу погоды говорить начали. «Что, боцман? Думу думаешь? Шторм вроде предвидится... Как? Закат вон какой зареванный...» — «Краснолицый закат, да». Бересан ответил голосом ровным, без дрожи, а на душе потяжелело. Сейчас не только шторм — волна в два-три балла и то серьезная помеха. Ребята тем временем пристают да пристают: «Расскажь что-нибудь. Как, к примеру, воевал». — «Значит, как я воевал? Как фрицу репку перцем шпиговал? Воевал, как все...» — «У тебя медаль «За оборону Одессы» есть? Ага, есть. За что дали? Дали медали...» — «Вывозил из города раненых. На «Крыме». Был такой пассажир-тихоход. Ход-то хоть и малый, пешком обшлепать можно, но зато вместительна была кастрюля! Из Одессы возили раненых, в Одессу — боеприпасы да силу людскую. Подкрепление». — «Первый бой тоже на «Крыме» при-

нял?» — «Окрестили нас ого-го когда... Еще в начале войны. Под Новороссийском. На самом подходе. Утром, без пятнадцати шесть на часах было, по mine брюхом провели. Солнце токо-токо встало, туман пробить еще не успело. Зависло солнце в тумане, как желток в белке. Я был зенитчиком, сидел в «кошелке», полудремал-полубодствовал, вдруг чую — подняло меня над сиденьем метра на три да опустило с таким грохотом, что чуть-чуть локаторы не оторвались. Локаторы — это еще полбеды, слышу, шумит что-то. Вроде бы течет... Подумал — кровь из моих локаторов, пальцами уши пощупал — крови нет, а потом понял, что это вода сквозь проломленный борт в трюм хлещет. И больно, и обидно, и зло. До слез, хоть белугой реви — на виду у всего Новороссийска тонем! А тут совсем неожиданное: из-за облаков с-под самого обреза «мессер» выскочил да давай поливать нас дождиком из пулеметов. За первым «мессером» другой. И третий, и еще... Бомбами начали садить. Потом слышу, как кто-то кричит: «Зенитчик!» И ругань, с табачком. «Мессер» как раз над самой головой завис. Висит и висит, собака. А может, я все воспринимал как в замедленном кино, может, мне только казалось, что самолет этак... будто на манер елочной игрушки в хвойной лапе. Полоснул я ему прямо по пузу — исчез! Больше его никто не видел. Тут подошли буксиры. У них тоже зенитки были, помогли отогнать комаров. Взяли нас на прицеп, приволокли в порт. А вид у «Крыма», смотрю, жалчее жалкого: двери посрывало, иллюминаторы пустые, без стекла, раненные кричат...» — «Затонул «Крым»-то?» — «Нет, не затонул, хотя дырка была размеров неопикуемых. Заштопали на белую нитку, отбуксировали в Батуми на базу, там «Крым» до конца войны и простоял. А в прошлом году и вовсе на слом пустили — дюже одряхлел. Вот так и воевали — от неожиданности к неожиданности. А этих неожиданностей в одну минуту до шестидесяти случалось». — «Еще что-нибудь, боцман!» — «Что, закисли в тропиках, братцы? Запаха юмора не хватало? Юмор, он ценнее пороха. В войну что порох, что юмор... Что ж еще? Однажды пустой танкер, громада — жуть! — величиной с Канарские острова, делал дальний рейс. Кораблей встречных, как и у нас, ни одного, вот команда и закручинилась оттого, что не на кого было поглазеть. Все дела переделаны, забот — через три на четвертую... Совсем туго ребятам. Так боцман, чтобы поднять тонус команды, взял да нацепил на грот-мачту рваную брезентовину. На манер паруса. Команда животы надорвала — на гromадной мачте громадного танкера брезентовая распашонка полощется. Но потом штурман подсчитал: от этой распашонки скорость танкера на два узла увеличилась. Вот на что бывают иногда способны боцмана...»

...Ночью разыгрался сильный шторм. Док окунался тупой п-образной мордой в воду, зарывался в нее по самые уши, выныривал, тяжело раскраивая многотонные волны. Трещал буксирный трос, вокруг гладкого синеватого тулова его плясали яркие, как пламя газовой сварки, светляки, чем-то зловещим, потусторонним веяло от этих крохотных мертвых огоньков. Буксировщик поглотила ночная мгла, и только по потрескиванию троса да по кряхтению кнехтов можно было понять, что буксирные концы еще не лопнули, еще живут, они еще терпят нагрузку. Рация, когда попробовали связаться с буксировщиком, захлебнулась в собственном писке, в хрипах и завывании и умолкла совсем, когда боцман громыхнул кулаком по ее боковине. Вот это было уже совсем плохо.

— По пять человек на каждую башню! Глядеть за буксирными

концами! — скомандовал Бересан. — Как за собственным здоровьем следить!

Несколько часов подряд, цепляясь за проволочные поручни мостков, увертываясь от достающих и сюда тяжеленных волн, Бересан перебежал из одной башни в другую, координируя работу каждой из пятерок; разбивая пальцы в кровь, он помогал скручивать дополнительные закрепки на кнехтах, подсовывал под тросы деревянные болванки, не забывая при этом поддержать матросов теплым словом, вниманием своим.

— Гляди, вот-вот обогнем Африку... Там Сингапур... Не за горами он, зеленый Сингапур... Протопаем мимо Китая... Мимо Японии... И дома! В самую золотую пору угодим... (Удар волны накрывает с головой. Удар такой сильный, что из носа течет кровь.) Ох и красна же осень на Дальнем Востоке! (Главное — виду не показать, что тебе плохо.) Изюбры по ночам трубят... Голоса у них медные, глухие... Как у пароходов... С хрипотцой... Красивые животные изюбры!.. А шторм — это пустячина... О шторме и думать не моги... Завтра океан будет как зеркало, золотую рыбку изловим... (Опять удар, от которого трещат кости. Но слабее, чем первый.) Я вот однажды угодил в шторм... Шторм так шторм!.. Тоже в перегоне был. Перегоняли катера-коротышки... Через все моря-окияны... Зимой! Задраивали все, что только можно было задраить... Даже собственные ноздри. Крен был такой, что моторист через трубу видел море... Целые два месяца длился шторм... Во! Пришли в Одессу, а лица у нас цвета бильярдного сукна... (Они и сейчас у нас цвета бильярдного сукна.) Звонкие и зеленые! Как горошек в пору молочно-восковой спелости!.. И н-ничего — отошли... Оттаяли!

То ли звук спокойного голоса, то ли великая уверенность этого человека в себе самом, в своих поступках, в поступках людей, что находились рядом, вселяла в других спокойствие, придавала силы, помогала подавить растерянность, побороть чувство одиночества в борьбе с лютым штормом.

Он пробегал по мостку, проложенному из одной башни в другую, когда в грозной черноте вспухла огромная волна.

— О, рванула! В два раза более дока! — успел отметить Бересан.

Он нырнул вниз, прижался к стояку поручня, обхватил его обеими руками. Ногами оплел другой стояк. Притиснулся к доскам всем телом, и в это время волна сломалась. Рухнула на док. Грохот такой, будто на мину напоролись. Как тогда «Крым». В ушах залп «катуш» ахнул. Захряпали выворачиваемые из пазов кореньки стояков. Сразу стало жарко и почему-то смрадно. Мелькнуло сравнение — вот сидишь в окопе, а сверху тебя танк уютжит, выхлопом травит. И тяжело и чадно. Господи, кажется, ноги перебило... Почему такая боль?

Бересан почувствовал, что теряет сознание; стиснул зубы до ломоты в висках, приложился подбородком о доску, чтобы одну боль перебить другой. Из-под рук ушел куда-то в пустоту стояк. Бересан впился ногтями в доску, но его приподняли остатки воды, поволокли с собой. Он закричал и собственного крика за воплями ветра и уханьем волн не услышал, не чувствовал он уже и боли выдираемых из пальцев ногтей, когда из последних сил вонзался ими в мокрую осклизлую гладь доски. А потом ноги провисли в темноте, и Бересан с пугающей отчетливостью понял: все, конец! Сейчас он сорвется с дока. Он застонал от собственного бессилия, уцепился за какую-то металлическую ребровину — кажется, последнюю на его пути. Он висел, держа пальцами за ребровину, и с каждым мгновением из его тела уходили силы, мускулы становились пустыми и дряблыми. Конец! Прощай Екатерина Григорьевна... Но вр-решь, собачий хвост, так

просто не сдамся. Корчась и окая от боли, он подтянул одну ногу, зацепил носком сапога за невидимый в черноте патрубков. Наполз на мосток животом, поволок свое побитое тело к башне. А сзади уже вспухал очередной вал. Ощущая его, чувствуя громадную тяжесть, зная, что если эта вода накроет, то ему уже не спастись, он извивался, как уж, уползая из-под вала. Кажется, даже слезы брызнули из глаз, когда он головой врезался в дверь башни. Рванул дверь на себя, вдавился в холодное каменное нутро. В это время волна вновь накрыла док...

Утром шторм утих, волны придавила белесая дождевая морось. С буксировщика прибыла шляпка с радистом и походной рацией...

Это был один из многих сотен и тысяч дней, проведенных Бересаном в плавании, самый рядовой, самый обычный, каких полным-полно бывает в жизни каждого моряка. Мы заспорили — героический ли это был день? Несомненно. Но вместе с тем он «самый рядовой, самый обычный».

Виктор Сенько заметил:

— Если рассматривать труд моряка с точки зрения героики, то героические поступки у нас совершаются каждый день. Мы же не считаем эти поступки героическими. Ибо сама профессия моряка героическая! Вот и выходит, что день, о котором рассказал Бересан, — обычный день героической профессии. А в негероической профессии этот день, конечно, героический.

— Что-то слишком часто мы потребляем слово «героический». Стачивается, стирается словцо-то. — Бересан, сидевший рядом со мной и все заглядывавший в окно, откуда видна часть бухты, самый подступ к Воронцовскому маяку, считал глазами проходящие суда, шевелил губами, повторяя названия знакомых кораблей. Вид у него был такой, будто решал он сложную математическую задачу.

...А всего тот рейс продолжался девяносто семь дней. Вместо положенных ста пяти. Восемь сэкономленных суток, восемь раз по двадцать четыре часа. Когда подсчитали, оказалось, что сумма экономии имела пятизначное «достоинство». И это еще без учета времени, на которое док вошел раньше в строй.

— Шло у нас как-то партийное собрание. В море, мимо Франции топали. Принимали в члены КПСС моего подопечного Витька Ляшенку. Да, вот так прямо в море, в рейсе, по дороге домой. Прием в партию — испытание будь здоров какое серьезное, потому у моего Витька всю его смелость как ветром выдуло. Поднимается он с винта (винт, поясняю, круглая такая, припаянная к полу табуреточка), в иллюминатор растерянный взгляд кидает. А там чайки. Ну будто бу-мажные голуби падают под самый борт, за обшивку цепляют. Что за рыбу такую видят? Жадна же птица! Берег недалеко, вот чаек и много...

Волнуется Витек и никак волнение это с плеч стряхнуть не может. А мне он сам читал как-то, что у Станиславского есть рецепт, предназначенный для молодых актеров: мол, если артист волнуется и у него дрожат руки, губы, трясется подбородок, стучат друг о друга колени, то избавиться от этого недуга можно путем почти что механическим. Надо, мол, сделать несколько глубоких, до хрипа, вдохов-выдохов — и волнение пройдет само, спрячется под мышками. Я подсказываю Витьку, шепчу, значит, про этот рецепт, а он не слышит.

Но потом, смотрю, всосал он в себя воздух, откашлялся. Не могло. Только взмок в несколько секунд, на лбу пот заискрился. Наш секретарь партбюро Владимир Никитич Логиновских зачитал тем вре-

менем анкеты, рекомендации. Рекомендации у Витька были солидные. А как же иначе? Дали «три Ивана» — сам капитан Иван Бебель, второй штурман Иван Мажутко да старший моторист Иван Артемов. Просят моего Чубатого автобиографию рассказать. А Витек мой смотрит в кругляш иллюминатора на чаек и завидует им. Но потом он все ж ки набрался духу. Да и трусить-то не от чего было — кругом же свои.

«Биография как биография. В пять строчек уместится...— Голос у него тихий, запал вовнутрь.— Ничего,— говорит,— в ней выдающегося... Родился на Алтае, в земляках с Иван Корнеичем хожу». Тут мой Витек глянул на Бебеля, а тот кивнул в ответ: знаю. «Станция Зональная — моя родина,— говорит Чубатый.— Учился, кончил семилетку, служил в армии, во флоте. Служил да и остался здесь, к гражданскому флоту прибился... Так на «Донецком металлурге» очутился. На судне школу заочную закончил, в институт собираюсь... Вот и все». Молчит мой Витек. Вроде нечего ему больше сказать.

«Не густо,— тем временем резюмирует Логиновских.— Если ты с такой биографией на заседание парткома парходства выйдешь, там могут плечами пожать: биография — как у вороны хвост. Куцая». Ну, за Витька сам Бебель вступился. «Не страшай,— говорит,— своим квадратно-гнездовым. Ляшенко типичный, так сказать, представитель современного молодого поколения. Биографию ему куда сложнее творить, чем, к примеру, фронтовику. Потому и вмещается она в три строчки заглавных букв. А так биография как биография. В работе же прожита...»

Ну, думаю, один голос за. А тут кто-то возьми да предложи: «Может, Бересан выступит? Ляшенко из его, как говорится, главка». Хорошо, что я перед партсобранием, не зная даже, что придется выступать, накидал на всякий случай тезисы. Наметки сделал впрок, а этот прок буквально через полчаса явью обернулся. Все загудели: «Бересана! Бересана!» Встал я, покашлял, горло прочистил — надо Витька вырывать. Тоже волнение захлестывает, хоть методу Станиславского применяй. Начну, говорю, издадека, с Америки. Не открою ее, как Колумб, наверно, ежели заявлю, что наш экипаж самый «старый» в Черноморском парходстве. Что факт, то факт. В коэффициенте самый «старый», в процентном, так сказать, отношении возраста команды к возрасту самого корабля. Как в шестьдесят девятом году приняли в Ленинграде судно, так почти с приемки экипаж и держится неизменным... Выбывают порою, конечно, люди. Один поштит на учебу, другой женится на известной киноактрисе, есть утечка. Но это ж единицы... Команда сработалась, люди притерлись друг к другу. Плохой человек не продержался б в нашем коллективе и полурейса, ей-ей... Семья у нас как в песне: один за всех — все за одного. Пример показывает капитан, Иван Корнеич. Недаром я его на «Украине» уму-разуму наставлял. А сейчас он первым из советских капитанов получил диплом, дающий право на хождение по американским и канадским озерам. А матросы! Двадцать девять портов в этих озерах, переходы маленькие, капризные, для команды трудные... Но хоть бы один пикнул, хэтя труд во время переходов, как выражаются экономисты, сверхинтенсивный. Зато и результаты налицо. Один только наш сегодняшний рейс дал государству пятьсот тысяч долларов прибыли. Пятьсот тысяч! Немалая доля в этом палубного матроса Витька Ляшенки. Если Иван Корнеич — один из первых моих учеников, то Витек Ляшенко — из последних. А интернациональная пропагандистская работа экипажа? Ведь нас же порою заносит к черту на кулички, бываем там, где Макар и телят не пас...

Тут кто-то, я уже и не помню кто, подает с места голос. «Ну и

выражения у тебя для партсобрания, Бересан!» — говорит. А его так же с места возвращают на круги своя: «Ничего... Подходящие... Вполне!» Я же, ясно дело, продолжаю: «В порту Кристи к нам приходит группа любопытных. Вы, спрашивают, коммунисты? Коммунисты, отвечаем. У вас же рога, как писали в газетах, должны за ушами расти. Где рога? Спилили? А этот пароход где куплен? У вас в стране сделан?! А обувь? И обувь?! А мы думали, вы в лаптях ходите. Лапти, говорят, ваша национальная обувь... Смешно? Но это были не насмешники, а просто наивные, плохо информированные люди. Наш экипаж был для них Советским Союзом в миниатюре, мы для них и Маркс, и Энгельс, и Ленин... Кто был самым активным пропагандистом, кто больше всех возился с этими туземцами? Витек Ляшенко! Или вот какое дело... Недавно на судне было проведено социологическое исследование, мы выявляли свой образовательный ценз. Высшее образование брали за пятнадцать баллов, среднее специальное — за тринадцать баллов, десятилетку — за десять, семь классов — за семь! Все, что ниже десятилетки, — по количеству оконченных классов. Подбили бабки, и оказалось, что наш средний образовательный уровень равен одиннадцати с половиной баллам. Подкузьмили несколько человек — старая буфетчица, вот я...» «А у тебя, боцман, — возражают, — образование самое наивысшее, чего жалуешься? Жизненный университет! Как у Горького». Да я бы жизнь отдал для того, чтобы иметь такую возможность учиться, какую имеют наши дети! Хотел было вскипеть, но сдержался. Цель моя — вовсе не дискуссия по поводу жизненных университетов, мне главное — Витька поддержать. «Вот только бумажки об окончании не дали, — отвечаю. — Кто первым ратует за повышение образовательного ценза на корабле? Матрос Ляшенко Витек. И не словами, а делом. А кто кино вам по вечерам крутит? На добровольных началах? Матрос Ляшенко Витек. А музыкой кому обязаны? Ляшенке. Кто самый веселый моряк на судне? Ляшенко! Кто никогда не откажет в помощи, всегда подсобит? На чьи руки можно надеяться как на свои собственные? Кому можно доверять как самому себе? У кого ни разу нарушений по технике безопасности не было? Все наш Чубатый. Ляшенко, Ляшенко, Ляшенко, Ляшенко...

Словом, напереживался я за Ляшенку. Кончил свою тронную речь, поглядел на Ляшенку, а он сидит прямой, как доска. Руки вытяжку... По стойке смирно! Потом, как положено, задавали вопросы, а еще потом, позже, Логиновских предложил голосовать. Проголосовали. Когда посчитали голоса, вышло — единогласно. Поздравил я Витьку, а сам думаю, что вот еще один птенец из гнезда выпархивает. Пройдут годы, и будет мой Витек водить корабли... Самые лучшие капитаны те, что морскую науку познали с азов, с матросской работы. Познали ее с умения отличать судовой кнехт от причальной пушки, фок-мачту от форштевня, клюз от иллюминатора, танкер от моторной лодки, капитана от кока... Да, вырос парень из коротких штанишек. Нечего держать парня в палубной команде! Кого же брать на его место? Кого? А назавтра выяснилось, что неверные были у меня, старого хрыча, прогнозы — Витек никуда не собирался уходить из палубной команды, он был предан работе, судну, ребятам... Всем нам.

Теплоход «Донецкий металлург» находился в Одессе всего четыре дня — докеры работали по методу бригадира грузчиков Барановского, суда в порту почти не задерживались...

— Стоять убыточно, — прокомментировал Бересан. — Мы люди коммерческие, а коммерческий девиз гласит: судно, мол, приносит прибыль, когда оно плавает.

Команда готовилась уйти в очередное плавание. Стотридцатимет-

ровый корпус теплохода потрясывало от стука глубоко запрятанного в корабельное нутро дизеля. В трюмы уже были погружены изложницы — их надо доставить в Барселону; в Валенсию же — тысячу тонн асбеста; асбест тоже был погружен. Хотя сам путь «Донецкого металлурга» лежал дальше — на канадские и американские озера.

— Пятилетка для моряка — освоение новых линий, освоение новой техники... — говорит Бересан уж как-то по-книжному. Очень грамотно. Подготовился к встрече, что ли?

В каюте капитана колготно и тесно, дым такой, что его можно резать ножом, рубить лопатой, из углов выковыривать орудием по мощнее — ломом, например. Иван Корнеевич Бебель озабочен — перед отправкой, как назло, зачастили комиссии, покоя нет. Погода плохая, клещет дождь, небо сирое, на душе неспокойно.

Бебель выходит встретить капитана-наставника, в его отсутствие хрипатым звоном захлебываются сразу три телефона — городской (на время стоянки теплоход подключают к городской телефонной сети), внутрисудовой да еще какой-то горбатый, внушительных размеров аппарат без диска. Желяев смотрит на Бересана — может, взять трубку? — боцман в ответ обрывает:

— Телефонную трубку в капитанской каюте поднимает только сам капитан. Больше никто. Ни я, ни ты, Альберт, ни вот он, — Бересан кивает на меня, — не имеем права... Пусть верещит телефонная империя! Потрещит, побренчит и перестанет! Всего и делов-то...

На столе — американские сигареты «Кент», «Филипп Моррис», «Тениссон». Сигареты вкусные, длинные, твердые, горят с быстротой пороха — бумага пропитана селитрой.

— Говорят, вредно, когда вот так... С селитрой. — Бересан мнет пальцами сигаретину. — Сгорает в две затяжки. Обман.

Заходит Логиновских. Тоже тянется за сигаретой, хотя, кажется, не курит. Просто наваждение какое-то.

— В Музее морского флота были? — спрашивает Логиновских.

Я вспоминаю широкие залы с тихим скрипучим паркетом, говорок посетителей, старые документы на стендах, штурвалы судов-героев, бинокли и ордена, грамоты и карты-лоции, маузеры и начищенные коробки компасов, фотографии и удостоверения, макет современной рубки управления и копию судового двигателя, обломки разбитой шляпки с едва различимой надписью и весло с измочаленным гребком-лопатой... Вспоминаю яркие щиты, у которых останавливаются буквально все, — на них сухим, бесстрастным, но весьма доходчивым языком цифири зафиксированы дела моряков в девятой пятилетке. Есть и стена, посвященная ордену Ленина Черноморскому пароходству. Запомнилось следующее:

«Годовой дедейт 1974 года по отношению к году 1970 (последнему году восьмой пятилетки) увеличится на 3 миллиона тонн! А именно: возрастет с 13 миллионов тонн до 16.

Производительность труда на перевозках (только на перевозках!) повысится на 23 процента.

Объем погрузочных работ — на 12 процентов.

Объем судоремонта — на 35 процентов.

Грузооборот в четвертом, определяющем году девятой пятилетки (по отношению к последнему году пятилетки предыдущей) составит 136 процентов, общая прибыль — 130 процентов».

— В музее? Был. С Александром Павловичем. Вместе ходили...

Утром следующего дня девятый причал, где стоял «Донецкий металлург», был пуст. Судно ушло в очередной рейс.

ИВАН РЯДЧЕНКО

★

ЦЕНЫ

Огурцы и молодой картофель,
щеки надувает помидор,
кабачка самодовольный профиль,
перца мексиканский задор.

Узнавал я цены на базаре,
что почем выспрашивал сполна.
Цены ничего мне не сказали —
только то, что ценам грош цена.

Прейскуранта нет к моим услугам.
Кто мне скажет, кто определит —
сколько стоит радуга над лугом,
ветерок, что ивы шевелит?

Сколько стоит веса золотого
пыль с души смывающий прибор?
Вовремя подсказанное слово?
Добрый взгляд, подаренный тобой?..

Продавцы полны торговым хмелем.
Жаль мне рынку отданных минут.
Как еще ценить мы не умеем
то, что за бесценно отдадут!

ЗАБЫТАЯ ГИТАРА

Мы пол земного шара
с гитарою прошля.
Висит в углу гитара
в забвенье и пыли.

Одета тишью плотной.
И только струнный строй
на бас пчелы залетной
откликнется порой.

И нелегко гитаре:
ей снятся ночь и день
разбуженные дали,
болота и Тюмень.

И серый шаг бетона,
и дикий пляс костров,
и тонкость камертона
бессмертных комаров.

И вышки, и треноги,
и чавканье воды,
и мальчики — как боги
по части бороды...

В гитаре стынет сердце,
быть может, навсегда.
От бога у владельца
осталась борода.

Теперь его дороги
ведут в читальный зал.
На суффиксы и слоги
он песни променял.

И нет нигде в программе,
что вот, сходя с ума,
поет гитара — с нами,
печалится — сама.

ОДЕССКИЙ ОПЕРНЫЙ

Я не забуду, как сказанье,
пустую сцену, где в пыли
саперы с красными глазами
безмолвно щупами вели.

Как первые экскурсоводы,
они входили в этот зал,
освобождая наши годы
от мин, что враг тут набросал.

Они так много недоспали
за громовые дни войны,
что засыпали в гулком зале
среди спасенной тишины.

Они не слышали оваций!
Иным мальчишкам тех годов
еще судилось подорваться
на минах взятых городов.

Они ушли. Но, словно клятва,
остался их негромкий след
на сером цоколе театра:
«ПРОВЕРЕНО. МИН БОЛЬШЕ НЕТ».

Как прежде, зданье знаменито.
И негде яблоку упасть,
когда вершит «Кармен-сюита»
свою пленительную власть.

Спешат, как в храм, под эти своды
людские толпы даже днем...
Ах, девушки-экскурсоводы!
Прошу вас только об одном:

среди имен певцов, танцоров,
искусства выявляя суть,
лишенных голоса саперов
хотя бы словом помянуть.

ЛЕТНИЙ ЧЕРНОМОРСКИЙ ВЕЧЕР

Теряя цвет, волна совсем тиха.
А над костром, пылающим багрово,
в чумазом тигле плавится уха —
дурманящее золото улова.

Вот кто-то, пар сдувая с черпака,
роскошно обжигает рот наваром.
И месяц, словно долька чеснока,
о чем-то намекает кулинарам.

Приглушены и смех и голоса.
И звезды с неба заплывают в сети,
чтобы творить, сверкая, чудеса,
пока домой не кликнут на рассвете.

На берегу уснет язык костра,
исчезнут тени, перестав шататься.
Мир осенит особая пора —
лишь море будет с сушею шептаться.

Дремоту хоть на миг преодолей,
приникни ко вселенной чутким ухом,
послушай шепот двух богатырей —
и сам наполнись богатырским духом.

«ИДОЛЬ» НИКОЛАЯ РЕРИХА

Как сны неведомого берега,
как будто радости и раны,
я открываю страны Рериха —
всегда волнующие страны.

Не знали мы подобной Индии,
такой пронзительной России.
Я помню, как внезапно «Идоль»
воображенье поразили.

Река. Языческое капище
за частоколом деревянным.
А человека нет. Он раб еще,
подвластный грубым истуканам.

Мы много плавали и видели,
мы постигали жизнь не в школе.

Но всюду, где торчали идолы,
там черепа на частоколе...

Светилась перспектива дальняя.
Кисть полотна касалась плотно.
И все тревоги и сгрядания
с нее стекали на полотна.

Но не давали краски мастера,
его темперы и пастели,
чтоб туча небо напрочь застила
и чтоб сердца у нас пустели.

В горах, в пустыне многоградусной,
считая миссию святою,
искал художник краски радости —
и восторгался красотой!

МИКОЛА ЛИХОДИД

★

НА СТРОЙКЕ ДНЕПРОГЭСА-2

Дорожка в ельнике, и парашют над шлюзом,
и по бетону вниз, а там — гранит, основа:
гудят компрессоры. В вибрирующий узел
стянулись нити труб — и — лесенкой сосновой —

спускайся в котлован. Тесать здесь плотник бросил!
Здесь вечный гул труда, труд без конца и края
и — пальцами в кулак — слиянье всех ремесел.
За дамбою вода — Днипро волной играет.

Дощатые бытовки с домино и душем,
проценты выработки, ломы, рукавицы,
и юная трава меж каменных отдушниц,
и стебли арматур, и небеса, и птицы.

И все, что видишь ты, вдруг сердце озвучает,
и содрогается в нем пульс коммуникаций,
и не полет жар-птиц, а крик реальных чаек,
реальных журавлей в нем начал откликаться!

Гудит диспетчер-гром над сонмом дней горячих,
и экскаватор здесь вполне материален,
струится ритм недель — и нет камней лежачих,
железо не дает уйти от наковален!

Семь трудовых часов, отмеренное время,
но доблести людской не сыщешь ты предела:
и — ветви в синеву, в гранитный грунт — коренья,
неопалимый свет, гигантский облик дела.

~

Ну, а я отлично
жизни счет веду:
с нашим — я вот лично —
временем в ладу.

Время в наших душах
и сквозь нас — как свет:
рокотом речушек,
звездами ракет!

Гроздьями калины
ночь сгорит дотла
над рогами длинными
серого всла.

Звонницей собора,
то-то высока!
Отступленьем бора
в хриплости гудка.

И, презрев дремучесть
непроточных вод,
вновь как века участь
Днепрогэс встает!

Бремя лицемерья
тихих вод и влаг,
но колдует время
в атомных котлах.

Жаркий, вдохновенный
хлопец взвил светло
сварки автогенной
синее крыло.

Пущи заповедной
золотая речь,
разворот победный
загорелых плеч.

Свист узкоколейки,
властный голос груб,—
жалок писк жалейки
в дни органных труб!

Где песок и щебень,
радугой небес
взмыл плотины гребень:
Днепрогэс воскрес!

Перевел АЛЕКСАНДР ГОЛЕМБА.

ДМИТРО ЛУЦЕНКО

★

БАЛЛАДА О БРАТСТВЕ

Бывает так,
Что прямо в душу мне
Глядят, в туманы кутаясь,
Долины,
Я вижу тех,
Что пали на войне,
Чьи имена — святыни Украины.
Они в шинелях там, у переправ,
Остановились, курят по привычке,
Над ними ветер, к заревам припав,
Ведет в строю нестройном переключку:
— Уралов!
— Я!
— Дубенко!
— Я!
— Азимов!
— Я!
— Коридзе!
— Я!

И плачет вечной памятью земля
Под синим небом Украины.

Бывает в алых облаках закат,
А для меня он — пламя на причале,
И вижу я — в огне сердца солдат,
Которых в наступленьях мы теряли.
Они идут через пожар, сквозь дым,
У переправ бои, ночные стычки,
И Родина над берегом крутым
Ведет среди героев переключку:
— Дубенко!
— Я!
— Уралов!
— Я!
— Азимов!
— Я!
— Коридзе!
— Я!

Семья друзей! Семья моя!
Под светлым небом Украины.

И хлеб, и горе, и любви слезу
 По-братски всюду поровну делили,
 Мы вместе шли в свинцовую грозу
 И наше братство кровью осветили...
 Когда я вижу

юных гордый взлет,
 Я вспоминаю
 словно по привычке
 Бой на реке...
 и сердце вдруг замрет
 И тихо начинает переключку:

— Азимов!
 — Я!
 — Коридзе!
 — Я!
 — Уралов!
 — Я!
 — Дубенко!
 — Я!

Их памятью живет моя земля
 Под светлым небом матери Отчизны.

КРАСНАЯ ЯХТА

Когда-то мне сказал седой моряк:
 — Я в штормах жил,
 век простоял на вахте,
 А даль твою не застилает мрак,
 Ты в ясный день
 плывешь на красной яхте...—

Оракулы,
 И мудрецы порой,
 Вводили в заблужденье человека.
 В маршрутной карте
 путь помечен мой
 Штормящим морем,
 грозной бурей века.

И жизнь моя
 не знала слова «штиль»,
 Да и с небес
 не сыпалась мне манна —

Я одолел десятки тысяч миль
 По вздыбленным морям и океанам.
 На самых тяжких вахтах я стоял,
 И в рейс ходил с друзьями
 в самый дальний,
 Соленый ветер
 марши нам играл
 И слал навстречу
 вал девятибалльный.

На околице нашей
пахнут рожью отроги
и колышется в мае белым облаком сад.
Как живой у дороги,
Как живой у дороги,
Как живой у дороги неизвестный солдат.

Перевела ТАМАРА СОРОЧИНСКАЯ.

К. ГРИГОРЬЕВ, Б. ХАНДРОС

★

ПАВЛЫШ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СКАЗКИ

В статье-комментарии к афоризмам В. Сухомлинского¹ кандидат философских наук Т. Самсонова писала: споры вокруг педагогического наследия Сухомлинского не стихают. Возникнут они, видимо, и вокруг тезисов к его еще не изданной книге «Беседы по этике», выдержанных в нормативно-императивной форме, в виде афоризмов.

Редакционная почта подтвердила это предположение. И хотя все письма содержат признательность читателей за публикацию самих афоризмов и интересную статью, сопутствующую публикации, спор разгорелся вокруг некоторых толкований этических взглядов В. Сухомлинского.

Вот две небольшие выдержки из писем, присланных в редакцию коллегами Т. Самсоновой — Г. Гумницким из Иванова и А. Романовым из Перми.

Г. Г у м н и ц к и й: «Статья Т. Самсоновой вызывает интерес, со многими мыслями автора нельзя не согласиться. Глубокое теоретическое осмысление этико-педагогического наследия В. А. Сухомлинского — важная задача, и всякая серьезная попытка ее решения должна быть встречена со вниманием. Однако с одним из положений статьи мы не можем согласиться. Речь идет об отрицании Т. Самсоновой необходимости подчинения личного общественному как черты нравственного сознания и поведения».

Отмечая, что в нашей этической литературе мораль часто сводят к самопожертвованию, автор пишет, что добрые дела не самопожертвование, не самопринуждение, а внутренняя потребность, а поэтому и источник личной радости. Принципы жизни коммунистического человека, говорится в статье, «не в том, чтобы жертвовать личным ради общественного (которое якобы по ту сторону личного), и не в том, чтобы подчинять ему личное, чтобы отрекаться от личного во имя общественного или унижать личное, растаптывать его, а, наоборот, в том, чтобы в самом общественном, в борьбе за общественное видеть основное личное удовлетворение, личную радость, внутреннюю личную потребность».

Можно ли понять сущность морали, учитывая только тождество личного и общественного, отвлекаясь от противоречия между ними, от фактов их противопоставления друг другу? — спрашивает автор письма.

Предвидя подобные возражения, читатель, разделяющий мнение Т. Самсоновой, отвечает на этот вопрос утвердительно.

А. Р о м а н о в: «Думаю, что на афоризмы В. Сухомлинского с послесловием Т. В. Самсоновой поступило много откликов. Надеюсь, что большинство — подавляющее — не только доброжелательны, но и благодарны. Именно эта надежда достаточно долго удерживала меня от того, что я делаю сейчас, — от обременения Вас еще одним отзывом. Но подумав как следует и вспомнив, что у нас немало еще философов и этиков, придерживающихся другой позиции, решился... Пусть хоть одним голосом еще будет больше за элементарную моральную культуру».

Не исключено, что кто-то и не поймет В. А. Сухомлинского и Т. В. Самсонову вместе или порознь. А кто-то захочет и противопоставить их друг другу. Между тем

¹ «Стать человек (Воспитание элементарной моральной культуры. Афоризмы)». «Новый мир», 1974, № 3.

выбор редакцией автора послесловия верен, ибо Т. Самсонова глубоко и точно анализирует этические взгляды В. Сухомлинского.

То, что выносил В. Сухомлинский в своей непосредственно педагогической работе, к чему привел его еще — я думаю — и сердечный инстинкт доброты, и то, к чему пришла в теоретическом анализе Т. Самсонова (и что прежде всего объединяет их), — это представление о единстве личного и общественного в индивидуальном интересе человека коммунистического склада морали и вытекающая отсюда диалектика цели и средств в нравственном воспитании.

Сама по себе тема спора заслуживает специального обсуждения, и не исключено, что редакция найдет возможным вернуться к ней. Сейчас же мы привели эти отрывки из писем в кратком обзоре редакционной почты, чтобы дать представление и о характере откликов на Афоризмы В. Сухомлинского, и о той глубокой заинтересованности, с какой относятся читатели к вопросам коммунистической нравственности. Подавляющее большинство авторов писем единодушно в своем мнении: этические проблемы, воспитание в детях нравственной стойкости, человеколюбия, пропаганда педагогической системы В. Сухомлинского — дело первостепенной важности.

По-прежнему, как и при жизни В. Сухомлинского, с огромным вниманием следят во всех концах Советского Союза за жизнью павлышской сельской школы.

Приведем одно из таких писем:

«Уважаемый товарищ редактор!

Большое спасибо за интересные публикации, связанные с В. А. Сухомлинским, замечательным советским педагогом, Героем Социалистического Труда. Мы имеем в виду и недавние публикации отрывков из книги В. А. Сухомлинского («Новый мир», № 3 за 1974 г.) и статью К. Григорьева и Б. Хандроса «Читая Сухомлинского» («Новый мир», № 10 за 1971 г.). С глубоким волнением прочитали мы в этом материале впервые опубликованное «Послесловие» В. А. Сухомлинского к немецкому изданию его книги «Сердце отдаю детям».

Прошло уже около четырех лет после безвременной кончины Сухомлинского. Чем живет его школа в Павлыше сегодня? Живы ли традиции В. А. Сухомлинского? Как они развиваются?

Об этом хотелось бы знать не только нам, библиотекарям, но в не меньшей степени и нашим читателям (студентам пединститута и университета, преподавателям, родителям). Были бы признательны за такой материал в Вашем журнале.

С уважением зав. читальным залом Центральной городской библиотеки имени Пушкина — Аверина:
ст. библиотекарь периодики Курочкина.

г. Пермь».

Выполняем просьбу товарищей Авериной и Курочкиной.

Мы ехали в школу, которая носит теперь имя своего знаменитого директора, с нетерпением и не без тревоги. Трудно, мучительно трудно представить себе школу Сухомлинского без Сухомлинского. Ведь большой учитель — будь то Руссо, Коменский, Ушинский, Макаренко, Корчак — всегда личность. Успех его дела не только и порой не столько результат мудрых замыслов, идей, разработанной им системы воспитания, но и всегда — следствие личных, глубоко индивидуальных качеств. И сколько ни останься после Учителя умных, нужных, добрых книг, вместе с ним уходит из жизни вообще, тем более из жизни его школы, нечто невозполнимое. Настолько, что, случается, смерть Учителя становится началом конца его школы.

А Павлыш? Удалось ли здесь избежать этой беды? Как, чем живет сегодня школа Сухомлинского?

Что мы увидели

Одну из самых обыкновенных и, может быть, самую удивительную школу в мире.

Обыкновенную... Несколько добротных одноэтажных зданий. Центральное было построено еще под земскую школу в 1913 году. В этом здании квартира Сухомлинского, его кабинет — маленькая комнатка, где было написано тридцать восемь книг, уже вышедших в свет, и десятки (мы не оговорились) рукописей, которым еще предстоит стать книгами. Более скромного директорского кабинета не приходилось нам видеть ни в одной школе.

Все эти кирпичные здания, «стеклянный домик» оранжереи, сад, пасека, виноградник, опытные участки и составляют павлышскую среднюю школу — небольшой школьный городок.

Сам Павлыш, как сказано в справочнике, — ж.-д. станция и поселок городского типа, а в сущности, большое степное село.

Человеку равнодушному, без воображения, без фантазии, которую так ценил и постоянно воспитывал в своих питомцах Василий Александрович, здесь, пожалуй, нечего делать. В любом городе и во многих селах он найдет школы, по сравнению с которыми павлышская — со своими скромными классами и более чем скромными кабинетами — выглядит попросту Золушкой. Где «Школа радости», о которой писал Сухомлинский, где «Остров чудес», «Уголок красоты»? Ходит такой Фома неверующий придирчивым ревизором по павлышской школе, «Сердце отдаю детям» в его руках — бухгалтерская книга. И невдомек ему, что «Классом сказки» для Учителя становится любой класс, «Островом чудес» — любой живописный уголок на берегу пруда или в лесу, а «Школой радости» — сама павлышская школа с ее праздниками сказки, праздником Первого хлеба, с ее умением и целой системой пробуждения пытливого, творческой мысли. В этой школе ничего от внешнего блеска, ничего для показухи.

И все-таки, повторяем, это, возможно, самая удивительная, самая заворающая из всех существующих школ. Как убедиться в этом?

Новый директор

Мы начнем с рассказа Николая Ивановича Кодака — нынешнего директора павлышской средней школы имени В. А. Сухомлинского.

— Когда наш район — учителя, дети, родители — прощался с Василием Александровичем, признаться, у меня и мысли не могло быть, что мне, именно мне, придется возглавить такую школу. Думал, найдут такого педагога, ученого со степенью — он-то продолжит научную и педагогическую работу нашего знаменитого земляка. Но время шло, а директора все не назначали... Вдруг вызвали меня в райком: дескать, так и так, есть мнение.. Я, конечно, отказался. Люблю свою деревенскую школу — это недалеко отсюда, там в 1952 году начал учителем, прошел науку завуча, директорствую уже шестнадцать лет, коллектив дружный, дела вроде идут неплохо. Словом, чувствовал себя на своем месте. А тут — школа, известная на весь Союз. И как работать после самого Сухомлинского? Погубить такое дело — не простишь себе до конца дней.

Я, разумеется, был знаком с Василием Александровичем. Как и все учителя нашего района, не раз встречались на районных и областных совещаниях, не раз беседовали, выслушивал его дружеские советы. Между прочим, именно он уговорил меня как-то написать первую статью в газету «Правда Украины», где под его редакцией регулярно печатались «Педагогические беседы». Он и отредактировал тогда мой

первый большой опус... В конце концов я дал согласие перейти в Павлыш — больше, как понимаете, в порядке партийной дисциплины. Но где-то подспудно подталкивало еще и любопытство, желание добраться до сути, понять, в чем он, феномен школы Сухомлинского, какова она на самом деле. 17 октября 1970 года — запомнилась мне эта дата — привезли меня в Павлыш, представили коллективу. А у меня никакой еще определенной программы, только одно я знал твердо, это и сказал в своей «тронной речи»: «Гляш с вами долг заключается в том, чтобы поддерживать и множить славу павлышской школы. Что для этого нужно? Сохраняя традиции, идти вперед».

Приступил к обязанностям. Читал протоколы педсоветов, просмотрел почти весь архив, но больше присматривался. И... чувствовал себя лишним. Да-да. Передо мной был настолько налаженный механизм, что директору, казалось, вроде и делать нечего. На совещание никто не опаздывает. Если назначено на 18.00, все является за пять минут. На первом совещании, которое я проводил, кто-то невзначай напомнил шутовское предупреждение Василия Александровича: «Кончаем в 19.30. Если я или кто-либо другой и после этого будет ораторствовать, каждый может подняться и уйти...» В учительской никто — вот чудо! — не жалуется на недостаток времени. Последний звонок прозвенел, и большинство учителей сразу уходят домой: самоподготовка, самообразование — это здесь святая святых. У Сухомлинского на этот счет было твердое убеждение: свободное время педагога — источник его духовного богатства и физической бодрости.

Закончились уроки — а ребят снова полон двор. Кто спешит на участок, кто возится с кроликами, кто в оранжерее. В кружках работают с истинно детским увлечением. Это, как я убедился, одно из решающих завоеваний Сухомлинского: трудолюбие и большая доля, если бы можно было так сказать, детскости у детей. Теперь я понимаю, какая это беда — и не только для школы — преждевременное «старение», сокращение сроков детства. «До занадто, то не здорово». За перегрузку приходится порой расплачиваться дорогой ценой. Огромный поток информации в школе и вне школы обрушивается, захлестывает, не только развивает, но нередко подавляет детский ум. Мы как-то не задумываемся над явлениями, которые, на мой взгляд, должны вызвать глубокую тревогу. У кого в нашей стране самый длинный рабочий день? У школьника. И самая длинная рабочая неделя? У него же. У взрослых два выходных, у школьника один, да и то скорее чисто символический: в последние годы стало модой — да порой и программа заставляет — загружать воскресный день домашними заданиями, письменными работами (сочинения, рефераты, доклады) и т. д. и т. д.: «У вас же есть воскресенье — вот и поработайте!»

Сухомлинский (он не переставал говорить и писать об этом, мне тоже не раз приходилось беседовать с ним на эту тему) острее других понимал, как опасна, какими последствиями грозит перегрузка и связанное с ней преждевременное умирание детскости. Разумному режиму дня, разумной и посильной умственной нагрузке в чередовании с физической он всегда придавал первостепенное значение. Именно это меня больше всего поразило в первые дни знакомства со школой: у Сухомлинского дети как дети. Он не только не глушил, не сокращал, но, наоборот, раздвигал, удлинял, всячески поднимал потолок детскости. Не в этом ли одна из наибольших его заслуг?

Прихожу на праздник песни. В хоре семьдесят ребят. Учитель музыки, он же аккомпаниатор, вдруг заболел. Думаете, праздник расстроился? Пели «Широка страна моя родная», так сказать, а-капелла, да так увлеченно, с такой душой, как будто они не просто выступали,

а, как любят теперь говорить, самовыражались. Побывал на пионерском собрании — та же увлеченность, та же детскость. И, конечно, исключительная дисциплинированность во всем: служебная дисциплина — педагогов, школьная — учеников, общественная — родителей. Нужно в пять часов дня поливать деревья и цветы в школьном саду — все, кто должен, приходят без напоминаний. У нас 475 семейств, а на родительское собрание, на родительский университет могут не явиться от силы 20—25 человек. Если отец или мать заняты на смене, обязательно приходят в другое время.

И вот я, человек со стороны, явился в этот налаженный коллектив, в дружную семью, и меня, оказывается, не только принимают, но, словно отгадав мое смятение, стремятся — и не только взрослые — мне помочь. Стараются делать это незаметно, с тем чувством такта, которое годами воспитывал и у коллег и у ребят Сухомлинский. Прибегает шестиклассница: «Николай Иванович, у нас сегодня праздник книги. Василий Александрович всегда приходил. И вы, пожалуйста, приходите». Восьмиклассница: «Мы прямо с праздника науки идем на ферму. Просим и вас с нами. Василий Александрович тоже ходил с ребятами на ферму».

Трогательно? Идиллия? Но в этой кажущейся идиллии была и своя опасность — самоуспокоенности, самоусыпления, что ли. Как будто все делается без тебя, директора. Вскоре я понял: это был, в сущности, аванс мне на первых порах, когда было особенно нелегко. И я прилагал максимум усилий, чтобы сохранить жизненный ритм, заданный Сухомлинским. К первому докладу на психологическом семинаре готовился, поверите, полтора месяца. Много бывал на уроках, делился впечатлениями. И коллектив мне поверил. Да и сам я почувствовал, что чему-то за эти первые месяцы научился. Вижу, чего можно ждать от каждого учителя, какие задачи можно поставить перед ним, перед школой.

Реализуя творческое наследие Сухомлинского, мы все эти годы всячески поддерживали и развивали давнишний интерес школы к умственному развитию ученика — то, что теперь называется проблемным обучением. Каким образом? В начальных классах добивались взаимовлияния слова и мысли. Для нас учить грамотно, логично, образно и лаконично говорить — значит, учить мыслить. Как и Сухомлинский, мы убеждены: не только мысль влияет на слово, но и слово на мысль. Умственному развитию дошкольника и школьника служит сказка, где так часто в единоборство вступают добро и зло. В нашей школе все до единого ученика — сказочники.

Как и раньше, мы огромное значение придаем физическому труду: в поле, на фермах, в саду, на опытных участках, да и вообще стараемся приучать учеников к работе. Труд — источник радости, но и долг. «Ты должен», «ты обязан» — эти слова с первого дня пребывания в школе входят в плоть и кровь каждого ученика.

Дух Сухомлинского... В чем он? Для нас прежде всего это гуманизм, оптимизм в обучении, огромная вера в ученика. Сухомлинский считал, что воспитание ребенка почти всегда нужно начинать с воспитания родителей. Все эти годы строго по графику работает родительский университет, мы проводим вечера, встречи с родителями.

Школа — живой, вечно обновляющийся организм. Ребята-подготовишки, которых Василий Александрович в последний раз водил в класс под голубым небом, в этом году переступили порог пятого класса. Уходят на пенсию ветераны школы, работавшие рука об руку с Василием Александровичем почти четверть века. Уходят одни, приходят другие. Из сорока учителей только примерно половина трудилась под началом Сухомлинского.

Что появилось нового? Стараемся лучше использовать технические средства, хотя по-прежнему против их фетишизации. Самые разнообразные и действенные средства наглядности мы рассматриваем лишь как подспорье в работе учителя.

Ищем новые пути идейно-политического воспитания. Тут у нас трудности особые. Нравственный авторитет Сухомлинского — Учителя и Человека был на такой высоте, его личное влияние на школьников таким огромным, что только авторитет всего коллектива может тут хоть в какой-то степени возместить понесенную утрату. В этом мы видим свою цель, свою задачу. Задачу сложнейшую, на решение которой уйдет не один год.

Когда меня спрашивают, ощущаем ли мы и насколько отсутствие Сухомлинского, я прежде всего думаю об этом. Говорят, незаменимых людей нет. Это верно и неверно. Можно всегда или почти всегда подобрать человека на вакантную должность, менее или более ответственную, но нельзя повторить или полностью заменить Личность. Нам всегда его будет не хватать, и, пожалуй, больше всего в идейно-воспитательном формировании человека, в нравственном влиянии на школьников.

..Слушая Николая Ивановича, мы все больше проникались к нему уважением и, пожалуй, сочувствием: легко себе представить, какая это трудная задача — заменить собой такого директора. Мало того, что новому человеку нужно было войти в давно сложившийся коллектив, возглавить его и сохранить столь терпеливо создаваемый его предшественником особый тонус взаимоотношений между педагогами и учениками. Важно было добиться того, чтобы ни в чем не снижался научно-педагогический уровень павлышской школы, а он весьма высок, и не только для сельской школы.

«Педагогічна думка». Психологический семинар и... запрограммированный Сережа

«Педагогічна думка» в переводе на русский язык означает педагогическая мысль. Так называется основанный В. А. Сухомлинским рукописный ежегодный журнал, который и сегодня продолжает выходить в павлышской средней школе. Это, по сути, сборник педагогических работ, в основе которых всегда лежит практическая деятельность автора, именно на ней базируется теоретическая часть статьи. Мы насчитали восемнадцать томов школьной «Педагогической мысли». Вот содержание одного из сборников:

1. «Формирование научно-материалистических понятий на уроке физики» — преподаватель физики Е. И. Шкраба;

2. «Знание и моральные убеждения» (средний возраст) — преподаватель русского языка и литературы М. В. Лымаренко;

3. «Моральные отношения в коллективе школьников младшего возраста и привитие элементарных навыков культурного поведения» — учительница начальных классов Р. К. Заза;

4. «Формирование понятий о добре и зле у школьников младшего возраста» — учительница начальных классов П. Т. Ворошило.

В сборнике двадцать статей, и любопытно не только тематика их, но и то, что сами статьи написаны, как правило, на таком уровне, что их смело можно предлагать серьезному изданию, профессионально занимающемуся вопросами педагогики. Но, может быть, самое главное, на что следует обратить внимание, это то, что в качестве авторов «Педагогической мысли» выступают если не все, то почти все учителя павлышской школы. И тут уместно заметить, что глубоко ошибаются те, кто считает, что Павлыш — это, в сущности, один Сухомлин-

ский. Тома «Педагогической мысли» начисто опровергают такое предположение. В том-то и сила выдающегося педагога, что, при всем его огромном таланте, он никогда не стремился возвыситься над остальными учителями, а незаметно, с невероятным терпением и настойчивостью ступенька за ступенькой поднимал коллектив... хочется сказать — все выше и выше.

И не только «Педагогическая мысль» свидетельство тому, но и такое, скажем, начинание Сухомлинского, как психологический семинар. Сейчас его возглавляет Н. И. Кодак.

История такова. Василия Александровича в последнее время глубоко волновала судьба «трудных» детей. В нем всегда жила крепкая убежденность: почти любого ребенка можно воспитать полезным гражданином. Он не спешил поэтому передавать таких детей в специальные вспомогательные школы. Понимал: лечить нужно не следствие, а причину. Но чтобы найти причину и научиться бороться с ней, необходимы глубокие знания психологии, умение проникнуть во внутренний мир детей и родителей. Сначала для этой цели была создана из нескольких человек так называемая психологическая комиссия, которая со временем и стала постоянным психологическим семинаром, объединяющим всех павлышских учителей.

Чаще всего на семинаре обсуждаются психолого-педагогические характеристики на «трудных» учеников. Иногда и на особо одаренных. Такой теме, к слову, был посвящен семинар, в котором в последний раз участвовал Василий Александрович (он тогда выступил с докладом по первому вопросу повестки дня: «Психологические основы быстрого чтения»).

Просматривая давние протоколы, мы натолкнулись на такую повестку дня психологической комиссии: «Трудности в воспитании ученика 2 «а» класса Сергея Мищенко» (имя и фамилию мы, естественно, заменили). Из выступлений учителей вырисовывалась довольно неприглядная картина. Примерно с пяти-шести лет Сережа курит, сквернословит. С первого класса постоянно дерется с детьми. Дерется жестоко, до крови, не по-детски. Главная причина такой агрессивности — нездоровая домашняя обстановка. Родители в присутствии ребенка часто скандалят, дерутся, доводят его до истерики. Не в меру возбужденный, он бывает настолько запуган, что, когда учитель подходит к Сереже на уроке, у него даже почерк меняется. А на перемене без всякой причины снова набрасывается на товарищев. Плохо? Да. Безнадежно? Нет, в процессе обсуждения выяснилось и такое: мальчик любознательный, с увлечением участвует в играх, охотно согласился вчера сыграть в кукольном спектакле роль... Козленка, умеет увлечь за собой других. Именно на эти моменты психологическая комиссия обратила особое внимание, вынесла ряд конкретных рекомендаций, разработала также методику бесед с родителями, учитывая их, так сказать, нравственный облик.

Заседание это происходило 23 сентября 1965 года, и теперь нам показалось интересным узнать дальнейшую судьбу «трудного» Сережи. Сверх ожидания мы увидели одного из тех симпатичных ребят, которые располагают к себе с первого взгляда. Высокий худощавый парень с застенчивой улыбкой («Вы вызывали — вот я и явился»). Он учится сейчас в десятом классе, занимается в физическом кружке, увлечен электроникой, думает поступать в институт. «Если вытяну на все пятерки». Любит читать, часто пользовался, как и многие ребята, библиотекой Василия Александровича. Руководит кукольным театром (помните Козленка?). Не курит. «А я бросил еще в третьем классе».

Обо всем этом мы узнали от него как бы между прочим, не задавая вопросы «в лоб», и чувствовалось, что бывший «трудный» Сере-

жа и не подозревает, что все эти годы опытные педагоги не выпускали его из поля зрения, незаметно осуществляли программу, намеченную психологической комиссией. И пусть это покажется преувеличением, но нам подумалось, что таким, каким мы увидели Сережу сейчас, он был, пожалуй, «запрограммирован» еще тогда, несколько лет назад.

Мир сквозь синее стекло

И еще одно продолжение традиций Сухомлинского. Об этом разговор особый.

...Вы не знаете, почему у иволги красивые разноцветные перья, а солнце даже сквозь синее стекло остается солнцем? Как гаснут звезды и почему плачет дождь? Откуда взялась девочка и как у аиста появились красные сапожки? Что куют кузнечики? И почему пауки хотели закрыть солнце? Почему выпрыгивает рыба из воды, а мотылек летит на огонь? Кто умнее — козел, бык или баран? И как стали неразлучными иголка и нитка? Почему петушок встает раньше всех, а лилия ночью прячется в воде? Как зазнался воробей и что из этого вышло? Почему среди зеленой травы вырос алый мак?

Не знаете? Тогда следуйте за нами. Мы поведем вас в удивительную страну — в мир, увиденный сквозь магическое синее стекло детской фантазии, мечты, творчества.

Давайте почитаем сказки Павлыша. Ну хотя бы эти, написанные учениками младших классов.

Ученик 3 «б» класса Юрий Сехин.

КАК ИВОЛГА ПРОЛЕТЕЛА ЧЕРЕЗ РАДУГУ

Иволга была когда-то серенькой птичкой. А теперь у нее красивые разноцветные перья — желтые, синие, зеленые, оранжевые. Где же это она приобрела такие перья? А вот как было...

Однажды в пасмурный день слышит серая птичка иволга, как где-то за лесами гремит гром. Видит, приближается черная туча. Испугалась серая птичка иволга и спряталась между ветвей, ждет не дождется, когда дождь отшумит. Вдруг видит — от тучи до реки протянулась разноцветная полоса — радуга. Смотрит с изумлением серая птичка на радугу. Захотелось ей быть такой же красивой. Встрепенулась иволга, расправила крылья и полетела к радуге. Тревожно бьет маленькое сердце. Но желание стать красивой сильнее страха. Пролетела иволга сквозь радугу и стала красивой.

С тех пор, когда посмотришь на иволгу, вспоминаешь радугу — золотую дугу.

Ученик 2 класса Юрий Шумилов.

ЗАЯЦ И МОРКОВКА

Захотелось Заяцу, чтобы его все боялись. Пошел Заяц к Кузнецу и говорит: «Вставь мне волчьи зубы». Вставил Кузнец Заяцу волчьи зубы.

Пошел Заяц в поле с волчьими зубами. Встретился ему Козел. А Заяц щелкнул зубами и говорит:

— Я тебя съем.

Заяц думал, что Козел испугается. А Козел и не испугался.

— Хорошо, ты меня съешь, — ответил Козел. — Но отпусти меня, пожалуйста, в огород, я доем морковку.

— Где? Где морковка? — закричал Заяц. — Веди меня к морковке!

Повел Козел Зайца к морковке. Они ели вдвоем, Заяц и забыл, что у него волчьи зубы.

Ученица 2 класса Наталья Малолетко.

САМОВАЛЮБЛЕННАЯ РАКИТА

На берегу пруда росла одинокая Ракита.

Пришло время, и на Раките осыпались листья. Остались одни прутики. Три прутика склонились к самой воде.

Смотрит Ракита в пруд как в зеркало и говорит:

— Что это за голые прутики? Почему вы торчите в воде?

— Да это же ты, Ракита. Это твое отражение.

— Ах, какие красивые ветви! — говорит Ракита. — Я и не знала, что я такая красивая.

Ученик 3 класса Сергей Гава.

ПОЧЕМУ ВЫПРЫГИВАЕТ ИЗ ВОДЫ РЫБА

Когда идет дождь, Рыба выпрыгивает из воды, как будто хочет что-то увидеть. Знаете, почему она выпрыгивает из воды? Она в самом деле хочет увидеть, что такое дождь.

Однажды к Рыбе приплыл Рак в гости. Поздоровался и говорит:

— Я на берегу был. Там дождь идет.

— А что такое дождь? — спрашивает Рыба.

— Это когда падают брызги воды.

— А что такое брызги?

Объяснял, объяснял Рак, но Рыба никак не могла понять, что такое дождь.

— Лучше я сама на мгновение выпрыгну из воды и узнаю, что такое дождь.

Вот с того времени Рыба и выпрыгивает из воды.

Ученик 2 класса Александр Романов.

ЧТО КУЮТ КУЗНЕЧИКИ

На высоком степном кургане с утра до поздней ночи куют кузнечики. У них здесь большая кузница. На большом листке крапивы устроили они себе наковальню. Берут полосу железа, меди, стали, кладут на наковальню и бьют молоточками. А что ж они куют?

А вот что: латы, шлемы, рога жукам. Со всей степи прилетают в кузницу рогатые жуки. Просят кузнечиков:

— Сделайте доспехи.

Кузнечики никому не отказывают.

Прочные доспехи жуков — все это работа кузнечиков.

Ученица 3 «б» класса Людмила Лысенко.

ЗЕРНЫШКО ХОЧЕТ В ПОЛЕ

Люди скосили пшеницу и ссыпали зерно в большой амбар. Лежит пшеничное зернышко, вспоминает, как оно росло в колоске. Колосок толстый, с большими остями. Повеет ветер — он качается, наклоняясь к другим колоскам, о чем-то шепчется с ними.

А теперь вокруг зернышка тихо. Нет ветерка, не слышно песни жаворонка, не падают по утрам на колючие остья капли росы.

Однажды в амбар пришел Человек. Он взял в руку горсть зерна, потрясал и сказал:

— Хорошая пшеничка. В самый раз сеять.

Обрадовалось зернышко: в поле, скоро опять в поле! Там и солнце, и ветерок, и роса, и голубое небо, и жаворонки.

Насыпали полные мешки зерна, повезли в поле. Дождалься наконец зернышко: положил его Человек в мягкую, теплую, сырую землю. Дало зерно зеленый росток вверх и корешок вниз. Спешит росток поскорее к солнцу, к жаворонку.

Ведь зернышко дает большую пользу человеку.
Оно кормит человека.

Ученик 4 «б» класса Андрей Баранц.

РАДОСТЬ ВОРОБЬИХИ

Воробиха снесла яичко и щебечет, щебечет на весь мир. Радует-ся все вокруг, и солнце светит ярче, и цветы запахи сильнее.

Только Дятел никак не может понять, что случилось. Говорит он Воробихе:

— Почему ты так расщебеталась? Кричишь, как будто целую планету снесла.

— Что планета! — ответила радостная Воробиха. — Если бы планету, то никакой радости не было бы. И солнце не светило бы ярче, и цветы не пахли бы сильнее. Я снесла воробьино яичко. Это тебе не какая-то безжизненная планета. Это воробей!

Дятел молча слушал. Он плохо понимал по-воробьиному. А жаль...

Ученик 2 класса Виктор Губенко.

ЛИЛИЯ И РЫБКА

В пруду живет маленькая Рыбка. Вот заметила она, что вечером белый цветок — Лилия опускается, прячется в воду. А утром уходит из воды — нет ее целый день. Удивляется Рыбка: почему так делает Лилия? Спрашивает:

— Лилия, почему ты ночью прячешься в воду, а днем идешь куда-то?

Отвечает Лилия:

— Я хочу, чтобы мною любовались люди. Днем они смотрят на меня и говорят: как красиво цветет Лилия! А кто ночью будет смотреть на меня? Ведь ночью все становится черным.

Ученица 3 класса Надежда Осташко.

МИР СКВОЗЬ СИНЕЕ СТЕКЛО

Я нашла маленький кусочек синего стекла. Приложила к глазам, посмотрела вокруг — и что я увидела? Все вокруг меня стало синим. Это не земля, а подводное царство. Нет, это сказка, которую я назову «Мир через синее стекло». Вот передо мной пшеничное поле. Нет, это не пшеница, а морские волны. Что это плывет по морю? Комбайн. Нет, это не комбайн, а какой-то удивительный корабль. Он приближается ко мне. За синими волнами лес. Нет, это не лес, а берег Таинственного острова. Из лесу выбежал зайчик. Конечно, это не зайчик, а неведомый зверек. Как он называется, не знаю. Смотрю на небо. Солнце! Оно было и останется солнцем всегда. И в сказке. Если бы не было солнца, не было бы и мира через синее стекло. Не было бы и сказки.

Ученик 4 «а» класса Юрий Бойчук.

КАК ПАУКИ ХОТЕЛИ ЗАКРЫТЬ СОЛНЦЕ

Собрались Пауки и решили: слишком светло на свете стало, надо закрыть Солнце. Как это сделать? Думали-думали и надумали: подберемся со всех сторон к Солнцу и закроем его паутиной.

— Сделаем сетку,— посоветовал самый старший Паук,— и будет в нем Солнце как в мешке.

Так и сделали. Сплели вокруг Солнца мешок. Стало темно на всем свете. Обрадовались Пауки. Потащили мешок в нору.

Рассердилось Солнце и сожгло мешок.

Обожгло Паукам лапки и выплыло на синее небо.

С того времени Пауки боятся Солнца и не ходят на лапках по земле, а только лазают по паутине.

Потому что лапки-то у них обожженные.

Ученик 2 класса Анатолий Любушка.

КТО УМНЕЕ

Сошлись раз Козел, Бык и Баран и начали спорить, кто из них умнее. Один говорит, что он умнее, другой говорит, что он умнее. Никому не хочется быть глупее других. Пошли они к Ослу, чтобы он рассудил их.

— Осел, скажи, пожалуйста, кто из нас умнее.

Осел дал им задачу:

— Пусть каждый из вас скажет, почему растет трава. Кто скажет умнее, тот самый умный.

Бык говорит:

— Трава растет потому, что идет дождь.

Козел говорит:

— Трава растет потому, что греет солнце.

А Баран молчит. Молчал день, молчал два, молчал год, молчал два, молчал три года.

И Осел решил, что Баран умнее всех. Раз он молчит, значит, он знает все. А Козел и Бык хоть и говорили, но ведь они могли и ошибиться.

Ученица 2 класса Любовь Лядская.

АЛЫЙ МАК В ПОЛЕ

Пошли две девочки в поле. Идут они полем и видят: цветет Алый Мак. Подошли девочки к цветку и спрашивают:

— Алый Мак, почему ты вырос в поле среди зеленой травы?

А цветок говорит:

— Здесь во время Отечественной войны пролилась кровь героя. На этом месте я и вырос.

Девочки отдали пионерский салют и низко поклонились цветку Мака. Он такой же алый, как кровь героя, как знамя Революции.

— Может быть, здесь прошел мой дедушка? — тихо промолвила девочка с синими глазами...

Эти сказки взяты из двух переплетенных томов. А всего их сорок пять. В них помещено несколько тысяч лучших сказок, созданных в основном еще при жизни Сухомлинского.

С чего начинается его открытие?

Ведь с тех пор, как сказка существует — а мифам, сказкам несколько тысяч лет,— она учит и воспитывает. Ни одна школа мира

не обходилась и не обходится без сказки. Сказка, по словам С. Маршака, не знает непреходимых границ, не допускает безнадежных положений. У сказки есть счастливая возможность перелетать через пропасти, охватывать бесконечные пространства, сталкивать различные времена, действительность преобразовать в невероятность, а реальных героев наделять нереальными свойствами и возможностями — то есть в сказке есть все то, что характерно для детской фантазии, детского восприятия мира.

Екатерина Марковна Жаленко, учительница младших классов, рассказала нам, как это начиналось. Как-то после уроков Василий Александрович пригласил к себе группу учителей и прочитал им несколько собственных сказок. Всем они понравились. Тогда он предложил десятка два тем и уговорил каждого попробовать свои силы в этом виде поэтического творчества. Не сразу, но все же («В муках рождались наши первые сказки. Поверьте, легче доклад написать») получилось. И только затем начали обучать этому детей, разработав многоступенчатую систему подготовки школьников к созданию собственных сказок.

Первый этап — «уроки мышления среди природы». Они проводятся во внеурочное время в школьной усадьбе или в лесу, в поле или на берегу пруда. Познавательная часть чередуется с игровой. Цель урока — знакомить детей с окружающей действительностью, с явлениями природы, с животным и растительным миром (первоклассники обязаны знать названия всех деревьев и цветов, растущих вокруг школы). Примерные темы уроков: «Живое и неживое в природе», «Солнце — источник жизни», «Что случилось бы, если бы человек перестал трудиться», «Что общего между молоком и солнцем» и т. д. Одновременно учитель знакомит детей со сказками, используя рисунки, кукольный театр.

В первом классе — первые ученические пробы. Одну сказку иной первоклассник «творит» в течение двух-трех месяцев. Постепенно накапливаются знания, развивается творческое мышление, обогащается словарный запас ребенка, он привыкает правильно строить предложения, во втором и третьем классах дети уже свободно пользуются прямой речью.

— Не будь этой постоянной творческой работы по созданию сказок, — убежденно говорит Екатерина Марковна, — речь многих детей оставалась бы сбивчивой, мышление хаотичным. Мы раньше и предположить не могли, насколько неиссякаема детская фантазия в мире сказок, как велико ее влияние на душу, на речь ребенка.

Да, это было открытие В. А. Сухомлинского. Когда-то Корней Иванович Чуковский доказал, какой удивительный художник живет в малышах от двух до пяти лет. Павлышский чародей как бы раздвинул возрастные рамки маленького художника.

Как рождается сказка? Какова в этом роль учителя? Послушаем, что говорит об этом сам Сухомлинский, да-да, именно говорит. И возможность услышать его голос — тоже довольно любопытный факт, заслуживающий внимания. Целая история. Она началась еще при жизни Василия Александровича. Как известно, в Павлыше никогда не было недостатка в гостях — школьные учителя ездили (как и сейчас ездят) сюда за опытом со всех концов страны. В апреле 1967 года здесь побывала группа учителей из Марийской АССР, оставившая в книге отзывов школы восторженную запись.

Первой среди подписавших отзыв стояла фамилия Л. Г. Богомоловой, завуча оршанской средней школы из далекой Марийской АССР. Прошло несколько лет. В новой книге отзывов (такая заведена ныне в музее В. А. Сухомлинского) мы вдруг снова встретили зна-

кому-то фамилию — Богомолова. Из подписи видно, что Людмила Григорьевна Богомолова, заслуженная учительница Марийской республики, работает теперь в оршанском педучилище, руководит педагогической секцией студенческого научного общества. В минувшем году приехала сюда во главе экспедиции по изучению педагогического творчества В. А. Сухомлинского. В день отъезда из Павлыша члены экспедиции подарили музею кассету с пленкой, на которой записана беседа Василия Александровича с марийскими педагогами в тот первый их приезд в 1967 году. И сейчас мы можем привести выдержки из той части беседы, где говорилось о павлышских сказочниках.

В. А. С у х о м л и н с к и й: ...У нас есть уроки среди природы, мы называем их уроками мышления. Это, по существу, походы, экскурсии, во время которых дети наблюдают птиц, насекомых, цветы, растения... И по отдельным темам проводятся с ними беседы. Например: времена года, живое и неживое... Дети уже соображают, могут понять это. Или: откуда человек берет пищу для себя? Как живут птицы? Почему улетают на юг? В какие края? Как выют себе гнезда? И т. д.

Дети наблюдают жизнь природы, рассуждают о том, что видят. Происходит обогащение речи. Здесь же они пробуют сочинять свои сказки — это их первые творческие работы об окружающей природе. Конечно, ребенок не сочинит сказки, если его не одухотворить, не дать ему воодушевления для работы мысли. Если, наконец, на его глазах сам учитель не сотворит такой сказки.

Вот, например, проводим урок среди природы с учениками второго класса. Мы идем в парк, видим там большие деревья, скажем акации. И видим, как порхают хрущи, так по-украински называются майские жуки. И вот я говорю детям:

— Дети, вот это жук. Вот он летит, а вот какая-то большая колючка. Представьте себе, что жук налетел на колючку, сильно укололся, ранил себя и, раненный, упал на землю. Его увидели товарищи, другие жуки, бросились к нему. Ну а дальше что, дети?

Вот тут-то и разыгрывается фантазия детей. Они говорят:

— Сразу же перевязали ему раны...

— Потом приехала санитарная машина, и его отвезли в больницу.

— Там сделали ему хорошую перевязку.

— И переливание крови сделали...

И кто-то добавляет:

— Потом прилетели совсем маленькие жучки — это сыновья, они хотели навестить отца в больнице...

Вот так складывается основа сказки. Важно дать толчок, то есть одухотворить ребенка, тогда он сам охотно будет сочинять.

Это посылить каждой школе, каждому учителю начальных классов. Но получается, конечно, не сразу. Наша педагогическая работа тем и характерна, что зернышко, посеянное сегодня, дает плоды только спустя какое-то время. Нужно приложить немало сил, чтобы сделать ребят думающими, чтобы научить их логическому мышлению, научить выражать свои мысли. Все это требует больших усилий от учителя. А в самом начале работы над сказками я столкнулся с тем, что для самих учителей это оказалось весьма трудной задачей. Не сразу могли они написать сочинение на такие, скажем, темы, как «Осенний дождь» или «Летний день»... Трудно им было вначале. Они не виноваты, здесь сказался недостаток наших педагогических вузов. И тогда мы на методическом объединении учителей начальных классов занялись такого рода сочинениями. Стали учиться писать. Не стесняясь, потому что никогда не

следует стесняться своего неумения. Как только сами учителя научились (на что ушло два года), появились первые результаты и у ребят. Если учитель делает, то и ученик сделает. Учитель не умеет — ученик тоже не сумеет, это ясно.

Вопрос: Как конкретно учились педагоги? Кто готовил их?

В. А. Сухомлинский: Мы собирались раз в неделю. Руководил занятиями я. Писали, проверяли, исправляли. Иногда создавали сказки коллективно. Потому что, повторяю, не так это поначалу легко, как может показаться. Сказка вроде бы маленькая, второклассники пишут не более семидесяти слов. Но научить ребенка сочинить такую сказку — труд величайший. Хотя — это очень важно — нет ни одного ученика, который не смог бы этого сделать после соответствующей подготовки.

Четырехлетний процесс создания сказок завершается праздником. В присутствии гостей, родителей каждый ученик читает свою лучшую сказку. Здесь же в торжественной обстановке директор школы вручает каждому книгу с дарственной надписью — за лучшую сказку. Мы встречали в Павлыше выпускников школы разных лет. Многие из них уже воспитывают своих детей. И почти каждый, кого мы спрашивали, будь то учитель школы или экспедитор почты, звеньевая в колхозе или агроном, — каждый помнит свою лучшую сказку. Должно быть, это запоминается на всю жизнь.

Остается однажды пережитая радость творчества (а это уже немало!). И чувство слова, умение вслушиваться в его музыку, ощущать его запахи, видеть его краски. Остается ощущение первооткрывателя, столь необходимое в любом деле, творческий подход к работе.

В предисловии к сборнику «Раннее солнце» (стихи детей) Самуил Маршак, сам в детские годы поэт, сказочник, обращаясь к «большим и маленьким читателям», написал проникновенно и мудро: «Чуть ли не все дети сочиняют стихи. И чаще всего хорошие... Все ли ребята, которые сочинили эти стихи, станут поэтами, сказать еще трудно. Но ясно одно: сейчас они настоящие поэты».

Известно, каким требовательным к себе и к своим коллегам был С. Я. Маршак. «Настоящие поэты» в его устах приобретает особый смысл, звучит наивысшей похвалой. «Читая их стихи, — продолжает Маршак, — многие взрослые позавидуют им. Ребята смотрят на мир такими ясными и зоркими глазами, так умеют радоваться, любить, а иногда и грустить, как редко удается нам, взрослым». И дальше: «Дети умеют видеть во всем самое главное. В этом и заключается их талант».

Все, что тут сказано о стихах детей, полностью относится, на наш взгляд, и к павлышским сказочникам. Кем бы им ни довелось стать в будущем, в этих своих сказках они настоящие поэты.

Конечная цель павлышского эксперимента — не просто обучение «сказочника», а становление Человека, Гражданина.

В связи с этим хочется познакомить читателя еще с одной сказкой. Встреча с ней доставила нам особую радость.

КАМЕНЬ И РУЧЕЕК

У дороги лежал большой серый Камень. Почернел от старости. Весной недалеко от Камня, играя, бежал веселый, певучий Ручеек. Он пел:

Я из капелек родился,
 Стал певучим и веселым.
 Очень много я увижу
 На своем пути к реке.

Камень услышал веселую песенку и спрашивает:

— Почему тебе так весело? Ведь ты слабый, хилый. Вот я, Камень, сильный, могучий. Никто меня с места не сдвинет.

Засмеялся Ручеек:

— А вот увидим...

Возвратился к Камню, весело заиграл, запел еще громче, размыл почву под Камнем. Пошатнулся Камень, позеленел от злости:

— Ты хочешь меня с места сдвинуть?!

Ручеек пел, пел еще громче. Рыл землю под Камнем, пока Камень не упал в овраг. А Ручеек побежал к реке.

Камень лежит уже тысячи лет и думает: «Почему ручьи всегда стремятся вперед? Что это такое — вперед?»

Помните «запрограммированного» Сережу?

Это его сказка. Написана она в пятом классе. Между нею и «трудным» Сережкой из 2 «б» — всего три года. Философский подтекст в этой сказке говорит сам за себя. И послушайте, как мажорно, весело поет весенний ручеек. Совсем забываешь об отсутствии рифмы. Вот уж воистину (как тут не вспомнить еще раз Маршака): каким размером дети бы ни пользовались, он всегда самый подходящий, самый верный.

Кажется, что, сочиняя, Сережа не произносит слова, а поет их. Тот самый Сережа, который дрался не по-детски, только до крови, на чьих глазах пьяный отец гонялся с ножом, а однажды и с топором за матерью.

Добро победило. И в этом немалая заслуга Сказки, Слова. В комнате В. А. Сухомлинского у полка с книгами у Сергея был свой постоянный уголок. Сережа рассказывал нам, как долго, терпеливо Василий Александрович будил, воспитывал в нем читателя, как радовался первым успехам своего воспитанника, и особенно в этой сказке. Сережа как бесценный дар бережет книгу — подарок, премию Сухомлинского за лучшую сказку.

«Павлышские сказки» — эксперимент уникальный.

«В каждом ребенке живет художник»... Эти слова стали крылатым афоризмом, но что-то в них было и от интуиции, гипотезы. Ведь в своей знаменитой книге «От двух до пяти» Корней Чуковский приводит тщательно отобранные им примеры яркого художественного восприятия мира. Они могли принадлежать просто одаренным детям, но не в сем. Здесь же эксперимент, пожалуй, не знающий аналогий в мировой педагогике: ни по размаху (практически в нем принимают участие все ученики школы Сухомлинского), ни по длительности (больше десяти лет), ни по результатам (многие сказки могли бы украсить любую антологию, хрестоматию, любой сборник сказок).

Сейчас переплетается том новых сказок, написанных малышами в прошлом году. Павлышская сказка живет. Сказка продолжается.

Последние директорские записи

Сначала несколько отзывов:

«...Глубоко взволнованы всем, что увидели в школе имени Сухомлинского. Восхищаемся искренностью отношений между учителями и учениками школы. Нам кажется, что даже стены школы дышат гуманизмом, глубокой любовью к детям...

13.7.72 г. По поручению делегации могилев-подольской школы № 2...».

«Счастливы, что побывали в павлышской средней школе. И хотя, к величайшему сожалению, нет Василия Александровича, есть лю-

бовно созданная им школа... есть замечательные педагоги, верные его коллеги и последователи, есть его книги...

29.3.72 г. Директор мокшанской средней школы № 2 Пензенской обл.».

«После прочтения книг Василия Александровича хотелось как можно глубже окунуться в мир, в котором жил этот замечательный человек и педагог...

13.7.72 г.

Группа свердловчан».

«Мы с большим волнением познакомились с жизнью и педагогической деятельностью В. А. Сухомлинского. Он был — мы это поняли — не только превосходным учителем, умным воспитателем, он был просто очень хорошим человеком. Побольше бы Сухомлинских всех рангов в советскую школу.

12.07.72 г. Директор симферопольского автотранспортного техникума».

Эти отзывы посетителей рождающегося музея записаны в обыкновенном классном журнале. Музей еще официально не открыт², но люди приезжают отовсюду: из Москвы и Ленинграда, Петрозаводска и Ташкента, Якутии и Эстонии... Буквально тысячи людей самых разных профессий, но больше всего, разумеется, учителя, студенты, школьники.

Музей создается на общественных началах, руководит им молодой учитель-филолог Николай Андреевич Литвиненко, приглашенный Сухомлинским в школу незадолго до смерти и ставший ныне страстным пропагандистом его педагогических идей. Музей, повторяем, только рождается, но уже то, что мы увидели, чрезвычайно интересно. Начиная с квартиры Василия Александровича (это мемориальная часть музея, здесь по доброй воле Анны Ивановны, вдовы В. А. Сухомлинского, все осталось неприкосновенным, как было при его жизни). Мы и прежде знали о культе книги в этом павлышском доме, но, право, нужно самому увидеть эти бесконечные полки с книгами (всею в личной библиотеке Сухомлинского было около двадцати тысяч томов) и журналами (он выписывал педагогическую периодику, выходящую во всех республиках и в ряде зарубежных стран, читал педагогическую литературу на пятнадцати языках), чтобы почувствовать, к каким вершинам мысли и знаний поднялся сын хлебороба, учитель и директор сельской школы.

К слову, все Сухомлинские — и старший брат, и младший, и сестра — тоже сельские учителя. Старший, Иван Александрович, — он умер осенью прошлого года — много лет директорствовал, еще до войны за педагогическую работу был награжден орденом «Знак почета» и получил его в Кремле из рук М. И. Калинина.

И все-таки не библиотеку следует считать главным богатством будущего музея и даже не записанные на магнитофонную пленку беседы Сухомлинского (хотя впечатление от этих бесед — «как живой с живыми» — огромно), а то, что называется архивом павлышской средней школы. Ведь наследие Сухомлинского — это не только семитомное собрание сочинений, которое осуществляет теперь киевское издательство «Радянська школа», не только известные его книги, статьи, оставшиеся рукописи.

В Сухомлинском, в его педагогической практике, как мы не раз убеждались, удивительно сочетались мечтательность и трезвый расчет, стремительный взлет фантазии и строгий порядок, педантизм — особенно во всем, что касалось документации.

² Как сообщили нам из Павлыша, Педагогическо-мемориальный музей В. А. Сухомлинского открылся накануне нового, 1974/75 учебного года. (Прим. авторов.)

...Аккуратно переплетенные тетради и журналы, четкий почерк, железная логика, продуманная система изложения... Архив павлышской школы дает возможность день за днем, год за годом проследить жизнь, работу всего коллектива, его поиски и находки, просчеты и удачи. Тут и несколько хрестоматий по этике, составленных В. А. Сухомлинским для школьников среднего и старшего возраста. И шестьдесят объемистых альбомов-журналов с газетными вырезками, которые он ежедневно отбирал по разным темам. В этом же архиве — протоколы «Психологических семинаров», выпуски журнала «Педагогична думка», десятки сборников «Павлышских сказок», двенадцать рукописных книг с лучшими творческими работами старшеклассников, сочинениями на вольные темы, скажем на тему «С чего для меня начинается Родина», и т. д. и т. п.

Так что нетрудно представить, какое величайшее богатство ждет вдумчивого посетителя в этом музее. Впрочем, это скорее постоянно действующая педагогическая лаборатория. Даже само слово «музей» кажется не совсем к месту — настолько здесь царит дух живого творчества и поиска. Тем более что музей и школа представляют собой единое целое.

В этом же архиве тридцать шесть томов директорских анализов посещаемых уроков.

Труд титанический. Сухомлинский посещал в среднем 350—400 уроков в год. За годы директорства в Павлыше — около 10 тысяч посещенных уроков. И каждое такое посещение не просто дежурная запись, а повод для раздумий, интереснейших сообщений.

Мы всю ночь не отрываясь просидели над одной такой книгой директорских записей — последней в жизни Сухомлинского. И все время нас не оставляло ощущение соприсутствия. Словно на наших глазах рождались мысли, выводы, рекомендации, которые тут же без помарок заносил в «Книгу анализа уроков», чтобы со временем, очевидно, воплотиться в статьи, размышления, книги.

«Директор посещает и анализирует уроки — писал В. А. Сухомлинский в своей книге «Разговор с молодым директором школы», — не только для того, чтобы учить учителей, давать им советы. Педагогическая лаборатория школы — это творческое единство всех учителей, повседневное интеллектуальное общение, взаимный обмен духовными ценностями».

Для Сухомлинского урок — это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора, эрудиции. Говоря об уроке, нельзя забывать исключительно важной сферы соприкосновения обучения и воспитания: учитель не только открывает учащимся окно в мир знаний, но и выражает самого себя.

Посещая уроки, Сухомлинский и учил и учился. Предпочитал не периодическое посещение одного-двух уроков, а анализ целой системы уроков (восемь — десять) одного учителя.

Вот один из последних таких анализов (16 — 17 февраля 1970).

Урок украинского языка, 8 «б». 19 февраля 70 года.

«Не надо все давать в готовом виде. Учительнице следует говорить в десять раз меньше, ученикам — в десять раз больше... Пусть ученики больше думают сами.

...На уроке ученики пишут сочинение: «Мои мысли о подвиге Александра Матросова».

«Напишите, — советует учительница, — как бы вы поступили на месте Матросова. Смог бы каждый из вас повторить подвиг Матросова?» Вот этого, в такой форме, — комментирует Сухомлинский, — не следовало бы советовать. Не надо добиваться того, чтобы ученик

написал: я тоже повторил бы подвиг Матросова. Пусть подросток приходит к этой мысли самостоятельно».

25 февраля. На уроке литературы изучается стихотворение Т. Г. Шевченка «Мені однаково».

Описывается ход урока, и на полях замечание: «Ненужное многословие при объяснении идейного содержания. Идейное содержание нужно донести чтением. Идея раскрывается эмоциональным настроением».

И тут же: «Что значит объяснять материал по литературе, излагать литературный материал? Это значит зажигать юные сердца, будить стремления. Урок литературы (изложение нового материала) — это не просто раскрытие истины: учитель должен к чему-то призывать, к чему-то вести».

27 февраля. Снова урок украинской литературы. Тревожная запись: «Ученики мало читают! На протяжении всех уроков учительница ни разу не высказала тревоги, не спросила, что читают ученики. Нельзя так спокойно относиться к тому, что ученики очень мало читают. Никакими средствами не воспитать любви к литературе, если ученики не читают».

Учительница пересказывает, комментируя, содержание стихотворения. Сухомлинский размышляет: «Не лучше ли просто читать стихи наизусть... Поэзия — язык идей и чувств. Для того, чтобы понять поэтическое слово, надо пережить его, а чтобы пережить — надо глубоко осмыслить каждое слово, осознать тончайшие узоры поэтической мысли. Донести мысли, которые волновали поэта, — вот самое главное. Надо, чтобы ученики почувствовали себя на месте поэта. Чтобы почувствовали настроение поэта в ту ночь, когда он не мог спать спокойно».

Сухомлинский вновь и вновь возвращается к очень важному для себя выводу: пробиваться к разуму через чувство, эмоции.

Красными чернилами выделяет: «Надо хорошо прочитать произведение, прочитать, а потом уже объяснять, что поэт раскрывает».

К каким же общим «выводам, советам, рекомендациям, наставлениям» приходит Сухомлинский, подводя итоги анализу системы уроков? «Готовясь к занятиям, учительнице следует вникнуть в тончайшие нюансы смысла произведения. Поэзия — это, образно говоря, музыка мысли или мысль, положенная на музыку слова. Лишь тогда, когда ученикам будет понятно каждое слово, к ним может прийти глубина поэтических образов. Итак, каждый образ несет в себе мысль. Сила образа — именно в силе мыслей. Чем ярче, животворнее мысль, воплощенная в поэтическом образе, тем глубже идея; чем глубже идея, тем сильнее ее влияние на душу воспитанника».

Накануне на уроке биологии запись: «Почему не звучит «почему»? Ученики не задают никаких вопросов. Не потому ли, что учитель не ставит их?»

...В этих записях, сделанных, повторяем, на уроке, торопливо, по свежим следам, трудно, невозможно определить, где кончается Сухомлинский — директор-методист и где начинается Сухомлинский — ученый, мыслитель, публицист.

Тут слыв единый.

Перечитывая последние записи Сухомлинского (в марте его здоровье резко ухудшилось, посещение уроков было прервано), еще раз убеждаешься, в каком расцвете творческих сил ушел от нас этот удивительный человек.

Перед нами еще один документ — обычный листок, вырванный из блокнота. Один из многих тысяч листков, исписанных знакомым

круглым бисерным почерком. Называется — «Рабочая памятка». Далее идут пункты:

- «1. Изучение программы.
2. Учителю рисования: заменить заголовки стендов в учительской («Передовой опыт»), в коридоре («С кого брать пример») и др.
3. Поговорить с детьми, чтобы дети дома разводили кроликов.
4. Учителями первых классов надо довести число учеников до 52—53 человек.
5. Тов. Осман — отправить в районо отчет о кроликах.
6. Старшей пионервожатой заполнить стенды «Дружба народов».
7. Старшей пионервожатой на семинар — кажется, 27—28.VIII.

Надо уточнить.

8. Вырвать бурьян возле дубков.
9. Вырвать бурьян на дороге (седьмые — восьмые классы)...
10. Классным руководителям подготовиться к выдаче документов (табелей) об окончании учебного года. Выдачу табелей провести 31.VIII.70 г.

Учесть, как каждый ученик работал.

В средних и старших классах произвести подсчет, сколько дней работал каждый ученик в колхозе.

У Василия Александровича было в Павлыше, по приблизительным подсчетам, более семи тысяч так называемых директорских дней. И на каждый день он писал свой рабочий план. Этот — на 26 августа 1970 года — был последним в его жизни, последним листком, написанным его рукой. 2 сентября 1970 года Сухомлинского не стало.

Как при нем

В пунктах последней «Рабочей памятки» — а это, как видите, был канун 1 сентября — и изучение программы, и стенд «Дружба народов», и такое характерное для Василия Александровича, всегда пунктуального во всем, «надо уточнить», и никогда не оставляющая его забота о трудовом воспитании (кролики, бурьян, не только учитывать, как учиться, но и как работает в колхозе). Он всегда готовился, а вместе с ним и вся школа, к началу учебного года как к решающей битве. За детские сердца и души. И как к большому празднику.

Вот уже четыре года нет в живых Василия Александровича Сухомлинского, заслуженного учителя УССР, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР, Героя Социалистического Труда, директора школы, названной его светлым именем. И все эти годы день 1 сентября проходит здесь так, как будто при нем.

Для школьников, перешедших в четвертый класс, учебный год начнется праздником Первого хлеба. Еще прошлой осенью они посеяли пшеницу на своем опытном участке, ухаживали за зелеными всходами, завозили зимой на санках снег, чтобы побольше было влаги, жали спелые стебли, обмолотили на маленькой молотилке колосья, на местной мельнице поменяли янтарные литые зерна на муку. И к началу учебного года с помощью матерей, бабушек, сестер они испекут большие караваи хлеба и вкусные пироги.

Хлеб, выращенный руками детей, ляжет на праздничные столы рядом с яблоками, грушами, виноградом, сливами, медом — тоже из школьного сада. И за столы, вынесенные на школьный двор, усядутся гости — родители, учителя, директор школы и, конечно же, сами хозяева праздника, четвероклассники, счастливые уже от одного сознания, что они угощают старших плодами своего урожая. И будут песни и стихи. О зерне и труде хлебороба. И сказки. Так делалось при Ва-

силлии Александровиче, который давно задумал для ребят, переходящих из начальных классов в средние, этот праздник Первого хлеба как прощание с детством, как праздник мужания, вступление в пору строчества.

Не менее волнующим и запоминающимся будет этот день для всех остальных учеников, особенно для самых маленьких, для первоклашек. Эти еще не вырастили плодов — угостят их десятиклассники, ветераны школы. Те же фрукты из школьного сада, и обязательно каждому подарок — книгу. Потом их приведут в знаменитый «зеленый класс», где вместо стен — виноградник, а вместо потолка — голубое небо, покажут учебные кабинеты, где проходят занятия кружков, где можно увидеть свой школьный пусть и небольшой, но все-таки автомобиль, к тому же собранный руками старшеклассников, заведут малышами и в обычные классы, такие же, как и во всех других школах. В центре над доской — портрет В. И. Ленина. А на левой, от входа стене — несколько красочных стендов. Вот, например, портрет молодого солдата, сделанный по фронтовой фотографии. И надпись: «Это дед нашего одноклассника Владимира Красношапки Павло Алексеевич КРАСНОШАПКА, разведчик, погиб за Родину 28 января 1943 года». А под портретом клятва: «Мой дед отдал жизнь за Родину, и я клянусь перед могилой его. Я не опозорю в жизни своей никогда ни подвига, ни имени твоего. Владимир Красношапка».

Начало учебного года в Павлыше совпадает с днем памяти В. А. Сухомлинского. И все цветы, которые принесут ребята, будут возложены на могилу учителя, к подножию памятника землякам, погибшим на войне, на могилы воинов, павших в боях за освобождение Павлыша. Без памяти сердца не воспитать настоящего человека — этому Василий Александрович тоже учил постоянно.

Раздастся звонок, первосентябрьский, особо волнующий и школьников и учителей. Он возвестит о том, что школа Сухомлинского живет. Сухомлинский продолжается.

Павлыш — Киев.

В. БОГОМОЛОВ

★

В АВГУСТЕ СОРОК ЧЕТВЕРТОГО...*

Роман

72. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!»

Егорову

Для осуществления в случае необходимости массированных мероприятий по вариантам «Западня», «Большой слон» и «Прибалтийское танго» вам согласно специального приказа нач. Генерального штаба должны быть дополнительно выделены на местах к 15.00 сего дня из состава частей Красной Армии и войск НКВД по охране тыла фронта соответственно:

1) в Вильнюсе и . . . человек¹

2) в Гродно и . . . человек

3) в Лиге и . . . человек

Выделение людей подтвердите без промедления, сообщив при этом наикратчайший срок готовности по каждому варианту отдельно.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Егорову

Сегодня между 10 и 11 часами утра в 17 км северо-западнее Вилейки в лесу деревенскими подростками замечены во время радиосеанса и вскоре по их сообщению задержаны военнослужащими с проезжавшей автомашины двое неизвестных, предьявивших командировочное предписание и форменные армейские удостоверения личности на имя офицеров в/ч 62035 капитанов Борисенко Петра Ефимовича и Новожилова Тимофея Осиповича.

Факт выхода в эфир Борисенко и Новожилов отрицали, показать содержимое чемодана и вещевого мешка категорически отказались, следовать с машиной в Вилейку — тоже, в связи с чем к ним была применена сила.

При обыске Борисенко и Новожилова обнаружены: рация портативная приемопередающая «Эри» в рабочем состоянии, запасные

* Окончание. Начало см. «Новый мир» №№ 10, 11 с. г.

¹ Цифровые данные этого документа опускаются.

батарей — 3 элемента; таблицы пятизначного шифра, блокноты перешифровальные — 2; пистолеты ТТ — 2; патроны к ним — 120; компаса — 2; ножи охотничьи — 2; запас продуктов на 5—6 суток, в том числе 4 банки немецких мясных консервов выпуска июня с. г. В тайниках за подкладками голенищ яловых сапог обнаружены безупречные по реквизиту и содержанию временные удостоверения личности на имя сотрудников НКГБ Белоруссии капитанов Борисенко Петра Ефимовича и Новожилова Тимофея Осиповича.

Объяснить цель своего пребывания в лесу с приемоперегачником задержанные отказались, и никаких сведений, способствовавших бы выяснению их личности, получить от них не удалось. Сотрудникам Вилейского РО НКГБ Борисенко и Новожилов неизвестны, никакими данными о их нахождении на территории района местные органы не располагают.

В командировочном предписании задержанных отсутствует секретный условный знак — точка вместо запятой посреди фразы. Борисенко, говорящий с украинским акцентом, по признакам словесного портрета, имеет значительное сходство с одним из агентов, проходящих по чрезвычайному розыску. Имеются и другие основания предполагать, что задержанные нами лица являются разыскиваемыми по делу «Неман» агентами.

Борисенко и Новожилов содержатся в отделе контрразведки бригады под усиленной охраной, исключающей возможность побега или попытки самоубийства.

Прошу Вашего указания сообщить особые приметы или какие-нибудь дополнительные сведения, способствовавшие бы вероятной идентификации задержанных.

Не имея возможности связаться с Минском, прошу срочно проверить, имеются ли в НКГБ Белоруссии сотрудники Борисенко и Новожилов, командированные с коротковолновым перегачником в район Вилейки.

Шаповалов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!»

Егорову

В дополнение к №№ и от 18 и 19.08.44 г. сообщаю, что распоряжение Начальника тыла Красной Армии об усиленном питании военнослужащих, участвующих в розыскных, контрольно-проверочных мероприятиях и войсковых операциях по делу «Неман», распространяется также на всех военнослужащих, привлекаемых к мероприятиям по вариантам «Западня», «Большой слон» и «Прибалтийское танго» с обеспечением продовольствием по линии НКО. (Основание: распоряжение Нач. тыла Красной Армии № от 19.08.44 г.)

Выполнение проконтролируйте.

Артемьев».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!»

Егорову

Нач. ГУКР «Смерш» с группой генералов и офицеров прибыл в 13.05; ближайшие часы будет находиться в отделе контрразведки авиакорпуса. Его прибытие мною подтверждено.

Наши соображения по розыску и относительно войсковой операции он разделяет полностью, однако по независящим от него обстоятельствам она должна быть проведена сегодня. После разговора с ним суточная отсрочка представляется маловероятной.

Замнаркома госбезопасности с группой высшего оперативного состава прибыл в 13.25. С нашими соображениями по розыску он согласен с некоторыми оговорками. В 14.30 выезжает к вам; одновременно будут доставлены медики, скамьи и стулья.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!»

Егорову

Ближайшие четверть часа находитесь неотлучно у радиостанции прямой связи для приема весьма важного.

Колыбанов».

73. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

Лесной травянистой дорогой они шли в глубь леса — Алевин и капитан бок о бок, Блинов в трех шагах позади.

Ветер ровно шумел верхушками деревьев; в чистом крепком воздухе слышались только голоса природы, казалось, в лесу этом — на вид совершенно безлюдном, — кроме птиц, зверей и зверюшек, никого не было и не бывало. Казалось, здесь, на этом участке массива, никогда не ступала нога человека. И ничто вокруг не напоминало о войне, о шпионаже и какой-либо операции.

Помощник коменданта заставил себя отвлечься от неприятных ему мыслей, от надоевших уже наставлений о бдительности и всевозможных предосторожностях. При желании он умел абстрагироваться и спустя минуты думал совсем о другом: о предстоящем ему вечером скромном торжестве, имевшем — так он полагал — особое в его жизни значение.

Как и его отец, он был человеком цельным и коль уж влюблялся, то остальные женщины для него не существовали. Но отцу повезло: в конце гражданской войны он встретил свою будущую жену, его мать, и больше с ней не расставался; сын же в свои двадцать четыре года уже потерял двоих.

Если довоенное увлечение, будущая актриса, забывшая о нем, а следовательно, и не любившая, целиком, без остатка ушла из его сердца, то переводчицу он вспоминал с острой грустью, но теперь скорее не как любимую, а с теми чувствами, с какими он вспоминал погибших на войне ближайших друзей.

В силе и глубине своих чувств к Леночке он ни на йоту не сомневался, и потому его так волновало ее отношение к нему. Он знал, что симпатичен, нравится ей, она этого не скрывала, как не скрывала, впрочем, и своего расположения к грузину, начальнику отделения. «Хирург божьей милостью!» — не раз с восхищением говорила она.

Мысль о соперничестве, о том, что он может потерять и Леночку, страшила его. В запасе у него, правда, имелся козырь, которым ему никоим образом не хотелось бы воспользоваться.

Как она, ценившая в людях талант, могла понимать его, не зная о самом для него заветном?.. Но не за голос же, не за голос и не за красивую наружность она должна была его любить... Такие поклонницы одолевали его еще в консерватории, однако, как говорил отец, для

большого, прочного чувства увлечения одним внешним совершенно недостаточно.

Первой военной осенью, попав в армию, он ни от кого ничего не скрывал и, когда просили, охотно пел и под гитару, и под баян, и просто так — в роте любили его слушать. Однажды среди слушателей оказался незнакомый батальонный комиссар, задавший ему потом несколько обычных вопросов: кто он, откуда и почему так удивительно хорошо поет. Он рассказал все как есть, сдержанно, но откровенно. А спустя трое суток в дивизию пришел приказ откомандировать его, красноармейца Аникушина, для дальнейшего прохождения службы во фронтовой ансамбль песни и пляски.

Большой для себя неприятности, большего крушения надежд и стремлений он не мог и представить.

Немцы рвались тогда к Москве, от отца, попавшего под Прилуками в окружение, уже два месяца ничего не было, предполагали, что он погиб, и старший сын становился, таким образом, главой семьи, единственным совершеннолетним мужчиной и защитником. Решалась судьба его народа, его государства, он жаждал с оружием в руках защищать отечество, жаждал убить хоть нескольких врагов-убийц и для этого с подъема и до отбоя по шестнадцать часов в сутки учился воевать, а его решили запереть в артисты. У него были свои убеждения, твердые, созревшие под влиянием отца понятия о мужском достоинстве и чести. Возможно, участники фронтового ансамбля своими выступлениями и делали полезное, нужное дело, но с этого момента он думал о них с презрением, как о сборище трусливых, уклоняющихся от боев придурков.

Он отказался наотрез и, поскольку с его возражениями не собирались считаться, обратился с письмом к Наркому Обороны. А сверху настаивали на немедленном откомандировании, он упорствовал, и тогда его посадили на гауптвахту, причем в одну камеру с какими-то дезертирами, чем он был смертельно оскорблен.

Трудно сказать, как сложилась бы дальше его судьба, но в это время немецкие танки прорвались на ближние подступы к столице, дивизию поспешно бросили в бой, кто-то вспомнил в этой сумятице и о нем — к вечеру того же дня на ледяном ветру под артиллерийским и минометным обстрелом он долбил саперной лопатой землю, отрывая себе стрелковую ячейку — свою крохотную крепость в системе полковой обороны.

Эта история послужила ему хорошим уроком. За годы войны он дважды лежал в госпиталях, воевал в трех разных соединениях, но с той поры если когда и пел, то лишь вполголоса и только наедине. Он не скрывал — в том числе и от Леночки, — что учился в консерватории, однако представлялся, да и указывал себя в документах не иначе, как студентом теоретико-композиторского факультета, будущим музыковедом.

Сегодняшний вечер имел, точнее — мог иметь в его жизни особое значение, и, шагая теперь в глубь леса с двумя особистами, он проигрывал мысленно предстоящее объяснение с Леночкой: с чего и в какой момент начнет, что скажет и как будет продолжать в зависимости от ее реакции и ответов. Не без волнения он думал и о своей встрече с этим грузином-хирургом, который, видимо, не преминет потретькать на гитаре и попеть, наверняка так же фальшиво и безголосого, как и подавляющее большинство любителей.

Размышляя о своем, о том, что его волновало, он, однако, не забывал пригибаться под толстыми мокрыми ветвями, а тонкие отводил рукою, чтобы не намочить росой костюм. Не мог он совершенно не видеть и шагавшего с ним рядом Алекина и со временем подметил,

что тот не переставая шарит взглядом по дороге метрах в трех перед собой, словно чего-то ищет. Что он там выискивает, помощник коменданта и не пытался себе представить — даже думать не хотел, — но было в этом вынюхивании что-то неприятное.

Особист, при всей его обходительности, был ему несимпатичен, и капитан заставлял себя не смотреть в его сторону и по возможности не обращать внимания на его действия, что не без усилия удавалось. Он в который уж раз проигрывал в уме предстоящий вечер и объяснялся с Леночкой, когда Алехин неожиданно нарушил молчание.

— Раненько! — вдруг полупшепотом не без удивления протянул он. — Неужто улетают?.. Зима, видать, ранняя будет.

— Что? — вмиг возвращаясь к действительности, хмуро спросил капитан.

— Журавли. — Задрал голову, Алехин оглядывал небо. — Вроде улетать собираются. Слышите, прощаются...

Капитан прислушался; в ясном светло-голубом небе где-то тоскливо и надрывно курлыкали невидимые журавли.

Это печальное курлыкание вдруг пронзительно напомнило о бренности всего земного, о неотвратимом: о скором увядании, о смерти всех этих сейчас таких свежих и жизнерадостных листиков и травинок, о том, что все пройдет...

«Да... Все пройдет, и мы пройдем!..» — с грустью процитировал мысленно помощник коменданта и, подумав, от себя добавил: — Но след оставим...»

— Товарищ капитан. — Алехин меж тем достал из кармана две красные засаленные нарукавные повязки с надписями «Комендантский патруль», встряхнул их, расправил и протянул одну капитану. — Прошу вас — наденьте.

— Зачем?.. — взглянув мельком, осведомился капитан. — Это для патрулей, для дежурных офицеров. А я — помощник коменданта! — заметил он с достоинством. — И сколько на этой должности, ни разу не надевал!

— А сегодня нужно. Прошу вас, — настойчиво повторил Алехин.

— А грязнее у вас не нашлось? — с откровенным недовольством беря повязку и брезгливо осматривая ее, осведомился капитан. — Из нее же суп варить можно!

— Это не у нас, а у вас! — весело сообщил Алехин. — Мне их дали в комендатуре. А постирать не было времени. Давайте я вам помогу.

Помощник коменданта остановился и, поджав губы, покорно стоял с минуту, пока Алехин не закрепил повязку на рукаве его кителя повыше локтя. Тем временем Блинов по своей инициативе проделал то же самое на рукаве гимнастерки Алехина.

В молчании они пошли дальше, и капитан снова охотно погрузился в свои мысли, однако немного погодя Алехин опять заговорил.

— Как у нас с оружием? — будто самого себя спросил он и, вытащив из кобуры пистолет, взвел курок и оттянул затвор, проверяя, есть ли патрон в патроннике; Блинов тотчас же проверил свой «ТТ». Но помощник коменданта, к кому, собственно, был обращен этот вопрос, шагал молча, будто не слыша.

— А у вас? — осведомился у него Алехин.

— За меня можете не беспокоиться.

— А эта штука вам знакома? — продолжал Алехин, достав небольшой вороненый «вальтер».

Получив утвердительный ответ, он загнал патрон в патронник и, поставив пистолет на предохранитель, протянул его капитану:

— Прошу... возьмите в карман.

— Зачем?

— На всякий случай... Берите, берите!— настаивал Алехин и, так как помощник коменданта лишь усмехнулся, сунул ему «вальтер» в правый карман брюк.— Осторожность всегда оправданна... Знаете, разное бывает...

— Знаю!— недовольно поморщился капитан и пригнулся, чтобы не задеть мокрую ветвь.— Слышал все это десятки раз! В том числе и сегодня!..

— Говорите тише,— попросил Алехин.— Что слышали?

— И про бдительность, и про осторожность, и что всякое бывает, и смотреть надо в оба!.. От всех этих поучений у меня уже мозоли в ушах! За кого вы меня принимаете?!

— Прошу вас — потише.

Помощник коменданта вытащил из кобуры свой «ГТ», взвел курок и оттянул затвор — Алехин увидел патрон в патроннике.

— Бдительность, осторожность, осмоторительность!.. Мне твердят об этом, как мальчишке!— засовывая пистолет в кобуру, возмущенным полусшепотом продолжал капитан.— За кого вы меня принимаете?.. Я на фронте с сорок первого года!.. Поверьте, бывал в таких переделках, по сравнению с которыми ваша «операция» — просто загородная прогулка.

— Что ж, возможно..

— Не возможно, а точно!

— Да я верю, верю,— улыбнулся Алехин.

— Верить мало! Чтобы понимать, надо самому пережить!.. Вы на передовой-то когда-нибудь были?

— Приходилось...

— При штабе дивизии или полка?.. Знаю, как вам «приходилось»!.. Во втором эшелоне! А я три года на передке! И если бы не ранение... Поймите, я боевой офицер!— взволнованно произнес капитан.— В комендатуре я случайно и не задержусь!..

— Говорите тише,— снова попросил Алехин.

— Да вы что, психа из меня сделать хотите?! — возмутился капитан,— Здесь же нет ни живой души! И шум ветра все покрывает. И куда же тише — я и так шепчу!

— Это вам кажется,— улыбаясь, возразил Алехин.— И насчет душ вы ошибаетесь. Мы только что прошли засаду, они предупреждены по радио и знают меня в лицо, иначе бы нас уже проверяли. Вы только не обижайтесь — понимаете, это специфика... И вообще лес шума не любит...

— «Специфика»!.. Эх, людишки!— со вздохом и презрительным сожалением вдруг вырвалось у капитана.— Дурацкая-то ведь специфика! Ну посудите сами... Вы кого-то там разыскиваете. Как я понял, двух или трех, ну, допустим, четырех человек. И вот вы устраиваете засады... более того, собираетесь оцеплять весь лес, привлекаете к этому даже не сотни, а тысячи офицеров и бойцов. И это при острой нехватке людей в частях на передовой. И делается все это из-за двух, максимум четырех человек! Причем, как я понял, вы даже точно не знаете, появятся ли они здесь!

— Должны. Конечно, не факт, что они выйдут именно на нас. На путях их вероятного движения устроено несколько засад.

— Да, но к чему оцеплять весь огромный лес? Зачем столько людей?.. Почему такая чрезвычайность?

— Видите ли, это долго объяснять...— чуть помедля, уклончиво заметил Алехин; он не мог, не имел права говорить кому бы то ни было, кроме офицеров контрразведки, что речь идет об агентах, действия которых представляют угрозу для предстоящей стратегической

операции, и что дело взято на контроль Ставкой Верховного Главного командования.

— Ясно, от меня вы тоже секретите! — с очевидной обидой быстро сказал капитан, и лицо его дрогнуло в презрительной усмешке.

— Нет, почему же...

— Как бы чего не вышло! Перестраховочка! Мне вы тоже не доверяете... А родной матери?.. К ней у вас тоже, наверно, одна бдительность!

— Ну вы и язва! — рассмеялся Алехин; своей прямоотой и задиристой откровенностью капитан ему определенно нравился.

— Какой есть! Но дело не в этом. Все эти предосторожности — ваша, как вы говорите, «специфика»!.. Пуганая ворона куста боится! Вы этим живете и этим кормитесь! Но мне-то вы зачем мозги компостируете?.. Я в армии четвертый год и вашей «спецификой», поучениями о бдительности не то что сыт — перекормлен! Однако ни одного шпиона даже во сне не видел!.. Дезертиры, паникеры, изменники встречались — двоих сам расстреливал... Власовцев видел, полицаяв, но шпиона — ни одного! А вас, охотничков, — как собак нерезаных!.. НКВД, НКГБ, контрразведка, прокуратура, трибуналы... И еще милиция!..

— Говорите тише...

— Могу вообще молчать! Только вы мне мозги не компостируйте! Я приглашен, чтобы вы имели вид комендантского патруля, и то, что от меня требуется, сделаю! Но своей «спецификой» вы мне голову не дурите! Мы очень разные люди, и быть таким, как вы, я не желаю! Извините — противно!.. Ну что вы все время смотрите, чего выискиваете? Вы что — потеряли что-нибудь или змей боитесь?

— Не без этого, — весело признался Алехин. — И не только их... Лес кое-где минирован. А я еще жить хочу... И вы, наверно, тоже? Поджав губы, помощник коменданта промолчал.

74. НА ПОЛЯНЕ

— Вот мы и пришли, — останавливаясь, сказал Алехин. — Красиво, а?

Перед ними открылась большая, окаймленная белоствольным березовым подростом, залитая солнцем поляна. Неторная травянистая дорога проходила, не петляя, прямо по ее середине. Крохотные, совсем юные дубочки несмело выглядывали из высокой лопушистой травы. Почти в центре поляны, справа от дороги, тремя островками тянулись поросли густого орешника.

Впереди, примерно в двух километрах, по ту сторону широкой просеки, разделявшей массив на две части, находился участок леса, где Алехин наблюдал чистую супесь — предполагалось, что там, в тайнике, и пряталась разыскиваемая рация.

Этот квадрат леса четверо суток назад осматривал Таманцев. Он и порекомендовал поляну как место, весьма удобное для засады; Алехин, посмотрев сегодня, не мог с ним не согласиться.

«До чего же хорошо!» — подумал Андрей, оглядывая поляну, молодые, радостные березки и кустарник по краям. Лагая до того по лесу, он был настолько озабочен отысканием следов и улик, что сейчас, после замечания Алехина о красоте, может, в первый раз обратил внимание на окружающую его природу.

— Подождите минутку, — сказал Алехин и скрылся в кустах.

И Андрей, наконец решившись, обратился к помощнику коменданта:

— П-простите, т-товарищ к-капитан, в-вы, с-с-случайно, не из М-москвы?

— Из Москвы. А что? — быстро взглянув на Блинова, осведомился капитан.

— В-вроде в-встречал в-вас г-где-то,— обрадованно заулыбался Андрей.— Н-наверно, в Москве. А в-вот г-где именно — н-никак не п-припомню!

— Москва велика,— холодно заметил капитан и, еще раз посмотрев на Блинова, с уверенностью заявил: — Лично я вижу вас впервые!

— М-может, в-вы на к-кого п-похожи...— смутясь, промолвил Андрей.

— Каждый человек на кого-нибудь похож,— сухо и наставительно сообщил капитан и отвернулся.

Андрей был обескуражен и в душе ругал себя. Так и надо! Не лезь к людям... Мало ли что тебе покажется... Не лезь!

За кустами слышались негромкие голоса — Алехин с кем-то разговаривал. Вскоре он появился на поляне, и Андрей посмотрел на него expectantly, однако худощавое малоподвижное лицо Алехина, как и обычно, ничего не выражало.

Став между деревьями на самом краю поляны, он предложил помощнику коменданта и Блинову следовать за ним и большими ровными шагами двинулся по дороге.

— Сто десять, точно...— сказал он, останавливаясь, когда они поравнялись с гнилым пеньком напротив среднего островка орешника: он еще раз прмерил расстояние.— А сюда,— он указал рукою вперед,— сто сорок семь... Здесь мы их и встретим... Если, конечно, они пойдут в нашу сторону...

— А если не пойдут? — поинтересовался помощник коменданта.

— И так может случиться... Тут, разумеется, нет никаких гарантий... Будем надеяться... Стой аккуратно, не приминая траву, чтобы не наследить,— предупредил Алехин Блинова.

Это замечание в равной степени относилось и к помощнику коменданта, но лишь погода Алехин перевел на него взгляд.

— Во время проверки держимся уступом: один сбоку и позади другого... Вот, допустим, это вы, а это я... Или же наоборот.— Алехин быстро переместился и оказался в метре за правым плечом капитана.— При этом задний подстраховывает переднего... У вас... по комендантским порядкам тоже ведь так положено. Только в городе это обычно не соблюдается, а здесь необходимо... Одновременно нас будут подстраховывать из засады.— Алехин показал на кусты орешника.— Держитесь свободно и уверенно... В случае неподчинения проверяемых, напряженности или обострения требуется максимальная... боевая готовность,— избежав слова «бдительность», сказал Алехин.— При этом следует фиксировать «вальтер» в кармане. Но стрелять в случае необходимости — только по конечностям!.. И еще неременное условие: ни в коем случае не закрывать проверяемых от засады! Понимаете? Может, у вас есть вопросы, что-нибудь не ясно? Пожалуйста...

— До которого часа мы здесь пробудем?

— Затрудняюсь сказать... сам не знаю,— признался Алехин, рассматривая кусты орешника.— А что?

— Мне до восьми часов непременно надо вернуться в город,— помедля, заметил помощник коменданта.

— До восьми... Понятно...— думая о чем-то другом, неопределенно протянул Алехин и попросил:— Будьте любезны, постоитесь здесь минуточку... Идем!— велел он Блинову.

Сделав изрядный крюк — чтобы не наследить, — Алехин показал Андрею его место в орешнике; шагах в десяти левее должен был располагаться Таманцев.

И тут и там в листве уже имелись вытянутые по горизонтали смотровые щели; узкие, выщипанные по листику, с некоторым расширением в сторону дороги, они были совершенно незаметны.

— Точно по твоему росту, — поднимаясь на цыпочки, сказал Алехин. — Как видишь капитана?

— Н-нормально... От г-головы до б-бедер.

— Ноги держи на ширине плеч. И главное — не напрягайся.

Затем они с помощником коменданта вернулись к краю поляны, и Алехин, свернув в орешник, провел их на небольшую лужайку, отделенную от поляны кустарниковой порослью.

На разостланной под березками плащ-палатке, похрапывая, мертвым сном спал Таманцев. В стороне на широком пне стояла радиостанция (Андрей уже немного разобрался в рациях и определил — «Север»); возле нее сидел старшина с пышной кудрявой шевелюрой. Там же на плащ-палатке лежали туго набитый вещмешок, несколько фляжек и старая фуражка: судя по цвету околыша, старшина был пограничник — из частей по охране тыла фронта.

— Это наша персональная радиосвязь, — шутливо пояснил Алехин капитану.

При виде парадно одетого, представительного помощника коменданта старшина-радист поднялся и, не снимая наушников, вытянулся перед ним.

— Садись... — махнув рукой, сказал Алехин и, поворачиваясь к капитану, предложил: — Давайте перекусим. Сейчас самое время подкрепиться.

— Благодарю вас. Не хочу, — отказался капитан, хотя, легко позавтракав утром, больше ничего не ел; он не любил, а в данном случае особенно не желал одалживаться.

— Отчего же не хотите?.. Ведь вы не обедали... — развязывая вещмешок, говорил Алехин. — Продуктов вполне достаточно. Кстати, здесь паек на пять человек, то есть в том числе и на вас!

— Вы уже взяли меня к себе на довольствие?.. — усмехнулся помощник коменданта. — Потеха! Может, и в штаты свои уже зачислили? Спасибо, не хочу!

То, что на него был получен какой-то паек, естественно, меняло дело, однако, сказав «нет», он в силу своего характера уже не мог принять предложение Алехина.

Алехин выложил из вещмешка на плащ-палатку две буханки белого хлеба, несколько банок различных мясных консервов, кульки с печеньем и сахаром. Спустя минуту он и старшина с аппетитом ели. Андрей взял только печенье и опять с огорчением вспомнил о «какаве», попить которое ему не удалось.

Помощник коменданта, отойдя в сторону и заложив руки за спину — это была его излюбленная поза, — расхаживал в тени берез, вдоль края лужайки.

— Товарищ капитан, — сказал ему Алехин, — неловко все-таки... неудобно получается. Не по-русски! Одни едят, а другие глядят.

— Почему же неудобно?.. Ведь вы мне предложили... А если я, извините, не желаю!..

— Может, хотите пить? — Алехин поднял одну из фляжек. — Родниковая! Холодная и вкуса необыкновенного! Такой в городе не отведаете.

— Спасибо, — отказался помощник коменданта.

Поев, Алехин напился и с удовольствием вытянулся на плащ-палатке неподалеку от радики. Теперь, когда все, что от него зависело, было сделано и засада подготовлена, он почувствовал невероятную усталость, более того — опустошенность, будто из него вытряхнули или выжали все силы. И тотчас мысли о дочери, о доме, о целом без малого десятилетии его довоенной жизни и труда, перечеркнутом дикой нелепостью с вывозкой на помол уникальной пшеницы, тяжкие мучительные мысли охватили его.

«Да, лижет суставы и кусает сердце... Все это ужасно, но ты сейчас ничего не можешь поделать. И не надо об этом думать! — уговаривал он себя. — Забудь обо всем! Тебе нужны силы, и ты должен уснуть!..»

За последние двое суток он спал всего несколько часов и теперь болезненно ощущал это. Но прежде чем уснуть...

— Товарищ капитан, — сказал он помощнику коменданта, — в ногах правды нет. Кто знает, сколько здесь еще придется пробыть... Прошу, — он указал на плащ-палатку, — устраивайтесь со мной... Или, если не хотите, садитесь... Андрей, позаботься о капитане. Застели пень газетой.

Он понимал состояние Блинова и, зная, что того обязательно надо чем-либо занять, предложил:

— Если не будешь отдыхать, пройди на свое место в засаде и обживи его, потренируйся. Только осторожно — траву не мни и не наследди!

Разъяснив затем старшине, при каких сообщениях его следует немедленно разбудить, он по методу Таманцева расслабил мышцы и усилием воли заставил себя отключиться. Это не без труда удалось, и он уже погружался в сон, но тут же судорожно приподнялся, услышав внятный голос старшины:

— Товарищ капитан!.. — Товарищ капитан... Первый передает: одна тысяча семьсот... Первый повторяет для всех: одна тысяча семьсот...

«Первым» по кодовому расписанию был штаб оперативной группы, и это сообщение означало, что войсковая операция начнется сегодня в семнадцать ноль-ноль. А какой-нибудь час спустя цепи прочесывания будут здесь, на поляне, и твоя засада станет ненужной. Впрочем, она, как и остальные восемь засад, может стать бесполезной и раньше: в тот момент, когда подразделения окружают лес...

Значит, генералу и Полякову не удалось добиться отсрочки операции на сутки. Кавказский человек, заместитель Наркома оказался прав. Москвичи почти всегда оказываются правы — они в курсе обстоятельств, неизвестных на местах... С каким темпераментом он кричал: «Не будет у вас завтрашнего дня, не будет!»

«Невесело... Не то слово — хуже не придумаешь!.. Но все, что от тебя зависело, ты сделал и можешь... ты должен уснуть!.. Расслабься и усни, — мысленно убеждал себя Алехин. — Тебе хочется спать, ты уже чувствуешь тяжесть в веках, забудь обо всем, расслабься и спи. Ты должен... ты обязан уснуть...»

75. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

С каждым часом у него все больше портилось настроение, и хотя он пытался относиться к происходящему спокойно, по-философски, ничего не получалось — скрываемое раздражение постепенно нарастало. Он то ходил, то присаживался на пенек, накрытый газетой, и никак не мог удержаться: курил одну за другой папиросы (подаренный отцом еще в июле «Казбек»), которые так хотелось приберечь, оставить

на вечер, хотя бы десяток — для представительности. Новенькие, прекрасные, каких у него еще никогда не было, сапоги намокли от травы и затяжелели, он с тоской представлял, как они задубеют, когда высохнут, и соображал, чем их намазать, чтобы этого избежать.

Старший из особистов, капитан Алехин, крепко спал, подложив под голову вещмешок с продуктами. В стороне от него на другой плащ-палатке под березками по-прежнему похрапывал некий старший лейтенант в грязной, с огромными заплатами гимнастерке. (Помощник коменданта не разглядывал его лицо и не подозревал, что это тот самый офицер, который, не поприветствовав его в городе и будучи остановлен, прикидывался дурачком.) Старшина сидел с наушниками у радиации и от нечего делать читал какую-то порядком замусоленную книгу со схемами на вклейках — очевидно, по радиотехнике. И наконец, лейтенант-заика, перетянув, как и Алехин, кобуру на живот, молча и сосредоточенно вышагивал по лужайке.

Сколько так могло продолжаться?

Чем больше помощник коменданта размышлял над происходящим, тем более нелепым все это ему представлялось.

Из-за каких-то трех или четырех человек взбулгачили даже не сотни, а тысячи военнослужащих. Привыкший за войну к совсем иному соотношению сил, он никак не мог с этим примириться.

Ему вспомнились бои двухлетней давности — летом сорок второго, в районе Котельниково, под Сталинградом. Его рота — девятнадцать человек! — обороняла колодец. Обыкновенный колодец. Там, в степи, колодцы — редкость, и за источники воды шла ожесточенная, смертельная борьба.

Выжженная солнцем трава... Зной... Пыль... Духота... Чтобы заставить его отойти и захватить колодец, немцы подожгли степь... Огонь, клубы густого едкого дыма надвигались на боевые позиции роты с трех сторон. И за этой завесой наступали немцы: пехотный батальон — полного состава! А в роте было девятнадцать человек, два станкача и пэтээр...

Зажечь степь навстречу и не пытались: дул западный ветер — и дым и огонь несло на расположение роты. Немцы непрерывно били из минометов и дивизионных пушек. Град осколков вместе с искрами засыпал окопы. Дым был такой едкий, что пришлось надеть противогазы... Резина дымилась! Глаза у бойцов краснели и опухали... Кожа багровела и вздувалась волдырями... Четверо ослепло... Обмундирование дымилось и загоралось, но люди держались!.. Держались не час и не два, а более суток!

На рассвете второго дня немцы пустили танки. Три удалось подбить, но четвертый прорвался к запасному окопу, где помещались тяжелораненые, ослепшие. Они и подорвали его. Его и себя... Видели когда-нибудь этот Алехин, как умирающие слепые бойцы бросаются с гранатами на рев мотора под танк?!

В то утро капитан (тогда он был лейтенантом) потерял еще шестерых, но с остатками роты удерживал колодец. Вместе с ним — дважды раненным — в строю оставались всего трое, когда пришел приказ отступить. И только тогда, взорвав колодец связкой противотанковых гранат, они отошли.

И никто не поучал его, как школьника! И никто не вымогал у него бдительности!.. А столь памятный бой за развилку шоссе дорог?.. И сколько было еще таких боев... Жестоких! Смертельных! Неимоверно тяжелых! Когда противник превосходил в пять, в десять, в пятнадцать раз... Воюют не числом, а умением! Это правило вся армия исповедует с самого начала войны. Армия, но не особисты. Для них не

жалеют ни средств, ни сил. И это при катастрофическом некомплекте личного состава в частях фронта.

Оторвали от выполнения своих прямых обязанностей тысячи людей, причем все экстренно, с заклинаниями о бдительности, секретности и особой важности. И что же дальше — для чего это делалось?.. Неужели для того, чтобы вот так забраться в лес, нажраться до отвала и отрабатывать «взаимодействие щеки с подушкой», точнее — за неимением подушки — с вещевым мешком. Перекур с дремотой на чetyреста минут!

Помощнику коменданта вспомнился старый язвительный армейский анекдот: «Чем отличаются особисты от медведя?.. А тем, что медведь спит только зиму, а особисты — круглый год...»

При всей сдержанности и внешнем спокойствии капитана, буханки белого хлеба подействовали на него, как красная тряпка на быка. Он с трудом справился со своим возмущением.

Белый хлеб и другие деликатесные по военному времени продукты, которые были положены и выдавались строго по норме, кроме летного состава ВВС, только раненым в госпиталях — он и сам получал и хорошо помнил эти тщательно вывешенные порции, — особисты потребляли до отвала — кто сколько хотел. Лишь из одного вещмешка выгнали две большие буханки и резали толстыми ломтями, хотя находились в полном здравье и к авиации никакого отношения не имели.

По какому праву?! Он знал точно: особисты довольствуются по тем же нормам, что и другие офицеры Действующей армии, исключая летный состав. Впрочем, для них законы не писаны, что хотят, то и делают. И все молчат — побаиваются.

Но лично он никогда их не боялся и не боится. Чтобы Алехин это понял, он и говорил ему не стесняясь то, что думал, — без обиняков, зная между прочим, что подобная манера разговора действует сдерживающе даже на людей от природы наглых.

Как ни странно, беззлобная реакция Алехина на его колкие высказывания и простоватая мягкая покладистость настораживали помощника коменданта. В его представлении особист без какого-либо заднего умысла не мог быть так приветлив и доброжелателен.

Остальные ему тоже не понравились.

И этот мальчишка-лейтенант, который привязался: «Товарищ капитан, вы не из Москвы?.. Вы на кого-то похожи!..» Щенок, пытающийся заставить себя бояться. Жалкая попытка запугать!.. Не на того напали!

И этот старшина, торопливо и шумно сожравший полбуханки белого хлеба и целую банку нежнейших консервированных сосисок.

Такую же точно банку ему прислал с оказией в госпиталь отец, и он роздал по сосиске всей палате. Но его отец был начальник политотдела гвардейского корпуса, без малого генерал, участник революции, гражданской и Отечественной войны, прослуживший в Красной Армии четверть века. А какие заслуги могли быть у этих людей?..

Спавший же без просыпу под березками старший лейтенант за один свой внешний вид заслуживал строгой гауптвахты. Такую безобразную гимнастерку мог бы надеть — на земляные работы! — боец саперного батальона, но никак не строевой офицер. Армейский и не надел бы — не посмел, а особисту дозволено...

«Да что тебе с ними, детей крестить?» — в который уж раз говорил самому себе помощник коменданта и старался настроиться на иной лад и думать о чем-либо другом, более приятном.

День медленно подвигался к вечеру, и ему оставалось только одно: терпеливо ждать, когда все это окончится.

Было без пяти минут четыре. Через час старик отправится за букетом цветов; в том, что он выполнит поручение и сделает все самым добросовестным образом, помощник коменданта не сомневался.

С детства брезгливый, капитан не терпел в людях неопрятности, и этот старый еврей с вечной каплей под носом, естественно, не мог быть ему симпатичен. Однако он уважал талант и мастерство в любой деятельности человека, в любом проявлении, а старик, несомненно, был Мастером. И думал помощник коменданта о нем с чувством почтения и признательности за отличную работу. Жалость к этому одинокому, обездоленному войной старику снова посетила его, когда справа, оттуда, где находилась рация, послышался негромкий взволнованный голос старшины-радиста.

76. «ПО МЕСТАМ!»

— Товарищ капитан, товарищ капитан...— Старшина-радист тряс Аলেখина за плечо.— «Девятка» передает: трое в военной форме пересекли просеку левее их. Двигутся по дороге в нашем направлении. С двумя вещмешками! Оружие в кобурах!

— Разбуди его!— живо поднимаясь и указывая глазами на Таманцева, велел Блинову Аলেখин.

Андрей с силой растолкал Таманцева, тот сел на плащ-палатке, увидел перед собой парадно одетого помощника коменданта и даже глазами заморгал — уж не сон ли это?

— Мамочка моя родная!— хриловатым спросонок голосом воскликнул он, оглядывая капитана.— Явление Христа народу!

— Ты что, мозги отоспал?! — негромко, но до враждебного резко одернул его Аলেখин.

— Культурное обращение с младшим по званию, нечего сказать!— деля вид, что обиделся, проговорил Таманцев; от сна у него поправилось настроение, и ему до чертиков хотелось подурачиться, поблажить.— А если действительно отоспал?.. Нежности в вас нет,— потягиваясь, с укоровизной заметил он.— Некачественно вы ко мне относитесь!

Аলেখин, проворно ополоснув лицо водой из фляжки, достал носовой платок.

— Умойся!— приказал он.— Живо! Минут через пятнадцать они могут быть здесь!

Это подействовало — Таманцев подскочил, будто его подбросили, и сейчас же спросил:

— Сколько их?

— Трое... В военной форме... Идут со стороны Каменки... С двумя вещмешками... Оружие в кобурах...

— С вещмешками.— Таманцев не скрывал свою радость.— Я влюблен!.. Малыш, полей мне! В темпе!..— велел он Блинову и заметил: — Вообще-то, если есть пятнадцать минут, и пожрать бы не мешало!

— Пойди сюда!

Аলেখин ответил Таманцева в сторону и тихо сказал:

— Сейчас нет времени, а потом я тебе прочищу мозги! Пора уже повзрослеть!.. В семнадцать ноль-ноль начнется войсковая операция...

— Значит, все-таки дожали!— Таманцев взглянул на часы и от возмущения сплюнул.— Вот гадство!.. Уж если не считаются с Эн Фэ и генералом...— он развел руками,— Москва бьет с носка и слезам не верит!.. Этих-то трех до прочесывания мы вполне успеем прокачать.

— Я тоже так думаю. Если только они не свернут на развилке влево, а пойдут по этой дороге...— Одернув гимнастерку, Аলেখин обер-

нулся в сторону, где стояли помощник коменданта и Блинов, и, перетягивая повыше нарукавную повязку, распорядился:— Всем проверить оружие и оправить обмундирование! Если есть вопросы — давайте!

Помощник коменданта оглядел свой костюм, поправил по примеру Алехина повязку и подтянул голенища своих новеньких сапог.

— Товарищ капитан,— подходя к нему, сказал Аলেখин,— вы свои обязанности помните?

— Да, еще не забыл.

— Напоминаю последовательность проверки: сначала основные документы, затем второстепенные, а потом вещевые мешки!.. Если мне придется сочинять — значит, это необходимость! В любом случае вы должны поддерживать все мои действия и требования, а я, в свою очередь, ваши! Держитесь спокойно, уверенно и активно! В случае чего — стрелять только по конечностям! Даже если вас будут убивать — стрелять только по конечностям! Вопросы ко мне есть?

— Нет.

Выждав еще малость, пока Таманцев, успевший умыться и утереть лицо рукавом гимнастерки, достал из вещмешка и надел на поясной ремень кобуру со вторым наганом, Аলেখин скомандовал:

— Идемте!

Они направились к поляне, и Блинов уже вошел в кустарник, когда сзади неожиданно послышался голос старшины:

— Товарищ капитан, Первый передает: всему личному составу немедленно вернуться в расположение части.

Это означало: всем немедленно покинуть лес. Аলেখин обернулся к рации и смотрел, не понимая; другие тоже остановились.

— Они что, чокнулись?!— возмущенно воскликнул Таманцев.— Они соображают?! Лично я никуда не пойду!

— Даже если прикажу я, а не Первый, не только пойдешь — побежишь! — заверил Аলেখин.— Так рванешь — «виллис» обгонишь!.. Выходите на поляну!— приказал он.

— Я-то, допустим, побегу,— не трогаясь с места, продолжал Таманцев.— А лично вас такой вариант устраивает?.. Это же чистая перестраховка!.. Они что, о наших шкурах заботятся?.. А когда мы неделями лазим по лесам, в одиночку, среди банд?.. Ничем не рисковать — ничего не иметь!.. Да что нам поделается?.. Выйдут на нас с прочесыванием — мы что, перестрелку устроим?.. Лапы вверху — и вся любовь!.. В крайнем случае кого-нибудь поцарапают: они ведь тоже знают — стрелять только по конечностям!.. Да засада с живцом в тысячу раз опасней! А ничем не рисковать — ничего не иметь! — повторил Таманцев; он быстро обернулся и, убедясь, что помощника коменданта и Блинова уже нет рядом, возбужденно зашептал:— Паша, мы не должны отсюда уходить! Я категорически против! Я не мальчик, не стажер, у меня за розыск пять боевых орденов, и я требую, чтобы с моим мнением считались! Сообщи генералу! Немедленно! Я тебя прошу, требую категорически! Можешь валить на меня как на мертвого! Я за все отвечаю! Ты пойми... Ты ситуацию прокачал? Неужели ты не понимаешь?.. Мы что, этих трех оставим одних на прочесывание?.. А если они — «Неман»?.. Ты возможные последствия представляешь?! Их же не сумеют взять теплыми! А момент истины? Не о шкуре — о деле надо думать!

— Все?.. Выходи на поляну!— тоном, не терпящим возражения, скомандовал Аলেখин.— Сейчас же!

Что там могло произойти?.. Или до Егорова не дошло сообщение «девятки» о троих неизвестных, или...

Аলেখин бегом вернулся к рации и, жестом предложив старшине освободить одно ухо от наушника, приказал:

— Срочно передайте Первому: вас не понял, прошу повторить. Старшина, вскинув в знак внимания палец, слушал и записывал то, что ему в эти секунды передавали. Потом он поднял лицо к Алехину и сказал:

— Первый повторил для всех: «Немедленно вернуться в расположение части. Выполнять».

«Выполнять!» — это, несомненно, исходило от Егорова. Алехин лихорадочно пытался угадать, домыслить соображения генерала. Что там могло произойти?.. Неужели это вызвано только опасениями, что во время операции могут иметь место нежелательные огневые контакты между цепью прочесывания и оперативными группами?

«Девятку» возглавлял Кандыба — опытный розыскник, он знал в лицо всех своих, кто находился сейчас в лесу, и никак не мог напутать. Значит, или его сообщение о троих неизвестных не дошло до Егорова — по какой-либо причине могли и не принять, — или...

Занимало Алехина еще одно обстоятельство: наблюдение за подходами к массиву по всему периметру было установлено в семьдесят. За утро и первую половину дня посты слежения сообщили о подрастах, вошедших в лес с лукошками со стороны Каменки, о двух заросших, бородатых немцах-окруженцах, которые покинули массив, двигаясь в западном направлении (чтобы избежать возможного шума, Поляков распорядился их не трогать, пока они не удалятся на несколько километров), и наконец о сержанте — водителе грузовика: оставив машину на обочине шоссе, он вместе с какой-то женщиной побывал на опушке.

Однако никаких сведений об этих троих в военной форме с утра не поступало. Следовательно, они появились в лесу раньше — на рассвете, ночью или еще вчера, что, впрочем, маловероятно.

Через минуты они могли оказаться и здесь, на поляне, — если только, миновав просеку, не свернут по тропе влево, — так что времени для каких-либо выяснений по радио уже не имелось. Проще всего было выполнить приказ о выходе из леса, но Алехин, уверенный, что получилась какая-то накладка, решил остаться. Основным доводом для такого решения было убеждение, что Егорову неизвестно о троих, двигавшихся от просеки к поляне.

— Напоминаю: если услышишь выстрелы или просто шум, высканивай с автоматом вот здесь... и блокируешь выход с поляны! — велел Алехин старшине. — Предупреждаю категорически — стрелять только по конечностям!

В следующее мгновение Алехин уже бежал к поляне.

— Последнее распоряжение нас не касается, — сообщил он, появляясь из кустов перед Таманцевым, Блиновым и стоявшим чуть в стороне помощником коменданта. — Все мои указания остаются в силе! Встретим их здесь, если, конечно, они пойдут в нашу сторону. Во время проверки с первой и до последней минуты требую от всех максимального внимания и осторожности! По местам!..

77. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!»

Егорову

Сообщаю: на Ваш № Ставка ВГК ответила отказом.

Войсковая операция в районе Шиловичского массива должна быть осуществлена сегодня до наступления сумерек. Последний срок ее начала — 17.00. Это время сообщено нами в Ставку ВГК как самое

позднее, и любая гальнейшая отсрочка будет расцениваться как невыполнение боевого приказа особой важности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Довожу до Вашего сведения, что все подразделения войск по охране тыла других фронтов по завершении операции необходимо немедленно высвободить, и не позднее 23.00 они должны убыть к местам своей постоянной дислокации.

Считаю своей обязанностью еще раз со всей ответственностью предупредить, что если дело «Неман» в ближайшие четырнадцать часов не удастся реализовать поимкой разыскиваемых и захватом рации, Вы и подполковник Поляков будете отстранены от занимаемых должностей и преданы суду специального трибунала.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Лукину

Задержанных вами по недоразумению подполковника Еременко и капитана Богрова немедленно освободите.

Как установлено проверкой, бланки командировочных предписаний старого образца, не содержащие условного секретного знака, в воинской части 06381 не были своевременно изъяты из обращения по халатности одного из офицеров штаба.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В представленных Вами донесениях до сих пор не подтверждено прибытие 27 офицеров Управления контрразведки Карельского фронта, вылетевших к Вам из Петрозаводска сегодня в 4 часа утра для участия в розыскных мероприятиях по делу «Неман».

Проверьте и немедленно доложите.

Колыбанов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Колыбанову

На № от 19.08.44 г.

Арест или задержание находящихся под нашим наблюдением Чеслава и Винченца Комарницких представляются нам пока преждевременными, нецелесообразными.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Чрезвычайно срочно!

Москва, Колыбанову

Проводимые нами в районе Шиловичского лесного массива оперативно-розыскные мероприятия по состоянию на 16.00 результатов не дали.

В 16.03 автомашины с подразделениями, предназначенными для войсковой операции, двенадцать автоколоннами начали движение из выжидательных районов с расчетом выхода на «карусель» в 16.50.

Во избежание возможных нежелательных огневых контактов между своими всем находящимся в засадах на территории массива оперативным группам в 16.05 передана команда немедленно покинуть лес.

Егоров».

78. ПРОВЕРКА ДОКУМЕНТОВ

Прошло не десять, а, наверное, больше минут, но на поляне никто не появлялся. Таманцев и Блинов, обратясь в слух, молча и терпеливо стояли на своих местах в кустарнике шагах в семи друг от друга.

Солнце было еще над лесом, светило жаром, и душистый воздух, вдосталь насыщенный пахучими испарениями, заметным маревом струился от прожогденной земли. Ветер несколько стих, в траве немолчно стрекотали кузнечики; и снова высоко в поднебесье, точно прощаясь, курлыкали журавли. Но никаких звуков приближения людей, как ни напрягались, Таманцев и Блинов уловить не могли.

«Неужто пустышку тянем?..» — с тоской подумал Андрей и в ту же минуту увидел, как Таманцев предостерегающе вскинул руку; спустя секунды Андрей и сам различил вдалеке еле слышные, тихие голоса.

Таманцев, взглянув на часы — для рапорта, — расслабленно потряс руками, что означало: «Сбрось напряжение» — и взялся за кобуру.

Они оба достали оружие: Андрей — «ТТ», а Таманцев — безотказный в работе наган, который он в такого рода случаях предпочитал всем другим системам. Кстати, он почти никогда не говорил «достал оружие» или «выхватил пистолет», а обычно — «обнажил ствол». Кобуру со вторым наганом он перетянул с левого бедра на живот и расстегнул.

Андрей беззвучно отвел курок своего «ТТ» с предохранительного на боевой взвод и замер в ожидании.

Негромкие голоса приближались. Ни Таманцев, ни Блинов, спрятавшиеся в кустах, не могли никого видеть, но Алехин, метрах в девяноста от них укрывшись за деревьями, уже рассматривал троих в военной форме, вышедших из леса по другую сторону поляны, и внимательно считал их шаги.

Выждав, сколько требовалось, он с помощником коменданта появился на дороге; увидев их, трое, шедшие навстречу, умолкли; пять человек сближались, с интересом разглядывая друг друга.

Они встретились, как и рассчитал весьма точно Алехин, у гнилого пенька, прямо напротив кустов, за которыми притаились Блинов и Таманцев, поздоровались, и помощник коменданта, задержав руку у козырька, предложил:

— Товарищи офицеры, попрошу предъявить документы! Комендантский патруль.

— Ваш мандат на право проверки, — попросил один из троих, бритоголовый, с погонами капитана, так спокойно, будто ему заранее было известно, что здесь, в лесу, у него должны проверить документы и что это малоприятная и пустая, но неизбежная формальность. — Кто вы такой?

Слева от него, ближе к засаде, стоял высокий, крепкого сложения старший лейтенант лет тридцати или чуть побольше, а справа — молодой лейтенант, тоже плотный и широкий в плечах. На всех троих было обычное летнее офицерское обмундирование (у лейтенанта по-

новее), пилотки и полевые пехотные погоны без эмблем. На гимнастерке у капитана над левым карманом виднелась колодка с орденскими ленточками, а над правым — желтая и красная нашивки за ранения.

Помощник коменданта достал из кармана кителя листок удостоверения, развернул его и, протягивая левой рукой бритоголовому капитану, еще раз легко прикоснувшись пальцами к фуражке, представился:

— Помощник военного коменданта сто двадцать шестой этапно-заградительной комендатуры капитан Аникушин...

«Аникушин?.. Аникушин!.. Это же Валькин брат!» — только теперь сообразил Андрей и сразу вспомнил, где он прежде видел капитана.

Как-то весной, незадолго до войны, одноклассник и приятель Андрея Валька Аникушин, показав на статного юношу, прогуливавшегося с девушкой по Тверскому бульвару, похвастал: «Мой брат! Консерваторию кончает! Второй Шаляпин! Беш-шен-ный талант!..»

Валька имел слабость приврать, и Андрей не очень-то поверил, но все же ему захотелось получше разглядеть «бешено талантливого» якобы человека, и он с Валькой пошел следом за Аникушиным-старшим, однако тот, случайно обернувшись, заметил ребят и, должно быть, заподозрив подвох, так внушительно показал им за спиной девушки кулак, что приятели сразу отстали.

Потом у себя дома как бы в подтверждение своих слов Валька достал шкатулку и выложил перед Андреем вырезанные из газет заметки, где такие знаменитые артисты, как Нежданова и Козловский, высказываясь о наиболее талантливых певцах, студентах консерватории, самые похвальные слова говорили об Аникушине-старшем. Нежданова, например, называла его «надеждой русского вокала» — значение последнего слова Андрей тогда не знал и потому запомнил это выражение буква в букву.

Андрею вспомнился заводной неугомонный Валька, сгоревший год назад в танке под Орлом, и в этот миг помощник коменданта нечаянно для себя приобрел немалую долю симпатий, которые Блинов питал к его младшему брату.

Между тем бритоголовый капитан вынул и предъявил Аникушину свое удостоверение личности и командировочное предписание. Вслед за ним без промедления (чувствовалось, что он старший) достали удостоверения личности и два других офицера; Алехин взял у них и, раскрыв, стал проверять, наморща лоб и медленно шевеля губами, как это делают, читая по складам, чаще всего малограмотные люди.

В эту минуту за кустами орешника Таманцев, поймав взгляд Блинова, дотронулся до погона и поднял вверх два пальца — по количеству звездочек. Это означало: «Держи лейтенанта». Андрей согласно качнул головой — мол, понял. Прикинув к вытянутому горизонтально узкому просвету в листве, он видел с головы до бедер всех троих и мог «держаться» из них любого.

Аникушин, просмотрев документы, взятые им у капитана, передал их Алехину, тот, в свою очередь, отдал ему удостоверение личности одного из офицеров и проверка продолжалась.

— «Вильнюс... Лида... и прилегающие... районы...», — вслух прочел Алехин и, как бы не понимая, поднял глаза от командировочного предписания. — А в лесу вы чего, эта... делаете?

— Вы, верно, догадываетесь, что не развлекаемся, — улыбнулся капитан.

— Нет, не догадываемся, — с самым простецким лицом сказал Алехин. — Что же, значит, делаете?

— Вы можете прочесть... Здесь все указано.— Капитан ткнул пальцем в командировочное предписание.

Алехин снова уставился в бумагу.

— А где находится ва-аша-а ча-ась? — намеренно зевая и прикрывая рот ладонью, поинтересовался он.

— Должен заметить, товарищ капитан, что лес не самое подходящее место для подобных разговоров. И я полагаю...

— Отчего же?..— удивился Алехин.— Бдительность, она, конечно... Но мы офицеры комендатуры, и нам, значит, положено... А кроме нас, тут, понимаете, никого нет.— Как бы желая убедиться, что это действительно так, он огляделся по сторонам.— Кто же еще может услышать?

— А в госпитале вы у кого лежали? — неожиданно спросил Аникушин у капитана, хотя смотрел в этот момент документы другого офицера.

— То есть как — у кого? — не понял капитан.

— В каком отделении?

— В третьей хирургии. У майора Лозовского... А вы что, знаете этот госпиталь?

— Немного.

— Он сейчас в Лиде, — сообщил капитан.

Аникушин согласно кивнул головой.

— Откуда вы теперь идете? — продолжал Алехин.

— Из Каменки, — ответил капитан.

— Куда?

— В настоящий момент... в Шиловичи.

— А дальше?

— В Лиду.

Ответы на последние вопросы не противоречили направлению движения проверяемых и давались без малейших задержек. Нежелание говорить, где находится их воинская часть, было объяснимо и объективно не вызывало подозрений.

Сосредоточенно шевеля губами, Алехин продолжал читать документы.

Командировочное предписание, выданное 11 августа капитану Елатомцеву («...и с ним два офицера»), было безупречным. В набранной петитом подстрочной фразе: «(воинское звание, фамилия и инициалы командированного)» после слова «звание» вместо запятой стояла типографская точка, имелись в документе и другие особые знаки.

В графе «Пункт командировки» значилось: «Города Вильнюс, Лида и прилегающие районы»; в графе «Цель командировки» было указано неопределенно-стереотипное: «Выполнение задания командования». «Срок: с 11 по 20 августа». На обороте предписания имелись отметки вильнюсской и лидской этапно-заградительных комендатур.

Держались все трое спокойно, естественно, без какой-либо напряженности в лицах. И все основные документы у них — не только командировочное предписание, но и удостоверения личности — были в совершенном порядке и полностью соответствовали действительным обстоятельствам.

79. ТАМАНЦЕВ

Паша рассчитал все с точностью до полуметра, и, зная по опыту, как это трудно, мысленно я ему аплодировал.

Они остановились прямо перед засадой, и я мог разглядеть всех троих — от бедер и выше.

За плечами у старшего лейтенанта и лейтенанта были вещевые мешки, набитые, судя по округлым очертаниям, чем-то мягким, впрочем, это еще ни о чем не говорило: рации обычно тоже оберты-вают в плащ-палатки и в запасную пару белья.

У капитана было хорошее лицо — сильное, уверенное, но не наглое. И сам он был какой-то спокойный, несуетливый, уверенный — мне такие нравятся.

Второй, старший лейтенант, напомнил мне отчасти балаклавского амбала² — Башку, портового пьянчугу, который, подвыпив, брал глиняные кувшины за ручку и разбивал их о свою голову, к удовольствию таких же, как и он, придурков. Башка был, пожалуй, приземистее и выглядел, разумеется, иначе, но в лицах у них было немало схожего, и этого старшего лейтенанта я для себя тут же окрестил «амбалом».

Третий же, лейтенант, был по виду как из-под штампа — типичный молоденький командир взвода, какой-нибудь Эс Ка³, — я почему-то еще подумал, что если они агенты, то он скорее всего — радист.

Кто они — это должен был теперь в считанные минуты без ошибки определить Паша. Я знал, что ему сейчас в сотни раз труднее, чем нам с Малышом, задача у него несравнимо сложнее, я отлично представлял себе все его напряжение.

Проверяя и оценивая документы, он должен мысленно прокачать установочные данные всех троих и признаки их словесных портретов по тысячам розыскных ориентировок. При этом он обязан все время фиксировать детали и оттенки их поведения, фиксировать игру вазомоторов и нервные реакции, чтобы тотчас уловить слабину, беспокойство и в случае чего подать нам условный сигнал. При этом от него требуется проверить и без ошибки оценить документы, фактуру, реквизит, все особые и достоверительные знаки, а также степень соответствия содержания действительным обстоятельствам.

При этом, чтобы выиграть, растянуть время проверки, он должен с первой и до последней секунды быть в маске, бутафорить: изображать такого простоватого службиста, из деревенских, бдительного, но недалекого тугодума, попавшего в офицеры только благодаря войне. Сейчас такие в армии не исключение.

При этом — в данном случае — он должен прокачать всех троих и на левшу, что тоже отнюдь не просто... При этом, если потребуется, он должен обострить ситуацию... При этом он должен при каждой возможности качать их на косвенных⁴... При этом... Есть еще, пожалуй, десяток «при этом» — того, что он должен, обязан, и я-то прекрасно знал: в такие минуты от напряжения даже у самых крепких волкодавов спина становится мокрой... Лопухаться при проверке документов могут патрули, а розыскник не может, не имеет права лопухнуться...

Я знаками велел Малышу держать лейтенанта. Собственно, еще неизвестно было, придется ли кого-нибудь здесь держать, но боевое расписание обязательно. Оно разграничивает задачи, обязанности и порождает ответственность — с этой минуты я во всех смыслах отвечал за бритоголового капитана и амбала, а Малыш — за лейте-

² Амбал (или амбальный) — портовый грузчик. В более широком смысле — рослый, физически сильный человек.

³ Эс Ка (СК: «связь кончаю») — обычный сигнал, завершающий войсковую радиосвязь. Жаргонное обозначение армейского радиста в отличие от оператора агентурного приемопередатчика.

⁴ Качать на косвенных — в ходе разговора задавать вроде бы безобидные второстепенные, косвенные вопросы, при помощи которых можно незаметно выявить несоответствие ответов проверяемого действительным обстоятельствам.

нанта. Я надеялся на него в пределах его малого опыта и потому поручил ему самого молодого и, как я определил, вернее предполагал, наименее опасного.

80. АЛЕХИН

Кто они и как оказались в лесу?.. Зачем?.. Морщи лоб и шевели губами...

Удостоверение личности... Фактура обложки... Конфигурация... Наименование... Шрифт тиснения... Звездочка... Реквизит содержания... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Серия... номер... Фотокарточка... Голова... губы... подбородок... соответствуют... Печать гербовая... Оттиски... совмещаются... Подпись командира части... натуральна... Гвардии майор... Карпенко... Дата... Чернила... Мастика штемпельная... Фактура бумаги... плотность...

Предъявитель сего... Чубаров... Николай Петрович... состоит на действительной военной службе... Недобрый у него взгляд, очень даже недобрый... Присвоение воинских званий... старший лейтенант... Приказ... номер... ноль тридцать девять... от двадцать седьмого января... сорок четвертого года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Служебное положение... Штатная должность... командир стрелковой роты... Назначен... Приказ... Номер... ноль четыреста двадцать семь... от... пятого ноября сорок третьего года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Скрепка... Награды и особые права... Орден Красная Звезда... Медаль «За отвагу»... Родился... девятьсот тринадцатого года... Уроженец... Калуги... Состав семьи... Близких родственников нет... Призван... Иманским райвоенкоматом... Приморского края... в июне сорок первого... Разрешено ношение оружия... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Гвардии майор... Карпенко... Натуральна... Предыдущей... соответствует... Чернила... Мастика... Ажур!

А правы с финкой на правом бедре... Левша?... Не факт...

Командировочное предписание... Точка вместо запятой... Особые знаки... удостоверительные... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Штамп угловой... Печать гербовая... Подпись... натуральна... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Воинская часть полевая почта 72510... 72510?... Что-то знакомое... Дата выдачи... Десятое августа... сорок четвертого года... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Вильнюс, Лида и прилегающие районы... Цель командировки... Выполнение задания командования... Срок... десять дней... с одиннадцатого августа... по двадцатое... Основание: приказ командира вэ-чэ 72510... Для проезда выданы требования на перевозку за номерами... Действительно по предъявлении удостоверения личности номер... Командир части... Полковник Ляпин... На обороте... Отметки комендатур... Вильнюс... тринадцатое... Лида... пятнадцатое... Вильнюс... тринадцатое... Лида... тринадцатое... Интересно, где они были двенадцатого и четырнадцатого?.. Где они были сегодня ночью?.. Штампы... Чернила... Мастика... Для прочих отметок... Старший лейтенант Чубаров... Лейтенант Васин... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Ажур!

Хорошо держатся, спокойно... Это не украинский говор, нет!.. А у этих двух?..

Удостоверение личности... Конфигурация... Фактура обложки... Наименование... Шрифт... Звездочка... Реквизит содержания... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Звездочка... Серия... Номер... Фотокарточка... Голова... нос... губы... подбородок... соответ-

ствуют... Печать гербовая... Оттиски... совмещаются... Подпись командира части... натуральна... Подполковник... Романов... Дата... Чернила... Мاستика... Фактура бумаги... плотность... Хорошее у него лицо (хоть он и недоволен), приятное...

Предъявитель сего... Елатомцев... Алексей Павлович... состоит на действительной военной службе... Присвоение воинских званий... старший лейтенант... Приказ... номер ноль двадцать четыре... от девятого февраля сорок третьего года... капитан... Приказ... номер ноль семь... от одиннадцатого января сорок четвертого года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мاستика... Служебное положение... Штатная должность... командир стрелковой роты... Приказ... номер ноль двести шестнадцать... от тридцатого ноября сорок второго года... Назначен... начальник штаба батальона... Приказ... Номер ноль двести пятьдесят один... от двадцать седьмого декабря... сорок третьего года... Печать гербовая... Подпись командира части... натуральна... Чернила... Мастика... Скрепка... Награды и особые права... Орден Красного Знамени... Орден Отечественной войны первой степени... Медаль «За оборону Москвы»... Родился... девятьсот восьмого года... Уроженец станицы Лабинской... Состав семьи... Жена Елатомцева Надежда Ивановна... Майкоп... Призван Майкопским военкоматом... в марте сорокового года... Кадровый... Разрешено ношение оружия... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Подполковник Романов... натуральна... Предыдущим... соответствует... Чернила... Мастика... Ажур!

Справка госпиталя... В удостоверении — случайно или умысленно?... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Особые знаки... удостоверительные... Форма номер шестнадцать... с наклоном... Штамп угловой... Эвакогоспиталь 2215... Это Лида!.. Капитан Елатомцев... Алексей Павлович... находился на излечении... с тридцатого апреля... по четвертое августа... 2215 до конца июля был в Вязьме... Достоверно?... Вполне... Только «Неман» выходил в эфир еще в июле, а он до четвертого августа лежал в госпитале... Вот так!.. по поводу... проникающее осколочное ранение правой половины грудной клетки... травматический пневмоторакс... 2215 — торакальный⁵... соответствует... Срок пребывания... диагнозу... соответствует... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Ранение связано с пребыванием на фронте... Получено при защите СССР... Врачебной комиссией признан по статье... расписания болезней приказа НКО СССР... годным к строевой службе без ограничений... Начальник госпиталя... Подполковник медслужбы... Кудинов... Подпись... натуральна... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Типография «Красное знамя», Москва... Суцевская, 21 Заказ 2345... соответствует... Ажур!

Это южнорусский говор!..

Елатомцев Алексей... Качай его, качай!.. Если они агенты, то он наверняка старший... Он опытнее и больше шансов, что уже проходил по розыску...

Рост... выше среднего... Телосложение... среднее... плотное... Лицо... овальное, чистое... Лоб... средний... прямой... Брови... дуговые... Нос — средний... прямой... Глаза голубые... Волосы светлые... Уши... овальные... с выпуклым противокозелком... Шея — мускулистая... средняя... Плечи прямые... чуть вислые... Все прямое, все среднее... Невесело!..

Особенности... Говорит с южнорусским акцентом... И, пожалуй... кривоватые ноги... Южнорусский говор!.. Быстрее!..

⁵ Торакальный — госпиталь грудной хирургии.

Коновалов?.. У Коновалова утиный нос... Головатенко... Татуировка на кисти левой руки... Яковлев Иван?.. Короткая верхняя губа... Мазанов?.. Пойман!.. Степаков?.. Высокий, худой, с выступающим кадыком... Шимко?.. Брюнет!.. Федулов?.. Брови извилистые, широкие, заметно косит... Елисеев?.. Иваницкий?.. Сердюк?.. Нетребин?.. Гуляев?.. Орлов Василий?.. Терентьев?.. Лисецкий?.. Поминов?..

Удостоверение личности... Конфигурация... Фактура обложки... Наименование... Шрифт... Звездочка... Реквизит содержания... Филиппенко?.. Прямые брови и карие глаза... Особые знаки... удостоверительные... Шрифты текста... Звездочка... Серия... номер... Фотокарточка... Голова... лоб... переносица... подбородок... соответствуют... Совсем молодой... Печать гербовая... Оттиски... совмещаются... Начальник Ташкентского Краснознаменного пехотного училища... Генерал-майор... Антипин... Подпись... натуральна... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность...

Предъявитель сего... Васин.. Васин?! Тот постарше... Михаил Сергеевич... состоит на действительной военной службе... Бразуль?.. Ромбовидное лицо и картавость... Присвоение воинских званий... Лейтенант... Приказ САВО... Номер... сто девять... от семнадцатого июля... сорок четвертого года... Свежеиспеченный... И обмундирование поновее... Печать гербовая... Фомин?.. Ниже ростом, плечи приподнятые... Подпись... натуральна... Начальник училища... Генерал-майор... Чернила... Мастика... Барыльников?.. Скошенный лоб и оттопыренные уши... Служебное положение... Не назначался... Скрепка... Награды и особые права... Родился... двадцать третьего года... А тот, Васин?.. девятьсот одиннадцатого... Уроженец Москвы... А тот?.. Вологодский... Состав семьи... Мать Васина Зинаида Петровна... В эвакуации... Казань... Призван Сокольническим райвоенкоматом... в сентябре сорок первого... Разрешено ношение оружия... Калмыков?.. Сутуловатый, с двумя оспинами вправо от носа... Личная подпись... натуральна... Печать гербовая... Подпись командира части... Начальник училища... Генерал-майор... натуральна... Предыдущей... соответствует... Чернила... Мастика...

Хорошо они держатся... Или это свои, или у них много раз проверяли документы и они уверены в полной надежности... Вэ-чэ 72510... 72510?.. Быстрее!..

Южнорусский говор... Чугунов?.. Серые глаза, подбородок узкий... Алтунин?.. Пойман!.. Степанюк?.. Выше ростом, плечи горизонтальные... Попов?.. Нос большой, с горбинкой... Федулов?.. Был!.. Базилевский?.. Рыбников?.. Демкин?.. Махов?.. Якубин?.. Козырев?.. Проценко?.. Дроздовский?..

Определенно кривоватые ноги... Качай!.. Когда и как они попали в лес?.. Неужели их просмотрели на опушке?.. Или они приехали еще до рассвета?.. Скорее второе... Но тогда... Не факт!.. Что же они делают в лесу?..

Южнорусский говор и слегка кривые ноги!.. Думай!.. Думай быстрее и не молчи!..

81. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Кольбанову

На № от 19.08.44 г.

Подготовка мероприятий, проведение которых намечено параллельно с войсковой операцией в Шиловичском лесу, осуществляется самым активным образом и может быть завершена:

- а) по варианту «Западня» к 17.30;
 - б) по варианту «Большой слон» к 21.00;
 - в) по варианту «Прибалтийское танго» не ранее 0.30 20 августа.
- Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 19 августа, в 11.35 двое неизвестных в офицерской авиационной форме, проникшие на гродненский военный аэродром, захватили подготовленный к учебно-тренировочным полетам истребитель спарку УТИ «ЛА-5». При этом ими был убит техник-лейтенант Алиев, пытавшийся предотвратить захват.

Несмотря на меры, предпринятые тремя шоферами 904-го БАО, выгнавшими свои бензозаправщики на летное поле, и стрельбу по самолету из пистолетов и карабинов, неизвестным удалось поднять машину в воздух и взять курс на северо-запад. Открытый с опозданием зенитно-пулеметный огонь результата не дал.

Согласно команде, переданной по радио, звено истребителей, находившееся в воздухе восточнее Сувалок, перехватило угнанный самолет и пулеметными трассами сбоку предложило ему изменить курс для возвращения на аэродром. Ввиду отказа подчиниться открытым после этого огнем на поражение спарка была погбита, загорелась и, потеряв высоту, врезалась в лес западнее Кросна, в 12—14 км от линии фронта.

В район падения самолета направлены поисковые группы, в составе которых офицеры контрразведки и авиационные специалисты.

Дежурный по аэродрому капитан Рудаков и комендант старший лейтенант Мякишев командованием от занимаемых должностей отстранены. Со всем личным составом частей, дислоцированных на гродненском аэродроме и других аэродромах 1-й и 4-й воздушных армий, проводятся беседы о необходимости постоянной ужесточенной бдительности. Охрана аэродромов по периметру увеличена вдвое, выход на летное поле строжайше контролируется, на местах стоянки самолетов и ко всем капонирам выставлены усиленные наряды, вооруженные автоматами и ручными пулеметами для круглосуточного охранения.

Нами и параллельно командованием проводится тщательное расследование. Выяснилось, что неизвестные, захватившие самолет, проникли на аэродром еще вчера вечером, предъявив на КПП форменные офицерские удостоверения личности и направление из отряда кагров 1-й воздушной армии, оказавшееся, как установлено произведенной проверкой, поддельным.

Как явствует из показаний сержанта Павлова, проверявшего на КПП документы у неизвестных, они по некоторым признакам словесного портрета имеют сходство с проходящими по чрезвычайному розыску агентами, причем один из них, говорящий с заметным украинским акцентом, предъявлял удостоверение личности на фамилию Панченко или Пащенко. Таким образом, есть основания полагать, что лица, захватившие самолет, являются разыскиваемыми по делу «Неман» агентами, которые после выполнения задания абвера попытались вернуться в Германию.

Подробное сообщение о захвате и угоне спарки УТИ будет вам направлено в порядке, установленном для донесений о ЧП, незамедлительно.

Красноглазов».

82. ПРОВЕРКА

— А еще какие-нибудь документы у вас есть? — спросил Алехин.
— А этих что, недостаточно? — удивился старший, с погонями капитана.

— В городе бы достаточно, а тут... не совсем... Маловато!.. Тут, знаете, по лесам банд полно и дезертиры ходят...

— Вы что же, нас считаете дезертирами или даже бандитами? — с заметной обидой и в то же время улыбаясь при мысли о столь нелепом предположении, осведомился капитан.

— Никак нет... — засмутился Алехин. — Просто, знаете, как говорится, семь раз проверь, а потом поверь!.. Бдительностью дело не испортишь!

— Понятно! — сказал капитан. — Извините, но вы нас проверяете, а кто вы сами, я, например, не знаю.

— Мы тоже из комендатуры, — говоря о себе во множественном числе и простодушно улыбаясь, сообщил Алехин. — Дежурный помощник... А также секретарь парторганизации, — со значением добавил он и сделался серьезным. — Вот, пожалуйста...

При этом он достал из нагрудного кармана гимнастерки свое комендантское удостоверение, которым ему разрешалась проверка всех военнослужащих, а также гражданских лиц в полосе фронта, и вручил его капитану. Тот, развернув листок, рассматривал внимательно с полминуты, затем, возвратив, вынул из кармана брुक потерянный кожаный бумажник и, раскрыв его, осведомился:

— Что вас интересует?.. Расчетная книжка... вещевая... продовольственный аттестат... партийный билет... наградные удостоверения...

— Давайте... — не отвечая по существу, сказал Алехин и, как бы оправдываясь за свой вынужденный интерес к документам проверяемых, пояснил: — Закон порядка требует... Служба есть служба!

Он взял вынутые капитаном из бумажника документы и, наморщив лоб, принялся их читать, сразу передав часть Аникушину.

Он намеренно отрекомендовался секретарем парторганизации, чтобы иметь большие основания в случае предъявления посмотреть партийные билеты и как бы невзначай мотивировать свою активность, поскольку Аникушин после ознакомления с основными документами проверяемых, несмотря на договоренность, вел себя пассивнее, чем ему надлежало, и Алехину уже пришлось действовать за него.

Впрочем, сейчас помощник коменданта добросовестно и скоро просмотрел переданные ему документы и возвратил их Алехину. Тот, в свою очередь, протянул ему расчетную книжку капитана, которую Аникушин взял уже без желания, так, по необходимости; проверка продолжалась.

Обнаружив под партийным билетом сложенный вдвое затасканный конверт, Алехин развернул его и, увидев, что это письмо, возвращая капитану, строго сказал:

— Возьмите... Нам не положено...

Ознакомься позже с аттестатом, он справился у капитана:

— А дополнительный паек вы где получили?

— У себя, в части.

— А табачное довольствие?

— Я?.. Еще в госпитале.

— В Лиде?

— Нет, в Вязьме,— спокойно сказал капитан.— Нас... выздоравливающих офицеров, в Лиду не перевозили, выписывали прямо в Вязьме...

— А у вас, эта... какие еще документы есть? — обратился Алехин к двум другим офицерам.

Старший лейтенант, не вымолвив и слова, неторопливо расстегнул нагрудный карман гимнастерки, достал свои документы и протянул их Алехину. То же самое вслед за ним сделал и лейтенант. Документы последнего Алехин тут же передал Аникушину; тот молча взял, но оказавшийся сверху комсомольский билет лейтенанта, даже не раскрыв, тотчас возвратил Алехину.

Развернув сложенный вчетверо белый листок — справку о ранении,— Алехин, улыбаясь, заметил старшему лейтенанту:

— А мы с вами, как говорится, эта... земляки... В одном госпитале лежали... Я ведь там тоже... около месяца... по болезни...

Он снова посмотрел на справку и, чуть помедля, доверительно сообщил:

— У меня там в госпитале женщина была... Повариха!.. Красивая и гладкая, одно слово — краля! И солидная, как генеральша! Во!.. — Он широко развел руками на уровне бедер, показывая «солидность» поварихи, и лицо его сделалось мечтательно-довольным.— Достоянная женщина!.. Может, знаете, Лизавета, младший сержант?

— Нет, не знаю,— после некоторой, пожалуй, излишне затянутой паузы угрюмо сказал старший лейтенант.— Я поварихами не интересовался!

— Оно так... оно верно... — понимающе вздохнул Алехин и опять уставился в документы.

Дойдя немного погодя до комсомольского билета, он с улыбкой спросил лейтенанта:

— А подполковнику Васину из штаба фронта вы, случаем, эта... не родственник?

— Нет,— проговорил лейтенант и слегка покраснел.

— А крепко на него машете! Я так подумал: может, он вам брат или, значит, дядя! Он ведь тоже — Сергеевич! Отличный мужик!.. А голова, знаете, прямо как у генерала! Мы с ним в Смоленске не раз сживали,— похвастал Алехин, выразительно щелкнув себя пальцем по шее.— Он меня, как встретит, всегда спрашивает: «Ну как дела, комендатура?..» А я ему: «Пока живой!» А он мне, понимаете, обязательно: «Да что тебе поделается? Вас, тыловых крыс, из пушки не прошибешь!..» Шутник!

Алехин от души рассмехался, потом, словно вспомнив о своих служебных обязанностях, сделался серьезным и, шморгнув носом, снова принялся смотреть документы.

83. АЛЕХИН

Чего же он молчит?.. Он что, забыл?.. Спроси сам!.. Спокойнее... Играй!.. Попроще... Фиксируй лица!.. Так... Вазомоторами и не пахнет... Проверки они не боятся... Что же, естественный вопрос... Представься... Хорошее у него лицо... Документов у них достаточно... Кто же они?.. И что делают в лесу?.. Шевели губами...

Расчетная книжка начальствующего состава... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Серия... Номер... Достоверны... Елатомцев Алексей Павлович... Капитан... Выслуга лет на должностях начальствующего состава... Наименование должности... Штатно-должностной оклад...

Надбавка за выслугу лет... Выданы аттестаты... На семью... Личная подпись... натуральна... Командир части... Подполковник... натуральна... Начфинчасти... Старший лейтенант... натуральна... Печать гербовая... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Дахно?.. Толстые, выворотные губы... Отметки о произведенной выплате... Месяцы... Удержания... За заем... По аттестату... Выплата полевых денег... По месяцам... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Отметки о перемещении военнослужащего и об изменениях... Наименование части... Штатно-должностной оклад... Удержания по аттестату... на семью... Начфинчасти... Старший лейтенант... Подпись... натуральна... Предыдущей... соответствует... Печать гербовая... Чернила... Мастика... Данные об аттестатах на семью... Жена Елатомцева Надежда Ивановна... Майкоп... Отметки о начетах и удержаниях... Скрепка... Разные отметки... Контрольные талоны... Август... Сентябрь... Водяные знаки... Ажур!

Воинская часть 72510... Что-то очень знакомое... 72510?.. Южно-русский говор и кривоватые, как у кавалеристов, ноги... Быстрее!..

Майданников?.. Черные глаза... Денисенко?.. Выраженная асимметрия лица... Нечаев?.. Брюнет... Белов?.. Нос большой, толстый, с опущенным основанием... Ревякин?.. Доманов?.. Фесенко?.. Горбач?.. Никитин?..

Партийный билет... Фактура обложки... Конфигурация... Цвет... Тиснение... Пролетарии всех стран, соединяйтесь... Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков... Секция Коммунистического Интернационала... Реквизит содержания... Шрифты текста... Удостоверительные знаки... Фотокарточка... Голова... нос... губы... подбородок... соответствуют... Печать... Оттиски... совмещаются... Начальник политотдела... Подпись... натуральна... Спецчернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Водяные знаки... Защитные приспособления... Текст... Елатомцев... Алексей Павлович... Время вступления в партию... Октябрь сорок второго... Достоинно... Наименование организации, выдавшей билет... Политотдел 257-й стрелковой дивизии... Личная подпись... натуральна. Уплата членских взносов... Должностной оклад... Подпись секретаря... Октябрь... Ноябрь... Взводный... Декабрь... повышение... Стал командиром роты?.. Суммы взносов... соответствуют... Штampы... Подписи... Сорок третий год... Должностной оклад... Членский взнос... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Август... С августа другой штамп и другая подпись... Убыл в госпиталь?.. В другую часть?.. Сентябрь... Октябрь... Ноябрь... Опять изменение... Очевидно, был в госпитале... Но в свою часть уже не попал... Достоверно?.. Вполне... Декабрь... Суммы взносов... соответствуют... Штampы... Подписи... Сорок четвертый... Январь... Увеличение оклада... получил повышение... До января был ротным... Достоверно?.. Вполне... Данным удостоверения личности... соответствует... Февраль... Март... Апрель... С мая изменение... Май, июнь, июль... в госпитале... Август — еще не уплачен... Штampы... Подписи... Скрепка... Ажур!..

Воинская часть 72510... 72510... Явно прищуривает глаза... Хорошо они держатся... Кто же они — действительно свои офицеры или мнимые?

72510... Это — фронтовой ОПРОС⁶!.. Новая Вильна... Там десять километров от Вильнюса, а отметка комендатуры только через двое суток?! Могли сразу не отметиться... Или были в «прилегающих районах»...

Вещевая книжка командира Красной Армии... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания...

⁶ ОПРОС — отдельный полк резерва офицерского состава.

Знаки удостоверительные... Шрифты текста... Печать гербовая... Начальник обозно-вещевого снабжения... капитан... подпись... натуральна... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Управление 257-й стрелковой дивизии... Елатомцев... Алексей... Павлович... лейтенант... октябрь сорок второго... соответствует... Личная подпись владельца... натуральна... Вещевое имущество... Наименование... Время выдачи... Количество... Время списания... Пилотка суконная... Пилотка хэбэ... Фуражка... Шапка-ушанка... Шинель... Гимнастерка хэбэ... Время выдачи... Время списания... Сроки носки... соответствуют... Шандыбин?... Подбородок с ямкой, родинка у правого уха... Гимнастерка суконная... Шаровары хэбэ... Шаровары суконные... Рубаха нательная... Кальсоны нательные... Портянки летние... Полотенце хэбэ... Время списания... Сроки... соответствуют... Сапоги яловые... Жилет меховой... Шаровары ватные... Рубаха теплая нижняя... Кальсоны теплые... Перчатки зимние... Рукавицы меховые... Портянки зимние байковые... Портянки суконные... Полушубок... Валенки... Время сдачи... В госпиталь он попал в апреле... Соответствует... Ремень поясной... Ремень брючный... Кобура... Сумка полевая... Вещмешок... Компас... Бинобль... Размеры... Рост — третий... Шинель... пятьдесят второй... Шапка — пятьдесят восьмой... Сапоги — сорок первый... Морозов?... Лицо узкое, лоб выступающий... Типография «Красный пролетарий»... Москва... Заказ... сто пятьдесят пять... Ажур!

Глаза с прищуром... Журавлев Егор?... Кончик носа вздернут... Лукомский?... Нижняя губа отвислая... Стрельчук?... Пойман!... Бизяев?... Кареглазый, брови дуговые... Шинкаренко?... Верховский?... Манохин?..

Временное удостоверение... номер... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Особые знаки... удостоверительные... Печать гербовая... Подписи... натуральны... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Лейтенант Елатомцев Алексей Павлович... Приказом войскам Калининского фронта № 0306 от двадцать восьмого августа сорок второго года... За образцовое выполнение боевых заданий командования... на фронте борьбы с немецкими захватчиками... награжден орденом Красное Знамя... Орден за № 34871... Начальник штаба 257-й стрелковой дивизии... подполковник... Военком штаба дивизии... Батальонный комиссар... Пятое сентября сорок второго... Номер ордена... периоду выдачи... соответствует... Ажур!..

Глаза с прищуром! Быстрее!.. Кошевой?... Глаза карие, бородавка... на левой щеке... Алексеев?... Сросшиеся брови, противозазелок вогнутый... Скаба?... Пойман!.. Игнатов Василий?... Брюнет!.. Ревякин?... Бойчевский?... Лысенко?... Гурьянов Денис?... Польшин?... Мищенко?..

Мищенко?! Южнорусский говор... кривоватые, как у кавалеристов, ноги... глаза с прищуром... Неужели Мищенко?! Словесный портрет... пожалуй... Но тот, наверно, все же внушительней... Мищенко — девятьсот пятого... Ему тридцать девять... А этому?... тридцать пять?... Сорок?... Неужели Мищенко?! Быстрее!!!

84. ТАМАНЦЕВ

Я следил за двумя своими подопечными, поглядывал и на лейтенанта, но ничего представляющего интерес уловить не смог.

Все трое держались естественно, невозмутимо, держались как свои, как люди, которым нечего бояться и только разве жаль тратить время на эту никчемную проверку.

Поглядывал я и на Пашу и не мог мысленно ему не аплодировать. В такие минуты особенно ощущаешь, что ты перед ним мальчишка, щенок и не более. В такие минуты отчетливо осознаешь, что ты перед ним всего лишь скорохват, но не больше.

Надо было видеть его простодушное лицо и доверчиво-непонятливый взгляд, когда он задавал вопросы или же то просил и брал, то вдруг внезапно совал им назад документы, и снова брал, и опять возвращал. Последнее делалось для того, чтобы выявить, нет ли среди них левши, причем исполнялось Пашей с виртуозной натуральностью, но этим троим и помощнику коменданта он наверняка казался недоумком, если и не полным дураком, то, несомненно, дубоватым и упрямым деревенским простофилей.

Я сжал зубы, чтобы не фыркнуть от смеха, когда он доверчиво сообщил проверяемым о своей «полюбовнице», поварихе госпиталя, и показал, какой у нее зад. И тут старший лейтенант ответил с очевидным промедлением, хотя вопрос был простенький и вообще-то раненый, лежавший в госпитале, может и не знать там всю обслугу и всех поварих — это тебе не медсанбат.

Я не мог себе представить, как Паша оценил эту несомненную задержку в совокупности со всеми другими фактами, только знал по опыту: на таких вот безобидных вроде бы вопросах вражеские агенты сыплются чаще, чем на документах. Потому что в рамках легенды они заучивают и запоминают сведения о командном составе частей и соединений, в которых якобы служат, о начальстве госпиталей, где якобы лежали, запоминают внешность и даже особенности характера старших офицеров и генералов, а вот запомнить всевозможных рядовых, различных писарей и поваров или госпитальных нянюшек и медсестер практически невозможно. И что тут ответить с ходу, когда тебя спрашивают?.. Сказать: «Знаю» — а вдруг это вопрос-ловушка и никакой поварихи Лизаветы там нет? Сказать: «Не знаю» — а если это опять же ловушка и Лизавета — местная знаменитость и не знать ее просто невозможно?

Я от души радовался и забавлялся, наблюдая, как великолепно он придуривается. Конечно, так бутафорить, так играть сумел бы, наверное, каждый хороший актер-профессионал, но дай ему ту нагрузку на извилины, какая была сейчас у Паши, дай ему все Пашины обязанности в эти минуты и задачи — и от его игры остались бы (будь он хоть Шаляпин!) одни воспоминания.

Поговору бритоголового я определил — земляк, южанин. Откуда-нибудь с Северного Кавказа, из Ростова или с Кубани, может, даже, как и я, — из Новороссийска. Славная у него была физиономия, и вообще он мне нравился. Крепкий, сбитый, что называется, ядреный, и держался он достойно, несуетливо.

На всякий случай я их уже прокачал, прикинул для всего, что могло последовать. По силе и он и амбал мне, наверно, не уступали, в бегу же я их достал бы без труда и в остальном тоже, наверно, превосходил.

И тут я вспомнил, что точно так же на рассвете каких-нибудь двенадцать часов назад прикидывал Павловского и что затем произошло, и от стыда мне сделалось жарко. Вот уж действительно — не говори гоп, не перепрыгнув!

А «перепрыгнуть» — в данном случае поймать разыскиваемых — мечталось очень многим.

Дела, взятые на контроль Ставкой, бывают не каждый месяц и не каждое полугодие. Я знал, что к розыску и проверке привлечены тысячи людей, задействованы многие сотни оперативных групп, и хорошо представлял, что сейчас творится в полосе двух фронтов от

передовой и на всю глубину оперативных тылов. Предельный режим: хватай мешки — вокзал отходит!⁷

Безусловно, каждый из этих тысяч мечтал только об одном: поймай!.. Любыми усилиями, любой ценой! Но я верил в Эн Фэ и не сомневался, что мы окажемся на острие розыска и шансы у нашей группы будут наверняка преимуществовые.

Впрочем, шансы шансами — это еще не результат, а вот результатом как раз здесь пока что и не пахло.

Я не знал, что там у них в документах, я фиксировал лица, а они были такие спокойные, уверенные — ни игры вазомоторов, ни малейших нервных реакций, — что у меня уже портилось настроение. Вообще-то при обнюхивании агентуры органолептика редко что-нибудь дает, но когда у проверяемых такие лица, то, как правило, на девяносто пять процентов можешь быть уверен — пустышку тянешь!..

С документами Паша заканчивал, но никаких условных сигналов не подавал. Глаз у него цепкий, наметанный, и если бы там обнаружился какие-либо накладки или несоответствия, он бы не упустил и немедленно прозвучало бы: «Не могу понять...» («Внимание!»). Однако все документы, очевидно, были без единого изъяна, и я с нетерпением ожидал последующего: как эти трое станут реагировать на досмотр их личных вещей?..

85. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!»

Егорову

В представленных вами донесениях не подтверждено прибытие 19 служебно-розыскных собак с проводниками, отправленных специальным самолетом из Ленинграда в Вильнюс.

Проверьте и немедленно доложите.

Кольбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Шаповалову

Задержанных вами по делу «Неман» ошибочно сотрудников НКГБ Белоруссии капитанов Борисенко и Новожилова, выполняющих под видом находящихся в командировке офицеров Красной Армии специальное особой важности задание командования по радиоигре, немедленно освободите и в случае надобности обеспечьте автомашиной или любой другой помощью.

Армейское командировочное предписание Борисенко и Новожилова, в котором датой выдачи указано 3 августа, оформлялось в воинской части 62035 27 июля, то есть до введения в действие нового условного секретного знака.

Поляков».

⁷ Предельный режим (или «держат предел») — проведение в оперативных тылах активных розыскных и самых ужесточенных контрольно-проверочных и заградительных режимных мероприятий по максимальному варианту. Предельный режим практически обязателен при чрезвычайном розыске, когда к его осуществлению привлекаются, кроме военной контрразведки, территориальные органы, войска по охране тыла фронта, комендатуры, армейские подразделения, а также личный состав истребительных батальонов и службы ВАД. В напряженной обстановке предельного режима неизбежны нервозность и ошибочные задержания (по сходству, из-за стечения подозрительных обстоятельств и т. п.), отчего розыскники относятся к нему весьма неодобрительно.

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Егорову

Сообщаю, что оперативный состав и маневренная группа, посланные в район пуши Рудницкого для прочесывания и обыска указанной Вами территории, в 13.06 наткнулись на банду численностью свыше двухсот человек предположительно аковцев, вооруженных, кроме винтовок и автоматов, шестью станковыми пулеметами МГ и немецкими ротными минометами.

В результате боестолкновения имеются убитые и раненые с обеих сторон. Наши потери 29 человек, в числе погибших представитель ГУКР «Смерш» капитан Затуловский и командир маневренной группы войск по охране тыла фронта подполковник Комаров.

Нами немедленно были затребованы и на автомашинах переброшены к пуше Рудницкого подержки из частей Красной Армии, и к 15.20 район боестолкновения надежно блокирован. В настоящий момент расположение бангруппы, занявшей круговую оборону, подвергается интенсивному пулеметно-минометному обстрелу. В течение ближайшего часа, как только сопротивление противника будет подавлено, сейчас же приступим к выполнению Вашего распоряжения о прочесывании и обыске указанной Вами территории.

О результатах донесу незамедлительно.

Куликов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!»

Григорьеву

Задержанных вами Самохина и Кривцова, имеющих несомненное сходство с фигурантами чрезвычайного розыска, необходимо срочно доставить в Лиду.

Немедленно препроводите обоих под надежной охраной на аэродром подскока № 6 северо-западнее Поречья, где в ближайшие полчаса совершит посадку высланный нами «Дуглас» (бортовой — 51).

Поляков».

86. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

Выходя с Алехиным из-за деревьев навстречу трем неизвестным, он был настроен самым серьезным образом и сосредоточенно повторял про себя свои предстоящие действия и обязанности.

Всей первой половиной дня, тремя инструктажами и увиденным на аэродроме он был подготовлен к чему-то важному, ответственному, чрезвычайному. А все оказалось заурядным и обыденным.

Если объективно документы у проверяемых были в полном порядке, то лично для него, Аникушина, при проверке, по стечению обстоятельств, обнаружились немаловажные, весьма убедительные факты:

командировочное предписание, помимо особых знаков и секретного (точки вместо запятой), — о чем только вчера сообщил гарнизонный особист — имело также на обороте столь знакомые фиолетовые отметки с печатями Вильнюсской и Лидской комендатур и его, капитана Аникушина, собственноручную подпись; если даже допустить, что он мог ошибиться и что-либо просмотреть, то Вильнюсская комендатура в приказах ставилась в пример другим отменным качеством

проверки документов, бдительностью личного состава и большим количеством задержаний — уж там бы не оплошали;

справка о ранении, случайно оказавшаяся в офицерском удостоверении у Елатомцева, была выдана тем самым эвакуогоспиталем, в котором он, Аникушин, весной лежал. Госпиталь тогда находился в Вязьме, впоследствии его передислоцировали за наступающим фронтом в Лиду, туда же перевезли и выздоравливающих раненых, подлежащих скорому возвращению в строй, так что все указанное в документе полностью соответствовало действительным обстоятельствам.

Аникушин выписался в середине июня, а Елатомцев спустя полтора месяца, лежали они в разных отделениях, но в справках о ранении у них красовались совершенно одинаковые, весьма характерные, с замысловато-неповторимым росчерком подписи начальника госпиталя подполковника медслужбы Кудинова.

По стечению обстоятельств и ранения у них были довольно сходные: у обоих проникающая правой половиной грудной клетки, у обоих с травматическим пневмотораксом, только у Елатомцева — осколочное, в Аникушина же попала автоматная очередь, причем одна из четырех пуль застряла в верхушке легкого, извлечь ее не смогли или из-за близости подключичной артерии не решились, этот злополучный кусочек металла и обуславливал ограничение годности.

То, что Аникушин не знал Елатомцева в лицо, было неудивительно: всего в четырех отделениях находилось до тысячи человек, к тому же третья хирургия располагалась отдельно, в другом здании.

А вот названного Елатомцевым начальника третьего хирургического отделения майора Лозовского Аникушин знал. Лозовский был известный ленинградский хирург и заядлый меломан, напевавший, как говорили, даже во время операций.

Чуть ли не каждый вечер после ужина он устраивал в столовой своего отделения час классической музыки: приносил для проигрывания пластинки из своей коллекции, в том числе и с ариями из опер в исполнении Шаляпина, Собинова и других знаменитых певцов.

Аникушин, как только ему разрешили вставать, приходил туда непременно; он помнил, как Лозовский, полноватый, с залысинами и бородкой клинышком брюнет, садился где-нибудь в углу и, слушая музыку, покачивал в такт головой.

Конечно, упоминание фамилии Лозовского и такая памятная характерная роспись начальника госпиталя, детали, столь убедительные для Аникушина, Алехину ничего не говорили, да и не могли, наверно, сказать. Во время проверки документов Аникушин увидел особиста как бы заново: недалекого, постыдно медленно соображавшего, читавшего про себя по складам и не умевшего даже скрыть своей бестолковости. Он то брал документ, то вдруг, не проверив, возвращал (дважды не тому, у кого взял!), погодя, словно что-то вспомнив, опять брал и опять возвращал. Повторяемые им на каждом шагу «знаете», «понимаете», «так», «эта», «значит» подчеркивали скудость его речи и неповоротливость тупого мышления: пока он с трудом осилил один документ, Аникушин самым внимательным образом просмотрел целых три.

То, что до проверки он не казался столь примитивным, объяснялось просто. По дороге от опушки и здесь, на поляне, он в основном инструктировал, наставлял, то есть повторял привычные штампованные фразы, говорил то, что ему уже приходилось высказывать, должно быть, десятки, если не больше, раз. К тому же Аникушин, занятый своим — Леночкой и предстоящим вечером, — слушал его по необходимости, только в рамках уяснения своих обязанностей на сегодняшний день и, разумеется, не анализировал его речь.

Теперь же приходилось думать, оценивать, и потому вся мыслительная убогость Алехина сразу стала очевидна. Вылезло наружу и его нелепое упрямство. Аникушин знал, что такие люди никогда не признаются в своих ошибках и в несостоятельности своих подозрений.

Второстепенные документы — вещевые и расчетные книжки, производственные аттестаты, проездные литеры и различные справки — как в комендатуре, так и при патрульной проверке тоже спрашивали, но только в тех случаях, когда основные документы вызывали какие-либо сомнения.

Здесь же удостоверения личности и командировочное предписание были безукоризненными, и требовать предъявления других документов не имелось, по разумению Аникушина, никаких оснований, потому он и не стал это делать и был рад, что Алехин обошелся без него.

Спрашивать же партийные документы по комендантским постановлениям вообще не рекомендовалось, делалось это в исключительных случаях, при наличии веских оснований, и Аникушин к партийному билету даже не прикоснулся. Когда же Алехин, не моргнув и глазом, раскрыл его и принялся проверять, Аникушин, скосив на секунды взгляд, отметил немаловажное обстоятельство: Елатомцев вступил в партию в октябре сорок второго года, в самое, наверно, тяжкое для страны время.

И такого офицера, заслуженного фронтовика, в прямом смысле слова грудью защищавшего Отечество, участника обороны Москвы, самого дорогого Аникушину города, Алехин мог по-прежнему в чем-то подозревать и, очевидно, намеревался еще и обыскивать — с каждой минутой в Аникушине нарастало несогласие с действиями особиста и желание или потребность как-то выказать свое неодобрение, свое сугубо отрицательное отношение к происходящему.

Отец неоднократно говорил ему и погибшему младшему брату, что каждый отвечает прежде всего перед самим собой и потому сам себе главный судья. Отец учил, что в сложных, требующих самостоятельного решения ситуациях советский человек должен поступать так, как ему подсказывает его совесть и его убеждения.

Этому наказу на войне Аникушин следовал неукоснительно и во всех случаях в конечном итоге оказывался прав.

Самый впечатляющий пример правильности и мудрости отцовского наставления он получил два года назад, в тяжелую пору, когда армия, потерявшая в непрерывных боях более половины личного состава, ожесточенно сопротивляясь и отстаивая до последнего каждую позицию, отходила к Волге.

Немцам удалось разрезать их дивизию на несколько частей, и он, Аникушин, с остатками батальона очутился в группе из полутора сотен бойцов, окруженной со всех сторон на пересечении двух степных шоссе дорог.

Он оказался вторым по занимаемой должности и званию командиром и вместе с капитаном из соседнего полка, бывалым фронтовиком, имевшим за первый год войны, когда наградами никого не баловали, два ордена Красного Знамени, поспешно организовывал круговую оборону.

Несмотря на ранения в голову и плечо, капитан был энергичен, блестяще ориентировался и командовал в боевой обстановке, его смелости и хладнокровия хватало бы на десяток фронтовиков. После нескольких часов совместных действий Аникушин буквально влюбился в него и благодарил судьбу, что в трудный час она свела его с таким человеком.

Они поклялись друг другу, что не отступят, не уйдут отсюда живыми; бойцы окапывались, сознавая, что для большинства из них это последний в жизни рубеж, отрывали траншеи полного профиля, когда вечером по радио был получен совершенно неожиданный приказ: всем частям дивизии оставить технику и боеприпасы, которые невозможно взять с собой, и форсированным маршем, не ввязываясь в бои (чтобы сохранить личный состав), немедленно отходить на восток, к Волге.

Кажется, все было ясно и не требовало размышлений, но Аникушин после недолгого раздумья заявил капитану, что без письменного приказа с печатью и подписями командира дивизии и начальника штаба ни он, ни люди из его полка отсюда не уйдут.

Капитан пытался его переубедить, называл формалистом, обвинял, что бумажка для него важнее сохранения жизни сотни человек и что за такое неподчинение приказу его могут расстрелять. Сидя в пыли на дне кювета и стараясь не кричать, чтобы не услышали бойцы, они спорили до хрипоты, но каждый остался при своем мнении. И после полуночи капитан собрал своих людей, проинструктировал и под покровом темноты сделал то, что казалось Аникушину невозможным, — скрытно, без единого выстрела провел полсотни человек мимо немцев.

Аникушин же со своими остался и спустя несколько часов выдержал страшнейшую атаку превосходящих сил немцев. Перед тем, чтобы избежать кривотолков, он сообщил бойцам, что ушедшие с капитаном отправились выполнять чрезвычайно ответственное и опасное задание командования.

Выросший в семье кадрового военного и знавший еще до армии, что «приказ начальника — закон для подчиненного» и что все распоряжения должны быть выполнены «беспрекословно, точно и в срок», чем он руководствовался в своем упорстве, в своих самовольных, по сути, действиях?.. Прежде всего здравым смыслом: пониманием значения перекрестка двух важнейших дорог для наступления немецких войск — стремлением не пропустить врага в глубь страны. Впрочем, поступившая из штаба дивизии команда находилась в противоречии не только с его убеждениями. Она противоречила также известному, основополагающему в тот трудный период приказу Наркома Обороны № 227, с которым незадолго перед тем Аникушина, как и всех других командиров, ознакомили дважды: в строю и дополнительно в штабном блиндаже — под расписку. Отдельные фразы из этого подписанного Сталиным исторического документа он помнил наизусть: «...до последней капли крови защищать каждую позицию... цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...»

Приказ № 227, содержание которого можно было выразить весьма лаконично: «Ни шагу назад!» или «Стоять насмерть!» — запрещал фактически любое отступление, что всецело соответствовало убеждениям Аникушина, и в споре с капитаном, дважды краснознаменцем, он более всего упирал на это основоположение. Однако тот в ответ резонно говорил, что в армии надлежит выполнять последний конкретный приказ, даже если он противоречит всем предыдущим, и что их дело не рассуждать, за них думает начальство, а они всего лишь исполнители.

То, что Аникушин настаивал на получении из дивизии официального документа с двумя подписями и печатью, было с его стороны, в условиях полного окружения, не более чем предлогом — он знал, что сделать это невозможно. Он не был ни бюрократом, ни формалистом, но и сам способ передачи совершенно секретного приказа

об отступлении — открытым текстом по радио — вызвал у него несогласие и сомнения, на что капитан разумно и вполне обоснованно заметил, что при окружении превосходящими силами противника шифры положено немедленно уничтожать, в штабе это обстоятельство учли и все предусмотрели.

Тогда, в быстротечные минуты принятия Аникушиным столь ответственного решения, он менее всего думал о себе и своей судьбе, а размышлял о том, что целесообразней и полезнее в их положении для Отечества. Отступление без боя с оставлением или уничтожением части вооружения и боеприпасов представлялось ему дикой глупостью, если даже не преступлением — он не мог понять, как в дивизии до такой нелепости додумались. Отойти форсированным маршем к Волге — для чего?.. Чтобы занять оборону в сотне километров восточнее, а потом отвоевывать эту же территорию назад? Какой мог быть в этом смысл? Никакого!.. Другое дело, если они останутся и пусть ценой своей жизни, но хоть на время приостановят продвижение врага — только это в данных критических обстоятельствах могло быть, по разумению Аникушина, истинным выполнением их воинского долга.

С неполной сотней бойцов, двумя минометами и пушечкой с разбитым прицелом он удерживал пересечение более суток, пока на помощь к ним и на смену не прорвалась гвардейская механизированная бригада.

Как выяснилось впоследствии, приказание об отступлении было передано по радио помощником начальника оперативного отделения штаба дивизии, захваченным в плен немцами и склоненным ими к измене. Его голос знали радисты в полках, и потому сфальсифицированное лжеприказание тремя группами из пяти было без промедления выполнено. В результате на двух небольших участках обнажился фронт — повинных в этом командиров, так же как и бывалого капитана, по выходе в тылы армии после недолгого дознания расстреляли.

Аникушин же в своем самоволии оказался прав и за мужество и героизм, проявленные при удержании «стратегически важной позиции», был награжден орденом Отечественной войны. Этот эпизод особенно утвердил его в необходимости никогда не быть попкой, бездумным исполнителем, а поступать в сложных ситуациях так, как ему подсказывает его совесть и его убеждения.

Кстати, тогда же, в смертельно тяжелом июле сорок второго года, имел место случай, во многом обусловивший неприязненное отношение Аникушина к особистам.

Во время ночного сумбурного, почти неуправляемого боя, отчаянной попытки малыми силами отбить у немцев окраину Цимлянкой бесследно пропали трое бойцов из роты Аникушина.

А спустя неделю такой же темной южной ночью его вызвал к себе в землянку уполномоченный особого отдела Камалов.

Молоденький низкорослый лейтенантик, он при свете копилки до утра допытывался, на основании чего Аникушин приказал писарю сделать в учетных документах о каждом из этих бойцов отметку «пропал без вести».

Вызывал он к себе Аникушина еще несколько раз, почему-то обязательно каждую третью ночь, и уже при следующем посещении землянки стало ясно: особист подозревает, что отметки «пропал без вести» сделаны по указанию Аникушина, чтобы... скрыть и... замаскировать переход этих трех бойцов к немцам.

Более нелепого, более абсурдного подозрения Аникушин не мог бы и вообразить. Все трое бойцов были из пополнения, полученного

перед самым боем. Аникушин их не только не знал — так получилось, что и в глаза не видел. Он не сомневался, что пропавшие погибли в той безуспешной атаке, но даже если допустить, что они уцелели, остались живы и действительно перешли на сторону немцев, он-то, Аникушин, какое мог иметь к тому отношение?!

Единственным основанием для подозрений Камалова было то, что все трое проживали на временно оккупированной противником территории. Но он-то, Аникушин, не проживал! И не был ни часу в плену или в окружении! И родственников репрессированных или за границей, даже дальних, не имел!

Он и в жизни и по всем анкетам был безупречен и чист как стеклышко. Тем не менее особист каждый раз интересовался и его биографическими данными, задавал совершенно одинаковые вопросы об отце и о матери и при этом старательно записывал одни и те же ответы Аникушина на листки бумаги.

С каждым ночным вызовом в Аникушине нарастала неприязнь, перешедшая затем в ненависть к этому человеку. Он ничуть не боялся Камалова; напротив, подозрительность и бессмысленное упорство особиста, каждую третью ночь лишавшего его сна, столь необходимого в условиях передовой, и мучавшего нелепыми вопросами, вызывали в нем презрение и сдерживаемое не без труда глухое бешенство.

Устававший за день до предела, он еле выдерживал ночные никчемные бдения, отвечал Камалову уже машинально и с отвращением, томимый одной смертельной тоской — скорее бы настало утро, скорее бы все это кончилось!

Однажды, не совладав, Аникушин задремал, прислонясь спиной к земляной стенке. Трудно сказать, сколько это длилось, во всяком случае, Камалов его не побеспокоил, не разбудил, а терпеливо ждал. Когда же Аникушин открыл глаза, он при слабом свете коптилки опять увидел в метре перед собой скуластое, азиатски-бесстрастное лицо, увидел все тот же уставленный в упор немигающе-проницательный взгляд раскосых глаз особиста, а спустя буквально секунду слышалось — в который уж раз! — тихое и невозмутимое:

— Значит, отец ваш происходит из рабочих, а мать, как вы утверждаете, — из мелких служащих... Правильно я вас понял?..

Эта тягостная сказка про белого бычка, как дурной сон, как принудительная фантазмагория, продолжалась до самого ранения Аникушина — только отправка в госпиталь принесла ему освобождение.

Скуластым малоподвижным лицом и прежде всего своей «бдительностью» и упрямством, качествами, очевидно, присущими этой профессии, Алехин напоминал ему Камалова. Но сколь бы ни были велики недоверчивость и упорство особистов, они никак не могли, просто не имели права влиять на точку зрения и поведение Аникушина.

В данном конкретном случае после ознакомления и с второстепенными документами проверяемых у него созрело свое твердое мнение.

Он больше ни на йоту не сомневался в истинности Елатомцева, Чубарова и Васина, их личности для него были совершенно ясны, не вызывали никаких абсолютно сомнений. И любые дальнейшие действия особистов в отношении этих офицеров-фронтовиков могли объясняться только профессиональной подозрительностью, упрямством и ограниченностью Алехина.

Когда он попытался сопоставить все приготовления и предосторожности особистов с тем, с чем пришлось встретиться в действительности, то ему становилось смешно.

«Эх, шерлоки!.. Хмыри болотные! — весело думал он, сдерживая ухмылку и неумное желание бросить насмешливый взгляд в сторону, где за кустами прятались подчиненные Алехина. — Нагородили черт знает что!.. Вот уж действительно палят из пушек по воробьям!.. Комедия!..»

Умное, волевое лицо Елатомцева, его ясные, цвета бирюзы, чуть прищуренные глаза и все его поведение и документы не вызывали ничего, кроме симпатии и уважения. После проверки документов не вызывали ничего, кроме уважения, и оба других офицера, и Алехин ожидал напрасно: не одобряя предстоящего осмотра вещмешков, Аникушин молчал, твердо решив остаться в стороне.

Пусть Алехин обойдется без него, как уже обошелся перед тем, сам попросив второстепенные документы. Если же по поводу его, Аникушина, в данном случае бездействия будет кем-либо выражено недовольство, он молчать не станет. Он напишет рапорт коменданту города или даже начальнику гарнизона и без обиняков изложит свою позицию. Нравится это osobистам или нет, а у него своя голова на плечах и слепым, бездумным исполнителем любых, в том числе и нелепых, указаний он не был и не будет!..

87. АЛЕХИН

Словесный портрет совпадает... Неужели Мищенко?.. Не исключено!.. В баню бы с ним сейчас... поясницу посмотреть... Где он был этот год... нет, одиннадцать месяцев?.. Куда его тогда ранили?.. Мищенко — это фигура!.. Не говори гоп!.. Не факт, что это Мищенко, и не факт, что они — «Неман»... Качай!

Аттестат на продовольствие... Шифр... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Вэ-чэ 72510... Капитан Елатомцев А Пэ и с ним два офицера... Убывшему в командировку... Вильнюс... Лида и районы... Номер и дата документа... Командировочное предписание от десятого августа... Удовлетворен при вэ-чэ 72510 по первой норме пайка... включительно... Продовольствие в натуре по... десятое августа... Сахаром по... десятое... Мылом по тридцать первое... Табачным довольствием по... тридцать первое... Сухим пайком на путь следования на... пять суток... Достоверно... Карандаш чернильный... Фактура бумаги... плотность... Так... Исключен с довольствия с шестнадцатого... Срок действия аттестата... двадцать первое... Роспись лица, получившего аттестат... Елатомцев... Предыдущим... соответствует... Помощник командира части по снабжению... Майор... Гундобин... Подпись... натуральна... Завделопроизводством... Подпись... натуральна... Дата... Печать гербовая... Мастика... Для отметок... Доп-паек офицерский получен по тридцать первое... Военпродпункт станции Лида... Выдан сухой паек на пять суток... шестнадцатого... Штамп... Печать... Мастика... Ажур!..

Поговори с ним... насчет довольствия... Так... Фиксируй лицо!.. Хорошо... Так... Что офицеров не перевозили — это точно... Теперь спроси и у них... Так... Достает... И этот тоже... Документов у них достаточно... И никаких вазомоторов, никакой вегетатики!⁸ Словесный портрет совпадает, наверно, полностью... но не факт, что это Мищенко, и не факт, что они — «Неман»... Неохотно берет и смотрит уже без интереса... Ему все ясно!.. Ну и пусть... А ты — службист!.. Так... Справка госпиталя... Поговори и с этим... вспомни кого-нибудь... Попроще... Насторожился!.. Что это?.. Ожидает подвоха?.. А чего ему

⁸ Жаргонное обозначение внешних проявлений вазомоторных и вегетативных нервных реакций.

опасаться, если он свой?.. Странно... Отвечает с задержкой!.. И как недоволен!.. Что-то здесь не так... Качай их, качай!

Справка... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Петит подстрочный... Особые знаки... удостоверительные... Форма номер шестнадцать... с наклоном... Штамп угловой... Эвакогоспиталь 1731... Это Вильнюс!.. Дата — седьмое августа... Старший лейтенант Чубаров... Николай Петрович... находился на излечении... с двадцать пятого июня... по седьмое августа... 1731 в июне был в Смоленске... Достоверно?.. Вполне... По поводу... сквозное пулевое ранение бедра... 1731 — общая хирургия... Профиль госпиталя... соответствует... Срок пребывания... диагнозу... соответствует... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Ранение связано с пребыванием на фронте... Получено в боях при защите СССР... Врачебной комиссией признан по статье... расписания болезней приказа НКО СССР... годным к строевой службе без ограничений... Начальник госпиталя... Полковник медслужбы... Подпись... натуральна... Печать гербовая... Мастика... Чернила... Третья типография Воениздата НКО... Заказ девятьсот сорок три... Ажур!

Похоже, что левша... По седьмое августа лежал в госпитале, а «Неман» выходил в эфир еще в июле... Разве только справка задействована не сразу после переброски?.. Может, раньше пользовались другими документами?.. «Пользовались» — не факт, что они «Неман», не факт!

Расчетная книжка начальствующего состава... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Серия... номер... Достоверны... Чубаров Николай Петрович... Старший лейтенант... Выслуга лет на должностях... Штатно-должностной оклад... Личная подпись... натуральна... Командир части... Гвардии майор... натуральна... Начфинчасти... Лейтенант... натуральна... Печать гербовая... Дата... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Отметки о произведенной выплате... Удержания... Выплата полевых денег... Отметки о перемещении военнослужащего и об изменениях... Начфинчасти... Лейтенант... Подпись... натуральна... Предыдущей... соответствует... Печать гербовая... Мастика... Чернила... Скрепка... Разные отметки... Контрольные талоны... Август... Сентябрь... Водяные знаки... Ажур!..

Все безупречно, все соответствует!.. Но что-то в них не так!.. Что-то есть!.. А может, только кажется?.. Может, случайности?.. Проверка документов их не волнует... И ничего, наверно, не даст... А вещмешки?..

Временное удостоверение... номер... Конфигурация... Реквизит содержания... Шрифты текста... Особые знаки... удостоверительные... Печать гербовая... Подписи... натуральны... Чернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Текст... Лейтенант Чубаров... Николай Петрович... Приказом Войскам Западного фронта № 0401 от седьмого сентября сорок третьего года... За образцовое выполнение боевых заданий командования... на фронте борьбы с немецкими захватчиками... награжден орденом Красная Звезда... Орден за номером 479526... Начальник штаба дивизии... Подполковник... Замначполитотдела... Майор... Девятое сентября сорок третьего... Номер ордена... периоду выдачи... соответствует... Ажур!..

Вот так — левша!.. Старший лейтенант — левша!.. Ну и что?.. Каждый двадцатый — левша!.. Но все-таки... И с госпиталем... Зловещая физиономия... Неужели это он пытался убить Гусева?.. Не факт!

По документам у них ничего общего с Павловским... Он уходил к лесу... Простое совпадение?.. Где они были сегодня ночью?.. Так... Поговори и с этим... Качни на косвенном... Вспомни кого-нибудь... Улыб-

ку... Доверительней... Фиксируй!.. Так... Покраснел!.. С чего бы?.. Успокой!.. Байку им — посмешнее... Простачка играй, простачка!.. Да, эти двое избегают разговора, излишне лаконичны... Напрягаются при косвенных вопросах... Предварительный?.. Не спеши...

Комсомольский билет... Фактура обложки... Конфигурация... Шрифты наименования... Реквизит содержания... Шрифты текста... Удостоверительные знаки... Номер... Фотокарточка... Голова... лоб... нос... подбородок... соответствуют... Печать... Оттиски... совмещаются... Подпись... натуральна... Спецчернила... Мастика... Фактура бумаги... плотность... Водяные знаки... Защитные приспособления... Текст... Васин... Михаил Сергеевич... Время вступления... апрель сорокового года... Наименование организации, выдавшей билет... Сокольнический райком Москвы... Личная подпись... натуральна... Уплата членских взносов... По годам... Сороковой... учился в школе... Сорок первый... Призван в сентябре... Суммы взносов... Соответствуют... Сорок второй... Март — изменение... очевидно, госпиталь... Июнь... опять изменение... Вернулся в часть... Штампы... Подписи... Сорок третий... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... В июле изменение... Так... Очевидно, убыл в училище... Сорок четвертый... Январь... Февраль... Март... Апрель... Май... Июнь... Июль... Сумма взноса... Штampы... Подписи... Ажур!..

Комар носа не подточит! Если это и липа, то самого высокого качества!.. Липа, которую органолептикой⁹ не возьмешь, за которой — государство!.. Кто же они?! Один по словесному портрету сходен с Мищенко, а второй — левша и, пожалуй, споткнулся с поварихой... с госпиталем... лейтенант тоже напрягся при косвенном вопросе... И все же — не факт!.. Даже если они агенты, органолептика ничего не даст... А вещмешки дадут?.. Возможно... Не факт!.. Но это необходимость!.. В любом случае их придется задержать... Пассивно он себя ведет — весьма!.. Счастливец — ему все ясно! Что ж, раскрыть их — это не его, это твоя задача!.. Легко сказать... Лижет суставы и кусает сердце!.. А если... Как тогда они?.. Мищенко — особо опасен при задержании!.. Не тяни — предварительный сигнал... Неужели это Мищенко?..

88. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

*«Весьма срочно!
Особой важности!»*

Ковалеву, Ткаченко

Под вашу личную ответственность находящиеся под погрузкой в Челябинске, Горьком и Свердловске, подлежащие особому контролю отдела оперативных перевозок литерные эшелоны серии «К» №№ 2762, 1374 и 1781 (танковая техника россылью) впредь до особого указания должны быть задержаны на станциях отправления.

Исполнение проконтролируйте лично и немедленно доложите.

Основание: Распоряжение Ставки ВГК.

Карпоносов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!»

Полякову

В течение ближайших двух часов на аэродром Лиды специальным рейсом из Москвы будут доставлены экипированные в форму

⁹ Органолептический метод проверки документов — метод, основанный на непосредственном, главным образом зрительном восприятии, без применения каких-либо приборов и химикатов.

офицеров Красной Армии еще 9 опознавателей из числа бывших немецких агентов, окончивших радиоотделения Варшавской и Кенигсбергской школ немецкой разведки, где, судя по радиопочеркам, обучались и радисты активно разыскиваемой нами группы «Неман».

Под вашу личную ответственность все прибывшие должны быть немедленно задействованы в районах наиболее вероятного появления разыскиваемых.

Этим же самолетом будет доставлен плененный недавно майор немецкой разведки Вильгельм фон Баке, в прошлом начальник строевой части Варшавской разведшколы, знающий в лицо почти всех агентов, прошедших там обучение в период с октября 1941 года по май 1944 года включительно.

Учитывая физическую неполноценность и возраст фон Баке, ГУКР «Смерш» рекомендует использовать его непосредственно в Лиге при выяснении личности задерживаемых по подозрению в принадлежности к «Неману».

Прибытие немедленно подтвердите.

Колыбанов».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Произведенной тщательной проверкой участие Чеслава и Винцента Комарницких в польском партизанском отряде «Гром» в 1943—44 гг. не подтверждается.

Лиц командного офицерского состава, имеющих по стабильным или динамическим признакам словесного портрета сходство с Чеславом Комарницким, в «Громе» не было.

Басилов».

89. ПРОВЕРКА

— Не могу понять...— произнес Алехин условную фразу.— Что вы здесь, эта... делаете?.. Начальник штаба батальона...— он заглянул в документы,— командир роты и командир взвода, так?.. А где же личный состав? Какое задание вы здесь можете выполнять без подчиненных?.. Не могу понять!..— почесывая пятерней в затылке, повторил он и посмотрел на Аникушина.

— Я тоже не совсем понимаю. Вы что, нас в чем-то подозреваете? — сказал капитан, обращаясь к Аникушину. Очевидно, ему было ясно, что Аникушин — старший; назойливость же Алехина, человека ограниченного, малограмотного и явно упрямого, по всей вероятности, начала его раздражать.— В чем дело? Почему такая проверка и такой вопрос?

— Это вызвано необходимостью,— с почти неуловимым сочувствием заметил Аникушин.

— Какой?

— Значит, нужно! — строго сказал Алехин.— Что такое — «допрос»?.. Мы при исполнении, эта... обязанностей, понимать надо!.. Ивы нас не оскорбляйте!..— Он снова быстро и выразительно посмотрел на Аникушина.— Служба есть служба! Как говорится, закон порядка требует!.. Я спрашиваю: где находится ваша часть?

— В Новой Вильне,— с неожиданной легкостью и без какого-либо промедления сообщил капитан.

— Вы из ОПРОСА? — оживился Аникушин.

— Да.

— Постоянный состав?

— Нет, переменный.

Аникушин понимающе покачал головой и отвел глаза.

Алехин ожидал, что после проверки второстепенных документов помощник коменданта, как было условлено, предложит офицерам показать вещевые мешки, но тот снова заложил руки за спину и, будто все позабыв, с каким-то отсутствующим лицом глядел в сторону и молчал.

— Так...— после небольшой паузы проговорил Алехин, сложив документы, но не возвращая их.— А теперь, товарищи офицеры, прошу предъявить для осмотра ваши вещевые мешки...

— Это на каком основании?! — сдерживаясь, но довольно резко спросил капитан.— В чем дело?!

— Проверка личных вещей,— пояснил Алехин, и его лицо при этом выражало: «Мы выполняем свой служебный долг, какие же к нам могут быть претензии?»

— Что значит — проверка личных вещей?! Мы не рядовые и не сержанты, а вы не старшина! Кто вам дал право обыскивать офицеров?!

— А мы, эта... и не думаем вас обыскивать... Я прошу, чтобы вы сами показали, что у вас в вещевых мешках. Понимаете — добровольно!

— То есть как — добровольно?! А если мы не желаем?! Я в армии пятый год, но подобной проверке ни разу не подвергался!

— А я подвергался! — с обидой сказал Алехин и звучно шморкнул носом.

— Это ваше дело! А мы не желаем!

— То есть как — не желаете? — удивился Алехин.— Давайте по-хорошему... Я вам скажу, эта... как офицерам... Только, понимаете, как говорится, никому!

Он достал из пачки документов продовольственный аттестат и, указывая на отметку военпродпункта, спросил:

— Вы шестнадцатого, значит, были в Лиде?

— Были! Ну и что?

— Вот то-то и оно! — протянул Алехин и с огорченным лицом тихо, доверительно сообщил: — Шестнадцатого в Лиде, эта... с артиллерийского склада пропали два ящика взрывчатки!

— Ну а мы-то тут при чем?!

— Есть указание... что ее вынесли в вещмешках, понимаете, офицеры...— сообщил Алехин.— И увезли из города... А для чего — неизвестно! Нет указаний! — Он в недоумении развел руками.— Может, чтобы рыбу глушить, а может — мост взорвать!

— Да что за чушь! — пожимая плечами, возмущенно воскликнул капитан.— Мы не были ни на каком складе!

— Кто ж это знает?.. А закон порядка требует...— вздохнул Алехин.— Давайте по-хорошему... Есть указание... И я при исполнении обязанностей... прошу, эта... показать для осмотра ваши вещмешки...

— Должен заявить со всей ответственностью,— твердо сказал капитан,— что мы не были в Лиде ни на каком складе, не брали и не знаем ни о какой взрывчатке и не желаем, чтобы нас обыскивали! Категорически!

— Тогда придется проехать с нами в комендатуру,— решительным голосом объявил Алехин.— Вы же все равно, эта... поедете в Лиду... У нас в Шиловичах машина. Там в кузове бойцы, но на вас аккуратно найдется место... Прошу, значит...— Поворотясь, он показал рукою в сторону Шиловичей, предлагая троице офицерам пройти вперед, и отчетливо проговорил условную фразу: — Будьте любезны!

— Пожалуйста! — Капитан несколько мгновений помолчал угрюмо и сосредоточенно, словно что-то решая; во всей его фигуре, лице и в голосе чувствовались полное самообладание, уверенность в своих действиях и правоте. — Что ж... если это вас так интересует — пожалуйста!.. Обыскивайте!.. Только уж потрудитесь сами!.. К сожалению, нет времени, чтобы ездить с вами. У нас еще есть дела в этом районе, — объяснил он свое неожиданное решение. — Но я буду жаловаться! И даром вам это не пройдет!.. Давай!..

Он шагнул за спину лейтенанта и помог тому снять вещевой мешок. При этом он взялся не за наплечные лямки и не снизу, а за тесьму, стягивавшую верх, взялся так, что вещмешок своей тяжестью затянул узел на тесьме.

Алехин сделал вид, что не заметил этого, и, возвращая, молча протянул документы; капитан взял их и, не раздавая своим товарищам, сунул всю пачку себе в карман.

Присев на корточки, Алехин распустил петлю из наплечных лямок с горловины вещмешка и пытался развязать узел на тесемке.

Между тем старший лейтенант тоже снял свой вещмешок и, ухватив его точно так же за тесемку, опустил на траву рядом с первым. И тут же будто невзначай неторопливо переместился на пару шагов влево так, что оказался между Алехиным и засадой. Спустя секунды лейтенант перешел вправо. Таким образом они полукругом обступили Алехина и помощника коменданта. Это были их первые самостоятельные, без очевидной инициативы или команды капитана действия за все время проверки.

— Будьте любезны... — взглянув на них снизу, снова произнес условную фразу Алехин, — станьте на место!

— В чем дело?.. На какое место?

— Будьте любезны, — еще раз повторил Алехин, — станьте на место! — Он выпрямился и указал рукой на траву в метре перед собой.

Под его упрямым тяжелым взглядом лейтенант, помедля, стал на прежнее место.

— В чем дело? — обратился капитан к Аникушину, но тот, словно не слыша, смотрел вниз на вещмешки и даже не поднял глаз.

— Вы, может, еще поставите нас по стойке «смирно»? — с возмущением спросил старший лейтенант, продолжая стоять там, куда он перешел.

— Если понадобится — поставлю! — пообещал Алехин, неприязненно глядя ему в лицо. — Мы офицеры комендатуры.. понимаете... при исполнении служебных обязанностей! — возбужденно вскричал он; круглый желвак проступил и шевелился на его правой щеке. — Я говорю — встань на место!

И так как старший лейтенант не собирался подчиняться, Алехин решительным движением расстегнул висевшую у него на животе кобуру и вытащил «ТТ».

— Стань как стоял! — вдруг негромким, твердым голосом приказал капитан старшему лейтенанту, и тот неохотно ступил вправо, на прежнее место.

Алехин, помедля секунды, с упрямым недобрым лицом засунул пистолет в кобуру и снова присел на корточки.

..В конце концов, тесемку, стягивавшую верх, в данном случае можно было бы просто перерезать ножом, но он решил попытаться развязать узел ногтями или даже зубами: его пребывание внизу, в согнутом положении, с головой, склоненной над вещмешком, более всего соответствовало тому, что теперь следовало ожидать.

За кустами орешника Блинов по примеру Таманцева поднял свой

«ТТ» стволом вверх на уровень просвета в листве и положил палец на спусковой крючок.

Наступил кульминационный момент того, что у розыскников военной контрразведки называлось «засадой с живцом и подстратовкой».

90. АЛЕХИН ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

Алкоголь только в случаях необходимости — это хорошо!.. А трепанги с жареным луком — просто великолепно!.. Ценнейшая примета!

Все, что ты знаешь о Мищенко, сейчас в любом случае без пользы... Может, это и он... А может, всего-навсего Елатомцев... Алексей Павлович... Капитан Красной Армии... Фронтовик... Дважды орденоносец... Коммунист... В баню бы с ним сейчас. Спину бы его посмотреть, поясницу...

Не думай о Мищенко! Твоя задача — заставить этих троих прояснить свою суть... Кто бы они ни были!.. И в положительном случае взять их живыми. Хотя бы двух... А еще лучше всех трех. И своих из группы при этом никого бы не потерять...

А помощник коменданта... Он что — все забыл?.. Почему молчит?.. Пассивно он себя ведет... некачественно... непонятно...

Предложи сам... Спокойнее... Так... Фиксируй лица!.. «На каком основании?! В чем дело?..» Не нравится!.. У лейтенанта дрогнула кадык... Фиксируй!.. Не хотят!.. Облизывает губы!.. Наконец-то!.. И у этого напряженность... Попадание!.. Это уже слабина!.. Дожимай!.. Теперь дожимай!.. Объясни причину... Доверительней... Пропала взрывчатка... Так... Хорошо возражает... толково... А ты — службист!.. Настаивай!.. Не хотят!.. Что же у них в вещмешках?.. Главное — чтобы они проявили свою суть!.. Не факт, что они — «Неман»... Не факт!.. Кто же они и почему не хотят?.. «Категорически!» А в комендатуру?.. Теперь не тяни — сигнал!.. не должны бы соглашаться... не должны... «Обыскивайте!» Ах так... Ну что ж — тем лучше...

Помогает снять... Затянул узел!.. Ловко!.. Не подавай виду... Освободи руки, верни документы...

Посмотрим, что у них в вещмешках... Так... Сверху буханка черного хлеба... А что под ней — вот вопрос! И этот тоже затянул! Ловкачи!.. Милые, это фокус для фраеров, а мы его уже не раз видели... Ну и узел!.. Пробуй ногтями... Ниже голову... Они тебя действительно считают придурком. И отлично!

Обступили с боков!.. Спокойно!.. Повтори сигнал — не повредит! Как они откровенны в своих действиях, как бесцеремонны!.. А кого им стесняться?.. Нас?.. Да мы для них уже трупы!.. И все же не факт, что они — «Неман», не факт!..

Поставь их на место... И обзли... Спокойнее... Повтори еще раз... Простака играй, дубоватого службиста... Больше упрямства... Обострай!.. Повысь голос... Возмущение... Челюсти!.. На «ты» его, на «ты»!.. Вот наглая рожа!.. Спокойнее... Больше упрямства!.. Пистолет... Ах так... Отлично!.. А капитан молодец!.. Как владеет собой!.. Неужели это Мищенко?.. Неужели они — «Неман»?

Лижет суставы и кусает сердце... И ничего ты не поделаешь!.. Затянул намертво... Ногтями не возьмешь... Как бы то ни было, а от Таманцева они не уйдут... А если кто и уйдет, то не дальше опушки... Через полчаса лес уже будет в кольце и начнется прочесывание... Конечно, это нежелательно... Весьма!.. Войсковые операции чаще всего дают трупы... А нам нужен момент истины! Сегодня же! И не обычный, а по делу, взятому на контроль Ставкой!.. От трупов его не по-

лучишь.. Главное — чтобы они раскрылись... проявили свою суть!.. Тогда и момент истины мы получим... Если, конечно, они те, кого мы разыскиваем... Ну и узел!.. Зубами его ухватить, что ли?.. Неужели это Мищенко?.. Не думай о Мищенко!.. Кто бы он ни был, а от Таманцева ему не уйти... Если... Все!..

91. ТАМАНЦЕВ

Паша подал сигнал: «Внимание!» — но мне и так уже было ясно: эти трое не желают показывать содержимое своих вещевых мешков.

Однако их нежелание еще ничего не означало — мало ли какие могут быть тому причины.

Помню, как на станции в Смоленске один лейтенант категорически отказался предъявить свой багаж и даже оказывал сопротивление. Те, кто его задерживали, должно быть, решили, что там у него рация или взрывчатка, возможно, даже мысленно дырочки себе на гимнастерках для орденов уже проделывали: большого шпиона схватили — с поличным!.. А что там у него оказалось?.. Продукты для семьи командира, части, который и отпуск-то ему, сердяге, на пять суток дал, наверно, только чтобы эту посылку отправить в Москву.

Знаю и другой случай, когда офицер отчаянно сопротивлялся досмотру и проверяющие тоже могли подумать, что. А обнаружили-то в чемоданчике всего-навсего трофейный пистолет в оригинальном дорогом исполнении, который у него постарались бы отобрать если не в части, то в первой же комендатуре. Да мало ли нетабельного, неположенного, такого, что не хочется предъявлять представителям военной власти, может находиться в личных вещах офицеров?

Когда же капитан, снимая вещмешок, взялся за тесьму и затянул узел и тут же амбал повторил этот фортель, я понял, что они — группа и что ошибка, судя по всему, неизбежна.

Затем Паша присел около вещмешка, а эти двое, амбал и лейтенант, обступили его с боков откровенно и нагло — они действительно принимали его за простака или недоумка.

Более всего мне, конечно, хотелось выскочить и показать им свой характер. Но это бы сразу перечеркнуло наши усилия.

Для чего устраивается засада с живцом и подстраховкой?.. Чтобы выявить суть проверяемых.

Элементарно: их трое против двоих (о нас с Малышом они и не подозревают), а место глухое, совершенно безлюдное, к тому же все обострено конфликтной ситуацией — нежеланием предъявлять для досмотра личные вещи.

Тут расчет очень точный: свои на офицеров комендатуры ни при каких обстоятельствах не нападут, враг же, наоборот, воспользуется численным превосходством и не преминет это сделать. С одной стороны, срабатывает инстинкт самосохранения, с другой — стремление добыть действующие сегодня — не в прошлом месяце и не на прошлой неделе — воинские документы.

Кроме выявления сути подозреваемых, засадой с живцом можно добиться и так называемого «эффекта экстренного потрошения».

Некоторые сведения, известные агенту, крайне важно получить от него не спустя какое-то время, а немедленно. При отсутствии же прямых веских улик захваченные агенты, особенно парши, нередко молчат сутками, неделями и даже месяцами. Хоть лоб разбей, хоть наизнанку вывернись, а толку от них не добьешься. Если же они связаны нападением на представителей военной власти, что само по себе карается расстрелом, то при умелом обращении обычно раска-

льваются в первые же часы. И главной целью всех Пашиных действий сейчас было вызвать этих троих на удар.

Я молился богу, молился матери, чтобы она помогла нам и эти трое оказались бы теми, кто нам нужен. Я не желал больше никого! Разные пособники, банды и дезертиры — ну их коту под хвост! Пусть ими занимаются местные органы. А мы — военная контрразведка и наше дело — безопасность армии, ее тылов и всех проводимых ею операций. Наше дело — обезвреживание действующей агентуры. Вообще-то ею, особенно паршами, я готов заниматься двадцать пять часов в сутки. Но сегодня нам нужны были не просто агенты, а именно причастные к делу «Неман».

Я не сомневался: сколько бы ни было оперативно-розыскных групп и засад, а Эн Фэ и генерал позаботятся сунуть нас в самое перспективное место. Потому что, если разыскиваемых поймают, это хорошо; если поймает контрразведка нашего фронта — еще лучше; но чтобы был полный тики-так, для престижа Управления очень важно, чтобы взяла их группа, с самого начала непосредственно работающая по делу. Тогда все утрется!..

Эн Фэ верил в этот лес, фактически ставил на него, и я с утра не сомневался, что здесь в засадах будут только наши, а всех прибывших пошлют в другие места или районы «вероятного появления разыскиваемых». Я также не сомневался, что лично у нашей группы в любом случае шанса будут самые преимущественные.

Более всего я верил в оперативное мышление Эн Фэ, в безошибочность его предположений. Чтобы без промаха оценить розыскные данные, кроме извилин и опыта, еще требуется прицельная фантазия и чутье, а такой точной фантазии и чутья, как у Эн Фэ, я еще ни у кого не встречал.

Эн Фэ не спеша запрягает, но быстро ездит. Он культурненько, без шума, без суеты собирает данные, накопив, прокачивает их по своим извилинам и с точностью определяет места, где разыскиваемых можно взять. Конечно, не он один — очень многие так делают. Вроде проще простого... Только он-то не ошибается, а другие чаще всего попадают пальцем в небо — в самую серединку!..

Я стоял у смотровой щели в предельной боевой готовности, фиксировал бритоголового и амбала и не мог не возмущаться бездействием помощника коменданта.

Зачем он нам, этот очередной прикомандированный?.. Всего лишь для конспирации, для маскировки — чтобы Паша и он выглядели комендантским патрулем.

Я знаю: это даже не начальством придумано. Указания по розыску составляет какой-нибудь там майор, капитан или даже старший лейтенант. И власти и прав у него не больше, чем у меня, и должность примерно та же. Он просто подсунул на подпись бумажку, а там черным по белому пятым или, может, десятым пунктом: «с привлечением офицерского состава комендатур». И все — что написано пером, не вырубишь и топором!.. Попробуй после этого не привлечь... Да тебе сразу отмерят... на полведра скипидара с патефонными иглками... В самое чувствительное место... А кому охота: она все-таки своя, не у дяденьки...

Сидят там себе, в Москве, за тысячу километров, по кабинетам и мудрят, в конспирашки играют. А мы — отдувайся!

Какой от него толк?.. В Лиде, где многие военнослужащие знают, что он помощник коменданта, это, возможно, имеет смысл, но здесь-то зачем?.. От любого на его месте чистильщика было бы сейчас в десятки раз больше пользы, чем от этого тылового пижона.

Я знал, что по расписанию именно он должен был попросить у них и второстепенные документы, а потом предложить им открыть вещевые мешки. Но он молчал, стоял, как майская роза, заложив руки за спину, и смотрел с таким видом, будто все это его ничуть не касалось.

За такие фокусы маленьким копчик массируют!.. Впрочем, я его сразу раскусил, еще когда он меня в городе остановил и начал скрипеть. У меня в ту минуту извилины были заняты более важным, чем приветствие пижона из комендатуры. Однако я сразу извинился, покаялся как бобик, только что хвостом не вилял... А он понес — не остановишь! И я тогда еще понял: с таким каши не сварить, даже из концентрата!

Между тем Паша как ни в чем не бывало делал свое дело.

Быть живцом в такой засаде — почти все равно что вызвать огонь на себя или лечь на амбразуру, хотя шансов уцелеть здесь, пожалуй, и больше. Как-никак — все основано на предельном риске, весь расчет на подстраховку, но ведь от случайностей никто не гарантирован.

За войну я работал с шестью старшими оперативно-розыскных групп, четверых из них убили. С Пашей мы за этот год так друг к другу притерлись, что если его... если с ним... — подумал я и тут же заткнул себе глотку: «Не каркай, скотина, не каркай!..»

Это надо быть настоящим чистильщиком, чтобы вот так присесть на корточки и, подставив затылок, колушаться с тесемочкой, хорошо зная, что в следующую минуту должно произойти.

Паша опустился на корточки, и я видел только его пилотку, и можно было лишь мечтать, чтобы на голове у него сейчас была каска. Эти трое стояли молча и наблюдали за его действиями. Я не сомневался, что стрелять они не станут — им шум ни к чему. Я не сомневался, что они будут работать рукоятками пистолетов или ножами — оружием в рукопашной надежным, а главное — беззвучным.

И помощник коменданта, стоя рядом с Пашей за его правым плечом, тоже смотрел туда же, вниз, хотя должен бы отступить минимум на метр и фиксировать и «держат» проверяемых. У него было такое лицо, будто где-нибудь у себя в комендатуре он наблюдал за игрой в шашки или в домино.

Тыловая гусятина, лопух злокачественный! Неприязнь к нему разбирала меня: этот идиот все еще не понимал, что и Пашу и его самого сейчас будут убивать...

92. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!»

Егорову

В дополнение к № от 19.08.44 года сообщаю, что для улучшения и разнообразия питания военнослужащих, привлекаемых к розыскным, контрольно-проверочным и войсковым мероприятиям по делу «Неман», распоряжением Нач. Упродснаба Красной Армии разрешены следующие замены с использованием трофейных продуктов, захваченных в городах Двинске, Вильнюсе и Гродно:

- 1. шоколад вместо яичного порошка из расчета грамм за грамм;*
- 2. изюм вместо сахара из расчета пять граммов изюма за грамм сахара.*

Артемьев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!»

Егорову

Спецсообщение

Сегодня 19 августа в 10.05 при проведении контрольно-проверочных мероприятий по делу «Неман» на станции Вильнюс нарядом 13-го пограничного полка по признакам словесного портрета заподозрены и задержаны двое в форме офицеров Красной Армии, имевшие документы на имя:

капитана Вакуленко Порфирия Ивановича, 1910 года рождения, урож. гор. Сумы, украинца, начальника химической службы в/ч 23076, и старшего лейтенанта Савина Якова Петровича, 1915 года рождения, урож. гор. Ленинграда, русского, командира роты связи той же воинской части.

Вакуленко и Савин, следующие, судя по документам, в служебную командировку из Баранува (1-й Украинский фронт) в Ленинград, при пересадке на станции Вильнюс более получаса находились на путях, пытались уклониться от проверки и скрыться, вскочив для этого в проходящий эшелон.

При подробном визуальном изучении установлено, что задержанные по признакам словесного портрета имеют явное сходство с особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман», причем Савин — выраженный левша, а Вакуленко говорит с заметным украинским акцентом.

При осмотре личных вещей в чемодане у Савина обнаружены: портативный радиоприемник «Блаупункт» в исправном состоянии, выпуска 1943 года, в специальном металлическом корпусе индивидуального исполнения, и комплекты запасных ламп и элементов питания к нему. Передающей аппаратуры у Вакуленко и Савина при задержании не оказалось.

В вещмешке у Савина найдена советская десантная финка, по форме и размерам лезвия точно соответствующая той, которой были нанесены ранения шоферу угнанного «догжа» Гусеву. В ножнах и на самой финке обнаружены следы крови, как установлено лабораторным анализом соскобов, десятидневной примерно давности. Определить для идентификации группу крови не представилось возможным ввиду недостаточного количества исследуемого вещества.

В том же вещмешке оказались одетые на кольцо три номерных ключа к замкам зажигания автомашины «догж», и среди них № 9236, т. е. полностью идентичный по форме зубцов бородки с ключом зажигания «догжа», угнанного агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Произведенным обыском также обнаружены: два пистолета «ТТ» и 35 патронов к ним, пистолет «вальтер» № 2 и 16 патронов к нему; часов швейцарских водонепроницаемых со светящимся циферблатом — двое; компас отечественный — один; белья нательного запасного — две пары; продуктов разных, преимущественно германского происхождения, 11 кг; бачок трехлитровый с трофейным спиртом — один; денег советской валюты 8647 рублей.

Допрашиваемые порознь Вакуленко и Савин дали путаные, весьма противоречивые показания о цели своей командировки в Ленинград, от ответов на многие интересующие нас вопросы упорно уклоняются.

В разговоре по «ВЧ» с Управлением контрразведки 1-го Украинского фронта установлено, что воинская часть 23076 — это артиллерийская бригада Резерва Главного Командования, ведущая сейчас бои

на западном берегу Вислы в районе Сандомира. В состав фронта она прибыла несколько дней назад, в связи с чем данных об офицерском составе в отделе кадров штаба еще не имеется.

Сам факт командировки двух офицеров во время напряженных боев на плацдарме за пределы армейского тыла Управлению контрразведки 1-го Украинского фронта представляется совершенно неправдоподобным.

Сделанный нами запрос с просьбой срочно проверить и подтвердить принадлежность Савина и Вакуленко к в/ч 23076 в течение пяти часов остается без ответа, поскольку бригада ведет бои в окружении и со вчерашнего дня радиосвязь с нею отсутствует. Однако совпадение признаков словесного портрета, вещественные улики, а также многие противоречия в показаниях дают основания полагать, что задержанные нами лица являются особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Вакуленко и Савин содержатся в комендатуре станции Вильнюс под усиленной офицерской охраной, исключающей любую попытку побега или возможного самоубийства. Ожидаю Ваших указаний, а также распоряжения о их этапировании.

Согласно указанию о представлении к правительственным наградам, одновременно сообщая краткие установочные данные наряда, осуществившего задержание:

старший — лейтенант Бессонов Михаил Иванович, 1918 г. р., урож. гор. Тамбова, русский, кандидат в члены ВКП(б), из рабочих;

патрульные: сержант Хамраев Юсуп, 1922 г. р., урож. гор. Самарканда, узбек, член ВЛКСМ, из совслужащих;

и ефрейтор Минин Алексей Дмитриевич, 1924 г. р., урож. деревни Рогачево Загорского р-на Московской обл., член ВЛКСМ, из колхозников.

Все трое командованием погранполка характеризуются только положительно.

Панаев».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Полякову

Для непосредственного руководства действиями органов НКГБ по делу «Неман» и дальнейшей активизации розыска в Лигу экстренным спецрейсом («Дуглас», бортовой номер 17, истребители охранения «ЛА-5 ФН» бортовые 29 и 31) в 15.40 вылетел облеченный особыми полномочиями Ставкой ВГК Нарком государственной безопасности с группой высшего оперативного состава.

Оповещение по системе ВНОС до аэродрома прибытия отделом перелетов произведено.

При отсутствии у местных органов потребного количества автомашин под Вашу личную ответственность предлагаю обеспечить всех прибывших необходимым автотранспортом и немедленно установить с ними тесный контакт для согласованности всех усилий по розыску.

Исполнение донесите.

Колыбанов».

93. ПОМОЩНИК КОМЕНДАНТА

То, что Алехин вытащил пистолет и угрожал им старшему лейтенанту, произвело на помощника коменданта самое неприятное впечатление — ему стоило усилий сдержать и скрыть свое возмущение.

Разумеется, ему было известно о необходимости соблюдения мер личной предосторожности — об этом говорилось ежедневно на инструктаже нарядов, выделяемых воинскими частями. Он хорошо знал, что даже при повседневной проверке, осуществляемой в населенных пунктах парным комендантским патрулем, тогда как один смотрит документы, второй, находясь на соответствующем расстоянии, должен быть готовым каждое мгновение огрызнуть любую попытку внезапного нападения. При этом по инструкции требовалось «бдительно следить» за поведением проверяемых, требовалось держать их все время перед собой, ни на секунду не поворачиваться к ним спиной и не давать им заходить сбоку.

Но там речь шла о проверке неизвестных, о проверке с целью выявления и задержания государственных преступников, бандитов, немецкой агентуры, дезертиров и нарушителей воинских уставов и приказов. Здесь же точно такими нормами особист Алекин руководствовался в отношении офицеров-фронтовиков с только что перекрестно проверенными, абсолютно безупречными основными и второстепенными документами и, более того, угрожал одному из них пистолетом, что, по убеждению Аникушина, не вызывалось обстоятельствами и было уже чистым произволом.

Необходимость применения особистами оружия два года тому назад при выполнении сурового приказа Наркома Оборона № 227, подписанного лично товарищем Сталиным, Аникушин сознавал. Тогда немцы заняли Крым, захватили Ростов, их танковые и моторизованные дивизии ожесточенно рвались к Волге и на Кавказ, и надо было до последней возможности, до последней капли крови защищать и отстаивать каждую позицию, каждый клочок советской земли. Требовалось «стоять насмерть!» и для того любыми мерами пресекать отступление без приказа высшего командования. И решительные действия особистов, политработников и командиров в ту пору смертельной опасности вызывались жизненной необходимостью.

Но теперь, в период победного наступления нашей армии... здесь, в сотне километров от передовой... угрожать пистолетом заслуженному офицеру, фронтовику, пролившему свою кровь за Родину... И он, Аникушин, должен при этом оставаться безгласным наблюдателем, если даже не соучастником этих недостойных действий...

В нем было очень сильно чувство великого фронтового братства. По сути дела, с первой военной осени, с того момента, как он попал на передовую, к каждому фронтовику, будь то офицер или рядовой, летчик или даже обозник, он невольно ощущал «теплое под ложечкой», подсознательное чувство приязни и родства. И потому эти офицеры, особенно воевавшие не первый год капитан и старший лейтенант, были ему несравненно ближе и дороже любых тыловых особистов и, безусловно, ближе и дороже Алекина и его помощников.

Чувство органической неприязни он испытывал не только к самому Алекину, но и к обоим его подчиненным. В старшем лейтенанте он, припомнив, узнал офицера, который не поприветствовал его в городе, а потом, широко раскрыв глаза и явно придуриваясь, нахально оправдывался («Виноват.. Не заметил... Извините, товарищ капитан... Я контуженный... слабый на голову... У меня припадки...»). И при этом, чтобы от него скорее отстали, делал вид, что вот-вот упадет в обморок. А сегодня, проснувшись тут, в лесу, и увидев его, Аникушина, повел себя так вызывающе («Явление Христа народу!..»), что даже тугодумистый Алекин счел нужным немедленно вмешаться. И этот лейтенантик... Мальчишка, который не колеблясь заставил бы его лезть по-пластунски — без всякой в том необходимости!.. Заика, а

туда же!.. Несомненно, знает о нем все, наверняка смотрел в комендантуре и его личное офицерское дело, а как неумно приставал: «Товарищ капитан, вы, случайно, не из Москвы?..» Случайно!.. «Где-то я вас встречал?.. Вы на кого-то похожи...» Дешевые провокационные вопросы, рассчитанные на трусливых или дурачков... Не на того напали!..

В ту минуту, когда Алехин вытащил пистолет и угрожал им Чубарову, у Аникушина мгновенно созрело решение. Он не будет молчать об этом произволе, он завтра же напишет рапорт. Только не майору и не начальнику гарнизона — эти люди, пожалуй, не захотят связываться с особистами, не станут заниматься соисканием неприятностей. Он напишет в Москву — это его право, предусмотренное уставом, как военнослужащий он может обратиться непосредственно даже к Наркому Обороны — Верховному Главнокомандующему.

Когда Алехин, присев на корточки, снял петлю из наплечных лямок с горловины вещмешка и начал возиться с узлом на тесемке, Аникушин, стоя за его правым плечом, увидел в круглом просвете наверху вещмешка то, что и ожидал увидеть: верхнюю темно-коричневую корку буханки армейского черного хлеба.

Что же еще, кроме продуктов, могло быть в вещмешках пехотных офицеров, которым через какую-то неделю, максимум через две — он знал порядки резервных полков, — предстояло отправиться на передовую?.. Он хорошо представлял себе весь этот незамысловатый фронтной скарб: запасные портянки и пара белья, вафельное полотенце, бритва, кусочек мыла, помазок, фляжка, две-три книжки (чаще всего «Боевой устав пехоты» и «Наставление по стрелковому делу»), ну и, возможно, что-нибудь нетабельное: флакончик дешевого одеколона, шерстяные носки и теплая нижняя рубашка или свитер, таскаемые вынужденно без употребления с весны до осени.

Сколько раз после боя ему приходилось прямо в окопе или в блиндаже разбирать и раздавать окружающим личные вещи убитых офицеров, таких вот Елатомцевых, Чубаровых и Васиных...

Буханка черного хлеба, увиденная им в вещмешке лейтенанта, подействовала на него, без преувеличения, как красная тряпка на быка. С одной стороны, были его собратья, офицеры-фронтовики, получившие законный армейский паек и в нем ржаной, с примесями хлеб, норму, определенную Наркомом, и ни граммом больше, с другой стороны — тыловые особисты, потреблявшие без меры, сколько влезет, белый, как довоенный, из настоящей крупчатки ситник и другие деликатесные продукты, положенные по приказу только раненым в госпиталях и летчикам боевых экипажей.

И вот эти наглые, уверенные в своей безнаказанности люди без санкции прокурора, по чистому произволу обыскивали его собратьев, фронтовиков, которым через неделю или через две предстояло снова проливать кровь, защищая Родину.

Да кто он, этот Алехин?! Какой-нибудь выдвигенец — наверняка из деревни! — с пятью, максимум семью классами образования... Попал по анкетным данным в особисты, поднахватался в армии вершущек, городских слов и военных терминов и убежден, что ему все дозволено... Просто не нарывался — его никто не осаживал, не учил, не ставил на место!

«Что хотят, то и творят!.. — стиснув от негодования зубы и до боли сцепив за спиной в замок пальцы рук, повторял про себя Аникушин. — Нет, я это так не оставлю!.. Я им покажу, как угрожать пистолетом и обыскивать фронтовиков!.. Это им даром не пройдет!.. Бояться их могут комендант или начальник гарнизона, а Верховный в бараний рог их свернет!»

И тут он подумал, что, пока его рапорт рассмотрят в Москве и примут какие-либо меры, пройдет не менее месяца, а за это время многое может измениться. Он сам, вероятно, уже будет в Действующей армии, Алехина же тоже могут куда-нибудь перевести.

И, подумав так, он ощутил жгучее желание, острую, неодолимую потребность показать этим особистам сейчас же, немедленно, что в отличие от других он их нисколько не боится и что он не трусливый попка, покорно выполняющий любые указания, — у него есть своя голова на плечах, он способен и сам принимать решения и отвечать за них.

И в следующее мгновение, продолжая наблюдать, как Алехин пытается развязать узел на тесемке, Аникушин, ослепленный возмущением, негодованием и неприязнью к особистам, сделал то, чего делать ему никак не следовало: переступил вправо и оказался, таким образом, между проверяемыми и засадой...

94. ОРИЕНТИРОВКИ 1943 ГОДА ПО РОЗЫСКУ МИЩЕНКО

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!»

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

ГУКР «Смерш» активно разыскивается представляющий особую опасность террорист, резидент-вербовщик германской разведки, важный государственный преступник Мищенко Иван Григорьевич, он же Томчук Сергей, он же Перепелицын Николай Васильевич, он же Кизимов Андрон Савельевич, он же Семенов Алексей, он же Панченко Федор, он же Воробьев Алексей Максимович, он же Петрицкий Василий, он же Захаров Иван, он же Рева Михаил Николаевич, он же Смирнов Анатолий, он же Навроцкий Леонтий Иванович, возможны и другие фамилии, имена и отчества, агентурные клички «Бэби», «Жокей», «Хунхуз», «Гладиатор», «Динамит», 1905 года рождения, уроженец гор. Сальска Ростовской области, русский из казаков, сын крупного землевладельца, есаула царской армии.

В 1919 году эмигрировал с родителями в Маньчжурию. Пятнадцати лет вступил в молодежную организацию Харбинского филиала РОВС¹⁰, где прошел военно-спортивную подготовку. После гибели в перестрелке с советскими пограничниками отца гал на клинке публичную клятву мищениа. С девятнадцати лет активно участвует во враждебных действиях против Советского государства.

В 1924—1930 гг. в составе белокитайских банг и небольших групп свыше двадцати раз проникал на территорию Советского Дальнего Востока с заданиями диверсионного, террористического, а также уголовно-контрабандистского характера. В мае 1929 года участвовал в провокационном нападении на советское консульство в Харбине, в последующих вооруженных налетах на КВЖД¹¹, в поджогах и убийстве советских служащих.

С 1931 года сотрудничал с японцами, в том же году одним из первых вступил в ВФП¹².

¹⁰ РОВС (Русский общевоинский союз) — эмигрантская белогвардейская организация с центром в Париже. Выполняла шпионские, диверсионные и террористические задания иностранных разведок. Большой филиал РОВС существовал в Маньчжурии.

¹¹ КВЖД — Китайская восточная железная дорога. В 1924—1935 годах принадлежала на паритетных началах Советскому Союзу и Китаю.

¹² ВФП (Всероссийская фашистская партия) — название Российского фашистского союза (РФС) с 1931 года по июль 1937 года (см. сноску 13).

В 1933 году во время очередной ходки на территорию СССР, преследуемый пограничниками, проделал семисоткилометровый переход по тайге. При этом, утопив при переправе оружие и продукты, убил самого молодого члена своей группы, мясом которого вместе с остальными питался в течение двух недель.

Всего в 1924—1938 гг. свыше сорока раз проникал на территорию Советского Дальнего Востока. Белокитайцами и японцами неоднократно вознаграждался; в подарок от Чан Кай-ши получил чистокровного арабского скакуна; имел счета в международных банках Шанхая и Гонконга. Поддерживал личные контакты с руководителями белогвардейской эмиграции в Маньчжурии, генералами Семеновым и Власьевским, князем Ухтомским и председателем РФС¹³ Родзаевским.

В 1934 году приговором Верховного Суда СССР объявлен вне закона.

В 1938 году, не полагив с японцами, установил контакт с резидентом немецкой разведки в Харбине, германским вице-консулом Гансом Рике. В том же году, показывая свои агентурные качества, нелегально пересек территорию СССР и Польши, перейдя три границы, оказался в Германии, куда впоследствии перебралась с детьми и его жена Изольда, дочь одного из руководителей белоэмиграции, генерала Кислицына.

В 1938—1939 гг. прошел пятнадцатимесячную переподготовку в Берлинской школе немецкой разведки; на занятиях появлялся только в маске.

В 1940 году абвером трижды перебрасывался на территорию Советского Союза, совершил длительные полутора-двухмесячные маршруты в районы Центрального Урала, Москвы и Северного Кавказа.

В январе — мае 1941 года под видом находящегося в командировке капитана органов НКВД фланировал по городам, гарнизонам и железнодорожным узлам Прибалтийского и Западного особого военных округов, собирая сведения о дислокации, численности, передвижениях и боеготовности советских войск.

За двое суток до начала войны переброшен на территорию Западной Белоруссии старшим большой группы агентов, экипированных в форму советских пограничников, с заданием убийства, как только начнутся военные действия, высшего и старшего командного состава, нарушения связи и создания паники в наших оперативных тылах. Вернулся к немцам под Смоленском, совершив за месяц свыше семидесяти терактов и потеряв при этом всего трех агентов.

В последующие полтора года еще десять или одиннадцать раз перебрасывался в тылы Красной Армии старшим группы с заданием оперативной разведки, а также вербовки агентуры, в том числе среди женщин, связанных с армией и железнодорожным транспортом. Немцами награжден двумя крестами и шестью боевыми медалями. По личному распоряжению Гитлера в порядке исключения получил звание майора германской армии.

В феврале — мае 1943 года — старший преподаватель Берлинской разведшколы абвера. Вел семинары: «Основы маскировки и конспирации в советской прифронтовой полосе», «Переход линии фронта при возвращении» и «Поведение на допросах в органах НКВД», обучал курсантов стрельбе по-македонски. На занятиях появлялся только в темных очках и парике, с усами и борогой.

Настроен яро антисоветски. В совершенстве владеет стрелковым и холодным оружием, приемами защиты и нападения. Не расстается

¹³ РФС — Российский фашистский союз (до 1937 года — Всероссийская фашистская партия), функционировал в Маньчжурии официально с 1931 года по 1943 год, неофициально до 1945 года.

с пистолетом, заряженным разрывными пулями с ядом, вызывающим мгновенную смерть. Представляет особую опасность при задержании.

Словесный портрет: рост — выше среднего; фигура — плотноватая; лицо — овальное; лоб — средний, прямой; брови — дугообразные; нос — средней высоты и ширины, спинка прямая; подбородок — прямой; уши — овальные, противокозелок — выпуклый; глаза — голубые; волосы — светло-русые; шея — средняя, мускулистая; плечи — горизонтальные.

Особые приметы: говорит с уловимым южнорусским акцентом; ноги чуть кривоватые «по-кавалерийски»; в верхней челюсти справа на третьем и четвертом зубах металлические коронки; при серьезном разговоре немного щурит глаза; на спине вправо от линии позвоночника и параллельно ему шрамы от двух фурункулов, расстояние между ними 5—6 см.

Другие особенности: обладает незаурядным обаянием, легко входит в доверие к окружающим; любит охоту и верховую езду; из пищи — трепанг с жареным луком, борщ мясной и бифштекс с кровью. Не курит, алкоголь употребляет в случаях необходимости; физиологические контакты только с нужными для выполнения задания женщинами.

Согласно проверенным данным, в одну из ближайших ночей Мищенко с еще пятью прошедшими специальную подготовку агентами, также экипированными в форму советских офицеров, будет переброшен в тылы Красной Армии старшим террористической группы, имеющей задачу — уничтожение руководителей Ставки ВГК.

Для совершения актов центрального террора группа Мищенко вооружена пистолетами с разрывными пулями, начиненными ядом, вызывающим мгновенную смерть, а также двумя «панцеркнакке» — специально сконструированными по заказу немецкой разведки портативными устройствами типа «фаустпатрон», с реактивными снарядами кумулятивного действия, калибром 30 мм. «Панцеркнакке» помещается в рукаве шинели, крепится к руке ремешками пристяжками, выстрел производится бесшумно при помощи кнопочного включателя.

Розыскные данные остальных пяти агентов уточняются и будут сообщены в ближайшие два часа.

Примите самые активные меры к обнаружению и поимке или ликвидации группы Мищенко, для чего привлечите весь оперативный состав органов контрразведки, приданные погразделения части по охране тылов фронта и личный состав этапно-заградительных комендатур.

Немедленно организуйте жесточенную проверку документов на станциях, в поездах и на контрольно-пропускных пунктах, обратив особое внимание на дороги, ведущие в направлении Москвы. Всех подозрительных задерживать для выяснения личности.

Начальникам Управлений «Смерш» фронтов немедленно разработать и в ближайшие шесть часов задействовать планы надежного блокирования всех возможных путей движения разыскиваемых после переброски из оперативных тылов в направлении Москвы.

До сведения оперативного состава контрразведки и всех привлекаемых к розыскным и проверочным мероприятиям надлежит довести, что каждый, кто даст реальный результат по обнаружению и поимке или ликвидации группы Мищенко, будет немедленно представлен к правительственной награде.

ГУКР «Смерш» считает необходимым обратить внимание всех руководителей органов контрразведки на особую опасность, которую представляют разыскиваемые, и обязывает для их поимки или ликви-

гации максимально использовать все оперативные и другие возможности.

Специальные указания органам «Смерш» Московского военного округа будут переданы дополнительно.

О ходе розыска, проводимых вами мероприятиях и всех вновь добытых данных докладывайте каждые шесть часов...»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!»

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

Вчера, 14 сентября с. г., в 20.40 на окраине Москвы, близ выезда в сторону Кунцева, при попытке задержания в результате огневого контакта оперативно-розыскной группы «Смерш» с четырьмя неизвестными в форме офицеров Красной Армии, двое из них были убиты, а третий тяжело ранен и, так как бежать не мог, пристрелен затем четвертым неизвестным, сумевшим благодаря темноте скрыться. Дорожка отхода оказалась присыпанной кайенской смесью¹⁴, что блокировало применение служебных собак.

Как установлено осмотром трупов, убитые являются проходящими по чрезвычайному розыску агентами группы Мищенко: Бакшеевым Василием, Нурметовым Гасаном и Миловским Анатолием. Есть основания полагать, что самого Мищенко среди четырех участвовавших в перестрелке агентов не было.

На месте огневого контакта, кроме пистолетов «ТТ», найдены также два пистолета «вальтер» № 1 калибр 9 мм, заряженные разрывными пулями с ядом, вызывающим мгновенную смерть. В карманах убитых обнаружены безупречные по реквизиту и соответствию действительным обстоятельствам фиктивные документы на имя офицеров 11-й Гвардейской армии Западного фронта капитана Мельчакова и старших лейтенантов Фомина и Кухарского, якобы командированных в Москву для переподготовки на курсах «Выстрел». Предположительно Мищенко, Зубков и Тулин до сегодняшней ночи тоже имели на руках документы офицеров 11-й Гвардейской армии.

Вполне вероятно, что чрезвычайные проверочные и охранные мероприятия, осуществляемые в Москве и ее окрестностях, вынудят Мищенко, Зубкова и Тулина покинуть район столицы. Не исключено, что, потеряв трех агентов, Мищенко затребует пополнение и до его прибытия на время затаится.

Также не исключено, что Мищенко с остатками группы попытается перейти линию фронта или же за ними в обусловленное место будет прислан специально сконструированный по заданию абвера самолет «Араго-320» — десантный моноплан с высокой скоростью и толчком полета, способный совершать посадки в непогоду и на неподготовленные, неровные площадки весьма ограниченных размеров.

Поимка или ликвидация Мищенко, Зубкова и Тулина по-прежнему остается главной, особой важности задачей органов «Смерш» всех фронтов и военных округов Европейской части страны.

Розыск Бакшеева, Миловского и Нурметова, проходящих по ориентировке № от 07.09.43 г., прекратить...»

¹⁴ Кайенская (или «индийская») смесь — смесь истолченного в порошок кайенского перца и крепкого табака. Применяется для ослепления противника, а также в качестве антисобакина.

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!»

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

За последние двое суток в тылах Воронежского и Брянского фронтов совершены нападения на легковые автомашины и убийства генералов Куприянова и Чиликина, а также семи старших офицеров Красной Армии, сопровождавших их военнослужащих и шоферов.

Места совершения терактов:

18 сентября — западнее Обояни, севернее Сугжи и юго-восточнее Лебедина;

19 сентября — западнее Кромы, южнее Хотынца и северо-восточнее Карачева.

Как установлено, легковые машины, на которых ехали убитые, останавливались на дорогах в безлюдных местах неизвестными в форме офицеров Красной Армии. По крайней мере, в двух случаях остановка производилась под угрозой применения кобурного оружия, с той же целью террористами использовались нарукавные повязки службы ВАД¹⁵. Не исключено, что для передвижения террористы располагают автомашиной «додж» — три четверти.

Убийства совершались из пистолетов калибром 9 мм, предположительно «Браунинг Лонг 07» или «вальтер» № 1, разрывными пулями, содержащими яд, вызывающий мгновенную смерть. В пяти случаях из шести после совершения теракта машины с трупами отгонялись в сторону, обливались бензином и поджигались.

Экспертизой установлена полная идентичность яда, которым были обработаны пули террористов, с ядом, содержащимся в пулях пистолетов агентов группы Мищенко. Имеются и другие основания предполагать, что указанные выше убийства совершены Мищенко, Зубковым и Тулиным.

В дополнение к уже проводимым оперативно-розыскным мероприятиям под личную ответственность руководителей органов «Смерш» предлагается принять все необходимые меры для обеспечения безопасности генеральского и старшего офицерского состава Красной Армии.

Нами командованиям Калининского, Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов рекомендовано принятие следующих предохранительных мер:

а) выезд генералов и командиров соединений за пределы расположения части разрешается только в сопровождении движущейся впереди машины с охраной;

б) выезд старших офицеров разрешается только под охраной двух-трех автоматчиков;

в) движение легковых автомашин должно происходить на большой, предельно допустимой для данного покрытия скорости; всякие остановки по дороге, кроме вызванных крайней необходимостью, запрещаются. Любая попытка со стороны неизвестных остановить легковую машину с угрозой применения оружия должна быть немедленно пресечена огнем на уничтожение.

Под личную ответственность руководителей органов «Смерш» предлагается установить строжайший контроль за техническим состоянием автомашин генералов и старших офицеров, а также за боеспособностью охраны, куда следует подобрать имеющих достаточный

¹⁵ ВАД — военно-автомобильная дорога.

боевой опыт, находчивых, с быстрой реакцией бойцов и сержантов, в совершенстве владеющих стрелковым оружием.

Органам контрразведки Калининского, Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов в дополнение к уже проводимым оперативно-розыскным мероприятиям в течение шести часов надлежит создать и задействовать на военно-автомобильных дорогах подвижные поисково-истребительные группы «Смерш», совершающие челночные маршруты с целью обнаружения и задержания или уничтожения террористов.

Управлениям контрразведки Калининского, Западного, Брянского и Центрального фронтов предлагается в ближайшие двенадцать часов создать и задействовать на основных военно-автомобильных дорогах по 6—8 специальных оперативных групп-приманок, снабженных легковыми машинами. В каждой на переднем сиденье должен находиться офицер контрразведки в форме полковника Красной Армии или же генерал-майора (не более трех на фронт), а на заднем — двое розыскников, обладающих быстрой реакцией и достаточным опытом скоротечных огневых контактов.

Для круглосуточного использования машин-ловушек надлежит обеспечить каждую двумя сменами оперативного состава и двумя опытными водителями. Формирование оперативных групп-приманок, экипировку «полковников» и «генералов», оформление соответствующих легенд и всей необходимой документации начальникам управлений взять под свой личный контроль.

До сведения всего оперативного состава органов «Смерш» должно быть доведено, что, учитывая наличие у разыскиваемых пистолетов с пулями, вызывающими мгновенную смерть, задачей органов контрразведки «Смерш» является как поимка, так и уничтожение террористов.

Об исполнении настоящей директивы и всех проводимых мероприятий докладывать каждые шесть часов...»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Воздух!!!»

Всем органам «Смерш» фронтов и военных округов Европейской части страны.

Вчера, 21 сентября 1943 года, в тылах Западного фронта на шоссе севернее Жиздры при нападении на машину-ловушку контрразведки «Смерш» были застрелены двое неизвестных в форме офицеров Красной Армии, которых удалось идентифицировать как проходящих по чрезвычайному розыску агентов группы Мищенко — Василия Зубкова и Николая Тулина.

Самому Мищенко удалось скрыться, так как при огневом контакте трое оперативных работников были убиты, а оставшийся в живых водитель осуществить задержание или ликвидацию Мищенко не сумел. Применение служебной собаки результата не дало, поскольку дорожка отхода оказалась присыпанной каиенской смесью.

В момент нападения Мищенко был одет в шинель с полевыми майорскими погонами, стянутую офицерским ремнем и португеей, фуражку БТ и МВ с невысокой тульей; никаких вещей, кроме кобурного оружия, у него не было. Судя по обнаруженным каплям крови на уходящих следах, Мищенко получил ранение, в связи с чем не исключено, что он попытается отлежаться где-нибудь в лесу или же в одном из населенных пунктов.

На трупах Зубкова и Тулина были найдены исполненные на под-

листных бланках, безупречные по реквизиту и соответствию действительным обстоятельствам фиктивные документы на имя командира комендантской роты 3-й Гвардейской танковой армии капитана Сусайкова и командира взвода той же роты лейтенанта Клевцова. Предположительно и Мищенко в момент нападения на машину-ловушку имел документы офицера штаба 3-й Гвардейской танковой армии.

Примите самые активные меры к поимке или же ликвидации Мищенко. Особые указания органам «Смерш» Западного фронта будут переданы дополнительно.

Розыск проходящих по ориентировке № от 07.09.43 г. Василья Зубкова и Николая Тулина прекратить...»

95. ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ АНДРЕЙ БЛИНОВ, ПОКА ЕЩЕ МАЛЫШ

Он стоял за кустом, широко расставив ноги и держа пистолет в намеренно расслабленной руке, как учил его Таманцев, внимательно смотрел и слушал.

Проверка документов проходила спокойно, бессобытийно, впрочем, ничего существенного, результативного Андрей от нее и не ждал.

Таманцев не раз говорил ему, что от других опасных преступников шпион отличается прежде всего тем, что за ним стоит целое государство и подготовка его во всех смыслах — результат деятельности многих опытейших профессионалов, обдумывающих и обсасывающих с полной ответственностью каждую деталь и в его легенде, и в экипировке, и в документах.

С примерами из своей практики Таманцев рассказывал, какой отличной липой снабжают немцы свою агентуру, как напряженно они следят за всеми мерами по защите советских воинских документов от подделок, за условными секретными знаками, каждый из которых действует только определенное время, и как оперативно — в течение трех-четырех, а то и двух недель — они реагируют на выявленные изменения.

— Органолептика редко что-нибудь дает, — в задумчивости говорил Таманцев. — На документах сыплется, может, только один агент из десяти, не больше!

И все же Андрей с вниманием смотрел и слушал, особенно каждое слово Алехина, чтобы не пропустить обусловленных сигналов-команд: «Не могу понять...», а тем более «Будьте любезны».

Проверяемых Андрей видел сбоку и даже несколько сзади и потому не мог разглядеть выражения их лиц, да и рассматривать-то не имел права: его обязанностью сейчас было «держаться» лейтенанта, что он старательно и делал.

Только во время пауз, когда там, перед кустами, все молчали, он дважды позволил себе бросить взгляд на помощника коменданта.

В эти минуты в Андрее происходила переоценка поведения Аникушина. Если в машине по дороге из Лиды и позже, здесь, в лесу, в разговорах с Алехиным помощник коменданта показался Андрею гордым до высокомерия и непонятно ершистым, то, услышав его фамилию и сообразив, кто он, Андрей стал думать о нем иначе.

Объяснялось это прежде всего тем, что Аникушин был человек или же талант, без сомнения, выдающийся. Признанный прославленными авторитетами «надеждой русского вокала», он, разумеется, знал себе цену и держался соответствующе, и ничего в том не было плохого или предосудительного.

Андрей легко представлял его себе в совсем иной обстановке: на сцене Большого театра, в момент, когда тот, стоя после выступления

у занавеса, с достоинством раскланивается, а весь раззолоченный, краснобархатный, сверкающий хрусталем зал — от галерки до партера — сотрясается от аплодисментов.

Размышляя таким образом, Андрей с каждой минутой испытывал к Аникушину все большее уважение и симпатию и уже решил, что, как только все это окончится, подойдет к помощнику коменданта, объяснит, откуда его знает, и расскажет, что Валька был его одноклассник и ближайший друг. Он вспомнил даже, как зовут помощника коменданта — Игорем, ну конечно же Игорем: Валька, рассказывая о брате, не раз произносил это имя, да и в газетных заметках оно тоже, кажется, упоминалось.

Впрочем, он думал об Аникушине только до условного сигнала Алехина «Внимание!», а затем сразу переключился и повторил мысленно свои действия в случае сшибки. Когда же дважды прозвучало «Будьте любезны...», означавшее «К бою!», Андрей мобилизовался весь предельно и для большей готовности дважды взял на мушку плечо лейтенанта.

Но на поляне перед кустами после недолгого пререкания старшего лейтенанта с Алехиным, который, очевидно, умышленно обострял, снова было совершенно спокойно. АLEXИН опять присел у вещмешка, а проверяемые, наклонив головы, наблюдали, что он там, внизу, делает, и ничто в их позах и поведении не предвещало ничего враждебного.

Андрей не спускал глаз с лейтенанта и все же вдруг заметил, что Аникушин неожиданно оказался между Таманцевым и проверяемыми, на одной линии с ними.

«И куда он вылез?» — удивился Андрей, но только спустя секунды с ужасом сообразил, что произошло, и даже вспомнил — ему говорил Таманцев, — как это называется: блокировать директрису¹⁶. Но зачем помощник коменданта это сделал?.. Ведь АЛЕХИН его предупредил — дважды! — затмение на него нашло, что ли?..

Андрей уловил слева отчаянную жестикуляцию Таманцева и пророчно скосил глаза в его сторону.

Таманцев тотчас дотронулся до погона и показал ему четыре пальца, по количеству звездочек: мол, держи капитана! Андрей согласен качнул головой. Когда их взгляды на мгновения встретились, Таманцев, сжав челюсти, быстро и беззвучно шевелил губами: так он выражал свои чувства, если обстоятельства не позволяли выругаться вслух. Лицо у него было презлое, и Андрей представил, какой неповторимой руганью обложит Таманцев помощника коменданта, когда все это кончится.

Таманцев пытался перестроиться, но что тут можно было поделать, если помощник коменданта блокировал директрису и закрывал от него проверяемых; Андрей же мог одновременно держать только одного, указанного ему Таманцевым и, очевидно, самого сейчас опасного — капитана.

Андрей не спускал с него глаз и увидел, как его плотное туловище внезапно дернулось в просвете смотровой щели вверх и вниз, почти одновременно послышался возглас: «Бей!» — и тотчас слева грохнул выстрел Таманцева и раздался его дикий отвлекающий выкрик. Андрей, целясь своему подопечному, капитану, в правое плечо, нажал спуск и сейчас же, как и требовалось, выкрикивая слова команды несуществующему взводу и страшно заикаясь при этом от волнения, выскочил из орешника, чтобы отвлечь внимание нападающих на себя.

¹⁶ Директриса — направление, в котором ведется или должна вестись стрельба.

Опередивший его Таманцев с двумя наганами в поднятых на уровень плеч руках уже пританцовывал у них на виду — «качал маятник», стремительно смещаясь от кустов влево.

— Не стрелять! — пытаюсь стать на ноги, не своим голосом прокричал Аলেখия; кровь заливала ему лицо, и Андрей понял, что у него пробита или прострелена голова, и с пронзительной болью в душе осознал, почему так получилось: нет, Таманцев не мог оплошать, это он, Андрей, лопухнулся, наверняка он один виноват!..

Капитан же, которого Андрей должен был «держать», лежал спиной вверх, вытянувшись в траве, и Андрей в этот момент ничуть не сообразил, что его поза и неподвижность не соответствуют пулевому ранению в плечо.

«Прокачать», оценить обстановку, как учил его Таманцев, он не мог. Возбужденный, огорченный до отчаяния тем, что по его недосмотру Аলেখина тяжело или даже смертельно ранили, к тому же несколько сбившись с толку его запрещением: «Не стрелять!» — и оттого плохо соображая, что ему делать? — Андрей на мгновение растерялся, но тут слева, как выстрел, ударила отрывистая повелительная команда Таманцева:

— Держи лейтенанта!!!

96. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Егорову

В нашем № от 19.08.44 г. о разрешенных заменах с использованием трофейных продуктов для улучшения и разнообразия питания военнослужащих, привлекаемых к розыскным, контрольно-проверочным и войсковым мероприятиям по делу «Неман», ошибочно указано: «из расчета 5 граммов изюма за грамм сахара».

Замену следует производить только из расчета 3 грамма изюма за грамм сахара.

Настоящую поправку немедленно доведите до сведения интендантов для неуклонного выполнения.

Артемов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Чрезвычайно срочно!

Егорову

Спецсообщение

Сегодня, 19 августа, в 10.50 при проверке документов и личных вещей в поезде Вильнюс — Белосток трое неизвестных в форме военнослужащих отказались предъявить свой багаж. Будучи задержаны и переходя с оперативной группой из вагона в вагон, неизвестные в одном из тамбуров неожиданно открыли стрельбу, убив при этом старшего группы капитана Товпыгу и патрульного сержанта Шевкопляса и ранив офицера комендатуры лейтенанта Шмакова, после чего сорвали стоп-кран и бросились бежать.

Шмаковым, несмотря на ранения, было организовано преследование, в котором принял участие до 50 военнослужащих, ехавших в остановленном поезде. В результате неизвестных примерно в километре от железной дороги удалось настигнуть и одного из них, раненого в руку и в бедро, захватить живым. Двое других при попытке задержания, укрывшись за кустарником, оказали вооруженное сопротивление. Несмотря на призывы Шмакова взять неизвестных живыми, военнослужащие, участвовавшие в преследовании, открыли

стрельбу из пистолетов и автоматов на поражение, в результате чего один из неизвестных был убит, а другой тяжело ранен одиннадцатью пулями и, не приходя в сознание, спустя сорок минут умер.

При тщательном обыске района задержания и трупов обнаружено: рация портативная приемопередающая «Эри» мощностью 25 ватт, в рабочем состоянии, таблицы пятизначного шифра, 3 пистолета ТТ, к ним 47 патронов, 2 пистолета «вальтер» № 2 и к ним 29 патронов, ножей финских два, складной — один, 2 компаса, трое наручных часов, крупномасштабные карты районов Литвы и Западной Белоруссии, перешифровальных блокнота 2, листки с записями разведывательного характера, а также запасные бланки: офицерских удостоверений 5, командировочных предписаний 17, прогаттестатов 9, вещевых книжек 6, партийных билетов 4, комсомольский — 1.

В момент задержания неизвестными были предъявлены документы, заполненные на имя капитана Дзюбенко Кузьмы Остаповича, лейтенанта Шипулина Павла Ивановича и старшины Захарова Федора Петровича.

Захваченному живым агенту, имевшему документы на имя Захарова, оказана необходимая медицинская помощь. Его попытка покончить жизнь самоубийством была своевременно блокирована, и состояние после переливания крови является вполне удовлетворительным. Трижды предупрежденный об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, он, однако, за два с половиной часа допроса не произнес ни слова, и получение от него в ближайшее время каких-либо сведений, способствовавших бы установлению его личности или же личности двух других убитых агентов, представляется маловероятным.

Антропометрическим обмером бицепсов и сравнительным осмотром грудных и трапецевидных мышц установлено, что один из убитых, одетый в форму лейтенанта, был левша. Как он, так и одетый в форму капитана, по признакам словесного портрета, имеют некоторое сходство с фигурантами чрезвычайного розыска. Обнаруженные у них записи разведывательного характера также дают основания полагать, что они и являются особо опасными агентами, разыскиваемыми по делу «Неман».

Прошу срочно сообщить особые приметы или какие-либо дополнительные данные, способствующие окончательной идентификации. Ожидая ваших дальнейших указаний.

В соответствии с указанием о представлении к правительственным наградам настоятельно прошу отметить находчивость и самоотверженные действия получившего тяжелые ранения офицера 79-й комендатуры лейтенанта Шмакова Виталия Петровича, 1920 года рождения, урож. гор. Коломны, русского, члена ВКП(б), из совслужащих. Руководством комендатуры Шмаков характеризуется только положительно.

Омелин».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

В представляемых Вами донесениях не отражено политико-моральное состояние личного состава частей и подразделений, привлекаемых к войсковым операциям и контрольно-проверочным мероприятиям по делу «Неман».

Немедленно донесите с приведением наиболее характерных примеров и высказываний по частям Красной Армии, НКВД и этапно-заградительным комендатурам отдельно.

Колыбанса».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!»

Егорову

Находитесь неотлучно у прямой связи для приема чрезвычайно важного.

Колыбанов».

**97. ЕВГЕНИЙ ТАМАНЦЕВ — ЧИСТИЛЬЩИК И ВОЛКОДАВ
ПО ПРОЗВИЩУ СКОРОХВАТ**

Почти одновременно я уловил взмах руки над Пашиной головой и услышал команду бритоголового: «Бей их!» Я понял: Пашу убивают! — но помощник коменданта закрывал от меня всех троих, и единственно что я мог, это в ту же секунду, выстрелив в воздух и заорав: «Ни с места!!! Руки вверх!!!» — чтобы отвлечь внимание на себя — выскочить из кустов.

Вслед за мною выстрелил и Малыш, и я увидел, что бритоголовый как подкошенный валится в траву рядом с Пашей, а тот пытается подняться и кровь из раны на голове заливает ему лицо.

Ближе всех ко мне спиною в четверть оборота стоял помощник коменданта (он в первый же момент инстинктивно отпрыгнул назад), за ним метрах в полутора — амбал, еще дальше и левее — «лейтенант»; двое последних, естественно, повернулись и смотрели в мою сторону, причем в левой руке у амбала я, как и ожидал, увидел нож, а в правой у «лейтенанта» был «ТТ», который он, помедля, направил на меня.

Можно было без труда двумя-тремя пулями обезвредить его — он стоял совершенно открыто, — но я уже выбрал его для экстренного потрошения, и потому следовало взять его невредимым — желательнее без единой царапины.

В некоторой растерянности он помедлил, и за эти секунды я успел оказаться от него со стороны солнца и, таким образом, задействовал подсветку. Для острастки, для давления на психику я немедленно «пощекотал ему уши»: произвел по одиночному выстрелу из обоих наганов так, что пули прошли впритирку с его головой, — это впечатляет.

Чтобы затруднить ему прицеливание, я непрерывно «качал маятник»: пританцовывал левым плечом вперед, рывками перемещая корпус из стороны в сторону и все время передвигаясь и сам, — нечто похожее, только попроще, проделывает боксер на ринге. Для дальнейшего психологического воздействия я держал его на мушке и фиксировал взглядом, всем своим видом показывая, что вот-вот выстрелю.

Малыш выпрыгнул без промедления и, как и следовало, угрожающе закричал: «В-в-в-звод, к бою!» — и я тотчас во все горло повторил его команду, добавив: «Окружайте поляну!!!» — хотя никакого взвода в радиусе нескольких километров, разумеется, не было и делалось это, исключительно чтобы задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности — сбить троих с панталыку и, во всяком случае, заставить оглядываться.

Результат оказался большим, чем ожидалось: «лейтенант» крикнул «Засада!», метнул мгновенный взгляд на амбала и, дважды выстрелив даже не в меня, а в мою сторону, вдруг опрометью бросился бежать.

— Не стрелять! — поднимаясь на ноги, скомандовал Паша; это относилось ко мне и Малышу и звучало напоминанием, что хоть одного надо взять живым.

Умело держась метраж в двух за помощником коменданта, амбал молниеносно нагнулся к бритоголовому, и тут же в левой руке у него я увидел уже не финку, а обнаженный ствол и сразу сообразил, что он левша, и разглядел, что пистолет был не «ТТ», а «Браунинг Лонг 07» калибром девять миллиметров, именно та машина, которая у немецких агентов обычно заряжена разрывными пулями с ядом, вызывающим немедленную смерть.

Я уже прикинул оперативную обстановку и соотношение сил: Малыш свалил бритоголового «капитана», причем по-серьезному — тот не вставал и не двигался, — а у Паши как минимум пробита голова; во всяком случае, на какое-то время они оба практически вырубались. И мне следовало немедленно принять командование на себя и под мою личную ответственность во что бы то ни стало слепить — теплыми! — амбала и «лейтенанта».

— Держи лейтенанта! — крикнул я Малышу и, понимая, что Паша оглушен, во весь голос заорал: — Ложись, Паша! Ложись!!!

Я боялся за них больше, чем за себя, и с облегчением отметил, что они оба без промедления поняли и выполняли мою команду.

Выскочив в первое мгновение из кустов, я сразу же метнулся влево, чтобы расширить сектор охвата, положить амбалу и «лейтенанту» подсветку на глаза (развернуть их лицом против солнца), а также чтобы деблокировать директрису. Не удалось только последнее: амбал с похвальной быстротой переместился вправо и снова оказался за рослым, фигуристым помощником коменданта. Он двигался легко и ловко, и реакция у него была хорошая, но при этом защитном движении его голова на секунду появилась правее фуражки помощника коменданта, и в тот же миг выстрелом из правого нагана я сбил с него пилотку. Такие вещи впечатляют, а от меня сейчас требовалось все время давить ему на психику.

Помощник коменданта лишь теперь протер мозги, лапал судорожно кобуру, прижатую полой кителя, и не мог от возбуждения открыть — заколодило, как случается и не только у таких лопухов. Вообще-то Паша должен был дать ему «вальтер» в карман, и действовать ему следовало в первую очередь именно «вальтером». Но я сейчас не мог занимать извилины его оружием и его действиями; я на него нисколько не рассчитывал: после того как Пашу вырубали, я, естественно, надеялся только на одного себя.

— Падай, капитан, падай! — закричал я ему, но он, будто не слыша, даже не пригнулся.

Я ничуть не удивился: фактор внезапности в скоротечных схватках тормозит решительные действия даже у бывалых фронтовиков, чего же можно ожидать от разодетого тылового фраера?

— Ложись, комендатура, ложись!!! — яростно заорал я и тотчас прыгнул вправо.

Мне на секунду открылась часть туловища амбала, его левый бок и рука с браунингом, и, стремясь упредить его действия, я нажал на спусковой крючок, но амбал проворно дернулся влево, я же, вероятно, так боялся попасть в помощника коменданта, что от этого мандраже промазал и в душе обложил себя самыми последними словами.

Вслед за моим выстрелом справа раздалось еще три: стоя на четвереньках, Паша сбоку стрелял по ногам амбала. Он был оглушен, и правая половина лица залита кровью, к тому же рядом с директрисой находился помощник коменданта; естественно, я не рассчитывал, что Паша попадет, но это в любом случае создавало крайне ценный для меня в эту минуту отвлекающий фактор, и мысленно я ему аплодировал.

Нет, я не промахнулся: на рукаве гимнастерки амбала у самого

погона проступило темное пятно. Но я только слегка задел, считай, поцарапал ему левую руку, а ее требовалось надежно «отключить».

Толково используя ситуацию, он держался за живым заслоном, я же на открытом месте в десятке метров от него вынужден был энергично двигаться, пританцовывать, фиксируя его лицо и все время угрожая обоими наганами.

Он выстрелил в меня двумя пулями, не попал, добавил погодя секунды еще одну и снова — мимо. Чему-чему, а как «качать маятник»¹⁷, я мог бы поучить и его, и тех, кто готовил его в Германии, к тому же Пашины выстрелы сбоку, несомненно, действовали ему на нервы, а подсветка значительно снижала меткость.

Тем не менее он был опытный, находчивый парш, сразу понявший, что я опаснее других и что в первую очередь надо разделаться со мной. И я перед тем оценил его правильно: он действовал толково, уверенно, стрелял в отличие от «лейтенанта» умело, не торопясь, и если бы не подсветка и не моя сноровка в «качании маятника», он бы, возможно, меня уже свалил.

Ствол браунинга опять следовал за моими движениями — справа налево и обратно, и я чувствовал, знал, что в ближайшую секунду снова раздастся выстрел. Но в это мгновение помощник коменданта вытащил наконец пистолет, и амбал, целившийся в меня, без промедления выстрелил дважды ему в грудь.

С позиции инстинкта самосохранения и личной безопасности его действия были логичны, обоснованны, но теперь он терял свое главное преимущество: помощник коменданта сразу обмяк и стал валиться вниз и назад, при этом открылся верх туловища амбала, и как только это произошло, я, упредив его следующий выстрел, всадил ему две пули в левое плечо и тотчас рванулся вперед, чтобы помешать ему — заблокировать вероятную попытку поднять правой рукой вывалившийся в траву браунинг.

Он действительно нагнулся и, не спуская с меня глаз, зашарил у ног, но я летел на него стремглав, и, не выдержав, он бросился бежать через поляну, а я пустился за ним, успев отметить, что помощник коменданта и бритоголовый «капитан» лежат не двигаясь, причем поза последнего — спиной кверху, с неловко вывернутой вбок правой рукой — мне весьма не понравилась.

Слева захлопали выстрелы из «ТТ», и, кинув туда взгляд, я увидел, что «лейтенант», оборачиваясь, стреляет в Малыша, а тот, как я его учил, на бегу уклоняется, не очень ловко, но в целом грамотно.

Я боялся за Малыша, опасений же, что «лейтенанту» удастся уйти, не испытывал, поскольку знал, что если даже я его потом не догоню здесь поблизости, через двадцать минут — к тому времени, когда он в лучшем случае достигнет опушки, — весь лес по периметру уже будет охвачен огромной «каруселью», и за пределы столь плотного оперативного кольца ему не выскочить и не проскользнуть.

¹⁷ Качание маятника — это не только движение, оно толкуется шире, чем можно здесь понять со слов Таманцева. Его следует определить как «наиболее рациональные действия и поведение во время скоротечных огневых контактов при силовом задержании». Оно включает в себя и мгновенное выхватывание оружия, и умение с первых же секунд задействовать фактор отвлечения, фактор нервозности, а если возможно, и подсветку, и моментальную безошибочную реакцию на любые действия противника, и упреждающее стремительное передвижение под выстрелами, и непрерывные обманные движения («финт-игра»), и снайперскую меткость попадания в конечности при стрельбе по-македонски («отключение конечностей»), и непрерывный психологический прессинг до завершения силового задержания. «Качанием маятника» достигается захват живьем сильного, хорошо вооруженного и оказывающего активное сопротивление противника. Судя по описанию, Таманцев «качает маятник» в наиболее трудном и эффективном исполнении — «вразножку».

В кобуре у амбала на ремне за правым бедром был еще ствол, скорее всего «Браунинг Лонг 07», схожий по форме и размерам с «ТТ», и хотя рука у него болталась, как плеть, а гимнастерка под погоном потемнела от крови и брюки сзади повыше колена тоже — Паша все-таки сумел в него попасть! — я держал ухо востро. Утверждение, что якобы у левши правая рука развита недостаточно, — это байка для дефективных детишек. А в действиях его чувствовался настоящий парш.

Я услышал возгласы: «Стой! Стрелять буду!»; оглянувшись, увидел старшину, выскочившего с автоматом из кустов перед «лейтенантом», заорал ему и Малышу: «Не стрелять!» — но в тот же миг «лейтенант» поднял руки вверх, и я подумал с облегчением: вдвоем-то они наверняка его слепят теплым и невредимым.

В жизни каждый двадцатый — левша, их миллионы, но я уже убедил себя, что именно этот самый амбал пытался убить Гусева, того шофера с «доджа», и, следовательно, причастен к делу «Неман». Я просто мечтал, чтобы так оно и оказалось.

Раненный в плечо и в ляжку, он бежал даже лучше, быстрее, чем я ожидал. Но ему нужно было достигнуть деревьев или оторваться от меня, чтобы обнажить ствол, а я спокойно сокращал расстояние между нами и готовился его слепить. Он наверняка уже понял, кто мы такие и что наша задача — взять его живым. Конечно, я без труда мог его стреножить, но дырявить даже парша без необходимости — мне поперек горла, и зачем стреножить, если он и так не уйдет.

На бегу я опять оглянулся влево. Малыш, положив «лейтенанта» лицом в траву, стягивал ему вязками руки за спиной. Старшина, воинственно наставив вниз автомат, стоял рядом.

И в этот момент амбал наконец сделал то, чего я все время ждал: правой рукой ухватился за кобуру. Она у него наверняка была с вытяжным ремешком, и мешкать не следовало.

Тут могло быть два реальных решения: сбить его подсечкой или же оглушить ударом в голову. Имея в виду оперативную обстановку здесь, на поляне, и то, что нам предстояло, я выбрал второе: надав, сократил дистанцию и, как только пальцы его оказались в кобуре, взлетел над ним в прыжке и сверху ударил его рукояткой нагана правее макушки, вполсилы, с расчетом кратковременного рауша¹⁸.

Он упал вперед и чуть влево, по инерции метра полтора проехал лицом вниз по траве. Замер расслабленно, голова не поднималась, и я понял, что на какие-то минуты он вырубился. Сунув выпавший из кобуры браунинг себе в карман, я ухватил его за правую целую руку и в темпе, как куль, потащил к месту засады.

Туда же Малыш и старшина уже вели «лейтенанта». Он шел со связанными за спиной руками, и, бросив на него взгляд, я уже соображал, как буду его потрошить.

На ходу я успел посмотреть на часы — для рапорта. Зафиксировать момент начала сшибки я не имел возможности, но продолжалось все это не более трех-четырёх минут.

Паша с лицом, залитым кровью, сидел, зажав рукой рану на голове, а двое других — бритоголовый и помощник коменданта — по-прежнему лежали в траве. И увидев, что Паша сидит, я возликовал, от радости как гора с плеч слетела — могло быть и хуже.

И теперь, когда я увидел его живым и было совершенно ясно, что хорошо или плохо, но мы слепили всех троих, вопрос, который с момента их появления на поляне все время назойливо занимал меня: «Кто они?» — сменился другим. Я уже нисколько не сомневался, что

¹⁸ Рауш — оглушение с потерей сознания.

это действующие немецкие агенты, однако то, что один из них левша, еще ничего не доказывало, и теперь меня буквально свербилло главное, самое в эту минуту существенное: «Имеют ли они отношение к делу «Неман»?.. Имеют или нет?..»

98. ОПЕРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Весьма срочно!

Егорову

Механик 294-го ОРВБ старшина Гурченко Николай Тарасович по прозвищу «Коляныч» подтвердил, что прошлой зимой, когда его часть и батальон, где служил сержант Гусев, располагались по соседству под Гомелем, в феврале или начале марта месяца Гусевым у него действительно был приобретен за бутылку водки точно такой портсигар, как предъявленный ему нами для опознания.

Однако за прошедшую зиму Гурченко изготовил десятки одинаковых по форме, размеру и рисунку портсигаров со стандартной надписью «Смерть немецким захватчикам!», и ввиду отсутствия у них каких-либо индивидуальных особенностей и примет он не может утверждать достоверно, что именно этот портсигар был им передан Гусеву.

Бондаревский».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Срочно!

Колыбанову

на № от 19.08.44 г.

Надо смотреть правде в глаза. Все без исключения возможное нами предпринято и делается. Однако никаких гарантий, что разыскиваемых удастся взять сегодня или даже завтра, нет и быть не может.

Егоров».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Срочно!

Егорову

В действиях и поведении Чеслава и Винченца Комарницких за время наблюдения ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Логинов».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Колыбанову

На № от 19.08.44 г.

Малая саперная лопатка, обнаруженная в хате Юлии Антонюк и принесенная, как установлено, Павловским, имеет выдавненное заводское клеймо «Ч-к 44» и по справке Главного инженерного управления КА изготовлена в Челябинске в 1944 году.

Лопатка же, находившаяся в машине у Гусева, как нами точно установлено, имела заводское клеймо «К-в 43» и была изготовлена в Коврове в 1943 году.

Произведенной нами с целью идентификации тщательной проверкой получить доказательства того, что портсигар, обнаруженный у Павловского, является портсигаром Гусева, не удалось.

Таким образом, никакими данными о принадлежности Павловского к группе «Неман» мы пока не располагаем.

Поляков».

ЗАПИСКА ПО «ВЧ»

«Весьма срочно!

Гродно, Логинову

С соблюдением всех мер предосторожности без промедления негласно арестуйте Чеслава и Винцента Комарницких и самолетом с надежной охраной доставьте их в Лигу. За остальными продолжайте наблюдение.

Поляков».

ШИФРОТЕЛЕГРАММА

«Воздух!!!»

Егорову

Ввиду отсутствия результата по делу «Неман» согласно отданных ранее подготовительных распоряжений под Вашу личную ответственность надлежит сегодня с 18.00 задействовать глухое блокирование районов Вильнюса, Гродно и Лиги по варианту «Западня».

Проведение «Западни» санкционировано Ставкой ВГК.

Выполнение проконтролируйте и немедленно доложите.

ГУКР «Смерш» категорически требует ни на минуту не ослаблять усилий по подготовке вариантов «Большой слон» и «Прибалтийское танго», которые в случае необходимости будут задействованы в указанные Вами сроки.

Кольбанов».

99. «БАБУШКА ПРИЕХАЛА»

Таманцев стремительно подтащил безжизненно-тяжелое тело амбала к месту засады, где, по-прежнему не двигаясь, лежали в траве бритоголовый «капитан» и помощник коменданта, стояли на нетронутой дороге два вещевых мешка и возле них с залитым кровью лицом, зажав ватно-марлевым тампоном из индивидуального пакета рану на голове и уперев локоть этой руки в подставленное колено, беспомощно сидел Алехин.

— Порядок! — громко сообщил ему Таманцев. — Двое наверняка теплые!

— Ты не ранен?

— Ни царапинки! И Малыш цел!.. А у вас... немного разбита голова... Ничего страшного! — оглядев Алехина и определив, что ранение всего одно, с нарочитой бодростью крикнул Таманцев, хотя не знал и весьма сомневался: разбита поверхностно или пробита? — Как самочувствие?

— Нормально, — тихо сказал Алехин. — Не отвлекайся...

Даже в этом состоянии его более всего занимал «момент истины», и Таманцев отлично его понимал.

Не теряя даром и секунды, Таманцев в темпе делал все необходимое, завершающее силовое задержание. Вытащив вязки, он намертво приторочил кисть правой неповрежденной руки амбала к щиколотке его левой, подогнутой к ягодице ноги. Подведенного Блиновым и стар-

шиной «лейтенанта» он мигом положил лицом вниз, задрал на спине гимнастерку, сунул ему за оттянутый пояс нож и, рванув к себе, разрезал сзади брюки вместе с трусами чуть наискось до самого колена. Такую же процедуру в следующее мгновение он проделал и с амбалом, потом уложил их обоих, как полагалось, спинами друг к другу — «лейтенанта» так, чтобы у него перед глазами были помощник коменданта и вещевые мешки, амбала же на здоровый бок, затылком к месту засады, и, указывая на него Блинову и старшине, скомандовал:

— Перевяжите ему плечо и ногу! Двумя пакетами! ●Стальные дайте сюда! Быстро!

Все, что в эти минуты делал Таманцев, он проделывал за три с лишним года войны несчетное число раз. Каждое его движение и в «качании маятника» и в силовом задержании было отработано не только боевой практикой, но и постоянными тренировками — с момента появления из кустов он, без преувеличения, действовал с четкостью и быстротой автомата. Блинов и старшина-радист — оба они старались и теперь бросались выполнять его приказание — по сравнению с ним двигались, естественно, медленнее и своей неуксусностью и, как ему казалось, неповоротливостью раздражали его.

Обиходив захваченных агентов, Таманцев ухватил запятнанный кровью вещмешок, перерезал ножом тесьму, стягивавшую верх, и крикнул Алехину:

— Товарищ капитан, давайте перевяжу!

— Успеется!..— строго сказал Алехин.— Не отвлекайся!

Он держался напряжением всех сил и был убежден, что как только его начнут перевязывать или если даже просто отнять намокший тампон от раны и польет кровь — в любом случае он сейчас же потеряет сознание. А до получения «момента истины», до осмысления и принятия им как старшим группы соответствующего решения он просто не имел права терять сознание.

— Посмотри, что с ними! — приказал он Таманцеву, стараясь разглядеть лежавших в нескольких метрах от него помощника коменданта и бритоголового «капитана».

С помощником коменданта все было ясно: он лежал лицом вверх, и еще раньше, только подбежав сюда, Таманцев увидел его уставленные в одну точку, прямо на солнце, остекленелые глаза.

Не выпуская из рук вещмешка, Таманцев подскочил к бритоголовому и, заметив у него за ухом крохотную ранку, ухватил его за плечо, повернул и, увидев вместо правого глаза зияющее выходное отверстие, из которого на траву вытекала черная кровь, вскинул голову.

— Холодные... Оба...—отпустив плечо «капитана», сказал он вполголоса, приложив при этом ладонь ко рту и оборотясь спиной к «лейтенанту» (чтобы тот не услышал), и посмотрел на Блинова.

— Как же так? — проговорил Алехин.

Присев на корточки, Блинов поспешно бинтовал ногу амбалу. Он расслышал слова Таманцева и все понял.

«Это я!.. Я его убил!.. Что я наделал!..» — с ужасом подумал Андрей, жар ударил ему в голову, оторопелый — стрелял-то ведь в плечо! — он покачнулся и, потеряв равновесие, нелепо упал.

— Что с вами? — удивленно спросил старшина.

— Вот она!!! Телефункен! — точно сквозь сон услышал Андрей торжествующие возгласы и, уже поднимаясь, увидел в руках у Таманцева вытащенный из вещмешка, поблескивающий никелем и эбонитом радиопередатчик.

— Посмотри поясницу... — говорил Алехин, морщась от крика Таманцева.— Посмотри поясницу у капитана...

Поставив рацию на вещмешок, Таманцев взрезал ножом брюки на спине у бритоголового, отвернул края в стороны и, взглянув, сообщил:

— На пояснице... вправо от позвоночника два круглых шрамика... Вроде как от фурункулов.

— Женя, это Мищенко... — сказал Алехин. — Запомните, это Мищенко...

Таманцева трудно было чем-либо удивить, но какие-то секунды он смотрел, лихорадочно осмысливая, и не верил. Вспомнив ориентировки и особые приметы, он живо перевернул «капитана» на спину, с силой разжал ему челюсти, заглянул в глубину рта, увидел на верхней короткой металлический мостик, потрогал зачем-то его пальцем и, вытирая руку о голенище своего сапога, подтвердил:

— Мищенко...

Малыш свалил Мищенко! Фантастика! Стажер-несмышлениш свалил легендарного Мищенко, который за двадцать лет более пятидесяти раз перебрасывался на советскую территорию, которого два десятилетия ловили на Дальнем Востоке и западных границах, ловили на всех фронтах, но даже во время чрезвычайного розыска не смогли поймать. Свалил одним выстрелом, разумеется, ничуть того не желая. И теперь страшно переживает. Хотя ему ничего не будет — да Эн Фэ пальцем его тронуть никому не даст! И не потому, что он стажер. И не потому, что генерал сказал — взять живым хоть одного, а взяли двоих. Просто особый случай. Формально это даже его долг. Убить объявленного вне закона — право и обязанность каждого советского человека. Можно было бы его ободрить, пояснить, но ничего, пусть немного помучается. Пусть прочувствует, что лепить надо теплыми, а убить — любой дурак в состоянии. Это тебе не на передовой и не в сорок первом году!

А Паша — мозга! Гений! Спустя год... за какой-то десяток минут прокатать Мищенко — невероятно!

— Чего нам запоминать? Сами доложите! — вытаскивая индивидуальный пакет, недовольно крикнул Алехину Таманцев; ему не понравилось, буквально резануло уши: «Запомните — это Мищенко». Паша что — собрался умирать?.. — Я вас перевяжу! — настойчиво предложил он.

— Нет! — решительно отказался Алехин и полупшепотом добавил: — Сначала...

Таманцев спрятал пакет, внутренне настраиваясь бутафорить, опустил голову, расслабленно-спокойный подошел к Аникушину, посмотрел и, словно только теперь обнаружив, что тот мертв, в сильнейшем волнении, как бы еще не веря, вскричал:

— Васька?! Ваську убили?!

Он повернулся к лежащим на траве агентам, кинул лихорадочный взгляд на одного, затем на другого и, как бы все вдруг поняв, с лицом, искаженным отчаянием и яростью, уставил палец на «лейтенанта».

— Ты!!! Ты его убил!..

— Нет!.. Я не убивал! Не убивал! Это не я! — энергично запротестовал «лейтенант».

— Ты!!! Он убил Ваську! Он убил моего лучшего друга!!! — оглядываясь и как бы призывая в свидетели Блинова, старшину и Алехина, истерично закричал Таманцев и в совершенном отчаянии замотал головой: — Я жить не буду!!! — Обеими руками он ухватил ворот своей расстегнутой наверху гимнастерки и, рванув, разодрал ее до пояса, обнажив широкую крепкую грудь, сплошь расписанную синими разводами морской татуировки. — Паскуда! Я прикончу его как падаль!!!

И с лихорадочной поспешностью зашарил вокруг по траве глаза-

ми, отыскивая наган, умышленно выроненный им перед тем себе под ноги.

— Нет!.. Клянусь, это не я!

— Не смей его трогать! — подыгрывая, строго сказал Алехин.

— Он убил Ваську!!! — рыдающим голосом вопил Таманцев, подняв из травы и держа в руке наган.— Я прикончу его как падаль!!!

Аникушина звали Игорем, а не Васькой, и убил его не «лейтенант», но это не имело сейчас никакого значения. Андрей уже сообщил, что начался заключительный аккорд, так называемое «экстренное потрошение», жестокая, но в данных обстоятельствах совершенно неизбежная игра, необходимая для того, чтобы тотчас — немедленно! — получить от кого-либо из захваченных — предположительно самого слабого по волевым качествам — совершенно необходимые сейчас сведения.

Аникушин во время засады повел себя непонятным образом и очень крепко помешал, теперь же, мертвый, он должен был помогать: для пользы дела обыгрывалась его гибель.

Андрей, однажды уже принимавший участие в подобной игре, бросился сзади на Таманцева, обхватил его мускулистое горло левой рукой, а правой — вцепился в его руку с револьвером, хорошо помня, что недопустима и малейшая фальшь, все должно быть естественно, и бороться надо без дураков — в полную силу. Прошлый раз ему помогал в этом Алехин, но сейчас капитан с залитым кровью лицом бессильно сидел на траве и рассчитывать на его поддержку не приходилось.

— Не смей его трогать! — все же восклицал он требовательно, изображая реакцию на возгласы Таманцева.— Слышишь, не смей!

— Держите его! Он контуженный! — крикнул Андрей старшине, и тот, поспешив на помощь, вцепился в Таманцева слева.

— Пустите!!! — с искаженным яростью и отчаянием лицом рвался к «лейтенанту» Таманцев.— Он убил моего лучшего друга!!! Он убил Ваську!!! Я прикончу его как падаль!!!

При этом у Таманцева судорожно подергивалась голова, и рыдал он самыми настоящими слезами, что еще в прошлый раз удивило Андрея. В то же время он не забывал толкать Андрея в коленку — мол, давай, работай!

«Лейтенант», лежа на боку со связанными за спиной руками, инстинктивно старался отползти, отталкиваясь судорожными движениями ног; разрезанные брюки и трусы при этом сползли до колен, обнажив белые мускулистые ляжки.

— Я не убивал!!! — в сильнейшем страхе кричал он.— Клянусь — не убивал! Это не я!!!

В это мгновение Таманцев с бешеным криком: «Он убил Ваську!!!» — внезапным рывком отбросил в сторону старшину и с Андреем, повисшим у него на спине и намеренно выпустившим руку Таманцева с наганом, подскочил к «лейтенанту» и трижды выстрелил в него, точнее над самой его головой.

В следующую секунду он сунул ствол нагана под ноздри «лейтенанту» и рассчитанным движением раскровенил ему верхнюю губу, преследуя при этом двойную цель: чтобы тот, оглушенный, вдохнул в себя пороховую гарь и ощутил кровь.

— Не смей, мерзавец! — подыгрывая, кричал Алехин.— Псих ненормальный! Держите его!

— Я не убивал!!! Пощадите!!! — в ужасе рыдал «лейтенант». — Я никого не убивал!!! Спасите!!! Это не я!!!

Андрею и старшине удалось оттащить Таманцева на несколько

шагов, однако, волоча их обоих за собой, Таманцев тут же снова ринулся к «лейтенанту».

— Не ты?! А кто?! Кто же его убил?! Может, ты еще скажешь, что вообще в нас не стрелял?! — яростно орал Таманцев, прикидывая и определяя, что лежащий перед ним уже доведен до потребного состояния и надо брать быка за рога. — Ты еще смеешь врать? Ты еще смеешь обманывать советскую власть?! Может, ты и позывные уже забыл?!

Андрей теперь с силой удерживал левой рукой не Таманцева, а старшину, вошедшего от борьбы в раж, страдавшего от боли — в момент броска ему вывихнули плечо — и ничего не понимавшего.

— Если хочешь жить — позывные вашего передатчика?! — указывая револьвером на рацию, вынутую из вещмешка, властно потребовал Таманцев и снова уткнул ствол нагана в изуродованное ужасом лицо «лейтенанта». — Позывные твоего передатчика?! Быстро!!!

— Я... Я скажу!!! Все скажу!.. — рыдающим голосом торопливо повторял «лейтенант». — Эс-Тэ-И... Эс-Тэ-И...

— Как Эс-Тэ-И?! — внутренне похолодев, закричал Таманцев. — А Ка-А-О?!

— Ка-А-О было до... четверга... А теперь Эс-Тэ-И!..

— Сколько вас?! — чуть отводя револьвер, но не меня зверского выражения лица, мгновенно продолжал Таманцев. — Сколько вас приехало сюда, в лес?! Быстро!!!

— Трое...

— Кто старший?!

— Вот... — «Лейтенант» взглядом указал на груп Мищенко.

— Его кличка?! Для радиogramм! Быстро!!!

— Кравцов...

— А где Кулагин?! — мгновенно потребовал Таманцев. (Документы на имя старшего лейтенанта Кулагина были у Павловского.)

— Здесь, в лесу... Он должен нас ждать...

«Должен!» — от огорчения и неприязни к самому себе Таманцев яростно сплюнул.

— А «Матильда»? Где «Матильда»?!

— Он не здесь... Он под Шауляем...

— Он что — офицер штаба фронта?! — тотчас спросил Таманцев (так предполагал Эн Фэ). — Кто он по званию?! Быстро!!!

— Капитан... Шифровальщик штаба фронта...

— Ты меня с ним познакомишь? Если хочешь жить, ты просто обязан меня с ним познакомить! Понял?!

— Да-а...

— А «Нотариус»? Кто он и где?!

— В Гродно... Железнодорожник...

— Чеслав Комарницкий?! — сейчас же вскричал Таманцев (так предполагал Эн Фэ). — Сразу!!!

— Чеслав... Фамилию не знаю...

— Составитель поездов?! Высокий... блондин... лицо длинное, нос с горбинкой?!

— Да-а...

— А твою физиономию я узнал бы из тысяч! — Таманцев не без труда скрывал свою радость. — Ведь ты радист?!

— Да-а... — всхлипнул «лейтенант».

— То-то же!

Выпрямясь, Таманцев ослабил пальцы, и Андрей, ожидавший этого мгновения, энергичным движением вырвал у него из руки наган и сразу отпустил его самого. Как бы приходя в себя, Таманцев помотал головой и словно весь вдруг обмяк и подобрел лицом.

Это было необыкновенное, испытанное за войну всего лишь несколькими чистильщиками пронзительное ощущение — «момент истины» по делу, взятому на контроль Ставкой. Он чувствовал, что «лейтенант» не врет, и знал цену полученным от него сведениям. В эти мгновения только он, Таманцев, единственный обладал «моментом истины», и при мысли, что есть реальная возможность сегодня же взять и «Матильду» (а кто это сделает лучше, чем он, кто?!), у него захватывало дыхание. Если только Эн Фэ и генерал согласятся брать «Матильду» под носом у контрразведки другого фронта. Должны согласиться — мысленно он уже летел с «лейтенантом» и Мальшом в Шауляй...

— Как тебя зовут? — спросил Таманцев: надо было спешно строить отношения с «лейтенантом». — Не для немцев, для матери!

— Сер-рей...

— Хорошее имя! — одобрил Таманцев. — Что ж... Если не ты убил Ваську и дашь нам «Матильду» — тогда живи! — милостиво, но как бы не совсем охотно разрешил он «лейтенанту». — Только дышать будешь, как я скажу! А если вздумаешь крутить, не обижайся, Серега... — Голос Таманцева дрогнул, и лицо сделалось скорбным. — Если вздумаешь крутить, тогда не обижайся — это будут последние минуты твоей жизни... Понял?.. Мы поедим к «Матильде» немедленно! — после короткой паузы пообещал он. — Полетим самолетом! Мы обнимем его сегодня же!

Затем он повернулся к Алехину и, громко, отчетливо произнося каждое слово, сообщил:

— Товарищ капитан, «бабушка приехала»!

Это был условный сигнал для передачи открытым текстом по радио, означавший примерно: «мы их взяли», означавший, что ядро группы и рация захвачены.

— Это точно? — с очевидным сомнением проговорил Алехин. — Ты все прокачал?

— Точнее быть не может! — заверил Таманцев. — Я отвечаю!

«„Бабушка приехала!“.. Значит, порядок — она приехала! Слава богу, приехала!..» Неясные, подернутые какой-то красноватой пленкой вершины берез и кусты плыли у Алехина перед глазами, и он никак не мог их остановить. Голова гудела и пульсировала, как второе сердце. Удрученный своей беспомощностью в эти ответственные минуты, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, он держался из последних сил — ему еще надлежало принять решение. Он напрягался, стараясь разглядеть циферблат часов, поднесенных на руке к самому лицу, и наконец различил: было без восьми минут пять.

Оперативное кольцо вокруг Шиловичского леса только что замкнулось. Четыре с половиной тысячи человек на двухстах автомашинах с рациями и служебно-розыскными собаками, саперами и миноискателями уже кружились в гигантской карусели вокруг Шиловичского массива, ожидая команды начать операцию, с таким трудом и тщанием подготовленную Поляковым и теперь совершенно ненужную...

Ее следовало отменить, остановить — еще можно было успеть.

— Старшина! — Алехин повел головой, ища взглядом и не видя, не находя радиста. — Срочно передайте Первому... открытым текстом... — с усилием произносил он. — «Гребенка не нужна!.. Бабушка приехала!.. В помощи не нуждаемся!..» Повторяйте непрерывно... — уронив руку с набухшим тампоном и опуская голову, проговорил он. — Бабушка...

— Повторяй до бесконечности! — подхватывая за подбородок голову Алехина и другой рукой проворно расстегивая ворот его окровавленной гимнастерки, властно приказал старшине Таманцев. —

«Бабушка приехала! Гребенка не нужна! В помощи не нуждаемся!..» В темпе!.. Дублируй на запаске!.. Бегом!!! Жми!..

Осторожно отведя волосы, он прежде всего убедился, что, хотя кровь сочилась по-прежнему, голова у Алехина была не проломлена, а только разбита, и, рванув зубами нитку, вскрыл индивидуальный пакет.

— Ничего страшного!..— прикладывая к ране свежий тампон, возбужденно говорил Таманцев.— Паша, ты— гений!.. Мы их взяли!!! — выкрикнул он и, пачкаясь в крови, несколько раз звучно поцеловал лицо Алехина.— Ты их раскрыл!.. Ты прокачал Мищенко!.. Пашуня, ты даже не соображаешь, какой ты гений!..

Старшина-радист уже скрылся в кустах, за которыми находился его передатчик. В тексте, сказанном ему Алехиным, Таманцев отметил неточность: они, безусловно, нуждались в помощи. И вместо последней фразы следовало передать: «Имеем два места холодного груза и тяжелобольного», чтобы с опушки прибыли розыскники для выноса трупов и немедленно прислали врача для Алехина. Но это можно было передать и спустя минуты, и Таманцев не стал ничего изменять. Он не сомневался, что Паша так сказал умышленно, чтобы сразу, первым же сообщением снять с Эн Фэ, генерала и еще с очень многих в Лиде и в Москве чудовищное напряжение последних суток.

Оборотаясь, Таманцев быстро оглядел обоих захваченных агентов; они лежали спинами друг к другу, молча, не двигаясь, как и полагалось, причем амбал очнулся и слабо шевелил головой. Блинов с пистолетом в руке, как и следовало, стоял наготове шагах в пяти от них.

«Тики-так!.. Как ни болела, а умерла!» Про себя Таманцев уже отметил, что с «Неманом», по существу, покончено, причем радист невредим и, без сомнения, пригоден для функельшпиля, слеплен живым и второй агент, и рация захвачена, к тому же есть реальная возможность взять и «Матильду», который, как объяснил утром Алехин, особенно беспокоил Ставку.

У него мелькнула мысль, что через какие-то минуты передатчики большой мощности продублируют самое желанное в эти сутки не только для военной контрразведки сообщение о приезде «бабушки», и тотчас о поимке разыскиваемых станет известно не только в Лиде, но и в Москве.

Он представил себе по-детски обрадованное лицо Эн Фэ и как тот — если не бог, то, несомненно, его заместитель по розыску! — от волнения картавя сильнее обычного, скажет, разводя руками: «Ну, б'гатцы... нет слов!..» И не в силах больше удерживаться от распиравших его эмоций, он, уже вскрыв зубами второй индивидуальный пакет и прижимая бинтом тампон на голове Алехина, срывающимся голосом неистово закричал:

— Ба-бушка!.. Бабулька приехала!!!

НАТАН ЗЛОТНИКОВ

★

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Полудетская песня звучит над карьером,
Над большой рекою и маленьким сквером,

Над поселком дощатым, над всею державой...
Тракт змеится в карьере пружиною ржавой.

Восьмиклассница лепит свистульку из глины
И мотив вспоминает забытый, старинный.

Ах, еще ни о чем тосковать не умея,
В небе голос ведет, как бумажного змея.

То красив этот голос сырой, то не очень,
Как игрушка в беспечных ладонях, непрочен.

Дождь прошел. И надрывно режут самосвалы.
В лужах мечется свет — то зеленый, то алый.

Экскаватор гудит, цепь струится по шине,
Тракт под грузом на миг оседает, пружиня.

Но поет эта девочка, лепит и лепит
То ль игрушку свою, то ль души моей трепет.

Щелкнет выстрел сухой в карауле —
В дальней юности, в дальних местах,
Тень от в небо завинченной пули
Будет долго дрожать на листьях.

Эхо станет слабеть и двоиться,
Пропадая за Монча-горой,
Но оттуда вдруг вылетит птица,
Будто выстрел ответный, второй.

Новой жизни подъемная сила
Разбудила, раскрыла крыло,
Словно сердце звала и дразнила.
Только сердцу взлететь тяжело.

Но трепещет оно, замирая,
 Не от робости — от новизны
 На просторах полярного края,
 Накануне любви и весны.

Будет вдосталь морозу, и зною,
 И того, что не знает никто...
 Птица в небе поет надо мною.
 Пуля тоже поет, но не то.

* * *

Не узнал я хулы и обмана,
 А узнаю — теперь не беда.
 Как летят над водою Шаркана
 Стаей звонкою провода!

Как летят эти дни и недели,
 Как дорогу относит назад!
 И удмуртские черные ели
 Над водой горизонт бороздят.

Память прочную, словно запруду,
 Возведу и поймаю звезду.
 Оглянусь на тебя — и забуду,
 Отвернусь — и тоской изойду.

ДОМ ДРУЗЕЙ НА МОЙКЕ

В этом старом и сумрачном доме
 Не спалось, дождь в окно залетал,
 Мост внизу зависал на изломе,
 Свет фонарный блестел, как металл.

В доме пахло ремонтом, и козлы
 Так шатались, скрипя по ночам,
 Словно осени ветер промозглый
 Их, как люльку пустую, качал.

Я вставал, запахнув одеяло,
 Словно плащ, и к окну подходил.
 Там река неподвижно стояла,
 Чуть касаясь гранитных перил.

Равновесье держа, замирая
 Перед круто зависшим мостом,
 Словно жизнь предстоит ей вторая,
 В дальний час и на месте пустом.

Чуть дрожали чугунные стойки,
 Изгибался крутой парапет.
 Я смотрел на стояние Мойки
 Долго-долго, как дети на свет.

Что ж, уже пресекались наши годы...
 Только замыслы в небе парят,

И небесные тесные своды
Обнимают их трижды подряд.

Что ж, и судьбы, и сроки, и силы
Прозвучать могут и вразнобой,
Но все судьбы несоотносимы
С той единственной судьбой.

Чей владетель жил в этом квартале
И не ведал, где жизни предел.
Счастлив в счастье, печален в печали,
Он на эту же воду глядел.

.

Вечный распорядок,
Хлопоты, дела...
День велик ли, краток —
Жизнь всегда мала.

Вот уже и зрелость,
Хоть далеко мрак.
А прожить хотелось,
Может быть, не так.

Может, полной мерой
Счастья не дано?
Так живи и веруй,
Как привык давно!

Ведь не надоело
Дело для души.
Делай это дело,
Думай и пиши!

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ЛИТВИНОВ

СИЛОВОЕ ПОЛЕ РОМАНА

Над страницами «Поднятой целины»

Книги имеют свой эмоциональный облик: одно название рождает чувство тревоги, другое — улыбку. Есть книги озорные, есть по-стариковски рассудочные. Шолоховская «Поднятая целина» — словно гроза в степи. Клубятся тучи, замешанные на солнце и синих молниях, воздух разрежен, грозовые разряды взрываются над самой твоей головой.

Ощущение, конечно, достаточно субъективное. У каждого это по-своему. И даже по-разному в разные времена. Опытные библиотекари знают, как иные книги удивительно «отстаиваются», «умиротворяются» в читательском сознании, особенно те, которые без конца комментируются, обсуждаются на читательских конференциях, заучиваются в школе. Глядишь, со временем и «Гамлет» начинает казаться тебе сюжетом, в общем, простым и односложным (даже непонятно, что так взвинтило мятежного принца с его «быть или не быть»); и о «Тарасе Бульбе» все привычнее говорить в тонах элегическо-эпических, хотя сама-то гоголевская повесть на редкость беспокойная, там без конца гремит сеча, летят головы, отец проклинает сына страшным проклятьем и брат идет на брата, а кончается все тем, что Тараса заживо сжигают на костре, предварительно распяв на кресте, прибив руки гвоздями...

Со школьных лет запомнилась лирическая увертюра к «Поднятой целине»: «В конце января, овейные первой оттепелью, хорошо пахнут вишневые сады...» Веселые похождения деда Щукаря под маркой «Поднятой целины» издаются специальными библиотечками юмора... Перенесенная на экран гремяченская история спит хоро-

водом олеографически-сочных красок: цветастые юбки, красные околыши казачьих шапок, желтизна подсолнухов... И все-таки неотступна мысль: а ведь нет, пожалуй, книги о 30-х годах более суровой, чем эта! Образом грозы недаром навеяны самые последние строки романа, та картина, что венчает большое повествование: «...за невидимой кромкой горизонта алым полымем озарилось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза».

Полотно «Поднятой целины» исключительно широко. В его конфликтах, нравственных коллизиях — многообразии самой жизни, оно свободно вбирает едва ли не весь возможный «человековедческий» спектр.

Говорим — весь возможный, а между тем с годами открываем в шолоховском романе все новые жизненные аспекты: эта книга поистине «за далью — даль».

Бывает, что в какую-то новую «даль» исследовательская мысль уходит столь далеко, что позади уже едва различается сам контур романа — конкретного повествования о конкретных событиях. И слова, которые часто произносятся относительно «Поднятой целины» в образном смысле — «энциклопедия своего времени», — начинают пониматься совсем уже буквально. Для энциклопедии ведь важны не сюжет и не характеры, а ответы «на любую букву».

В таких случаях просто необходимо бывает вернуться к исходному, «начать с начала».

Что касается «Поднятой целины», то она начинается, как помним, с того, что среди

тонко пахнущих вишневых садов, овеечных первой оттепелью, возникает зловещая фигура Половцева — бывший царский есаул по ночной дороге поспешает в Гремячий Лог. Половцев — как объявление войны хутору, как вызов всему мирному, трудовому, чем он жил до сих пор. Это с первых страниц романа зазвучал сигнал классовой борьбы, полыхнула грозная зарница. И как бы потом ни уходило далеко от ее огня шолоховское повествование, эта тревожная зарница будет по-своему высветлять и эпизоды крестьянского бытия, и щемящие душу интимные признания героев, и пафос шумных массовых сцен. Тема классовой борьбы поднимет роман до высокой трагедийности. Кажется, здесь даже пейзаж заряжен драматизмом: вспомним, какой своеобразный облик принимает весеннее колхозное поле под взглядом кулака Островнова и как органично связана с невзгодами Нагульнова, с преодолением их картины родной донской степи.

Всего же отчетливей эта тема в самой композиции романа. Построение произведения не оставляет ни малейшего сомнения насчет писательского замысла: первая глава — появление на хуторе Половцева, вторая — появление Давыдова; Половцев открывает Якову Лукичу свой план мятежа с помощью иностранных держав — Давыдов на бедняцком активе решает вопрос о колхозе в Гремячем, о раскулачивании; в след главе о первых шагах колхоза — глава о создании контрреволюционного «союза», о первой его акции — убийстве Хопрова, задумавшего идти к властям с повинной... И так до самых горьких строк: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову...»

Перед нами редкий пример, когда композиция романа в точности отражает его решающую коллизию, словно бы выстроившись «вдоль» остродраматического конфликта.

«Он не смог бы передать всего величия победы таких людей, как Давыдов, рядовых тружеников партии, если бы не отобразил напряжения борьбы,— пишет об авторе «Поднятой целины» Ю. Лукин.— Он не показал бы в полную силу духовного роста Давыдова, его соратников и воспитанных им людей, если бы не провел их через те испытания, которые ставила перед ними реальная действительность. Тема социалистической человечности раскрывается

в показе суровой, непримиримой борьбы во имя высокого идеала»¹.

Половцев из тех врагов, которые идут до конца, без оглядки, без каких-либо уступок обстоятельствам. Враг заклятый: он был среди вешателей Подтелкова, бежал до самого Черного моря, долго скрывался под чужим именем и вот теперь в горенке Островнова, наглухо завешанной валяными полстями, выжидает часа, когда можно будет запалить мятеж: «Милицию и коммунистов по одному переберем на квартирах, а дальше пойдет полыхать и без ветра...»

Каких-либо других вариантов для казачьего есаула не существует. Однажды его соратник Лятевский хоть и был пьян в стельку, но эту аксиому сформулировал перед Островным довольно точно: «Половцеву и мне некуда деваться, мы идем на смерть... Нам терять нечего, кроме цепей, как говорят коммунисты».

Между тем и у самого Якова Лукича Островнова тоже свой жесткий счет к новой власти. В ту ночь, когда в его курене появляется Половцев, хуторской кулак рассказывает, словно подсчитывает: «Продразверсткой в первый раз обидели товарищи: забрали все под гребло. А потом этим обидам и счет я потерял... Хоть и не раз шкуру с меня съмали, а я опять же ею обростал...» Разбередив душу, Островнов в тоске выдает едва ли не самое заветное: «При вольной жизни я бы зараз, может, свой автомобиль держал!»

Когда Яков Лукич помогал убивать Хопровых, он еще выказывал слабинуку — ноги подламывались от страха, с лица был зелен, как капустаный лист. А дошло дело до кумы (с Хоприхой семь лет назад Яков Лукич крестил сынишку), глянули из сумрака ее обезумевшие глаза на почерневшем от удушья лице — Половцев забил бабе в рот скомканную юбку, разодранные губы все пытались в припадке надежды поцеловать руку убийцы, но есаул, славный царский офицер, завернул ей подол холщовой рубашки на голову да рубанул что есть сил топором, в ноздри хлынул приторный запах свежей крови — тут уж Яков Лукич и вовсе сплеховал, дикий приступ рвоты потряс его, он выблевал в хате Хопрова, словно вывернул себя наизнанку...

Однако придет время, и Островнов в этой

¹ Ю. Лукин. Михаил Шолохов. Критико-биографический очерк. М. «Советский писатель». 1952. стр. 85.

кровавой коловерти совершит такое, до чего, может, и самому Половцеву не дотянуться,— уничтожит «для пользы дела» собственную мать.

Когда та по стариковской глупости стала болтать лишнее на селе, Яков Лукич запер старую на замок.

Мать поначалу ни о чем не догадывалась, прислушивалась к его шагам за дверью, как прислушивалась все эти годы, сердцем помня давний неуверенный босногий топоток своего милого первенца Яшеньки. Она и взаперти все думала о нем, и горделивая материнская улыбка трогала бесцветные высохшие губы.

Четыре дня она погибала без воды и пищи. Была немощной и бессильной, а все жила, молила их из-за двери, а он крадучись все ходил около, слушал ее голос: «Яшенька мой! Сыночек родимый! За что же?! Хучь воды-то дайте...»

Кончилось на четвертый день. Яков Лукич дрожачими пальцами снял замок — мать лежала у порога, рядом старая кожаная рукавица, изжеванная ее беззубыми деснами.

Шолохов пишет: «Подруги покойницы обмыли ее сухонькое, сморщенное тело, обрядили, поплакали, но на похоронах не было человека, который плакал бы так горько и безутешно, как Яков Лукич. И боль, и раскаяние, и тяжесть понесенной утраты — все страшным бременем легло в этот день на его душу...»

Потом они будут убивать еще и еще.

Однако и решительность тех, кто представляет трудовое казачество хутора, тоже несомненна.

На собрание, где предстояло решать судьбу колхоза, Давыдов явился с перевязанной головой — поутру ему железной едва не проломил череп кулак Титок. В накале страстей кто-то безымянный кричит приезжему агитатору из зала: «Тебе Титок раз кровь пустил, и ишо можно...»

То, что сказал в ответ Давыдов, срываясь с голоса и бледнея на глазах, можно понять как клятву, как саму формулу жестокой непримиримости нового со старым.

Он ответил в затихшем вдруг зал:

«Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. Но, если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь, ты, кулацкая гадина? Всю, до последней капли!»

А чуть выше — сцена, словно раскрывающая истоки этой суровой решительности. Собрался актив гремяченской бедноты — самая голытьба, народ, задавленный нуждой и непосильной работой. И, может, самый бедный из них, Павло Любишкин, говорит о невозможности одиночной жизни — колхоз им нужен позарез, иначе пропали. «Не за что нам ухватиться, вот в чем беда... Я сам до колхозного переворота думал Калинин письмо написать, чтобы помогли хлебобобам начинать какую-то новую жизнь»...

Этот простой казак, у которого «трое детишков, сестра калека и хворая жена», мог бы многое сказать о том, что подлирало процесс коллективизации сельского хозяйства с низу, почему ему, Любишкину, немоготу существовать так, «как при старом режиме,— плати налоги, живи как знаешь». Речь его на собрании рваная, слова падают от кривь и вкось, но в них своя зрелая истина. «Видно, воевал я с кадетами за то, чтобы опять богатые лучше меня жили? Чтобы они ели сладкий кусок, а я хлеб с луком?»

Могут спросить: да откуда такая нетерпимость, разве до революции тот же Любишкин не жил в совершеннейшей нужде, не платил налоги, не изворачивался как мог? Однако жил ведь! А тут крик горлом, папаха летит Давыдову под ноги, не стыдясь собрания, заголяет Любишкин живот со страшными рубцами — кадетской памятью. Почему?

Да потому, что все это — после революции, что уже был Октябрь. Революция произошла не просто в мире, она произошла и в Любишкине, всего его перевернула. Сегодня нам уже не так-то просто представить во всей реальности тогдашнее состояние людей, психологическую атмосферу эпохи коллективизации. А это было время, когда раскаты гражданской войны в стране только-только оттремели и стало видно, что революция перевернула буквально каждого. Когда Любишкин покидал свой курень, чтобы идти сражаться против царя и прочих хозяев, он решал свою судьбу раз и навсегда, отменял прошлое необратимо. Потому-то красный партизан и задирает рубаху на искореженном животе: «Ну, завоевали, а потом что? Опять за старое, ходи за плугом, у кого есть что в плуг запрягать. А у кого нечего?.. Это так революция диктовала в восемнадцатом году? Глаза вы ей закрыли!»

А. Макаров, объясняя, почему Шолохов не ввел в «Поднятую целину» никого из героев «Тихого Дона», писал: «...то были люди одной поры, эти другой. Те делали одно историческое дело, эти вершили другое»².

Но так ли это? Разве и «те» и «эти» — разные люди? Для трудового казачества, героев «Поднятой целины», и коллективизация и разгром кулаков были естественным продолжением одного исторического дела, ради которого шли в огонь семнадцатого, — они не столько «вершили другое», сколько добивались реального осуществления наконец своей октябрьской мечты о земле, о жизни на ней.

Критик В. Баранов нашел-таки имя, перешедшее из романа в роман, — Майданников. (Добавлю, что герой раннего шолоховского рассказа «Один язык» — тоже Майданников.) Однако более существенную связь между книгами он увидел в другом. В «Тихом Доне» есть сцена, когда большевик Штокман объясняет хуторянам позицию советской власти: «Но с вами, с труженниками, с теми, кто сочувствует нам, мы будем идти вместе, как быки на пахоте, плечом к плечу. Дружно будем пахать землю для новой жизни». Эти слова представляются критику прямым мостом к другому роману. В. Баранов пишет: «Вот он, поэтический ключ «Поднятой целины»! Слово Штокмана — программа практических действий Давыдова. Примечательно, что чуть дальше в главе упоминается фамилия Майданникова. Один из основных персонажей нового романа не только получает ту же фамилию: как знать, возможно, и известный эпизод с быками скрытно «запрограммирован» в словах Штокмана»³.

Не потому ли коллективизацию и называли революцией, что она творилась руками вчерашних подтелковцев и буденовцев и была для них закономерно жизненным решением ленинской программы, касающейся земли и крестьян! И вот эти самые крестьяне говорят теперь на бедняцком языке Давыдову: «Чего ты, чудак, нас за Советскую власть агитируешь? Мы ее в войну сами на ноги становили». И следом набатно взрываются их голоса: «Со-

² А. Макаров. Мир Шолохова. В кн. «Человеку о человеке». Избранные статьи. М. «Художественная литература». 1971. стр. 31.

³ В. Баранов. Время — мысль — образ. Статьи о советской литературе. Горький. Волго-Вятское книжное издательство. 1973. стр. 202.

гласны с колхозом!», «Записывай зараз!», «Кулаков громить ведите», «Под корень их!»

Жизнь взята в самом остром ее социально-психологическом конфликте. И Кондрат Майданников в споре о колхозе так схватывается с кумом, что рубаха разрезается до пупа. И Макар Нагульнов, задыхаясь от сердечной боли, говорит Титку, бывшему своему боевому товарищу, а теперь кулаку, которого надо отконвоировать и сдать в милицию: «Дожился! Гоню тебя, как пленного гада!» А тот, когда уже связали руки и сунули его в сани, спешит договорить последнее слово: «Макар!.. Помни: наши пути схлестнутся! Ты меня топтал, а уж тогда я буду. Все одно — убью! Могила на нашу дружбу!» Уходит от Разметнова разлюбленная Марина, бывшая вахмистрша, которая, кажется, уж так его любила, чубатого: подавись ты своим колхозом... И мирным хуторским вечером из горницы Островнова вдруг строчит дисковый пулемет — как на войне. Идет борьба за новое, правда большевиков доходит до самых заскорузлых сердец, революционное ломает хребет контрреволюционному. Расстановка сил так ясна!

Однако в наш век новаций бывает, что среди литературоведческих «открытий» обнаруживаются и такие, которые при ближайшем рассмотрении есть не что иное, как простейшее «наоборот»: если вчера говорилось так, то я вопреки привычному скажу вот этак. Коснулось это и шолоховедения: одна статья азартно утверждает, что у Григория Мелехова нет и малейшей вины перед советской властью, другая приписывает Шолохову понимание казачества как некоей классово нерасчленимой целостности... И уже обнаружен в «Тихом Доне» отдельными исследователями (это в литературоведении на Западе) весь комплекс модернистской, преимущественно сюрреалистической стилистики.

Ленинградский литературовед А. Бритиков взял на себя труд пересмотреть привычную трактовку «Поднятой целины» «под углом отживавших антагонистических противоречий». Он пишет: «Не слишком ли много чести Половцеву, чтобы ему и борьбе с ним уделено было главное внимание в одном из лучших романов о преобразении крестьянской жизни!»⁴.

⁴ А. Ф. Бритиков. Мастерство Михаила Шолохова. М. «Наука». 1964. стр. 53—54.

По-человечески можно понять этот взрыв негодования против контрреволюционера. Но в плане литературоведческом такая постановка вопроса не может не озадачить. Это все равно если бы спросить Горького насчет Клима Самгина: а не слишком ли много чести такому Климу, чтобы он стоял в центре одной из видных наших эпикей о революции? Или опротестовать роль Гражданского в «Русском лесе», поскольку роман-то о широкой народной жизни.

Между тем дальше у А. Бритикова вообще получается, что вроде бы и самой классовой борьбе «много чести» — она, по его словам, была «в основном уже завершенной в гражданскую войну». У читателя, особенно который помоложе, готов сорваться нетерпеливый вопрос: да в самом деле, были ли они какой-либо силой в описываемые времена, все эти половцевы, эти заговорщики с их клятвами и паролями, эти кулаки, ставшие с годами добычей юмористов — рубаха в горохах, обрез под полой!

Оказывается, были. И в те времена воспринимались далеко не так юмористически.

Сейчас мы уже знаем, что на Дону в 30-е годы действительно существовала заговорщическая организация во главе с есаулом Сениным (который, кстати, командовал в свое время расстрелом подтелковцев). Банда вынашивала план захвата Вешек и соединения с контрреволюционными центрами других станиц. Точно так же шолоховцами был документально восстановлен и факт нападения на двадцатипяти-тысячника (Афонина) местных казачек, требовавших возврата обобщественного семенного зерна. Описан случай, когда стреляли из-за угла в парттысячника Баюкова (почти при тех же обстоятельствах, что и покушение на Макара Нагульнова)⁵.

Известно и больше: книгу Шолохова питал не только местный, но и широкий всероссийский опыт коллективизации и борьбы с кулачеством. Однако уже и сами вешенские факты достаточно определенно предостерегают против беспечности литературоведческого вопроса: не слишком ли много чести Половцеву?

Нет, как видим, не слишком. В самый раз.

У А. Бритикова добрые намерения: ему

⁵ См. М. Соуфер. Мастерство Шолохова. Ташкент. Государственное издательство художественной литературы Узбекской ССР. 1961, стр. 167—185.

хочется подчеркнуть, что «сквозь палубу кулацких обрезов автор «Поднятой целины» сумел расслышать величественную и по-своему остродраматическую, но проникнутую жизнеутверждающим оптимизмом мелодию преображения многомиллионной крестьянской России»⁶. Куда важнее, чем линия Давыдов — Половцев, убеждает нас исследователь, другая линия: Давыдов — гремяченские казаки.

Но при этом А. Бритиков, сам того не замечая, упрощает дело. У него получается так: вот вам линия борьбы, вот линия созидания. Там палят из обрезов, тут строят новую жизнь. Однако так бывает разве что в наших аналитических статьях, где для удобства «линии» разобраны по отдельности, чуть подсушены логикой, чуть спрямлены...

В самой же «Поднятой целине» все это неделимо, нераздельно — единый клокочущий жизненный поток. Именно этому полнокровному художественному «синкретизму» мы во многом и обязаны непроходящим ощущением внутренней эпичности «Поднятой целины».

Было время, когда роман, присланный автором в «Новый мир», еще назывался «С кровью и потом». Затем Шолохов заменил название более выразительным, ныне известным. Первый заголовок хоть и простоват, но в нем тоже был свой прок — он отчетливо подчеркивал это нерасчленимое восприятие автором действительности, в которой кровь и пот вперемешку...

Когда Шолохов рассказывает о гремяченских бедняках, решивших раскулачить своих же однохоторян, он этим самым говорит о важном сдвиге в крестьянском сознании: человек переступает через крутой психологический порог. Нагульнов, когда он сторожит в ночи беглого бандита Тимофея Рваного, тоже по-своему утверждает на селе новые человеческие отношения, печется об оздоровлении общественной атмосферы.

Нет слов, разобранное, развинченное по частям произведение анализировать легче. Но идет ли это на пользу делу?

Вот вслед за А. Бритиковым, через шесть лет после его книги, выпускает свой труд другой ученый, А. Хватов, и доводит бритиковскую идею, как это часто бывает при повторах, почти до шаржа.

⁶ А. Ф. Бритиков. Мастерство Михаила Шолохова, стр. 58.

Прежде всего Хватов рассекает роман на две самостоятельные половины — рассматривает два тома как произведения с разной поэтикой, с разными задачами. Для удобства такой операции он даже передвигает события второй книги «Поднятой целины» на целый год вперед, из 1930 года (как у Шолохова) в 1931-й, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что теперь по его вине расставание Давыдова с Лушкой будет тянуться целых двенадцать месяцев, а Половцев с Лятевским будут сидеть в курене Островнова почти два года.

Зато исследователю открылась возможность заявить, что события первой и второй книг романа относятся не только к разным годам, но и к разным этапам коллективизации, а посему «было неосновательно дальнейшее повествование ставить в прямую связь с образами врагов, а в основу сюжета класть борьбу двух антагонистических классовых сил».

А. Хватов предлагает не обращать особого внимания на образы врагов, но не объясняет, как же при этом быть с тем фактом, что именно во второй книге романа многие ключевые сцены связаны как раз с проблемой Островнова и его компании — обратятся ли мы к беседам Давыдова с Шалым, с Аржановым, с секретарем райкома Нестеренко, возьмем ли кульминационную сцену партийного собрания, где Шалый бесстрашно схватывается с Яковом Лукичом... И разве не в этой, второй, книге рассказывается, как воскресала на новых началах подпольная деятельность Половцева, как он налаживал новые, кажущиеся ему более прочными связи («...эти не подведут»)? Не здесь ли мы прочтем и рассказ об убийстве чекистов-«заготовителей», и широко развернутую историю о том, как гремяченские коммунисты выслеживали оборотней? Не здесь ли будет покончено сначала с Тимошкой Рваным, затем с половцевским логовом, наконец со всей контрреволюционной организацией, насчитывавшей, как подчеркнуто Шолоховым, более шестисот участников? Как же все это не ставить «в прямую связь», не класть «в основу сюжета»?

Между тем А. Хватов, продолжая все дальше «разводить» обе книги романа, переносит свои выводы уже и на его художественную структуру. Он пишет: коль скоро борьба не составляет основы сюжета, то и «неверно завязку романа «Поднятая целина» приурочивать лишь (!) к приезду два-

дцатипяти тысячника и появлению Половцева в хуторе, а развязку видеть в трагической гибели Давыдова и Нагульнова»⁷.

Что значит это «лишь»? Может, то, что «завязок» в художественном произведении бывает неограниченное количество? И если приезд Половцева и Давыдова не «завязка», а гибель Давыдова и Нагульнова не «развязка», то не самое ли тут время отложить в сторону ученые книги и поговорить о простом: что конкретно понимает А. Хватов под этими знакомо звучащими терминами и как он сможет объяснить человеку, только что прочитавшему «Поднятую целину», почему не с приезда повествование начинается и не гибелью кончается?..

Впрочем, сам-то А. Хватов знает, что в этом случае ему предстоит объяснение и куда более серьезное — непосредственно с автором романа, с Шолоховым. Писатель говорил: «Содержание второй книги — это ожесточенная борьба двух миров — тьмы и света. В сущности, это последняя схватка в великой борьбе «кто кого?». Это будет ответ на вопрос, поставленный еще в «Донских рассказах». В этой схватке и с нашей стороны не обошлось без жертв. Но побеждает новое, побеждает колхозный строй, социализм»⁸.

Так у Шолохова. А что на это Хватов? Он полагает, что «переоценивать значение данного высказывания не следует, ибо речь здесь идет скорее о философской основе концепции, действительно затрагивающей извечную тяжбу (!) добра и зла, света и тьмы»⁹.

Неясно только, во имя чего затеяна эта «тяжба» исследователя с автором романа.

Задержимся несколько на вопросе о «состыковке» двух томов романа.

Известно, что даты их написания разделены двадцатью семью годами: публикация первой книги была завершена журналом «Новый мир» в сентябре 1932 года; в канун 1960 года Шолохов прочитал финальные страницы второй книги в переполненной аудитории Московского университета.

Четверть века с лишним. В них — завершение «Тихого Дона», война... Естественно,

⁷ А. Х в а т о в. Художественный мир Шолохова. М. «Советская Россия». 1970. стр. 384.

⁸ «Советский Казахстан», 1955, № 5, стр. 78.

⁹ А. Х в а т о в. Художественный мир Шолохова, стр. 390.

что столь долгий творческий процесс не мог не отразиться на второй книге — не могло не сказаться все пережитое писателем, сами новые времена с их современной общественно-нравственной атмосферой. Шолоховеды единодушно сходятся на том, что вторая книга романа в сравнении с первой по-особому богата «поэзией чувств», что социальное здесь нередко выступает в формах нравственно-этического, а изображение прошлого корректируется с высоты настоящего. С этой книгой прежде всего связано шолоховское углубление в такие актуальные проблемы, как историческая необходимость, как принципы дальнейшего развития народовластия в нашей стране и характер политической работы с людьми. Это речь о моральных нормах, сложившихся в недрах трудового народа, о его природной талантливости, общественной инициативности...

И Давыдов обогащением своего характера обязан во многом именно второй книге. И если в романе чем дальше, тем заметней усиление как лирического, так и философского начала, то усиление это немало связано с образами, впервые появившимися как раз во второй книге, — с Аржановым, Нестеренко, Варухой-горюхой...

Впрочем, отличие двух книг «Поднятой целины» рассмотрено в критике настолько обстоятельно и убедительно, что мне нет нужды множить литературу этого рода. Напротив, здесь хочется с особой силой подчеркнуть единство двух томов. Читатель, который сегодня берет в руки знаменитую книгу, имеет дело не с чем-то «двусложным», а с цельным художественным повествованием, которое развивается в единстве концепции и сюжета, судеб и характеров, — перед нами книга, от первой и до последней строки написанная все той же шолоховской рукой.

Таким образом, со всей убежденностью понимая, что главное в «Поднятой целине» — это тема народа, под руководством партии перестраивающего жизнь на коллективистских началах, эпопея преодоления крестьянином вековой собственнической психологии, рождения новой, социалистической личности и новых общественных отношений в деревне, мы при этом ни в коем случае не можем игнорировать особенность композиционного построения книги, ее идейно-эстетическую коллизию. А она заключается в том, что все богатство действительности, все многообразие исследуемых

человеческих отношений Шолохов органично вписывал в рамки конкретного повествования, как необычно на хуторе Гремячем протекали первые месяцы коллективизации — буквально под пулеметным дулом изготовившегося контрреволюционного мятежа. Этим ключом заведена вся пружина сюжета. И фигура Половцева тут никак не может быть второстепенной. Не только потому, что Половцев — руководитель заговора, что писатель в нем воссоздал образ лютого ненавистника новой власти, исключительный по силе изобразительности. А главное, потому, что он в романе как бы другой полюс широкого электромагнитного поля, силовые линии которого пронизывают буквально все, что изображается в «Поднятой целине», будь то сложности колхозного строительства или любовные распри между Разметновым и Мариной Поярковой...

Они ни разу так и не встретились воочию, Давыдов и Половцев, если не считать того мгновения, когда Давыдов вслед за Нагульновым нырнул в застойное тепло половцевского логова и оттуда навстречу ударил пулемет, — прошитый очередью Давыдов упал на спину, мучительно запрокинув голову и зажав в левой руке шероховатую щепку, отколотую от дверной прилолки пулей.

Не встретились, и тем не менее в художественной концепции романа, в по-толстовски сложном сцеплении событий образы их нерасторжимы. Один определяет контрастную меру другому: скажи, кто твой враг...

Вся история Давыдова, как и сама решающая тема социалистического преобразования деревни, постоянно в романе находится под этим остроэмоциональным напряжением. Сюжет «Поднятой целины», ее «очень большое, сложное, полное противоречий и рвущееся вперед содержание» (Луначарский) с самой первой страницы опалили половцевские зловещие слова, произнесенные в ночи перед Островным: «Если мы дружно сорганизуемся и выступим именно сейчас, то к весне при помощи иностранных держав Дон уже будет чистым. Зябь ты будешь засеивать своим зерном и для себя одного...»

Решительность, с какой есаул берется за дело, словно подстегивает наше читательское восприятие: предчувствие беды теперь постоянно с нами, вот-вот, может уже завтра, все здесь запыляет багрово, кто-то из

ровнов и своих, хуторских, обводит вокруг пальца; да и историю с убоем скота едва ли кто мог предвидеть заранее. И тем не менее эта невольная читательская жалость не на пользу герою. Много времени спустя секретарь райкома Нестеренко хорошо объяснит это (Давыдову же): «Когда люди по русской привычке жалеют всяких там сирых и убогих — это в порядке вещей. Но вот когда они начинают жалеть умного парня, да еще своего вожака,— что может быть постыднее и ужаснее для такого человека?»

Точно то же можно сказать и о ситуации, когда читателю приходится жалеть героя романа, «умного парня». Автор хорошо знал психологию своего читателя, когда заставил его с самого начала быть критически пристрастным к Семену Давыдову, внушил такую серьезную тревогу за завтрашний день Гремячего. Литературе, которой ничто человеческое не чуждо, сомнение порой необходимо ничуть не меньше, чем самый всесокрушающий оптимизм. И когда подумалось о Давыдове: вроде бы для борьбы с тем, матерым, нужен материал покрепче,— с этой минуты ты будешь с какой-то удвоенной силой «вникать» в героя, проявлять активное соучастие в его делах, цепляясь буквально за каждое слово, которое может быть истолковано в пользу Давыдова. Вот где-то Лушка подумала о нем: «Милый парень, совсем не похожий на зачерствевшего в делах и ожидании мировой революции Макара»; где-то вдруг поймало его ненавидящее око Островнова: «Ходит-то, сукин сын! Будто всей земле хозяин». А Разметнов, сначала рассудив о Давыдове как о человеке «сухом и черством», тут же, однако, вспомнил и нечто другое — как приезжий с лету понял душу бывшего партизана Любишкина, хоть речь того на собрании и была корявой, даже вздорной («Глаза вы революции закрыли»); и еще вспомнились Разметнову умные глаза Давыдова, весь его облик «прочного литья». Нет, решил он, «этот не подведет»...

Пройдет немного времени, и Разметнов выскажет эту мысль уже самому Давыдову, вслух: «Ты — парень славный...» Выскажет в той сцене, где приходит в Гремячий посылка двадцатипятилетнему от заводских товарищей — папиросы, печенье, книги, письмо с многими подписями. Лицо Давыдова расплылось в такой счастливой улыбке, что и Разметнов невольно порадо-

вался за него, сказал со всей присущей ему искренностью: «Ты — парень славный, вот, стало быть, и послали».

Между двумя этими сценами — той, где Давыдов «с ходу» понял бедняка Любишкина, и той, где говорится о посылке с завода,— есть своя внутренняя связь: в обоих случаях автор обращает наше внимание на рабочую сущность Давыдова — у него характер прочного заводского «литья», у него истинно пролетарское чутье к людям. Среди всякой всячины, в пестроте первых впечатлений о человеке тут мы вместе с Разметновым ухватили, кажется, сам стержень: заводское в натуре Давыдова.

Ухватили и теперь чутко будем подмечать в ходе рассказа и то, как хуторские проблемы представляются бывшему слесарю «сложным мотором» неразгаданной конструкции, и как в колхозной кузнице сердце его сладко замирает от запаха остывающей окалины, как Давыдов, уложив в честном борцовском поединке на обе лопатки Нестеренко, не преминет сказать секретарю райкома назидательно: «Ты — как секретарь — должен понимать, что рабочий класс во всяком деле должен быть сверху, это исторически обоснованно, факт!»

Давыдов на пахоте — это именно заводской человек, истово и с огромным чувством ответственности относящийся к своему труду. Поездка Давыдова к Полянице, «окулачившемуся» рабочему-двадцатипятилетнему, под руководством которого расторопные «коллективисты» воруют сено у соседнего колхоза,— это не просто выразительная жанровая картинка, но и воплощенная в образы мысль рабочего человека — коммуниста о возможных угрозах классовому сознанию в деревенских условиях того времени.

Рабочее в натуре Давыдова — одновременно и социальная примета и непосредственный импульс поведения. Как воспрянул он духом, когда на хуторе появился с агитколлонной заводской народ! С какой сердечной симпатией относится он к шахтеру Кондратько, к молодому рабочему Ванюшке Найденову, родным душам. И какую отповедь он дал тому подкулачнику, который на общем собрании предложил «подождать с колхозом», потому что здесь-де невозможно все организовать, как на заводе: «...там отдежурил восемь часов — и тростку в зубы, пошел...» Давыдов тут сам рабочий класс защищал! Он точно схватил подвод-

ный ход врага — это его. Давыдова, таким образом хотят вывести из игры, дать понять хуторянам, что перед ними чужак, далекий от крестьянского труда и хлеборобских нужд, один из тех, кто «с тросточкой»...

Вспоминаешь, что, собственно, с испытанием классового чувства в Давыдове и начинается самое наше знакомство. В экспозиционной сцене, когда приезжает питейцу в райкоме еще только объясняют, что такое Гремячий Лог и как он там должен себя вести, Давыдов не кому-либо, а секретарю райкома (в некоторых политических вопросах явно «хромающему») без оглядки бросает резкие слова правды, защищает свою классовую, большевистскую убежденность: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по-рабочему...»

Эта вспышка непосредственного чувства вызывает в «хромающем» секретаре безглицкую досаду: брось ты это свое «по-рабочему», оно, брат, ныне уже старо как не знаю что...

Старо классовое? Изжило себя «по-рабочему»?

Стычка в райкоме — как эпиграф к целому роману. По сути дела, вся «Поднятая целина» будет утверждением: нет, не старо, не изжило себя это «по-рабочему»! Не изжило — как прежде является для таких, как Давыдов, определяющей чертой, дает силы выстоять в любых сложностях.

Все наиболее острые моменты «Поднятой целины» — это словно длиннейшая череда испытаний классовому, партийному чувству, в Давыдове: переживает ли он скандальную ошибку с обобществлением птицы, осуждает ли нагульновское рукоприкладство на заготовке семфонда, поворачивает ли по-своему, по-давыдовски, историю бабьего бунта — в речи перед хуторянами гуманизм Давыдова оказывается воистину достоин его героизма.

Когда на хуторе начинается массовое истребление скота, Макар Нагульнов в неистовстве требует немедленного расстрела наиболее отъявленных «резаков»: надо остановить убой любимыми средствами, иначе рухнет вся затея с колхозом: «На чем будем сеять? На каком.. ежеди не вступившие в колхоз быков перережут?.. Он думает, что он быка режет, а на самом деле он мировой революции нож в спину сажает!..»

И он ведь прав, Нагульнов, — куда еще ни шло с мировой революцией, но первый колхозный сев действительно под угрозой. А Давыдову, посланцу на село, за этот сев

отвечать головой. Вот кому, казалось бы, надо рвать рубашку на себе, хвататься за наган!

Тут большое испытание, и Давыдов его выдерживает достойно. Пусть он промахивается в чем-то другом, но в этот критический час сумел оценить ситуацию с классовой, партийной пронизательностью: он скорее ляжет костями, чем допустит, чтобы во имя мировой революции в донском хуторе загремели выстрелы по казакам-хлеборобам, даже если они злобно режут скот и срывают весенний сев! Сам клопоча и с трудом находя нужные слова, он говорит Нагульнову, что за эту беду они, гремяченские коммунисты, должны прежде всего с самих себя спросить: «Проморгали все мы эту кампанию, а теперь надо исправлять, не о расстрелах говорить!»

«Надо исправлять» — слова, наверно, ужасно «скучные» с точки зрения революционной романтики. Но для таких, как Давыдов, единственно верные и возможные — как в гремяченской, так и, надо думать, в любой другой критической ситуации. Прежде всего с себя спросить! К стенке несозначательных — это куда как просто. А то, о чем говорит коммунист Давыдов, и трудно и мучительно в своей постепенности и будничности: надо идти по дворам, разъяснять, агитировать, убеждать каждого отдельно взятого и всех вместе. Надо работать, дело делать. «Хватит тебе истерики закатывать! Работать берись! Барышня, черт! Хуже барышни, у которой ногти крашенные!»

Для нас еще многое скрыто в Давыдове, об иных его душевных качествах можно только гадать, а иные будут претерпевать изменения на наших глазах, но главное в характере уже обозначилось. Да так отчетливо!

Именно такие вот сцены питают нашу убежденность, что классовое в натуре Давыдова (как и вообще в своей сути) — это чувство глубоко человеческое; потому Давыдов и переживает его как острую сердечную боль, как муку и тревогу, тут вся его жизнь.

К нему, этому классовому, магнитом стягиваются разные характерологические подробности, даже очень малое получает свое серьезное толкование; в конечном счете через классовое мы постепенно осознаем те коренные особенности натуры Давыдова, о которых сегодня можно прочесть во всех учебниках: воля и целеустремленность, органическое единство мысли и деяния, спо-

способность к самоотвержению во имя общего дела.

Пожалуй, где-то и к Половцеву приложимы те же определения — он ли не волевой человек, не храбрый, не приносит всего себя в жертву делу! Но именно классовое и разграничивает резко это кажущееся сходство, дает ясно понять, чем одно волевое отличается от другого волевого.

В грозовой ситуации Гремячего, перед лицом надвигающихся испытаний классовое в характере героя становится своеобразным залогом наших больших надежд на Давыдова. Исключительность коллизии задала свой жесткий режим всему, даже «характеровосприятую» (вернее, «характеровосприятую»); в героях «Поднятой целины» мы первым делом ищем не тонкость подробностей, но стальную прочность стержня, на который все другое крепится. Парадокс «Поднятой целины» состоит в том, что этому роману о мирной жизни не дано и страницы лишней для того, чтобы развернуть спокойную экспозицию, — с первых же строк звучат слова о том, как заговорщики будут расправляться с коммунистами на квартирах, «а дальше пойдет полыхать и без ветра»...

От этих-то слов и сам роман пошел полыхать.

Нетрудно понять, почему автор спешит прежде всего сказать об испытаниях, какие на своем веку выдержал Разметнов, о том, что натуру неистового Макара Нагульнова раскалили весьма реальные жизненные горнила и что в Давыдове всего дороже именно его классовая, заводская закалка.

«Поднятая целина», эта, пожалуй, самая глубокая книга о крестьянстве после революции, с образом Давыдова приобретает и определенные черты романа на рабочую тему, где с такой тонкостью и последовательностью проанализирована классовая, рабочая психология заводского человека. Причем этот анализ тем интересней, что ставит рабочий характер в обстоятельствах для него чрезвычайных, отчего и получает дополнительные возможности заглянуть в потаенные уголки человеческой натуры, взять ее во всех возможных жизненных «пробах». Шутка ли, слесарю Давыдову приходится заниматься коровьими хвостами и спелостью чернозема, делить кулацкие шубы, выступать посаженным отцом на свадьбах; он ходит за плугом, мы узнаем его в любви, в мечтах, в его представлениях о будущем человечества; по осколкам

воспоминаний складываем картину его прошлого — и жалкого детства в семье, где мать зарабатывала на панели, и героических лет революции; на наших глазах его будут убивать во время бабьего бунта; у него будут сложные отношения с Нагульновым как «предбывшим» Лушкиным супругом, а еще сложнее с самой Лушкой; он будет заниматься хуторскими детшками с их школой, старухами с их богом, будет охотиться за контрреволюционерами, в него влюбится юная девчонка по имени Варюха-горюха...

Не удивительно ли бывает после всего этого, на фоне такой «пестроцветной» жизненной панорамы, прочесть в иных разборах, что «Поднятая целина» (не в пример «Тихому Дону») мало показывает героев в «личной жизни», больше занимаясь колхозной проблемой? Впрочем, ничуть не убедительней звучат и утверждения, прямо им противоположные (в богатом шолоховедческом «хозяйстве» существуют, пожалуй, все возможные ипостаси).

Вот, например, в уже упоминавшейся книге А. Хватова «Художественный мир Шолохова» на странице 392 можно прочесть следующее: «Во второй книге «Поднятой целины» есть одна любопытная особенность: коммунисты Гремячего Лога Давыдов, Нагульнов и Разметнов оказываются как бы отвлеченными (!) от своих прямых обязанностей руководителей и воспитателей масс, выступают преимущественно в обстоятельствах, непосредственно не затрагивающих их деятельности. Действительно, у каждого из них есть увлечение, как бы даже отвлекающее от дела, что порождает трудности, даже осложняет обстановку в колхозе».

Но для чего Шолохову потребовалось такое «отвлечение» героев от их «деятельности», от «обязанностей руководителей и воспитателей масс»? Да еще в такой степени, что «отвлечение» это «даже осложняет обстановку в колхозе»? А. Хватов предполагает, что этим самым Шолохов хочет устроить героям «проверку» в условиях «жизненной повседневности», что он «сознательно идет на эти сюжетные решения, ибо его как художника-реалиста привлекает задача раскрытия человека в руководителе, исследование тех возможностей, которые заложены в его характере».

Но едва ли, чтобы раскрыть «возможности характера», увидеть «человека в руководителе», героя следует уводить от

его непосредственного дела, изолировать от главного в жизни. Это А. Хватову возражает, можно сказать, сама вторая книга романа, которая в действительности как раз исключительно богата изображением повседневных председательских забот Давыдова: мы видим его занимающимся хлопотливым правленческим хозяйством, инспектирующим подготовку инвентаря к весеннему севу, с ним совершаем поездку во вторую бригаду к Агафону Дубцову, затем в третью (история с Устином); он ездит в соседний колхоз к Полянице, чтобы разрешить спор насчет дальнего клина, обсуждает с народом вопрос о колхозном детсадики, ведет другие многочисленные деловые и воспитательные беседы с людьми, дважды встречается с новым секретарем райкома...

То же и Нагульнов и Разметнов — один готовит передовых колхозников в партию, проводит открытое партсоборание; другой в качестве предельсовета разбирается с подозрительными «заготовителями», дежурит в засаде у куреня Якова Лукича... Словом, перечислять подобное значит пересказывать содержание целого романа.

Еще и еще раз убеждаешься: шолоховское повествование трудно поддается разборке на отдельные нити, не просто отделить борьбу от созидания, личное от производственного; даже очень конкретные сцены невозможно истолковать односложно, иллюстративно. Случалось ли кузнецу Шалому выполнять когда-либо в жизни более сложное производственное задание, чем вести тот разговор в кузне, на который его уполномочили хуторские деды («Вот и мы, старики, соберемся иной раз и маракуем промеж себя: как бы тебя от этой Лушки, лихоманка ее затряси, отлучить?»)? И напротив, есть ли для Давыдова или Нагульнова что-либо в жизни более личное, чем создание колхоза в Гремячем?

Бесконечно сложно переплетение заводского и «новокрестьянского» в характере Давыдова, ходит ли он за плугом, выслеживает Половцева, сватается к Варюхе-горюхе, воспитывает ли хуторских людей или они его воспитывают. Это все рассказ о рабочем человеке, о делах и днях слесаря с Путиловского завода, который стал колхозным председателем. Надо почаще вспоминать о характере Давыдова в популярных ныне литературных дискуссиях на рабочую тему. Один факт появления такого героя среди персонажей производственных романов по-

мог бы поднять уровень литературных споров сразу на несколько регистров выше.

Л. Якименко интересно прокомментировал «сцепление», которое постоянно существует между Половцевым и Лятевским. Даже когда Половцев совершенно искренен в своих переживаниях — бьется ли в горе или радостно взволнован, — стоит рядом с ним позвизгивать злоязычному цинику Лятевскому, как рождается, по словам исследователя, некое «маленькое художественное чудо». Суровый казачий есаул сразу же поворачивается к читателю какой-то нелепо смешной стороной, «сатирическое осмеяние Половцева достигается как бы само собой, из столкновения характеров, без видимого вмешательства «объективного автора»¹⁰.

Точно таким же образом можно было бы обнаружить «комплекс» Половцева и в иных других характерах. Богомольность есаула не может не вызвать в памяти фигуры кулака Лапшинова, тоже пытавшегося было вовлечь господ бога в сугубо мирские дела; по-своему переключается Половцев с Титком, который так деловито рубил ноги убитым, чтобы обзавестись лишней парой сапог, и с таким наглым спокойствием — совсем по-половцевски — встретил свой арест. А уж как «аукнулся» Половцеву цинизм в рассуждениях полковника Седого-Никольского, одного из руководителей заговора. Он заставляет казачьего есаула на собственной шкуре испытать реальность своей же философии, согласно которой «народ — как табун овец, его вести надо». Получая от полковника боевое задание явно авантюристического характера, Половцев не может сдерживать вопля: «Вы же обрекаете меня на верную гибель!.. За неуспех операции будете отвечать вы, а не я!» А Седой-Никольский на это с рассеянной улыбкой: «Уж об этом не ваша забота, господин есаул». Вы, дескать, погибнете, а мы уж этот грех как-нибудь замолим и объясним, ~~погибайте~~ спокойно.

Но всего жестче «сцепление» характера Половцева с образами тех, кто ему кровный, смертный враг. И всего беспощадней высвечивает нутро есаула ненавистная ему советская действительность, сам факт существования рядом, под тем же гремяченским небом такого характера, как коммунист Давыдов.

¹⁰ Л. Якименко. Творчество М. А. Шолохова. М. «Советский писатель». 1970, стр. 591—592.

Все, что совершено Давыдовым и его товарищами, каждый момент новой колхозной жизни — это очередная «зарубка» на характере Половцева. Есаул падает на колени, молится — с чего он дошел до такой жизни? Да с того, что выселяют из Гремячего кулаков, на которых Половцев особенно расчитывал! И Островнов, подглядывая в щель, с недоумением видит своего грозного постояльца коленопреклонным, по-старушечьи бьющим земные поклоны...

Черты деградации всякий раз проступают в личности Половцева как прямой результат весьма реальных событий. Потерпев крах на хуторе Войсковом, где казаки-заговорщики наотрез отказались от участия в мятеже, он плачет навзрыд, не стыдясь свидетелей своей слабости, из него хлещет муть проклятий, смывая все прежние высокопарные разглагольствования «вождя» о любимом казачестве: «Ка-кой народ! Подлецы!.. Дураки, богом проклятые!..»

Все ниже его нравственное падение: будет день, когда Половцев зайвится в знакомый курень «дуже выпитый», опустившийся донельзя и обовшивевший («...прямо поверх одежды ходом ходят»); настанет время, когда он едва сможет сдержаться, чтобы в слепой злобе не кинуться с клинком на «сожителя» Лятевского (а тот, пожимая плечами: «Нервы — позор и бесчестье для офицера»); а потом и совсем страшное придет — тупая опустошенность, целыми днями Половцев будет просиживать за пасьянсом, раскладывая пухлые, замусоленные карты...

Это один из самых выразительных мотивов в шолоховском творчестве: неотвратима расплата, неотвратимо крушение души того, кто сам себя приговорил служить неправому, антинародному, делу. Мотив этот был отчетлив еще в ранних шолоховских рассказах, могуче он прозвучал в трагической судьбе Григория Мелехова, простого казака, возглавившего антисоветский мятеж на Дону. В истории Половцева логика этого процесса обозначена с особой резкостью. Половцев не Григорий Мелехов со всеми его распутьями и перепадами; моральный и политический кризис, распад личности «казачьего вождя» происходит с последовательностью железной, жизнь дупит Половцева наотмашь, не давая передышки. Вот раскулачивание, вывезли самых нужных с хутора; вот уже и колхоз развернулся в Гремячем; а тут статья Сталина о перегибах; и смена руководства в райкоме партии — вме-

сто «хромающего» демагога Корчжинского появляется умный человек Нестеренко... События, можно сказать, всё исторического ранга, непреходящие, от них не отвернешься, не заслонишься. Как тут не пасть на колени, не взмолиться из последних сил: «Боже милостивый, всевидящий, справедливый!.. Поддержи!.. Да когда же этот час? Господи, приблизь твою кару!»

Самое убийственное в положении Половцева то, что он в своем логове себя не щадя, и день и ночь радеет за простых казаков-хлеборобов, планирует их судьбу, клянется их именем, все что-то пишет, что-то рассылает с нарочным, каждый вечер поучает Якова Лукича... А действительность, словно и не подозревая о существовании Половцева и о его хлопотах, катит своим путем, казаки заняты жизнеустройством по-своему: Майданников, преодолевая собственническую «жаль», ведет быков на общий баз, и пахари азартно соревнуются, кто больше вспашет на колхозном поле, и девчонки вроде Варюхи-горюхи уже не боятся взять слово перед собранием казаков, и рябой Агафон Дубцов приносит заявление в партию, потому что хочет «стоять за Советскую власть в одном строю с коммунистами»...

«Поднятая целина» — книга о могуществе народного бытия, это целиком определило и тему политического краха Половцева, его неизбежной моральной гибели. Здесь, помимо всего прочего, народная жизнь восславлена и тем, что на наших глазах истребила еще одну волонтаристскую претензию, несовместимую с реальным историческим ходом действительности.

Сложно взаимоотношение со временем кулака Островнова.

Этот — убийца родной матери, практический исполнитель всех диверсий в колхозе, содержатель вражеского пригона: «Советская власть Якову Лукичу и он ей — враги, крест-накрест». Но что такое начинает твориться с Яковом Лукичом в пору его самого рьяного служения Половцеву? Колхозного завхоза словно захватывает общий энтузиазм, он загорается при виде великих возможностей, которые открывает перед крестьянством колхоз, Яков Лукич ревностно берется за утепление базов, руководит перестройкой амбаров и конюшни — Давыдов не нарадуется на его ударную работу.

Умелая маскировка врага? Но в романе сказано недвусмысленно: «...его увлекла

работа, хотелось делать, в голове рождались всяческие проекты». «Раздвоенной диковинной жизнью жил эти дни Яков Лукич». И в мыслях его то же самое: «Скорее бы! А то я промеж ними и колхозом раздерусь, как бык на сколизи!»

Больше сказать: когда Лягьевский допек Якова Лукича своими барскими понуканиями, этот безропотный исполнитель вдруг заговорил на каком-то неведомом для офицера языке: «И вы, ваше благородие, или как вас там кличут-величают, напрасно меня дурите, за глупого считаете... Вы, господа офицеры, до семнадцатого года думали, что одни вы умные, а солдаты и простые казаки все как есть с придурью. Учили вас красные, учили, да так, видать, ничему и не выучили...»

Это сама действительность, новые времена заговорили его голосом!

Не надо думать, что Островнов после всего такого станет хоть чуток лучше душой,— поставив новые амбары и первым сдав туда семенное зерно, он потом будет подбивать баб на грабеж колхозных закровов, на убийство Давыдова.

Углубляясь во внутренний мир Половцева или Островнова, писатель преследует совершенно очевидную цель: хочет сказать, что нам, строящим новый мир, необходимо со всей ясностью представлять подноготную тех, кто стоит поперек пути. Нужно трезво и разумно представлять, из чего складывается и эта звериная цепкость, фанатическая убежденность иной веры, и эта странная на первый взгляд противоречивость поступков врага. Незнание — несчастье для бойца. Незнание, непонимание сущности Островнова стоило Давыдову жизни.

Рисуя врагов внутренне сложными, воинствующе ратуя за полноту человековедческого проникновения, Шолохов при этом не только в Давыдове или Майданникове, но буквально в каждом своем герое хочет увидеть и понять время. И в Половцеве! И в Островнове! Каким оно, время, было огромным и всевластным, если даже гремаченский кулак вдруг «загорелся» колхозным, если в критическую минуту он начал апеллировать не к чему-либо, а к опыту революции: «Вы, господа офицеры, до семнадцатого года думали...»

Выше говорилось, что идущие годы открывают все новые дали в замечательном шолоховском романе. Понятно, что явле-

ние это распространяется и на героев произведения, на каждого из них. Посмотрите, к примеру, какой «разный» Нагульнов в двух одноименных фильмах, каким своеобразным испытанием для актерской и режиссерской фантазии становится он в каждой новой театральной постановке «Поднятой целины»! То же самое и в литературоведении: можно сказать, что у него был свой Нагульнов 30-х годов, был Нагульнов 50-х. В наши дни о Макаре Нагульнове можно прочесть, что это «героическая личность», «романтик из Гремячего Лога» (А. Калинин), «его видят героем»; «несущим в себе радость вдохновенного исторического творчества, передающим в своем жизненном кредо все богатство содержания социалистического гуманизма» (В. Чалмаев), он отличается «огромной душевной чуткостью и бережностью» (А. Дубровин).

Однако при всем том никак нельзя отказать в логике и Льву Якименко, который в упомянутой работе пишет о трагическом Нагульнове: речь идет о трагедии романтических мечтаний, не сообразующихся с реальными возможностями и повседневной практикой, о «ножницах», возникающих между Макаром и хуторянами, той народной массой, во имя которой он живет, и борется, и поспешает к мировой революции. «Ему не хватало самого главного, того, что красило Давыдова: внимания к каждому человеку, настойчивого стремления познать его, помочь горю и нужде».

Что же получается? Об одном и том же герое с совершеннейшей убежденностью говорится, что это характер героический... романтический... трагический... А есть статьи, которые, опираясь на историю любви Макара к Луже и его пристрастие к петушину пению, с особым акцентом выделяют в образе Нагульнова начало лирическое...

Привычный оценочный разнобой? Несоввершенство определений, смазанность дефиниций? И это есть, конечно. Но есть в такой разногласии, думается мне, и нечто сбалансированное — она скорее от богатства, чем от бедности. Богатства в том смысле, что все эти душевные качества в Нагульнове критика последних лет выявляла настойчиво и доказательно, не пугаясь небывалой противоречивости природы и вскрывая все новые глубины характера. Она не стала его «спрямлять» в угоду одной, наиболее подходящей критической концепции.

что, как мы знаем, куда проще и бесхлопотней...

Только с ясным видением, как естественно многие и противоречивые человеческие качества складываются в ту удивительную цельность, какой является характер Нагульнова, с полной убежденностью, что со всеми своими ошибками и недостатками Макара «страшно свой же», беспредельно предан делу партии, можно полным голосом сказать еще и о том, что страшит в Нагульнове, царапает сегодня наше сознание. Я говорю о левацких его «загибах», его яростной убежденности, что никто другой не знает так, как он, что именно нужно для победы мировой революции, о его бездвухуверенности, что для благого дела все средства хороши.

«Да я... тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета... всех порешу!» Это ведь у Нагульнова не просто ненароком сорвавшееся с языка словцо. В другом случае он довольно просто подымает вопрос о расстреле крестьян, режущих коров («...надо беспременно расстрелять»), бывает, кулаком пытается выбить из старух религиозный дурман, наганом по виску агитирует за сдачу семфонда, вообще считает, что «нет, не уговаривать их надо, а бить по головам да приговаривать...»

Вот в этом отношении Давыдов и Нагульнов — совершенные антиподы, в разветвленной системе сцеплений и антитез «Поднятой целины» выступают выразительнейшим контрастом один другому. У них принципиально разные взгляды на то, как надо понимать революцию и гуманизм, как сочетать коммунистическую, классовую принципиальность с душевной широтой и гибкостью. Давыдов не может и не хочет жить на гремаченской земле как на временном полустанке по пути к мировой революции, не хочет, чтобы его сегодняшнее дело понималось как нечто паллиативное, далеко не самое существенное, которое хоть и приходится делать, но «скрипя зубами».

Именно Давыдов говорит в романе суровые слова, много значащие для понимания образа Нагульнова: «...живешь ты как во сне, Макара!» И неспроста автор добавляет при этом: «Еще ощутимее стал холодок в их взаимоотношениях с той поры».

В своем Нагульнове Шолохов чувствовал и некую угрозу народному делу, со всей жесткой и неотступной правдивостью он предупреждал об этом людей, предупреж-

дал самих Макаров Нагульновых, хоть и любил их и сострадал им не меньше нашего.

Как всякий истинный художник, Шолохов исключительно широк и «многослоен» в своих конкретных замыслах — сегодня новые философские глубины, своеобразную актуальность ощущаем мы и в незамысловатой на вид истории «окулачивающегося» рабочего Поляницы, который готов разорить все вокруг, только бы богатеть его колхозу, и в рассказе о том, каким «жалостливым» к людям то и дело выказывал себя большевик Разметнов, и в генезисе этой нагульновской «левизны». Такое оказывается связанным не только с событиями коллективизации — это проблемы, которым отзываются большие эпохи, трудные и сложные моменты общественного развития.

Вот фигура Майданникова. По выходе «Поднятой целины» она привлекала к себе внимание прежде всего как реалистическое изображение середняка, этого важнейшего звена коллективизации. Федор Абрамов, ныне широко известный прозаик, а в 50-е годы один из кропотливых исследователей «Поднятой целины», писал по этому поводу: «Подлинно новаторское значение образа Майданникова станет очевидным, если вспомнить, что в прозе восстановительного периода, как правило, вообще не было середняка. Деревня в литературе тех лет изображалась главным образом в плане борьбы двух социальных полюсов: бедноты и кулачества»¹¹.

И вроде бы не так уж много лет прошло, однако сегодня фигура Майданникова в наших глазах определенно укрупнилась, раскрыв заложенные в глубинах образа «материковые» философские пласты: разговор теперь идет не только о «типическом середняке», но главным образом о фигуре, типической для процессов целой социалистической формации. Это мысль о раскрепощении человеческой души, о том, как простой человек из народа начинает сознательно воспринимать исторический процесс, свое непосредственное участие в нем. «О Майданникове можно смело сказать, что это одновременно и живая индивидуальность и социальный тип, отражающий в себе характерное явление эпохи... — справедливо

¹¹ Ф. Абрамов. Народ в «Поднятой целине» М. Шолохова. В сб. «Михаил Шолохов». Изд. Ленинградского университета. 1956, стр. 85.

указывает В. Новиков. — Победа нового в его сознании становится доминантой его характера»¹².

На страницы талантливой, поистине народной книги выразительно проецируются наши современные раздумья о том, как все углубляется демократическая основа советского образа жизни, о путях возникновения принципиально новой исторической общности — советского народа, о дальнейшем развитии народовластия в стране. Нам открываются связи вчерашнего с сегодняшним и в эпизодах соревнования на пахоте, и в главе, рассказывающей, как в Гремячем было устроено общенародное обсуждение колхозников, подавших заявления в партию, и в той знаменательной сцене, когда председатель колхоза по душам беседует с Шалым в хуторской кузнице, — в современной перспективе эта сцена выглядит поистине символической.

«Сюжет» ее прост: кузнец Шалый решается наконец сообщить председателю о давних своих подозрениях насчет Островнова. Но не интрига хопровского убийства волнует здесь читателя (мы-то знаем о нем куда больше Шалого) — всего важнее сама эта доверительность старого кузнеца. Она словно знаменует окончательное признание Давыдова хутором. А стало оно возможным потому, что натура питерского слесаря все богаче, что для хуторского люда он теперь действительно свой; и еще потому, что на хуторянах определенно сказалося его, давыдовское, влияние, дано свои плоды партийное воспитание. А Шалый, возможно, ощущает это воздействие много острее других: ведь еще не так давно он держался от всего в стороне, боялся поднять глаза на Островнова. Теперь же осмелел человек, как бы почувствовал весь груз своей нравственной ответственности перед обществом. И открыл председателю тайное, трудное, еще и еще раз подтвердив своим примером ту хорошо известную литературе «человековедческую» истину, что так называемый простой человек неизменно оказывается и больше и интереснее, чем это представляется с первого взгляда.

Пришло для Давыдова время, когда хуторяне перестали ему казаться «замками с секретом». Он знает здесь почти каждого. И не раз ему доводилось удивляться открывающейся в человеке нравственной кра-

соте, великодушию, уму. Но это были люди порознь, каждый — единица. Беседа же с Шалым словно помогла ощутить некое хуторское единство. Старый кузнец недаром говорит от имени сельщины, сельского мира, того самого, который, оказывается, на все активно реагирует, всему ведет свой счет и обо всем «до нитки» знает — и о тайных Лушкиных шашнях с беглым Тимошкой Рваным, и о затруднениях председательской работы (ровно как и о «молодой суете» Давыдова, увлекшегося Лушкой), знает о втором лице Островнова, не увидев которого невозможно составить представление об истинной расстановке классовых сил на хуторе.

«Как-то мы, старики, сидели в воскресенье у Бесхлебнова на завалинке, а ты мимо шел, дед Бесхлебнов поглядел тебе вслед и говорит: «Надо бы нашего Давыдова на весах взважить»...»

Так-то Шалый — о председателе! «На весах взважить». При этом себя самого кузнец, этот деревенский «пролетарьят», без всякой шутейности называет «ответственным» в колхозе. Старик считает, что у него есть все основания видеть жизнь без прикрас и судить о ней по самой строгой правде: «Ты мне толкуешь, как оно должно быть, а я тебе — как оно есть на самом деле».

Кто знает, может, и не всякой отдельно взятой человеческой «единице» по плечу такой этический максимализм. Но он в самый раз, когда говоришь от имени народного «единства», в себе воплощая народную отзывчивость на те возможности, что открыла перед хлеборобами социалистическая действительность, их новую коллективистскую мораль. Потому даже о давыдовской связи с непутевой Лушкой старый кузнец говорит: «Это, парень, не твоя беда, а наша общая, колхозная...»

Как и Майданников, как Нагульнов или Шалый, по-современному читается образ деда Щукаря. Явственное нарастание исследовательских симпатий к нему приобрело даже несколько комический оттенок, впрочем, как и все, что связано с шутливым гремяченским стариком. Дело в том, что с некоторых пор Щукаря в критике стали все больше причислять, приукрашивать под передового колхозника и верного спутника Давыдова.

Причина этому отчасти логическая: поскольку Щукаря при анализе романа прохо-

¹² В. Новиков. Художественная правда и диалектика творчества. М. «Советский писатель». 1971, стр. 121, 123.

дит по разделу юмора, то и определяющие характеристики шолоховского юмора в целом прежде всего связываются именно с его фигурой. Природа же комического в шолоховской поэтике достаточно серьезна: это и средство разрядить драматическое действие, и способ донести горькую соль правды; смех здесь, по словам критики, выполняет роль могильщика пережитков прошлого; говорят, что, кроме всего прочего, в зеркале юмористического писателя как бы «дублирует» серьезную, философскую проблематику произведения, добываясь тем самым неповторимого «стереофонического» эффекта.

Всего же чаще комическое у Шолохова трактуется как конкретное выражение народного оптимизма, как верный признак народного начала. Но коль так, то что же делать с Щукарем? Ведь это его образ в романе особенно богато насыщен комическим — выходит, что он-то и есть наиболее яркий представитель народа? Однако такая характеристика явно не по плечу безалаберному Щукарю.

С другой стороны, если гремяченский дед столь никчем, то откуда эта добрая его популярность в народе? Существует ведь целая литература о так называемых прототипах Щукаря — людях, каждый из которых искренне убежден, что Шолохов писал своего героя именно с него, каждый хочет быть Щукарем! Причем претендентов на Щукарево «прототипство» фольклористы встречали не только в шолоховских местах, но и на Украине, и в Подмосковье, за Уральским хребтом в Сибири. Вызывающе вздев свою сивую бороденку, шагает дед по житейским дорогам порой уже независимо от самого романа. Что же до литературной науки, то здесь Щукарь стал тем более важной персоной, когда вслед за «Поднятой целиной» наша проза пошла год от года обогащаться все новыми беллетристическими «дедами Щукарями», — впору описать их и систематизировать, может быть, даже выпустить специальное исследование о генезисе и эволюции деревенских уникамов, как правило, написанных сочно и занимательно, будь то дед Глачиков у Сергея Антонова, или дед Малышня у Федора Абрамова, или дед Капля у Михаила Алексева, или дед Фрясков у Владимира Фоменко. В ретроспекции же за фигурой деда Щукаря встают славные фольклорные образы неунывающих балагуров, созданных народной фантазией. Встают шекспировские шуты и гоголевский

Панько Рудый, бравый солдат Швейк и Санчо Панса, Кола Брюньон и Ходжа Насреддин...

Над головой гремяченского дедка за многие годы ломались такие крепкие исследовательские копья, звучали такие ученые слова, какие едва ли все попадались Щукарю в той книжке, что полюбилась ему в часы ночных бдений с Нагульновым («...толстая, как Куприяновна, книжка, называется она — словарь»).

Потихоньку-полегоньку образ деда, который, оказывается, такая важная персона, стали и на самом деле «укрупнять». Схематично, в виде критической диаграммы, движение литературоведческих представлений о Щукаре в разные годы выглядело бы так. Сначала писали, что это «затянувшийся анекдот», «деревенский шут» и «пустозвон», а то и вовсе вредный элемент, рвач и приспособленец. Потом полегало, деда стали называть «грустным обломком прошлого, прямым результатом идиотизма старой деревенской жизни». Дальше — больше: вот он признан полезной, нужной, а там и экстравагантной фигурой Гремячего — в его потешных речах обнаруживаются мысли поистине мудрые, Щукаря уже называют героем особо доверенным у автора, писательским «рупором», ему положено изрекать «такое, что заказано говорить другим героям» (Д. Молдавский), в нем видна высокая идейная прозорливость «дальнего прицела», за которую старик «навсегда заслужил себе глубочайшее уважение в истории» (А. Михалевич).

Одна лишь небольшая загвоздка: Щукарю, чтобы окончательно закрепиться в больших персонах, нужна какая-то более или менее серьезная деятельность, ибо герой без дела не герой. И вот некоторые сердобольные исследователи стали просто-таки натягивать ему общественно-производственную характеристику: найдена реплика Марины Поярковой, брошенная в укор Разметнову: «...дед Щукарь лучше тебя крыши кроет» (вот видите, дед Щукарь, оказывается, отлично кроет крыши!); выяснено, что колхозных коней дед запрягал с лихостью, обидной для местной пожарной команды; обнаружено имя Щукаря среди первых, кто сдал зерно в общественный семфонд. А его активное участие в раскулачивании! Не кто иной, как Щукарь беспощадно разоблачил на открытом партсобрании частнособственнические инстинкты в Майданникове. — тут щукаревский «взгляд на про-

исходящее дает возможность автору связать прошлое с настоящим и этим самым внести недостающее движение в сцену, привлечь внимание к вопросу, который никто (!) из присутствующих на собрании не мог бы поставить... Так в повествовании снова появляется чуть ли не центральная тема всей «Поднятой целины»¹³.

Вот теперь Щукаря можно вполне называть значительной фигурой среди других персонажей «Поднятой целины», крепким колхозником. А то зачем бы иначе Шолохов и уделял ему столько внимания в романе о великом переломе?

Однако недомек кое-кому из Щукаревых интерпретаторов, что дед можно ценить не только за быстрое запрягание лошадей или умение крыть крыши. И даже не как наглядный экспонат идиотической старейшей жизни.

Автор любит чудаковатого старика за то, что в эти тревожные и крутые годы Щукаря сохранил в душе по-детски доверчивое отношение к жизни и людям, что он служит обществу не умом, и не силой, и не умением, а просто самим собой как есть, бросает себя всего на его потребу: пользуйтесь! Явление Щукаря дает возможность неизменно проявляться остроумию, «веселинке» в окружающих, и в этом его главная особенность. Где бы дед ни обнаружился, в какую бы напряженную ситуацию ни вторгся, сейчас же вокруг раздается смех, светлеют лица, людям словно становится легче дышать. Рядом с этим неказистым, вечно промахивающимся чудаком, балабоном и неумехой всякий чувствует себя и молодцом и остряком. По правде сказать, чудачества Щукаря колхозникам куда нужней, чем его потенциальные трудности. И когда дед без особой нужды как-то завернул на бригадный стан к Дубцову, приметивший его издали колхозник весело объявил: «Агитбригада едет: дедушка Щукарь...» «К делу,—довольно улыбаясь, сказал Дубцов.—А то мы тут уж прокисли от скуки. Вечерять старик будет с нами, и такой уговор, братцы: в ночь его никуда не пущать». А в конце романа, замечая, как стал дед сдавать, Разметнов с искренней болью говорит: «Ей-богу, наделает он нам горя! Привыкли к нему, старому чудаку, и без него вроде пустое место в хуторе останется...»

Если таким вот образом «примерять» образ Щукаря к тому главному, что отличает шолоховский юмор, то вездесущий старик может быть назван даже неким «катализатором» оптимистического, своеобразной «чудинкой» целого хутора, народного единства. Причем «чудинкой» такой, которая свидетельствует не об ущербности или моральном вывихе души, а о доброте, здоровье, жизнедеятельности. В сценах со Щукарем смех встряхивает человека, обостряет его чувство реальности.

Юмор у Шолохова выверяет тональность повествования: какого бы трагического накала ни достигали события, какой бы острой гранью ни поворачивались характеры, над всем этим, точнее в самой сердцевине событий и характеров, неистребимо живет мудрое, душевно здоровое. Юмористическое укрепляет в мысли: это здоровое в собирательном шолоховском герое ни при каких обстоятельствах не иссякнет, непременно возьмет свое, победит. В улыбке Шолохова — народное принятие жизни. Это смех над слабодушием, глупостью, дикостью. Это остро подмеченное забавное, это смех от ощущения полноты бытия, от уверенности в себе. Он убеждает, что юмор может выступать не только как средство придания характерности, но и как одна из коренных, определяющих черт народного образа.

Наверно, могла быть написана большая литературоведческая работа о жизни Давыдова в искусстве и действительности. С 30-х годов нет такого момента в литературном процессе (а теперь уже можно сказать — и в истории литературы), когда бы этот удивительно полнокровный характер не был бы предметом рассмотрения самых разных творческих дискуссий и проблемных обсуждений, без него не обошлась ни одна более или менее серьезная теоретическая работа. Как Прометей или Дон-Кихот, этот образ будет нужен всем временам, каждому десятилетию. И он такой, что его, можно сказать, хватит на все.

Взять хотя бы последние годы: шла ли речь о критериях положительного героя, об образе коммуниста в литературе, о «руководителях и руководимых», о бедах «дегероизации» и подлинно героическом в людях, о схематизме «идеального героя» и полноте настоящего народного характера, воплощающего в себе дорогой принцип партийности искусства, о чувстве современности и нравственном кодексе современни-

¹³ Н. Л. Лейзеров. «Поднятая целина» М. А. Шолохова. Изучение мастерства писателя в школе. М. Учпедгиз. 1961 стр. 95

ка — всякий раз критика обращалась к образу Давыдова. И если, к примеру, сегодня наша перманентная творческая дискуссия о герое, судя по всему, решительно повернула к так называемому деловому человеку (о нем статья за статьей), то и здесь ведь Семен Давыдов мог бы сказать немало полезного — он ли не был в своем беспокойном бытии подлинно деловым человеком!

Не так давно появился примечательный сборник «Слово о Шолохове»¹⁴, содержащий многочисленные высказывания, раздумья над книгами, воспоминания о встречах с Шолоховым в разные годы и на разных жизненных дорогах. Тут имена писателей, ученых, партийных работников, зарубежных деятелей культуры, военачальников, учителей...

И редко кто из них не вспомнил о Семее Давыдове.

Особенно заметными в этом ряду мне кажутся те страницы, на которых мы находим как бы конкретное уточнение, за что же, собственно, такое внимание питерскому «слесарьку». Он, оказывается, столь многим служил источником, побудительным стимулом самых важных закономерностей — эстетических, социальных, творческих.

Ольга Форш писала, что Шолохов, выведя одним из первых фигуру положительного героя в современной литературе, «создал жизненный и человеческий образ коммуниста-организатора, строителя социализма в деревне — Давыдова... То, что действиями и поступками Давыдова руководит во всех обстоятельствах жизни одна цель — благо общественное, это дано писателем не абстрактно, не как схема или программа, а тем живым дыханием, которое убеждает читателя в несомненности прочитанного. Задача писателя — приобщать читателя к своему материалу не только посредством рассказа. Писатель-художник должен и своих героев, и пейзаж, и все зримые, и даже едва ощутимые подробности, которые попали в его живописную орбиту, не отражать, как в зеркале, а воссоздавать в своеобразном, ему одному свойственном ритме, в своем исключительном стиле, властно диктуемом величием темы, безжалостно отменяя все, без чего можно обойтись...». Иными словами, но о том же говорит Иван Мележ, для которого гремяченская исто-

рия, прочитанная еще деревенским парнишкой, открыла впервые — и на все будущее, — «как сурова, жестока и как прекрасна жизнь».

Эрвин Штригматтер обнаруживает для себя в «Поднятой целине» закономерности формирования революционного сознания — того, как к человеку приходит понимание необходимости «раздробить окаменелости старого», как книга дает ощутить великое удовлетворение строителя, перед которым начинают зримо вырисовываться контуры нового. «Шолохов показал мне противоречия, через которые совершается развитие. Но он не отпугнул меня. Он привлек меня, поставил ближе к нашему делу». По словам немецкого писателя, Шолохов «ставит своих героев во все новые ситуации, в которых накапливается их опыт; он показывает, как растет в них новое, как они отходят от старого. Он не приукрашивает. Он дает понять, что мы тем раньше придем к человеческой жизни, чем скорее уничтожим зверское, тупое, не поддающееся перевоспитанию. И он дает нам понять, что уничтожение противника, в какой-то мере всегда тяжкое для отдельного человека, может быть благодеянием для народа в целом».

На раздумье об «исторической дистанции» вызывает шолоховский роман Михаила Алексея. Он обращает наше внимание: Шолохов, этот, пожалуй, один из самых «медлительных» прозаиков, в 30-е годы свою «Поднятую целину» написал, что называется, с молниеносной быстротой! Именно писателю, которому чувство современности свойственно органически, даются произведения, оказывающиеся бесконечно необходимыми людям в самый разгар описываемых событий. Михаил Алексеев пишет о появлении романа: «Между прочим, это было в числе первых, и притом сокрушительных, ударов по теории «исторической дистанции», которой больно уж удобно прикрывать и свою лень и свою идейную робость. И — завидная судьба: только что вышедши в свет, книга в непостижимо малый срок завоевала сердца миллионов читателей. Она тотчас же и самым непосредственным образом включилась в историческую битву, развернувшуюся на селе. Давыдовы и Нагульновы понесли по крестьянским избам эту книгу — самого умного и талантливого агитатора».

Таких свидетельств можно привести бесконечно много. Эти примеры я назвал с мыслью показать, какое разнообразие идей

¹⁴ Издательство «Правда». 1973.

возникает над страницами «Поднятой целины», сколь активной силой являются ее образы — и Семен Давыдов прежде всего — в углублении современного литературного процесса. Чтобы закончить с этим, приведу еще одно высказывание из сборника. Оно принадлежит члену-корреспонденту Академии наук СССР Юрию Жданову. Ученый делится наблюдениями, как естественно человеческая натура в шолоховском изображении преломляет в себе социально-политические идеи, насущные проблемы народного бытия, как с революционными преобразованиями общества властно изменяется внутренний мир человека, чьи стихийные эмоции и страсти приобретают все более разумный, гуманный, очеловеченный характер. Исследователь подчеркивает: «Творчество Шолохова имеет всемирно-историческое значение как поэтическое воплощение исторической необходимости, действительного движения широких слоев человечества к свободе... Шолохов содействует этому движению, всем своим поэтическим даром утверждая богатую, разностороннюю, развитую личность труженика, творца истории. Этот живой, реальный и прекрасный образ формируется всем его творчеством». И еще более конкретно: «В образе Семена Давыдова проявилась черта, названная Лениным революционным идеализмом русского пролетариата. В этом заключено и стремление к возвышенной цели, свободной от корысти, и самоотверженность до самопожертвования, готовность прийти на помощь слабому и страдающему, ясный ум борца и романтическая устремленность в будущее...»

Это все так ясно с высоты настоящего, между тем самому Семену Давыдову в его гремаченской действительности подобные истины, касаются ли они исторической необходимости, или революционного идеализма, или самой правды о народе, о социализме, все это, такое насущное для жизни, приходилось добывать, что называется, своими мозолями — трудясь, сражаясь, «напиться» духовно, душевно от многотрудной хуторской действительности.

И когда наконец он воочию, во всей полноте картины видит, каков Гремячий на самом деле, какой человеческой сложностью выпало ему руководить, какое «единство» трудового казачества воспитывать и направлять, — чувство глубоко осознанной ответственности в Давыдове озаряется чувством щедрого, пострадавшего

счастья. Вот какая доля выпала в жизни петроградскому рабочему Семке Давыдову, от каких нравственных богатств богатеть ему, становясь как бы живым средоточием коммунистического дела и глубинных закономерностей народной жизни!

Может, он не только Нагульнову, но и самому себе сказал это однажды: «Работать берись!» Летучая реплика постепенно разворачивается в целую идейно-философскую систему, питающуюся как от общего замысла романа, так и от многочисленных реальных поступков и размышлений Давыдова.

Надо дело делать, работы! — такова первая его реакция на статью Сталина, озадачившую многих. Давыдов подводит итог всем речам: «Завтра прямо с утра надо созвать собрание и повести разъяснительную работу. Весь упор надо сделать сейчас на разъяснении!»

Работаты! — таков решающий вывод и из событий бабьего бунта: «Мы к вам административных мер применять не будем, а будем вам фактически открывать глаза... Я вопрос ставлю круто: кто за Советскую власть — тот завтра едет в поле...» Той же мыслью руководствуется Давыдов, объясняя, почему председатель должен быть за плугом, а не за столом, если в колхозе весновспашка под угрозой: «Я сначала — коммунист, а потом уж... факт!.. а потом уж председатель колхоза!»

И даже для Лушки у него есть своя деловая программа: «Вместо того чтобы пудрами пудриться да красоту наводит, взялась бы похозяйствовать по ферме, а?»

Надо работать — по три раза полоть всходы, если хочешь, чтобы колхоз действительно вылез из бедности! Надо ремонтировать детям школу, если всерьез думаешь о будущем маленьких Федоток! Это деловитость, опирающаяся на подлинный исторический оптимизм, на понимание человечности как деяния. В образе работающего Давыдова — словно сам образ нашего времени с его деловой трезвостью, научностью подхода к действительности, с его безграничной верой в труд. Век именно таков!

И однажды, явственно уловив ласку в голосе хутора, в веселых репликах плугарей, Давыдов воспринимает это как самую большую награду за все пережитое и выстраданное в этом Гремячем, за работу свою.

«У Давыдова по-хорошему дрогнуло сердце, когда он увидел, как дружно все вста-

ли из-за стола, приветствуя его. Он шел широкими шагами, а навстречу ему уже тянулись руки и светились улыбками дочерна сожженные солнцем лица мужчин и матово-смуглые, тронутые легким загаром лица девушек и женщин.. Давыдов улыбался, на ходу оглядывал знакомые лица. С ним успели крепко сжиться, его приезду были искренне рады, встречали его, как родного. За какой-то миг все это дошло до сознания Давыдова, острой радостью коснулось его сердца и сделало голос приподнятым и чуть охрипшим...»

Решенная по-шолоховски мягко, как-то

даже «бытово», эта страница, быть может, самая главная во всем романе — так выразительно отозвалась в ней идейно-политическая суть «Поднятой целины». Тут мысль о партии и народе. Об историческом движении, пролегающем через сердце человечье. О победе Давыдова.

«Поднятая целина» написана художником, который скажет, когда ему будут вручать Нобелевскую премию: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждали любовь к человеку...»

В этом признании — весь Шолохов.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Л. Финк. Закономерный выбор.— Николай Атаров. Дар понимания.— Ю. Гусев. Неувядающая молодость Гидаша.

ПОЛИТИКА И НАУКА

М. Воейнов. Общество и соревнование.— Владимир Цветов. Япония: внешне-политическая доктрина на 70-е годы.

Литература и искусство

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ВЫБОР

Даниил Гранин. Эта странная жизнь... «Аврора», 1974, №№ 1—2.

Лет сорок назад, в годы моей студенческой молодости, обычно говорили, что задача литературного критика — анализ объективного содержания произведений. Интерес к личности художника встречался в ту пору насмешливо — не наше, мол, дело рисовать портреты писателей в халате и шлепанцах. Биографические излишества и впрямь не нужны, особенно если они связаны с такой потерей чувства меры, когда исследование превращается, по меткому слову Леонида Леонова, в «дежурный репортаж из-под кровати Пушкина». И тем не менее сегодня стало общепризнано, что верное и глубокое постижение книги дается тому, кто, анализируя художественное произведение, старается понять и личность автора.

Впрочем, так уж повелось, что мы редко обходимся без преувеличений. В одной недавно опубликованной (правда, дискуссионной) статье в «Литературной газете» я не без удивления обнаружил следующее высказывание: «Читая книгу, мы можем и не отдавать себе в этом отчета, но нас интересует не то, что в ней происходит (подчеркнуто мной.— Л. Ф.), а как относится к этому происходящему пишущий, под каким углом зрения он смотрит

на жизнь, есть ли у него о ней «особое мнение». Иными словами, интересует нас прежде всего сам писатель, его человеческая суть».

Категорический, обобщающий характер этой мысли следует решительно отвергнуть. Слав объективного и субъективного в художественном творчестве гораздо сложнее, диалектичнее. Нас должны интересовать сами герои книг, их судьбы и характеры, ибо без этого какая же цена всяческому мнению? Есть неоспоримая истина: человеческая суть писателя обычно просвечивает сквозь суть избранных им героев.

Даниил Гранин написал документальную повесть об энтомологе Александре Любищеве, красноречиво названную «Эта странная жизнь...». Конечно, выбор героя помогает нам понять духовные заботы автора, тем более что сам Гранин откровенно признается: «Писателю может посчастливиться открыть человека». Познакомившись с Любищевым, Гранин поистине пережил счастливые часы — он открыл и для себя и для читателя необычного человека.

Жизнь А. А. Любищева в самом деле заслуживает эпитета «странная». Он написал более пятисот листов разного рода статей и исследований. Отнюдь не только по энтомо-

логии. Его, доктора сельскохозяйственных наук, увлекают философские вопросы естествознания и природа морозных узоров на стекле, математика и мемуары Ллойд-Джорджа, афоризмы Шопенгауэра и значение битвы при Сиракузах в мировой истории. Обо всем А. Любичев пишет с глубочайшим проникновением в материал, свойственным подлинному ученому, и со страстностью, свойственной публицисту. Но издана всего одна его книга — «К методике количественного учета и районирования насекомых».

Все время существовал огромный разрыв между тем, что он делал, и тем, что становилось достоянием других людей. Он зачастую излагал свои взгляды в частных письмах, не жалея на них ни сил, ни времени. Его вдохновляла убежденность, что письма нужны конкретным людям. Правда, как замечает Гранин, «среди адресатов были и мало совестливые: хватай, пользуйся, благо задарма». Но такие эпизоды не останавливали Любичева, не разрушали его веры в человека, не прекращали его необычной для XX столетия манеры сообщения своих мыслей, даже не уменьшали его щедрости. Всю жизнь «он раздаривал свои мысли, идеи, накопленные наблюдения и все это делал обстоятельно, подробно, как будто это входило в его обязанности». Он вел строжайший учет рабочего времени, по минутам распределял свой день, а на письма расходовал десятки, сотни часов и никогда не жалел об этом. Как видим, воистину странная, богатая загадками и противоречиями жизнь, у которой есть все основания стать предметом художественного исследования.

Для Д. Гранина жизнь Любичева представляла особый и очень личный интерес. Своеобразный характер позволял писателю сделать новую попытку решения одной из самых острых и волнующих проблем века — проблемы соотношения науки и нравственности.

Нельзя забывать, что по этому вопросу у нас печаталось немало спорного и даже откровенно ошибочного. «Нравственность не имеет отношения к науке. И самая постановка вопроса о связи этих двух понятий мне кажется абсурдной» — так категорически написал в «Комсомольскую правду» читатель, пожелавший остаться неизвестным. В другой раз один известный ученый заявил не менее категорически: «Наука не имеет отношения к нравственности».

Такая точка зрения Д. Граниным давно и настойчиво отрицается. Вспомним: Андрей Лобанов, герой романа «Искатели», обладал богатым сплавом — творческих способностей, научной одержимости и нравственной чистоты. В романе «Иду на грозу» успех научного поиска был поставлен в прямую зависимость от морального облика ученого. Олег Тулин — энергичный, инициативный, решительный. Он, естественно, очаровывал окружающих, даже казался им могучим «волшебником». И все-таки он потерпел поражение, ибо к науке относился потребительски. Выяснилось, что у Тулина есть и ум, и талант, и смелость мысли, но нет ни идеалов, ни совести. И эта его внутренняя пустота сказалась неотвратимой причиной катастрофы, и научной и личной.

А Сергей Крылов был менее талантлив, чересчур прямолинеен, иногда близорук. Однако высокие нравственные качества, и прежде всего понимание своего долга перед людьми, словно увеличивали силу его одаренности, вдохнули в него новые творческие возможности и помогли выстоять в трудной борьбе за истину.

Наконец, существовал в романе и еще один образ, о котором сегодня вспомнить необходимо. Академик Данкевич совершил величайшие открытия, он на весь мир прославил русскую науку, но в борьбе с интриганами и клеветниками был беспомощен и наивен. Так, кажется, впервые Гранин заговорил о значении гармоничности характера ученого, о том сложном сплаве самых различных психологических черт, который необходим рыцарям науки. Впоследствии, в книге «Сад камней», писатель уже разрешил себе публицистически сформулировать свои выводы. «Человеческие качества ученого, — заявил он, — пожалуй, не менее важны, чем его достижения, моральный облик великих ученых имеет большее значение для поколений, чем чисто интеллектуальные достижения».

Эта мысль, видимо, представляется Гранину одной из самых важных — недаром он постоянно к ней обращается.

Александр Александрович Любичев не мог не привлечь внимания Гранина — жизнь ученого будто предложила писателю сюжет, дополняющий и развивающий его магистральную тему. «Нравственные проблемы представлялись ему иногда важнее научных», — пишет автор о Любичеве. К тому же в наследстве ученого писатель обна-

ружил ряд удивительных совпадений с заветными мыслями своих любимых героев. Фокин и Сомов размышляют в «Саде камней»: «Я понял, что самые простые вещи достойны стать искусством — корень дерева, клочок травы, расположение этих камней. Главное — увидеть». Или иначе: «Мы уверены, что мы видим то, что есть, до конца, и в голову не придет, что есть что-то еще, чего мы не видим... Талант в том, чтобы увидеть там, где другие не замечают». А в 1973 году публикуется работа энтомолога Любищева «Морозные узоры на стеклах», и там дается такой многозначительный совет: «Чтобы познать невидимое, смотри внимательно на видимое».

Реальный профессор Любищев должен был встать рядом с литературными героями — Данкевичем и Сомовым, Лобановым и Крыловым. Но, как часто бывает, действительность во многом превзошла писательскую фантазию. Любищев был значительно, масштабнее и целостнее предыдущих героев Гранина и в то же время противоречивее их. Человек удивительной целеустремленности, Любищев почти шестьдесят лет решал огромную научную задачу, поставленную себе в юности, и обладал при этом необычайной разносторонностью интересов и знаний. Сосредоточенность и разбросанность причудливо сочетались в его душе, страстное желание откликнуться на зовы жизни уживалось с замкнутостью.

Яростный полемист, не боявшийся восстать против любых авторитетов, любых признанных теорий, он никогда не преследовал в полемике личных целей. Недаром его биографы писали: «В трудные для нашей биологии годы, когда его идейные противники оказались под ударом, он вполне мог выступить против них. Ему ничего не стоило бы заработать славу борца против «менделизма — вейсманизма — морганизма», так как он еще в 1925 году выступал против А. Вейсмана... Он мог поступиться некоторыми жизненными принципами ради торжества хотя бы части своих идей. Он этого не сделал».

А. Любищев был нетерпим к любому злу и органически не способен ни на какие компромиссы. В конечном счете все его поведение диктовалось тем, что у него была «обширная этическая программа, своеобразная и точная». «В каждом из ученых, кого он чтит... на первом месте стоял нравственный элемент».

Гранин прав, утверждая, что в этом Любищев выступал как надежный продолжатель традиций русской интеллигенции. «Вернадский и Лев Толстой, Короленко и Тимирязев всей своей жизнью утверждали самую высокую моральную требовательность».

Читая Тимирязева, Любищев не устает восхищаться такими его душевными качествами, как преданность науке и сознание общественного долга перед народом. Кому-то в старину казалось, что эти тенденции несовместимы. Тимирязев сделал их единство основой всей своей деятельности. И Любищев вслед за Тимирязевым ценит только действительную нравственность, только активные свойства души. Он сам проявлял такую душевную силу, словно каждодневным подвигом доказывал безграничность человеческих возможностей.

Гранин не мог не написать о Любищеве, потому что в малоизвестной личности провинциального профессора обнаружилось единство научных и моральных позиций, обладающее огромной учительной силой.

Впрочем, писатель отлично видел, что далеко не все особенности Любищева заслуживают однозначной положительной оценки. Его научная одержимость иногда переходила в какую-то кастовую спесь, и он всерьез отчитывает Пушкина за нежелание заниматься изучением саранчи. Здесь цельность оборачивалась ограниченностью, и, к сожалению, подобные метаморфозы сказывались и в гораздо более серьезных делах.

Любищев «считал себя неудачником, и при этом он чувствовал себя счастливым человеком». Как могло это совмещаться? Очевидно, только потому, что счастье он видел в осуществлении своих способностей, а не в уже достигнутых результатах. И в этом неправомерном разрыве проявились не только неожиданные уступки метафизичности мышления, но и опасная жизненная ущербность. Многие работы Любищева оставались безвестны, существовали только для него самого. Гранин не пытается идеализировать Любищева, но он хочет, чтобы читатели «Авроры» поняли: Любищев жил и формировался в определенное время, его нравственный опыт необходимо учитывать и людям нашего времени. В этом его счастье, особое, «наивысшее счастье» «типичного неудачника».

Необычность героя продиктовала писателю и необычность художественных реше-

ний. Правда, в оглавлении журнала можно прочесть самое спокойное определение жанра: «Эта странная жизнь... Повесть». В тексте сказано совсем иначе: «Это ни на что не похожее повествование». Гранин рассказывает, что первоначально у него было искушение «выстроить из фактов интригующий сюжет», поймать читателя на «крючок секрета» или воспользоваться какими-нибудь другими испытанными приемами беллетристики. Писатель от всего этого отказался. Он выбрал иной путь — прямого ознакомления с личностью Любичева, с его статьями, дневниками, письмами. В результате повествование Гранина иногда становится похоже даже не на «научно-популярный очерк» (как он сам гипотетически определил жанр написанного), а скорее на философский трактат. Текст пестрит афоризмами, и читатель все время чувствует прямое излучение мысли — и героя и автора.

Наверно, для художника это не единственно возможное решение. Ведь существует не только беллетристика и не только документальная проза. Многим читателям «Авроры» «сухое, сугубо деловое» изложение Гранина может показаться трудноватым. Но мне думается, что писатель был прав. Вероятно, когда-нибудь о Любичеве

напишут и биографические романы. Сегодня же Гранину хотелось одного — столкнуться с фактами, которые сами по себе содержат так много удивительного, так много поражающей новизны и глубочайшего смысла. Правда, отбирая факты, Гранин решительно отеснил события, и драма жизни Любичева уступила драме его идей. Лаконизм был выигран за счет полноты и драматичности, и мне (а скорее всего и не только мне) пришлось испытать противоречивые ощущения: искреннюю благодарность Гранину за открытие Любичева и такое же искреннее чувство сожаления, что знакомство оказалось недостаточно полным.

Впрочем, я не испытываю уверенности, что упрек мой справедлив. Среди разных оценок Любичева Гранин приводит и такое суждение: «Сила его была в непрерывном генерировании идей, он ставил вопросы, он будил мысль». Видимо, писатель свою главную задачу увидел в том, чтобы принести эстафету от героя. «Эта странная жизнь...», успешно утверждая дело Любичева, раскрывая обаяние его личности, ставит вопросы, будит мысль, возбуждает идеи.

Л. ФИНК.

доктор филологических наук.

Куйбышев.

ДАР ПОНИМАНИЯ

Инна Гофф. Юноша с перчаткой. Рассказы. М. «Советский писатель». 1974. 302 стр.

«О, это совсем просто — определить возраст лося. Надо только к числу отростков прибавить два в уме — до двух лет лоси безроги. А у дерева за год прибавляется новое кольцо...»

Дочитываешь сборник из четырнадцати рассказов до последних строк и задумываешься: случайно или все-таки обдуманно, потаенно или совсем обнаженно, весело или грустно звучит эта прощальная сентенция о возрасте лося и дерева, как будто исчерпывающая все лирическое содержание книги?

Жила-была городская девочка, поехала с отцом-врачом и мамой на лето в деревню, а началась война. И на возу — назад в город. Вдали показывались и пропадали белые хаты украинских деревень, еще не оставленных врагу. «Мы пели, и воз наш бежал мимо полей, а поля мимо нас. В небе, проваливаясь и взмывая над нами, бубенчиком

бился жаворонок. На передке из-за чемоданов и тюков виднелись две головы — седая, в полотняном картузе, деда Игната и смолянисто-черная, непокрытая — отца» («Тот длинный день»).

Подружки пели на возу, не понимая, что это значит — началась война. И мама сказала: «Не заглушай Таню. Петь громко еще не значит петь хорошо».

Кажется, навсегда осталась верна этой мысли девочка, а потом, когда выросла, писательница Инна Гофф. У И. Гофф много книг прозы. Первая, какая давно запомнилась мне, — повесть «Я — тайга». Сейчас есть потребность сказать несколько слов о последних двух сборниках рассказов: «Поющие за столом» («Советская Россия». 1971) и «Юноша с перчаткой». Для меня своей тональностью и темой они сливаются воедино, как, впрочем, и многие песни этого ав-

тора звучат для меня в одной тональности ее всенародно любимой песни «Русское поле».

Инна Гофф избегает эффектных ситуаций, острых сцен, напряженных сюжетных коллизий. Ее читатель — из тех, кто способен оглянуться, спросить: что ты делаешь с нами, жизнь? Позади — война, потери самых близких людей, бумажные цветы, казавшиеся живыми, встречи, похожие на прощания.

Почти в каждом рассказе есть своя точка отсчета — время детства, четырнадцатилетнего девичества, время полноты душевных сил и прелести жизни.

Рассказы лиричны, в них ни на крупницу чужой памяти — все свое: свой лес, своя собака. И только отсюда, от этой точки отсчета, рождается и растет в глубине писательский «дар понимания», который одному великому писателю казался основным признаком таланта.

«Сколько дождей плясало на этих ступеньках с тех пор, как Анчик поцеловал Нину. Пятьдесят лет прошло с тех пор...» — это в рассказе «Чарли брат Мани». Пятьдесят лет — это много. В рассказе «Вид из окна гостиницы» молодая женщина вспоминает недавнее детство, потому что второй день льет дождь и в сетке дождя и тумана стоит перед глазами город детства с его «самой большой площадью в Европе», с его Домом Госпрома (это, разумеется, Харьков). Отец — врач, от которого оберегали девочку, потому что он «вечный источник инфекции в доме». Мама «любила книжки и фильмы с хорошим концом». Бабушка — «она купала в тазу, как детей, две финиковые пальмы, которые вырастила из косточек, пекла пироги, пела песни и своим молодым голосом рассказывала истории из жизни, веселые и грустные».

Это было всего лишь двадцать лет назад. «Урок начинался с переключки учеников».

— Алиханов, Белов, Векслер, Громова..

У каждой буквы было свое лицо, свой характер. Много лет прошло, но до сих пор, если мне надо вспомнить место буквы в алфавите, в голове начинает звучать: Алиханов, Белов, Векслер!.. Мой алфавит давно рассыпался, многих букв в нем уже не достает».

В том харьковском детстве была невинная игра, шалость: выбежать на улицу в

сумерки и здороваться с незнакомыми прохожими. «Здравствуйте!», «Здравствуйте!» — звучало в вечернем воздухе. И теперь снова женщина идет по городу, вглядывается в лица незнакомых, и с той способностью понимания, с той жадной «увидеть вблизи», проникнуть за оболочку чужой жизни хочется ей, как тогда, в детстве, каждому прохожему сказать: «Здравствуйте!»

Это давнее доверие к людям, привязанность к памяти девчоночьих лет, созвучное философии людской солидарности с ее нравственным притяжением к людям, близким по духу, нравственным отталкиванием от всего, что пахнет обманом, предательством, изменой, определяет собой и композицию двух книг рассказов и плотное чувство времени. Да, время что-то меняет, но что-то и остается, неотвязно размышляет автор, «надо только к числу отростков прибавить два в уме». По-разному, но все равно об этом — в «Голубых бусах», в «Рисунке карандашом», в «Девочках», в «Пушкинской площади», в «Артистках», даже в «Касаткиных», где простодушно повествуется о семействе ласточек с их выводком повзрослевших за лето птенцов: «Это все было в июле. А сейчас август. Они выросли, наши ласточки. Их уже трудно отличить от родителей».

В рассказе «Пушкинская площадь» стареющая актриса и таксист, везущий ее по Москве, вдруг мгновенно испытывают солидарность, общительность — совсем незнакомые, непохожие люди — только потому, что была когда-то война, в часы военных салютов прожектора стояли на площади, и танцевали девочки, и подходили солдаты, прожектористы, разводили их — и это порознь было, было и с актрисой и с таксистом...

«— А салюты помните?

— Галки глупые, очень волновались».

— Не с вами ли я танцевала?»

В рассказе «На семи мостах» Инна Гофф вспоминает: «Десять лет назад, в Вологде, я увидела похожие на детское лото дощечки под номерами домов. На дощечках — картинки: где — лестница, где — топорик, где — ведро. Мне объяснили, что это на случай пожара. Загорится где-то, и люди бросятся на помощь из своих домов — кто с лестницей, кто с ведром, кто с топориком... И мое воображение мгновенно нарисовало картину народного бедствия и великую человеческую солидарность, символом которой являлись эти бесхитростные знаки».

Такова метафора накопленного от точки отсчета жизненного опыта человеческой солидарности. Кто с лестницей, кто с ведром, кто с топориком — выходят из своих домов-скорлупок, скорлупок-судеб герои ее рассказов. И даже в «Балконе над Парижем», где, казалось бы, в неоновых вспышках реклам, в сполохах огня и шума совсем могла бы заглухнуть тема человеческой солидарности, — так нет же! Манекенщица Аленка, русская девочка, победившая Париж обаянием изящества, естественностью показа туалетов, оказывается, нуждается в сочувствии и внимании взрослой женщины и вызывает ее сочувствие и внимание — потому что «не клеится у меня жизнь, понимаешь? Я его люблю. Я хочу ребенка. Если бы он меня любил, он бы рад был, правда? А он — ни за что. Значит, он не любит меня. Или не уверен, что любит... Я не могу так жить. И я решила — уйду! Вот, тебе первой об этом говорю...»

Так на балконе парижской гостиницы над шумной площадью у вокзала Сен-Лазар упрямо возникает та же мелодия, что в других рассказах звучала на фоне скромных рабочих поселков, маленьких подмосковных городишек с выгоном, любимым местом детских игр, с сельпо, где ятки и мыло, с танцами в клубе, с подводами и бричками возле амбулатории, с плотником Гав-

рилычем и военкоматским сторожем-поэтом, с дурочкой Манькой по прозвищу Козлитон, с ночными вдовьими вздохами — со всем тем, что неотвязно приходит из детства и наполняет своей поэзией атмосферу рассказов Инны Гофф.

А что — Париж? Что — Харьков или Москва? Или Одесса? Важна плотность времени жизни, заполненной обилием дружб и знакомств, человеческой солидарностью, духовным ростом каждого сквозь все повороты дорог и судеб. «В конце концов каждый из нас живет в своей Деревне. Большая она или маленькая, но она все равно ограничена кругом наших дел и забот, кругом наших знакомств и интересов. Сразу на всех свадьбах не погуляешь!..»

Так постепенно определяется и «возраст дося». Так вырисовывается образ лирической героини рассказов, мы узнаем ее детство, места, где она жила, профессию и характер ее отца, судьбу ее ровесников и сверстниц.

Петь громко еще не значит петь хорошо.

Мне кажется, Инна Гофф, которую я запомнил еще с первой книги «Я — тайга», достигла зрелости мастерства — она знает, каким голосом ей петь. И получается хорошо.

Николай АТАРОВ.

НЕУВЯДАЮЩАЯ МОЛОДОСТЬ ГИДАША

О. Россиянов. Антал Гидаш. Очерк творчества. М. «Художественная литература». 1970. 120 стр.

Антал Гидаш. Господин Фицек. Роман. Перевод с венгерского Агнессы Кун. М. «Художественная литература». 1973. 592 стр.

В сознании советских читателей венгерский поэт Антал Гидаш давно уже стал одним из живых классиков социалистической литературы, классиком, значение которого выходит далеко за пределы его родины. Это утверждение не формальная дань юбилейным традициям (в декабре этого года Гидашу исполняется семьдесят пять лет). Уже в середине 20-х годов, когда вышел его первый стихотворный сборник («На земле контрреволюции»), Гидаш без колебаний и компромиссов встал на сторону коммунистов, что было не просто в условиях разгромленной революции в Венгрии, и всю силу своего незаурядного таланта обратил на борьбу за социали-

стические идеалы. На протяжении всей жизни Гидаш, где бы он ни находился, всегда стоял в авангарде прогрессивной литературы, поэтическим словом и реальным делом внося свой вклад в борьбу за счастье и свободу родного народа, венгров, а вместе с тем и всего человечества. Последовательная верность передовым идеям современности, сочетающаяся с жизнелюбием, с чутким вниманием ко всему человеческому, обеспечивает его произведениям убедительность и реалистическую силу. Его творчество с полным правом можно назвать одной из тех кузниц, в которых выковывалось и закалялось искусство социалистического реализма, воплощающее в

себе наивысший для нашей эпохи тип связи между художественным творчеством и борьбой за социальный прогресс.

О творчестве Антала Гидаша написано пока не так уж много. Среди того, что следует особо отметить,— книжка О. Россиянова. К ней я хочу в этих заметках вернуть внимание читателя. Книжка эта благодаря глубине и научной основательности, являет собой первый значительный вклад в советское «гидашеведение».

Автор книги, видный специалист в области венгерской литературы, рассматривает творчество Гидаша в широком контексте литературного процесса XX века, делая выводы теоретического характера, пробуждает в читателе потребность задумываться о характере, о функциях современной поэзии, современного искусства вообще. Поэтому-то основная цель книги, обозначенная в подзаголовке «Очерк творчества», оказывается достигнутой не только в эмпирическом плане: читатель получает, кроме знания фактов, еще и нечто большее — понимание писателя и его творчества как неотъемлемой частицы современного исторического процесса.

Сам жанр подобной работы требует хронологически-последовательного рассмотрения этапов, периодов творческого развития, произведений, знаменующих такие периоды,— от этого никуда не уйдешь. И тем не менее О. Россиянов уже в первой главе книги делает попытку охватить все его творчество целиком, выделить доминирующие черты Гидаша как художника. В этом своеобразном введении мы находим ряд важных моментов, которые в совокупности дают понять особенности развития творчества Гидаша. Автор особо выделяет мысль о том, как сам Гидаш понимал поэзию: для него это был «способ преодолеть отчуждение и всякое разобщение людей... поддержать внутреннюю цельность, гармонично-коллективистское и возвышенно-жизнеутверждающее мироощущение — поэтическое начало в людях». Такой гуманистической настрой неотделим был от революционности — речь идет о «гуманной природе революции и поэзии, о неразрывности и взаимозависимости социалистической политики и морали». И еще о неприятии механического, ремесленного отношения к творчеству. О. Россиянов находит у венгерского поэта черты, роднящие его с лучшими традициями мировой, и в

частности русской, поэзии. Это первоистинное внимание к идее и настроению — «душе» стихотворения, внимание, которое неизменно сочетается с обостренным чувством формы.

Построив довольно целостную концепцию творческой личности, О. Россиянов переходит к непосредственному рассмотрению творчества Гидаша как своего рода «лирико-интеллектуального романа», где герой — сам автор, а «сюжет» — его «духовное возмужание, возвышение, которое преломляет и сгущает в себе часть прожитого и переживаемого нами большого исторического времени».

В главе «Мечта о великой оратории» О. Россиянов пишет о формировании Гидаша как поэта, о роли в этом процессе тех трагических и высоких событий, которые связаны были с созданием и скорым падением венгерской Коммуны 1919 года, о творчестве Гидаша в Советском Союзе. На земле Великого Октября венгерский поэт создал много замечательных стихотворений, вошедших в его сборники «Венгрия ликует», «Колонии кричат», «Идет суд» и другие.

Стихи эти, при всем их тематическом и жанровом разнообразии, характеризуются страстностью, органическим, естественным сочетанием любви к далекой Венгрии с интернационалистским мировидением. Гармоничная пропорция между национальным и общечеловеческим у Гидаша возникает как бы сама собой: пролетарское мировоззрение обеспечивает ее, так сказать, «само собой», делая одной из доминант поэтического видения мира. Не удивительно, что стихи Гидаша с одинаковой любовью воспринимались и венгерскими рабочими и советскими людьми; переведенный на русский язык «Марш ударников» Гидаша стал одним из популярнейших советских песен времен первых пятилеток.

Годы, проведенные вдали от родины, конечно, не могли не сказаться на самочувствии поэта, порождая порой мотивы тоски, ностальгии. Однако мощным «противовесом» этим настроениям была сама советская действительность, возможность приобщиться к живой работе по строительству социалистического будущего. В «лихорадке буден» молодого пролетарского государства развивался и обогащался талант Гидаша, не уместаясь уже в рам-

ках лирики. Есть определенная диалектическая закономерность в том, что с достижением человеческой и литературной зрелости Гидаш обратился к прозе и что, все далее отходя во времени от венгерской действительности, он именно эту действительность, Венгрию своего детства, сделал главной темой прозаических произведений.

Интересно рассмотрена О. Россияновым прозаическая трилогия Гидаша — романы «Господин Фицек», «Мартон и его друзья» и «Другая музыка нужна». По словам исследователя, книги эти знаменуют в творчестве Гидаша «глубочайшую перемену: не только художественного рода, но и самого метода, способа изображения, который окончательно становится реалистическим». Автор подробно разбирает суть и признаки этой перемены, особенно выделяя такой важный в творческом развитии писателя момент, как «поворот к особенному, национально-социальной и художественной конкретности». Поворот этот сказан прежде всего в выборе главного героя — фигуры противоречивой, но и в противоречивости своей типичной для Венгрии начала века. Я говорю о фигуре мелкого ремесленника, сапожника Фицека. Жизненность этого образа усиливается благодаря «энциклопедически» богато выписанному фону — венгерской действительности, изображенной в романе, действительности, в которой все более решающее значение приобретали революционные тенденции. О. Россиянов на этой почве разносторонне анализирует своеобразие реализма Гидаша, связь его с традициями венгерской литературы XIX и XX веков.

Вместе с советским народом Гидаш перенес суровое испытание, когда гитлеровские армии, найдя поддержку и в хортистской Венгрии, двинулись на Страну Советов. Только «воспитанная всей действительностью социализма нравственная сила», пишет О. Россиянов, помогла поэту преодолеть отчаяние и уныние, обрести «мужественно-трезвые истины» и научиться по-новому, все более действенно служить будущему. Стихи Гидаша становятся умудреннее, афористичнее, но не в ущерб обычной их молодой страстности! Сама эмоциональность его поэзии обретает как бы большую весомость. Другой необходимой стороной этого процесса представляется тот факт, что лирическая стихия все глубже пронизывает самые гражданственные по своему пафосу

стихотворения. Духовная зрелость Гидаша в конечном счете выражается в том, что, как формулирует О. Россиянов, «поэт от оптимизма почти стихийного, сила которого состояла главным образом в темпераментности, импульсивном накале, шел к оптимизму исторически сознательному, вооружающему пониманием жизненных противоречий».

Надо ли говорить, какое воздействие на вызревание этого оптимистического мироощущения сыграли такие события, как победа над фашизмом, — неотделимая в сознании поэта от той огромной цены, которая была заплачена за нее народами, и прежде всего советским народом, как затем вступление Венгрии на путь строительства социализма! А если добавить, что поэт смог наконец вернуться на родину, вновь прикоснуться к земле, давшей ему жизнь и язык, то понятно становится, почему немолодой уже поэт восклицает в одном из стихотворений:

Придет еще пора —
не кто иной, а я здесь буду молод,
я, победивший ярость топора.

(«А лес-то, глянть...». Перевел Л. Мартынов)

Слово «здесь» в данном случае многозначно. Оно подразумевает одновременно и вновь обретенную родину и социалистический мир, семью свободных народов; «здесь» — это и социалистическое будущее, память счастливых потомков. Отсюда становится понятной поэтическая многоплановость утверждения «буду молод», отодвигающего на задний план факт физического старения...

Богаты факты, говорящие об особенностях поэзии Антала Гидаша, которая продолжает развиваться уже на родной его земле. Но нет смысла пересказывать наблюдения О. Россиянова — читатель найдет их в содержательной, живо написанной книге.

Советские читатели год от году все более приобщаются к жемчужинам поэзии замечательного писателя, открывают для себя все новые ее достоинства благодаря новым переводам Л. Мартынова, Б. Слуцкого и других. В наших издательствах выходят все новые книги Гидаша; в качестве свежего примера можно упомянуть роман «Господин Фицек», выпущенный издательством «Художественная литература» в серии «Зарубежный роман XX века». То, что роман Гидаша включен в эту представительную серию, — факт знаменательный. Действительно, шедевр венгерского писателя достойно пред-

ставляет одно из главных направлений в современном развитии романического жанра, демонстрируя как творческое претворение богатых традиций прошлого, так и новаторство, которое вырастает прежде всего из социалистической идейности, из новых представлений о мире и людях.

Особо следует сказать о вступлении, предпосланном Гидашем роману. Это не объяснение замысла романа, хотя и объяснение тоже, не история его создания, хотя и история тоже. Это рассказ писателя «о времени и о себе», рассказ теплый, лирический, пронизанный в то же время тонкой, грустноватой иронией. Гидаш окидывает взглядом пройденный путь, находя слова любви и благодарности своим многочисленным друзьям, и краям, в которых бывал или жил, и веку, своему ровеснику. И хотя, по его словам, этот век «полными черпаками отвалил... нам тяжелые испытания, а мне досталось, пожалуй, даже сверх „лимита”», писатель и благодарен ему: «...не закутал меня в пуховое одеяло, что и в радости и в беде я мог быть всегда с народом».

Можно еще добавить, что Гидашу не приходится стыдиться за свой век, век револю-

ций, век, начавший новую главу в истории человечества. Он и взялся писать в трилогии «о своем поколении и о своей юности», потому что это не только его юность, но и юность века, в чем-то трагическая, но и прекрасная, героическая. Те, кому не дано было жить в то время, должны почувствовать его напряжение через художественный образ. Об этом и беспокоится Гидаш, когда пишет во вступлении: «...если эти три связанные друг с другом романа придутся читателю по душе, если заключенная в них жизнь покажется поучительной, а идея их, с которой я связан всем своим существом, поможет новому поколению разобраться в нашем мире и завершить в улучшенной форме то, что начали мы,— тогда я не зря писал...»

Антал Гидаш, встречающий свое семидесятипятое, идет, как всегда, рука об руку с веком, находя способы передавать свой трудный ценный опыт поэта и революционера новому поколению, стремясь понять его и быть понятым им. И в этом залог его неувядающей молодости.

Ю. ГУСЕВ,

кандидат филологических наук.

Политика и наука

ОБЩЕСТВО И СОРЕВНОВАНИЕ

Г. А. Куторжевский, В. А. Смирнов. Социалистическое соревнование. Проблемы, опыт социологического исследования. М. Политиздат. 1974. 112 стр.

В условиях нашего общества социалистическое соревнование приобрело громадное значение во всех сферах жизни. Но глубоких научных работ по проблемам, связанным с совершенствованием этого всенародного движения, выходит крайне мало. Поэтому каждая новая публикация, отличающаяся глубиной и серьезностью исследования, не может остаться незамеченной. Именно такова рецензируемая книга.

Авторам небольшой по объему книги удалось достаточно глубоко разработать теоретические вопросы, показать на фактическом материале реальное положение, складывающееся в социалистическом соревновании. Для этих целей привлекаются весьма интересные данные социологических обследований,

проведенных в ряде районов и родов страны.

Соревнование можно рассматривать вообще как общесоциальную закономерность, свойственную человеческому обществу как таковому. И правилен вывод авторов о том, что никогда не было, нет и не может быть общества без соревнования. Но на каждом историческом этапе развития общества соревнование приобретает особую, специфическую форму своего проявления. Это зависит от господствующих в данном обществе социальных условий, и прежде всего соответствующей формы собственности на средства производства.

В социалистическом обществе на базе общественной собственности соревнование по необходимости принимает форму социали-

тического соревнования, которая коренным образом отличается от конкуренции. Авторы, определяя социалистическое соревнование, выделяют его особенности: массовость и сознательное участие в соревновании **трудящихся**. Особо подчеркивается мысль: состязательность и соперничество не носят антагонистического характера, общество сознательно управляет развитием (организацией) соревнования. Все это ведет в большей мере к повышению эффективности производства, нежели другие исторические формы соперничества. Далее, соревнование при социализме создает благоприятные условия для проявления производственной инициативы, творческого почина, чувства хозяина каждым трудящимся.

Особо следует отметить, что авторы верно обращают внимание читателей на такую сторону, как соперничество и состязательность. До недавнего времени в нашей литературе этой проблеме уделялось значительно меньше внимания, а иной раз ее и вовсе игнорировали. Полагали, что ведущая сторона соревнования — сотрудничество и взаимопомощь в труде — исчерпывает существо явления. Однако, как показала практика, именно органическое единство двух сторон и дает цельное представление об этом общественном явлении, что правильно отмечается в рецензируемой книге.

Наиболее подробно рассмотрены в книге вопросы практики организации социалистического соревнования. В настоящих условиях при организации социалистического соревнования в материальном производстве большое значение приобретает напряженность хозяйственных планов. Ясно, что легкий план, низкие производственные задания значительно легче перевыполнить, чем план, составленный с учетом всех резервов и возможностей увеличения производства. Кстати говоря, научно обоснованный план и должен быть трудно выполнимым. Если же производственный план значительно перевыполняется, то это может свидетельствовать порой и о низком уровне планирования, а подчас о ловкости руководителя предприятия, сумевшего скрыть значительные резервы, о нарушениях плановой дисциплины в народном хозяйстве. Встречные планы как раз и призваны сделать государственный хозяйственный план напряженным.

Авторы справедливо указывают, что при подведении итогов надо обязательно учитывать степень напряженности планов. В этом

случае соревнующиеся ориентированы не на погоню за процентами перевыполнения норм, а на реальный рост выпуска продукции и повышения производительности труда.

В настоящее время в социалистическом соревновании участвуют несколько более 90 процентов трудящихся всех отраслей народного хозяйства. Однако не все еще участвуют достаточно активно. В книге приводятся данные, полученные в результате конкретных социологических обследований ряда предприятий, свидетельствующие, что лишь около 30 процентов трудящихся принимают активное и сознательное участие в соревновании. Большая же часть участников соревнования (67 процентов) проявляет среднюю активность. Тем не менее большинство обследованных участников соревнования (от 50 до 75 процентов по различным предприятиям) отмечают высокую действенность соревнования. В то же время от 16 до 30 процентов опрошенных считают соревнование недостаточно действенным.

Хотя данные, приводимые авторами, конечно, не могут характеризовать положение дел с организацией социалистического соревнования в стране в целом, но они позволяют увидеть некоторые проблемы, свойственные сегодняшнему дню. И в этом неоспоримая ценность рецензируемой работы.

Каковы же конкретно недостатки в организации соревнования? Отвечая на этот вопрос, авторы объединили их в несколько групп. Тут и вопросы организации труда на предприятиях, плохое знакомство рабочих с условиями соревнования, отсутствие у некоторых соревнующихся личных обязательств, недостатки, связанные с практикой подведения итогов и определения победителей, плохая пропаганда опыта передовиков. И наконец — важнейшие проблемы, связанные с материальным и моральным стимулированием.

В книге приводится интересная таблица процентного распределения различных помех в организации соревнования. Характерно, что на первом месте — недостатки в методах поощрения участников соревнования. Объясняется это и недооценкой самих стимулов соревнования администрацией и общественными организациями, и несерьезным отношением их к вопросам первоочередной важности. Подтверждается это таким фактом: на некоторых предприятиях до 80 процентов рабочих не знают, каковы размеры и как используются общественные фонды материального стимулирования.

Массовый размах социалистического соревнования, естественно, рождает многие проблемы и трудности его организации. И преодоление их зависит не только от усилий практических работников, но и в не-

меньшей мере от научной разработанности этих проблем. Такая разработка — одна из актуальнейших задач общественной науки.

М. ВОЕЙКОВ.

ЯПОНИЯ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА НА 70-Е ГОДЫ

Д. В. Петров. Япония в мировой политике. М. «Международные отношения». 1973. 295 стр.

На протяжении последних сорока лет Япония дважды принималась сдавать экзамен на звание великой державы. В первый раз она подготовилась по единственной дисциплине, которую в императорской Японии признавали военщина и финансовая клевка, — империалистическим захватам. И позорно провалилась. Теперь японские правящие круги решили отвечать на другие экзаменационные билеты. «В послевоенном обществе значительно снизилась роль военной силы, в то время как возросло значение политического влияния, опирающегося на экономическую мощь и запас знаний», — сказал в 1969 году тогдашний премьер-министр Эйсаку Сато.

За минувшие четверть века Япония, чья экономика была почти полностью разрушена войной, сумела догнать конкурентов из числа развитых капиталистических стран Европы, обойти их и переместиться в гонке за обладание самым большим в капиталистическом мире валовым национальным продуктом на второе место — позади ушедших вперед США. Однако привести политическое влияние в соответствие с достигнутой экономической мощью, завоевать прочные позиции в борьбе с главными соперниками — США и Европейским Экономическим Сообществом, обеспечить монополистическому капиталу успех в продвижении на зарубежные рынки оказалось совсем не просто. Японский империализм разнится от двух других империалистических центров — США и стран Западной Европы — в силе, в возможностях, в степени влияния в капиталистическом лагере.

Экономический потенциал Японии значительно отстает от американского. Уступает он суммарному экономическому потенциалу стран «Общего рынка». Какой показатель ни взять — долю в промышленном производстве капиталистического мира или на-

циональный доход на душу населения, объемом внешней торговли или число компаний с оборотом свыше миллиарда долларов, — везде Япония проигрывает другим центрам империалистического соперничества. Чрезмерное и не всегда оправданное заимствование за рубежом лицензий и патентов обернулось отставанием Японии в области фундаментальных, перспективных исследований и привело в конечном счете к серьезному технологическому разрыву между нею и США и Западной Европой. Относительно узкий внутренний рынок и отсутствие сколько-нибудь значительных сырьевых ресурсов делают Японию зависимой от внешней торговли. Не принесли результатов попытки Японии сколотить по типу «Общего рынка» торгово-экономический блок в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана.

Все эти специфические особенности японского империализма обуславливают «необходимость проведения Японией гибкой политики на мировой арене», — пишет доктор исторических наук Д. В. Петров. — Для нее особое значение приобретает маневрирование между центрами силы капиталистического мира и использование противоречий как между ними, так и внутри «Общего рынка», расширение состава внешнеэкономических партнеров, а также развитие на взаимовыгодной основе всесторонних связей со странами социалистического содружества». Такова суть новой японской внешнеполитической доктрины, нацеленной на повышение роли Японии в мировой политике и усиление ее влияния на международные дела. Насколько быстро двинется Япония к поставленной цели? Ответ на этот вопрос и дает новая книга Д. Петрова.

Пожалуй, нет ни одной капиталистической страны, где согласованность действий монополистов и правительства была бы такой тесной и открыто признанной, как в

Японии. Руководитель комитета по внешней политике объединения японских монополистов — федерации экономических организаций «Кэйданрэн» без тени смущения сказал однажды журналистам: «Наша федерация.. имеет больше времени, чем правительство, для изучения некоторых основных экономических проблем. Следовательно, вполне можно понять, что премьер-министр и его сотрудники принимают наши советы и рекомендации и, как это не раз происходило, иногда меняют свое мнение, выслушав нас». Как тут не вспомнить меткое ленинское определение буржуазных правительств — «приказчики класса капиталистов»¹.

«Приказчики» стараются «не только обеспечить стабильность капиталистического строя в Японии, но и укрепить мировую систему империализма в целом перед лицом непрерывно набирающего силы социалистического содружества», — пишет Д. Петров. «Рассматривая тесное сотрудничество со странами так называемого «свободного мира» как основу основ своего внешнеполитического курса, — продолжает автор, — правящие круги Японии в то же время стремятся путем различного рода дипломатических акций добиться тех глобальных целей, которые ставятся новой внешнеполитической доктриной».

Японские правящие круги не скупятся на заверения в своей верности союзу с США. «Японо-американские отношения являются для Японии тем же, что вода и воздух для человека, — говорил нынешний премьер-министр Какуэй Танака на первой после вступления в должность пресс-конференции. — Потеряв их, мы лишимся дыхания». Премьеру вторил министр иностранных дел Масаёси Охира. «Соединенные Штаты остаются самым ценным другом Японии, ниспосланным ей небесами», — сказал он. Для японского монополистического капитала, как, впрочем, и для американского, действительно очень важны близкие отношения между Японией и США. И вот почему.

Возрастающая мощь мировой социалистической системы заставляет монополистов делать все возможное для объединения своих сил. Развитие научно-технической революции и структурные изменения в экономике США и Японии увеличивают взаимную заинтересованность монополистов обеих стран в торговле друг с другом. США занимают в

торговом обороте Японии первое место, Япония в торговом обороте США — второе. Расширились японо-американские связи в области промышленного предпринимательства и банковских операций — частные прямые капиталовложения США в Японии превысили 1,8 миллиарда долларов, такие же японские капиталовложения в США достигли миллиарда долларов. Японские и американские монополисты выступают в качестве партнеров в межнациональных корпорациях, они сходятся в желании укреплять капиталистические тенденции в странах «третьего мира». Монополисты Японии и США нуждаются в политическом сотрудничестве своих правительств: в ООН и других международных организациях, а также в Азии, в районе Тихого океана. Наконец, Япония находится в полной военной зависимости от США, а для Соединенных Штатов Япония — ключевое звено во всей стратегической системе на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

С провозглашением новой внешнеполитической доктрины тесные объятия «самого ценного друга» стали, однако, сковывать намерения Японии сделаться «великой политической державой». Попытки ослабить объятия ведут к обострению противоречий и охвату ими все более широких областей политики, обороны и особенно экономики обеих стран. Было время, когда такие противоречия решались просто: Япония немедленно и безоговорочно уступала. Теперь США приходится предпринимать подчас чрезвычайные по своим последствиям шаги, чтобы Япония не разомкнула объятий. Так, произошло, например, когда США ввели меры по защите доллара. Японская печать тех дней оценивала эти меры не иначе как «удар из-за угла», «нечестный прием», «неприкрытый шантаж».

Спасая платежный баланс от катастрофического дефицита, США обложили десятипроцентным налогом импорт, что привело к закрытию американского рынка для многих японских товаров, потерявших конкурентоспособность. США отменили обмен долларов на золото, и 12 миллиардов скопившихся у Японии долларов превратились, по выражению одного из японских телеобозревателей, в «ничего не стоящие клочки бумаги». Немного спустя Япония была вынуждена ревальвировать иену, поскольку «ничего не стоящие клочки бумаги» грозили затопить японские банки. Конкурентоспособность японских товаров упала сразу на 12

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 298.

процентов. Сколь опустошительным был для экономики Японии американский «удар из-за угла», нетрудно представить: на долю США приходится 26 процентов японского экспорта.

В последнее время противоречия нередко отравляют и японо-американские политические отношения. Япония не поддержала, например, произраильскую политику США на Ближнем Востоке. Более того, японское правительство потребовало вывода израильских войск со всех оккупированных арабских земель и предоставило арабским странам почти миллиардный долларовый кредит.

И все же было бы неправильно преувеличивать остроту японо-американских противоречий. «По мере развития японского империализма и изменения в соотношении сил на мировой арене противоречия между Японией и США неизбежно будут возникать то в одной, то в другой области», — делает вывод Д. Петров; и последние события подтверждают его мысль. Резко подскочившая цена на нефть заставила Японию столь же резко увеличить экспорт, прежде всего в США, для оплаты этой нефти. Реакция Вашингтона не заставила долго себя ждать. В марте этого года помощник государственного секретаря специально ездил в Токио, чтобы предупредить японцев: активизация экспортного наступления сильно нарушит американо-японский платежный баланс и, соответственно, всю картину отношений Японии с США. Однако японо-американские противоречия, указывает далее Д. Петров, «не смогут в ближайшем будущем коренным образом подорвать военный, политический, экономический и идеологический союз, выгодный и необходимый на данном этапе правящей элите обеих стран». Речь может идти только о «пересмотре нынешней системы этого союза и о придании ему полностью равноправного характера».

Новая внешнеполитическая доктрина предусматривает предотвращение прямой конфронтации с социалистическим сотрудничеством и использование связей с социалистическими странами, в первую очередь с СССР, для повышения международного авторитета Японии и укрепления ее более самостоятельной и независимой позиции в рамках союза с Соединенными Штатами. Курс на дружбу и сотрудничество с социалистическим лагерем встречает, разумеется, понимание со стороны Советского Союза, проводящего политику мирного сосуществования в отношениях с капиталистическими

странами. «Мы убеждены, что конструктивное развитие советско-японских отношений отвечает потребностям обеих стран», — говорил 14 июня этого года Л. И. Брежнев на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы. — Оно отвечает также интересам мира и безопасности на азиатском континенте»².

В «Голубой книге» министерства иностранных дел Японии за 1970 год подчеркивалось, что «добрососедские, дружественные отношения с нашим соседом — Советским Союзом... вносят свой вклад в ослабление напряженности. Они являются также важнейшим условием сохранения стабильности обстановки в прилегающих к нашей стране районах, укрепления безопасности и обеспечения процветания нашей страны». Вывод японского внешнеполитического ведомства — проявление реалистических взглядов на возможности и перспективы дружественных советско-японских отношений, взглядов, находящихся все новых сторонников в деловых и политических кругах Японии. Этот вывод отражает настоятельное стремление широких слоев японской общественности к дружбе и сотрудничеству с Советским Союзом.

Весной нынешнего года мне довелось встретиться с президентом крупнейшей в Японии и четвертой в мире по объему производства радио- и электрооборудования компании «Мацусита дэнки» Масахару Мацуситой. В беседе он сказал:

— Япония нуждается в торговле и в экономическом сотрудничестве со всеми странами и, конечно же, — с Советским Союзом. Необходимо, чтобы Япония пользовалась доверием советского партнера, чтобы знала его интересы, его особенности и учитывала эти интересы и особенности. Иными словами, — подчеркнул президент «Мацусита дэнки», — крупномасштабная торговля, долгосрочное сотрудничество невозможны без хорошего взаимопонимания.

О настойчивом желании трудящихся добрососедских отношений между Японией и СССР говорил мне Такэси Тамура — заместитель председателя Генерального совета японских профсоюзов, объединяющего около 4,5 миллиона рабочих и служащих:

— В повестку дня советско-японских отношений встали вопросы экономического сотрудничества, особенно после переговоров советских руководителей с премьер-министром Танакой. (Тамура имел в виду визит

² «Правда», 15 июня 1974 года.

главы японского правительства в Москву в октябре 1973 года и подписание совместного советско-японского заявления, в котором указывалось на необходимость форсировать экономическое сотрудничество, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири.) Я, японский рабочий,— продолжал Такэси Тамура,— возлагаю большие надежды на это сотрудничество и приветствую совместное советско-японское освоение богатейших природных ресурсов Сибири. Японские рабочие приложат все силы для укрепления такого сотрудничества,— выразил уверенность видный профсоюзный деятель Японии.

Начиная с 1956 года, когда были нормализованы советско-японские отношения, торговля между СССР и Японией неуклонно двигалась по восходящей линии. За период действия пятилетнего соглашения о товарообороте и платежах, заключенного на 1966—1970 годы, общая сумма взаимных поставок составила 2 миллиарда 613 миллионов рублей. Это вдвое больше, чем сумма товарооборота за предшествовавшее пятилетие. Новое пятилетнее соглашение на 1971—1975 годы предусматривает дальнейший рост торговли — на 80 процентов.

Первое соглашение об экономическом сотрудничестве СССР и Японии подписали в 1968 году. В соответствии с ним Япония поставила в кредит машины и оборудование для разработки лесных ресурсов Дальнего Востока, а Советский Союз погасил этот кредит лесоматериалами. В 1970 году было заключено соглашение о поставках японского оборудования, машин и материалов для строительства морского порта в дальневосточной бухте Врангеля, в котором можно будет обрабатывать 10 миллионов тонн грузов в год. По третьему соглашению, действующему с 1972 года, Япония направляет в Советский Союз машины и оборудование для целлюлозно-бумажной промышленности.

В марте этого года в Москве состоялись переговоры между руководителями Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству. Стороны решили подготовить генеральные соглашения о совместной разработке якутского природного газа, южноякутского коксующегося угля, разведке нефти и газа на сахалинском шельфе и развитии лесных ресурсов Дальнего Востока. Японская печать назвала эти проекты беспрецедентными по масштабу и по благотворному влиянию на совет-

ско-японские политические отношения и на упрочение мира во всем мире. Президент Торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано, который вместе с другими руководителями Японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, рассказывал, вернувшись в Японию:

«Л. И. Брежнев в беседе с нами высказал очень точную мысль: мы должны бороться за мир, который нужен не только нам, людям, сейчас живущим на планете, но и грядущим поколениям. Я полагаю,— продолжал г-н Нагано,— что совместное осуществление экономических проектов по освоению Сибири как раз и будет самым непосредственным образом работать на мир в широком смысле этого слова, на улучшение благосостояния человека».

22 апреля нынешнего года в Токио был подписан межправительственный протокол о предоставлении Советскому Союзу долгосрочного банковского кредита на сумму 1 миллиард 50 миллионов долларов для закупки в Японии машин, оборудования и материалов, необходимых для осуществления ряда сибирских проектов.

Советско-японские связи охватывают, разумеется, не только область экономики. Развились и укрепились культурные, научные контакты, расширился туризм. Стали прочными связи профсоюзных, женских, молодежных и других общественных организаций СССР и Японии.

Аналогичными процессами характеризуются отношения Японии со всеми странами социалистического содружества. Японская газета «Майнити», комментируя состоявшееся в июне этого года совещание послов, которые представляют Японию в Советском Союзе и социалистических странах Европы, отметила: «За последнее время в странах социализма атмосфера благожелательности к Японии становится все более ощутимой. Из года в год растет товарооборот. Судя по всему, японское правительство намерено в дальнейшем укреплять отношения с социалистическими государствами Европы».

Имеются возможности для советско-японского сотрудничества на международной арене. Свидетельство тому — близость точек зрения СССР и Японии по многим важным вопросам мировой политики. Так, после переговоров японского министра иностранных дел в Москве в 1966 году СССР и Япония заявили, что считают необходи-

мым добиваться всеобщего и полного разоружения, включая полное уничтожение ядерного оружия. Обе страны отметили важность заключения эффективного договора о нераспространении ядерного оружия. В 1972 году министры иностранных дел СССР и Японии выразили единое мнение, что установление прочного мира в Индокитае должно быть достигнуто на основе уважения права народов Индокитая самим определять свое будущее. Министры иностранных дел высказались в пользу решения ближневосточного конфликта на базе резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года. На переговорах на высшем уровне в Москве в октябре 1973 года обе стороны высоко оценили американо-советское Соглашение о предотвращении ядерной войны, мирные соглашения по Вьетнаму и Лаосу, усилия стран Южной Азии по смягчению напряженности и другие шаги, направленные к улучшению международного климата. Они согласились продолжить переговоры о заключении советско-японского мирного договора.

На пути улучшения советско-японских отношений есть, конечно, свои трудности. Одна из них — так называемая территориальная проблема, лишенная каких-либо юридически-правовых обоснований, но тем не менее выдвигаемая определенными кругами. Однако не трудности определяют характер главной тенденции в советско-японских межгосударственных отношениях. «Путь к дальнейшему развитию добрососедских связей между обеими странами, — подытоживает Д. Петров послевоенный этап отношений СССР и Японии, — лежит в постепенном расширении круга тех вопросов, по которым позиции СССР и Японии подходят близко друг к другу, и в поисках конструктивных решений на основе строгого соблюдения принципа равенства и взаимной выгоды».

Важное место в новой японской внешнеполитической доктрине, как и во всех прошлых, занимает широкое экономическое, политическое и идеологическое проникновение в Юго-Восточную Азию. Цель японской политики в этом районе мира — «оказать содействие монополиям в развертывании экономической экспансии и особенно в превращении стран Юго-Восточной Азии в зону преобладающих интересов Японии», — пишет Д. Петров.

В 1973 году Япония направила в Юго-Восточную Азию 24 процента своего экспор-

та, но в японском импорте доля всех стран этого района составила менее 21 процента. Долгие годы неэквивалентной торговли привели к тому, что дефицит стран Юго-Восточной Азии в торговых отношениях с Японией перевалил далеко за 2 миллиарда долларов. Общая сумма японских инвестиций всех видов в Юго-Восточной Азии приблизилась в марте 1974 года к 7 миллиардам долларов. Японский капитал прямо или косвенно участвует в 35 тысячах местных компаний. И это не просто цифры торгово-экономической статистики. «Удалите из тайландских домов все телевизоры, радиоприемники, звуковую аппаратуру и электроприборы, сделанные в Японии, и в домах наступит кладбищенская тишина», — свидетельствует еженедельник «Фар истерн экономик ревью». Газета «Нью-Йорк таймс» привела не лишнее меткого юмора высказывание филиппинского предпринимателя: «Всякий раз, когда я выкладываю на прилавок несколько песо за бутылку пива, я тщательно разглядываю полученную сдачу: боюсь, что не сегодня-завтра мне дадут ее в иенах».

В самом начале этого года премьер-министр Танака совершил поездку на Филиппины, в Таиланд, Сингапур, Малайзию и Индонезию. В столице Таиланда Танаку встретили три тысячи демонстрантов, скандировавшие: «Долой экономический империализм Японии!» В Бандунге — городе на Западной Яве — тысяча демонстрантов-индонезийцев сожгла полтораметровое чучело японского премьера в знак протеста против приезда Танаки.

Премьер-министр вернулся в Токио с грузом обязательств на сумму 700 миллионов долларов, но этот, по выражению японской официальной печати, «богатый подарок» не убавил критики в адрес Японии. Гонконгский журнал «Фар истерн экономик ревью» оценил обещания японского премьера так: «Предоставление капитала и товаров приносит тому, кто их дает, больше дохода, чем тем, кто их получает». Тайландская газета «Таи рат» подчеркнула: «Мы не думаем, что визит Танаки будет выгодным для нас». «Японские капиталы не приносят странам района действительной помощи», — написала выходящая в Сингапуре газета «Няньян сянбао».

Авторы новой внешнеполитической доктрины учли ситуацию, сложившуюся в Юго-Восточной Азии, и несколько изменили формы экономической экспансии, стали придавать большее значение политическим целям

в этом районе. Д. Петров пишет: «Улучшение условий предоставления экономической помощи (снижение процентов, увеличение срока кредитов, сокращение доли связанных займов), ряд демонстративных актов в поддержку политического курса стран Юго-Восточной Азии и т. д. свидетельствуют о готовности японского империализма пойти на известное ограничение непосредственно экономического влияния от проникновения в развивающиеся страны в интересах более важного для него в перспективе упрочения в них частнособственнических отношений, предотвращения перехода этих стран на путь некапиталистического развития».

Д. Петров отмечает и такой момент в новой японской внешнеполитической доктрине, как сотрудничество Японии с другими империалистическими странами в их совместной экспансии в Юго-Восточную Азию — при руководящей, разумеется, роли Японии. Япония исходит из того, указывает автор, что ее экономические возможности недостаточны для удовлетворения потребностей азиатских стран в кредитах и займах, что американские и западноевропейские капиталовложения, повышающие деловую активность, выгодны Японии как главной торговой державе региона, что коллективные действия могут замаскировать экономическое проникновение Японии и сбавить антияпонские настроения.

Япония ревниво следила, как западноевропейские страны налаживали политические и экономические связи с КНР. Военно-политический союз с США, проводившими антикитайский курс, не позволял Японии сблизиться с Пекином. Однако торговлю с КНР Япония все же сумела развернуть, причем весьма успешно: в 1972 году товарооборот превысил миллиард долларов — в полтора раза больше, чем объем торговли с КНР западноевропейских стран. Япония считала, что станет мостом, который свяжет США с КНР, когда придет время американо-китайской нормализации отношений. Это, как надеялась Япония, повысит ее международный авторитет и укрепит позиции во взаимоотношениях с США.

Но ожиданиям Японии не было суждено сбыться. США вступили в контакты с КНР, не только обойдясь без посредничества Японии, но даже не поставив японское правительство в известность о них. «Шок Никсона», как окрестила японская печать психологический удар, нанесенный неожиданным для Японии решением Вашингтона пе-

ресмотреть свою китайскую политику, связал руки японским правящим кругам, дал моральное право не оглядываться по всякому поводу на Вашингтон. И Япония бросилась догонять США, не без основания опасаясь, помимо всего прочего, возможного антияпонского характера американо-китайского сближения.

Жесты, которыми обменялись японская и китайская стороны при подписании в сентябре 1972 года Совместного заявления об установлении дипломатических отношений и в ходе ряда последующих переговоров, обещали, казалось бы, безмятежное будущее японо-китайским связям. Япония признала пекинские власти «единственно законным правительством Китая», поддержала заявление Пекина, что «Тайвань является неотъемлемой частью территории КНР», принесла извинения за агрессию против Китая. Пекинское же руководство отказалось от военных репарационных претензий к Японии, согласилось с существованием японо-американского военного союза, который еще недавно квалифицировало как направленный против Китая, фактически одобрило наращивание японской военной силы, хотя не далее как четыре года назад именно за это называло правительство Японии «проамериканским предателем японской нации и твердолобым врагом китайского народа».

Однако, пишет Д. Петров, «неизбежное углубление противоречий, в основе которых лежит глубокое расхождение в степени заинтересованности каждой из сторон в торгово-экономических связях, будет с течением времени накладывать все более серьезный отпечаток на всю систему японо-китайских отношений».

Действительно, на широкий китайский рынок ведут, как оказалось, узкие двери. Сложная внутривнутриполитическая обстановка и возможные новые повороты в политике пекинского руководства значительно охлаждают пыл японских предпринимателей. Сдерживает их и неуверенность в достаточно высокой прибыльности капиталовложений в разработку китайских сырьевых ресурсов, поскольку необходимы огромные инвестиции в предварительное развитие инфраструктуры и длительные сроки для освоения месторождений. В результате создается положение, когда на торговлю с КНР приходится чуть больше 2 процентов всего японского товарооборота, а в китайском товарообороте на долю Японии падает 20 процентов внешней торговли КНР.

Гегемонистские цели Пекина в Юго-Восточной Азии грозят возможным столкновением там китайских и японских интересов. «Исторические судьбы сложились так, что между Японией и Китаем ведутся ожесточенные споры за гегемонию в Азии. Коль скоро это так, не надо удивляться, что Пекин считает нашу страну своим конкурентом», — предупреждала японская газета «Ниппон коё симбун».

Японские правящие круги настораживает быстрый рост китайского ракетно-ядерного потенциала, поскольку они вполне справедливо ожидают, что такой потенциал придаст авантюризм внешней политике Пекина. Неподеленной тревогой проникнуты слова вице-президента либерально-демократической партии Сэйдиро Кавасимы: «Коммунистический Китай представляет собой угрозу Азии. Я считаю, — подчеркнул Кавасима, — что эта страна является главной причиной отсутствия спокойствия в Азии».

Несмотря на официальное признание Тайваня неотъемлемой частью КНР, Япония не хотела бы быстрого установления контроля Пекина над островом. Японским монополистам не улыбается перспектива потерять сто миллионов долларов, вложенных в тайваньскую промышленность, утратить рынок, ежегодно поглощающий на миллиард долларов товаров из Японии. Пекин, укрепившийся на Тайване, сможет поставить под свой контроль жизненно важные для Японии морские коммуникации, связывающие ее с Юго-Восточной Азией.

Японские правящие круги отдают себе отчет, сколь пагубным для экономических интересов и политического авторитета Японии оказался бы успех попыток Пекина подорвать дружественные японо-советские отношения. Японская печать настойчиво призывает правительство проявлять трезвость и осторожность и «держаться, — как советует газета «Джапан таймс», — на одинаковом расстоянии от Китая и Советского

Союза и никак не вмешиваться в китайско-советскую борьбу».

«Серьезное расхождение интересов КНР и Японии и их позиции по многим международным проблемам, — заключает Д. Петров, — оказывают, таким образом, непрерывное воздействие на всю систему японо-китайских отношений, которые развиваются в условиях упорного торга и стремления каждой из сторон добиться максимального достижения своих национальных целей».

Выступая в парламенте с программной речью, министр иностранных дел Охира заявил, что следует «упорно повышать международный престиж Японии». Япония сделала, как явствует из обстоятельной книги Д. Петрова, некоторые шаги в этом направлении. «Новая внешнеполитическая доктрина, выдвинутая правящими кругами, явилась проявлением их стремления приспособиться к меняющейся расстановке сил как внутри страны, так и на международной арене, — пишет Д. Петров. — Провозгласив, однако, новые цели, — указывает автор, — японская дипломатия оказалась не в состоянии выработать адекватные формы и методы их достижения. Новые задачи она пытается разрешить старыми средствами, в рамках прежних внешнеполитических связей, что обрекает ее на топтание на месте или продвижение к поставленным целям чрезвычайно медленными темпами».

Познания, почерпнутые из опыта прошлого, помогают, как известно, осмысливать настоящее и предопределять будущее. Анализ Д. Петровым этапа японской политики, завершившегося в начале нынешнего десятилетия, дает возможность разобраться в сегодняшней международной деятельности Японии и приоткрыть завесу над путями, которыми двинется ее политика завтра. И в этом главное достоинство книги «Япония в мировой политике».

Владимир ЦВЕТОВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

АНАТОЛИЙ МАКАРОВ. Человек с аккордеоном. Повесть. «Юность», 1974, № 6.

Анатолий Макаров — уже известный публицист. Однако «Юность» справедливо назвала его дебютантом — с художественной прозой он выступает впервые.

В своей повести А. Макаров сохранил многие черты того стиля, что выработался у него в прежних разговорах с читателем. И прежде всего доверительность, которая как бы сближает пишущего и читающего. При этом автор уберется от искушений выбранной им манеры повествования — снижения тона, некой развлекательности, — серьезность и значительность, заявленные вначале, бережно пронесены до последних строк повести.

Пожалуй, в этом заслуга и его героя. Во всех словах и поступках дяди Мити — «человека с аккордеоном» — явственно проглядывает основательность. Нет, не обдуманность и расчет: многожды на наших глазах дядя Митя поступает импульсивно и ни разу — легкомысленно. Серьезное отношение к жизни, к людям — эта черта характера в нем не приобретенная, а скорее родовая. Она и окрашивает все его жизненные шаги — как заранее определенные, так и ненамеренные.

Здесь же и истоки дяди Митиново мужества. Наверное, самого дядю Митю покорило бы это громкое слово, но другое слово — «терпение», — которым, возможно, некоторые критики охарактеризуют его поведение, он совсем бы не принял. Ведь терпение, скажем мы, всего лишь составная часть того самоотречения, с каким молодой одаренный артист оперетты, ни на минуту не задумавшись об ином применении своих талантов и сил, ушел на войну рядовым солдатом; того мужества, с которым он пережил вынужденное расставание с единственно любимым делом и, не поддавшись эрозии неудачества, резко свернул в сторону от театра к другой профессии и другой судьбе. Только перед смертью попеняет он: «Людей я мало радовал...»

Это прощальное печалование не о себе, не о своей сломанной судьбе, а о людях как нельзя лучше итожит жизнь дяди Мити, ее великое счастье и ее великое горе. В считанные минуты война высветила и заострила дяди Митин дар — счастливое соединение таланта и духовной силы, разума и сердечной доброты. 31 декабря горестного 1941 года, неожиданно для самого себя выбрав-

шись на сцену перед красноармейцами, от «страшной усталости и неизбывной тоски» равнодушными к новогодному концерту, сам уставший буквально до смерти, дядя Митя заставил зал смеяться и плакать, заставил людей ожить.

Главка о новогоднем концерте наравне с еще одной — о другом выступлении, в день двадцатилетия Победы, когда дядя Митя еще раз имел успех, «за который ста лет жизни не жалко», — пожалуй, лучшая в повести. А Макарову дано то редкое умение описать происходящее на сцене так, что читатель въяв видит и слышит артиста, движения его, мимику и интонации, и реакцию зала, возносясь в атмосферу праздника. Это легкое изящество письма вполне согласуется с врожденным артистизмом дяди Мити.

Иногда это изящество завораживает самого автора, он позволяет себе пококотничать им, но тут же легкость оборачивается легковесностью и появляется так не идущее ко всему строю повествования, неуклюжее и неопрятное сравнение войны с... футболом. Или щемящая высокая грусть, которая пропитывает всю повесть, вдруг «заюзит», сползая в сентиментальность. К счастью, это случается редко.

Одна из характерных примет этого прозаического дебюта в том, что произведение написано о человеке, жизненный опыт которого резко не совпадает с жизненным опытом автора, в стремлении понять самому и объяснить читателю судьбу и душу другого человека, а не самого себя, как сплошь и рядом происходит со многими молодыми литераторами.

Вторая примета: вместе с человеком А. Макаров изобразил его время. Перед читателем не абстрактное послевоенное время, а живое московское «после войны» со множеством бережно сохраненных памятью и тонко вкрапленных в рассказ деталей людского быта и душевного состояния людей той уже ставшей исторической эпохи. Время в повести пахуче, как свежий хлеб на изломе. Оттого, что повесть не только об ушедшем человеке, но и об ушедшем времени, в ней разлит настой элегичности, особенно густой в тех ее местах, которые можно было бы назвать старым добрым термином «лирические отступления».

Так что «о себе» тоже есть в этой первой книге. Но это «я» — как прорисованный в углу многофигурной (кроме лихого и скромного, талантливого русского человека дяди Мити, повесть населяют и другие люди, ин-

тересно выписанные А. Макаровым) композиции старого живописца сам автор, глядяющийся в свою натуру, в жизнь и учащийся у всего увиденного им правде и мужеству.

Ю. Ляков.

Переславль-Залесский.

С. МАШИНСКИЙ. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Издание второе, дополненное. М. «Художественная литература». 1973. 574 стр.

С. Аксаков принадлежит к числу художников, у которых, как справедливо считает автор рецензируемой книги, «живой нерв современности» нужно «проследить в подтексте, в атмосфере их романов или пьес». За спокойной повествовательной манерой этого художника, избегающего окончательных суждений и навязывания читателю готовых выводов угадывается его заинтересованная и глубоко гуманистическая мысль.

Объективный и квалифицированный анализ обширного творческого наследия писателя позволяет исследователю убедительно опровергнуть узко социологические характеристики, которые еще не так давно прилагались к Аксакову (вроде «закоснелого консерватора», «апологета» патриархального уклада, и «омраченного грустью помещика»). Опровергает С. Машинский и другое давнее предубеждение, будто между Аксаковым-прозаиком (как известно, сложившимся довольно поздно, годам к пятидесяти) и Аксаковым — журналистом и критиком ничего не было общего; будто бы «могучий талант» случайно открыл себя после многих лет «бесплодного и мелкого литературного дилетантизма» (выражение Ю. Самарина).

Рано образовавшийся тонкий вкус, вражда к риторике и эффектам, упорная пропаганда естественной манеры письма — все это говорит о том, как исподволь формировались эстетические позиции будущего писателя.

Особенно сильным аргументом, доказывающим преемственность творческого развития Аксакова, исследователь с полным к тому основанием считает его отношение к Гоголю. С появлением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Аксаков стал страстным поклонником и защитником гоголевского таланта. «Скажи Гоголю... — писал Аксаков к Н. Надеждину в марта 1835 года, — что я от него без ума и что «Старосветских помещиков» предпочитаю даже «Тарасу», хоть многими местами в нем истинно очарован». И далее Аксаков называет Гоголя «писателем действительности», что очень близко к известной оценке Белинского: «...г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной».

Центральное место в книге занимают главы, посвященные «Семейной хронике» и «Детским годам Багрова-внука». Обаяние этих безыскусных произведений — поистине волнующая загадка. Как верно указывает автор, к ее разрешению можно приблизить-

ся, лишь уяснив общие законы художественно-мемуарного жанра.

Для сопоставительного разбора аксаковских произведений автор мобилизует обширный материал — от мемуарной продукции тех лет (например, «Записки купца Жаркова» или «Воспоминания о ловле зверей» С. Черепанова) до автобиографических произведений Герцена, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина.

В книге использовано большое количество архивных материалов. Удачно включены в контекст исследования история службы Аксакова в цензурном ведомстве, история печатанья «Семейной хроники» и т. д.

Книга об Аксакове вышла вторым изданием (первое появилось в 1961 году), и, насколько нам известно, ее тираж давно разошелся. Это свидетельство читательского интереса к Аксакову и к посвященной ему монографии.

Ю. Манн,
доктор филологических наук.

А. КАРАГАНОВ. Всеволод Пудовкин. («Жизнь в искусстве») М. «Искусство». 1973. 232 стр.

В книге «Всеволод Пудовкин» А. Караганов рассматривает творчество выдающегося мастера кино в контексте современных поисков, которые происходят в спорах, в борьбе идей. И это правильно. Фильмы Пудовкина не просто достойные истории нашей культуры, они — живое явление, и каждое новое поколение судит о них по-своему.

Важнейшие открытия Пудовкина во многом определили путь советского кино. Подчеркивая это, автор анализирует его творчество не изолированно от деятельности других мастеров — Эйзенштейна и Довженко, Вертова и Кулешова, а в тесной связи с ними.

На страницах монографии Пудовкин возникает как художник новой формации, смысл и пафос которой определила Октябрьская революция. Для Пудовкина революция была не только темой и не просто содержанием. Вместе с Эйзенштейном и Довженко он произвел революцию в самом искусстве кино, изменил его природу, его язык. Этот момент биографии Пудовкина автор монографии отмечает зорко. Он показывает, как в ходе революции изменился метод художественного мышления, изменился и в своей философской сути и изменился структурно, благодаря чему возникло то новое явление, которое теория в дальнейшем определила — «социалистический реализм». Рассмотрение этой проблемы усиливает значение книги для киноведения, да и для нашей эстетической науки в целом, ибо проблема метода остается, на мой взгляд, главным предметом исследования.

В работе А. Караганова рассказывается о всех фильмах, созданных Пудовкиным, начиная с «Механики головного мозга» до «Возвращения Василия Бортникова». За это время менялось искусство. Из немого оно

превратилось в звуковое, потом обратилось к цвету и к новым приемам композиции неклассического формата.

Ценность монографии заключается и в том, что она стремится показать, в чем это общее движение проявилось у Пудовкина индивидуально, неповторимо.

Уже в своих первых революционных эпопеях «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Потомок Чингис-хана» Пудовкин обращается к раскрытию индивидуального характера, складывающегося под натиском народных революционных движений. Именно здесь формировался метод Пудовкина, реализуемый в найденных им приемах драматургии, режиссуры и актерского исполнения.

Пудовкин и его соратники оставили богатое теоретическое наследство. Автор книги находит объяснение самому факту постоянного обращения выдающегося практика к теории. Кино — новое искусство, и потому каждый фильм наших корифеев практически не имел предшественников. Каждой новой картиной эти мастера открывали нечто новое в самой природе кино, их теоретические статьи, манифесты и трактаты должны были объяснить обществу их намерение, да и, честно говоря, в этих статьях они сами для себя объясняли то, что сами собирались свершить в практике; наконец, в статьях и исследованиях они отмежевывались от практики, чуждой им, и этим пролагали дорогу новому.

А. Караганов открывает читателю развитие советского кино в живом диалектическом процессе. Путь Пудовкина не выглядит в книге как прямое восхождение. В главе «Трудный переход» автор показывает метания и ошибки Пудовкина на рубеже перехода от немого кино к звуковому, когда средства монтажно-поэтического кино перестали быть универсальными и искусство искало выходов в современность 30-х годов. Под этим углом зрения он рассматривает фильмы «Очень хорошо живется» и «Дезертир», анализ которых поучителен и в чисто методологическом плане.

Говоря об ослабленной драматургии фильма 30-х годов «Победа», автор книги неожиданно и, скажем, справедливо заводит речь о «теории» бесконфликтности, хотя это явление получило такое определение лишь в 50-е годы. В анализе фильма «Суворов», фильма сорокового года, сказано и о больших достоинствах его, и о том, о чем сейчас нельзя не сказать: «Вопрос о военной славе и патриотизме воинского подвига был ими (создателями фильма.— С. Ф.) начисто отделен от социальных проблем крепостнической России».

Заключительный раздел книги автор назвал «На новом повороте». Здесь Пудовкин показан на своем последнем взлете, трудном, противоречивом, открывающем, однако, новые перспективы для поколений, идущих за этим великим мастером социалистического киноискусства.

А. Караганов активно работает в кинокритике. Как и в предыдущих книгах, в монографии «Всеволод Пудовкин» он проявил

себя марксистским исследователем, способным связывать процессы в искусстве с миром общественной и социальной борьбы.

С. Фрейлих,
доктор искусствоведения.

А. АНИКСТ. Шекспир. Ремесло драматурга. М. «Советский писатель». 1974. 606 стр.

Новая книга А. А. Аникста входит в состав его своеобразной шекспировской «тетралогии», разные части которой были опубликованы ранее. Тесно связанная с ними, новая монография тем не менее внутренне самостоятельна.

В советском литературоведении едва ли есть другая книга, в которой драматургическая техника Шекспира изучалась бы столь подробно и досконально. Об этой стороне книги можно получить представление даже на основе простого знакомства с ее составом. Шесть больших разделов («Действие», «Характеры», «Речь», «Конфликт», «Комедии», «Трагедии»), в свою очередь, подразделяются на небольшие главы, посвященные отдельным аспектам изучаемой темы. Так, раздел, озаглавленный «Речь», включает в себя такие «слагаемые», как «поэтическое слово», «стих», «проза», «драматическое слово», «диалог», «риторика», «образность» и т. д.

Выделение исследователем «первозаэлементов» образной системы отнюдь не означает дробности анализа. Напротив, одно из главных достоинств книги А. Аникста заключается именно в том, что она создает представление о внутреннем единстве художественного метода Шекспира, о неразрывной, диалектически сложной взаимосвязи всех его частей и частиц. Шекспир в работе А. Аникста представлен как великий мастер художественного синтеза, чье поразительное умение «сопрягать» далекие друг от друга эстетические и жизненные начала полностью соответствовало всей системе его гуманистического миропонимания.

Исследователь показывает, что средством «сочленения» разнородных пластов жизни и искусства у Шекспира становилась сама поэтическая речь его драм. Важным обеспечением их внутренней целостности явилась система его поэтических метафор — сложного сплава разнородных образов и понятий. Согласно толкованию А. Аникста, шекспировское стремление к синтезу и шекспировская поэтика рождались из его концепции человека как существа сложного, противоречивого, не поддающегося однозначным определениям.

Одна из важнейших исследовательских предпосылок автора работы — взгляд на творчество Шекспира как на явление исторически своеобразной театральной культуры.

Исследователь устанавливает прямую зависимость поэтики Шекспира от специфических театральных условий его времени, трактуя их чрезвычайно широко не только со стороны чисто технической, но и идейно-философской. Этот ракурс выдерживается

в книге с большой последовательностью, и именно он позволяет автору наметить пути решения многих кардинальных вопросов творчества Шекспира. Одним из них является вопрос о соотношении в его поэтической системе двух художественных тенденций — реализма и условности. Исследователь вполне убедительно доказывает, что шекспировская условность есть не что иное, как свод отстоявшихся жизненных представлений эпохи, открystalлизовавшихся уже настолько, что они воспринимались «не как условность, а как реальность». Внимание ученого к конкретной истории выводит его исследовательскую мысль на орбиту широких обобщений, одновременно открывая выход и в область непосредственной творческой практики наших театров. Написанная на высоком научном уровне, монография А. Аникста насыщена интересным и свежим историко-театральным материалом, который, несомненно, будет использован режиссерами и актерами и поможет им найти новые методы сценической интерпретации наследия великого драматурга.

А. Ромм,

доктор филологических наук.

Ленинград.

ИРВИНГ СТОУН. Ван Гог. («Жизнь в искусстве») Л. «Искусство». 1973. 473 стр.

Трудно найти в искусстве нового времени художника, чье творчество вызывало бы столько споров и вместе с тем так властно захватывало зрителей, чья судьба так глубоко волновала, как жизнь и наследие Ван Гога. К тому же письма мастера — с заключенным в них анализом психологии творчества — впервые так полно раскрыли существо творческого процесса в живописи и перед специалистами и перед широким читателем... Именно поэтому тема Ван Гога много раз решалась не только в искусствоведении, но и в литературе, не раз становилась основой для биографических романов. К числу последних принадлежит произведение американского писателя Ирвинга Стоуна «Жажда жизни», вошедшее в серию «Жизнь в искусстве» под названием «Ван Гог».

Написанный еще в 1934 году на основании писем Ван Гога и сведений, сообщенных современниками, роман И. Стоуна обладает — и в этом его большое достоинство — значительной степенью достоверности. Значительной, но не абсолютной. И дело не в отдельных фактических неточностях или домыслах, неизбежных и допустимых в художественном литературном произведении, вроде содержания разговоров Ван Гога с Сезанном или выдуманного образа мистической возлюбленной художника — Майи, некоего материализованного воплощения музы живописца. Подобных, как и менее

значительных для биографии живописца, «допущений» в романе достаточно много. Гораздо более существенные возражения вызывает другое.

С большим темпераментом и убедительностью И. Стоун воссоздает жизненные перипетии Ван Гога, его первоначальные душевные метания, стремление определить свое дело в жизни, а после обращения к занятиям живописью — постоянную, неистребимую жажду творчества. Но при этом существо совершенной Ван Гогом в живописи революции, смысл поисков художника и отличие его искусства от творчества ближайших товарищей и современников остается в книге нераскрытым. Вообще рассуждения собственно о живописи представляются наиболее слабой стороной романа.

И. Стоун строит «сюжет» жизни Ван Гога, все нагнетая трагическое звучание. Трагична для художника невозможность выставлять и продавать свои работы (кстати сказать, сам Ван Гог в жизни не придавал этому обстоятельству слишком большого значения). Трагично внутреннее одиночество художника (в большей степени прокламируемое, чем воплощаемое автором: Ван Гог в романе постоянно окружают и друзья, и расположенные к нему люди).

Действительно зерно назревающего душевного конфликта мастера заключено в ином. Если импрессионисты, так поразившие сначала воображение Ван Гога, добились буквальной передачи натуры такой, какой ее видит глаз, улавливая малейшие изменения цвета и сознательно отстраняясь от эмоциональной реакции на «мотив», для Ван Гога весь смысл живописи в передаче именно своего сугубо субъективного восприятия увиденного. Вместо формулы импрессионистов «я так вижу», он вводит в живопись принцип «я так чувствую» со всеми обусловленными этим принципом возможностями отступления от оптически точного воспроизведения облика натуры. Подобный подход одинаково чужд и импрессионистам, и Сезанну, и Гогену, и это порождает у Ван Гога ощущение полного внутреннего одиночества.

Встав у истоков нового для искусства направления экспрессионизма, Ван Гог стремительно начинает его развивать. Он бесконечно опережает понимание современников, но и сам не выдерживает того внутреннего напряжения, которого требовало от художника ощущение окружающего мира как мира человеческого переживания. Трагедия его жизни была одновременно и величайшим счастьем художника-творца. В романе о Ван Гоге нас волнует рассказ о творческих силах человека и той полной самоотдаче творчеству, которой удалось достичь замечательному мастеру.

Н. Молева,

кандидат искусствоведческих наук.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. 142 стр. Цена 17 коп.

В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. 23 стр. Цена 3 к.

В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу.— О праве наций на самоопределение.— О национальной гордости великороссов. 110 стр. Цена 12 к.

А. Александров. Научный поиск и религиозная вера. 63 стр. Цена 8 к.

А. Иркий. На берегах Ижоры. («Страницы истории Советской Родины») 128 стр. Цена 23 к.

Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. 431 стр. Цена 1 р. 5 к.

В. Лазарев. Вопросы советской дипломатической тактики в работах В. И. Ленина. 142 стр. Цена 47 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Бааль. Бахровские повести. 312 стр. Цена 42 к.

К. Григорян. Зима Ширана. Стихотворения и баллады. Перевод с армянского А. Преловского. 142 стр. Цена 31 к.

В. Лаврентьев. Человек и глобус. Пьесы. 624 стр. Цена 1 р. 92 к.

В. Мысливец. Рабочие люди. Повести и очерк. Перевод с белорусского Р. Ветюшкиной. 342 стр. Цена 73 к.

А. Ремецук. Товарищ Ганс. Время летних отпусков. Повести.— Скучный материк. Роман. 559 стр. Цена 1 р.

Т. Ян. Девочка и апрель. Пьесы. 263 стр. Цена 72 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. Аюлян. Мой мир. Стихотворения, поэмы. Переводы с армянского. Предисловие А. Луначарского. Составление и вступительная статья Л. Мкртчяна. 270 стр. Цена 38 к.

Э. Вилкс. Первый вальс. Рассказы. Перевод с латышского и предисловие С. Цебаковского. 272 стр. Цена 43 к.

Европейская новелла Возрождения. Переводы. Составление и вступительная статья Н. Балашова, А. Михайлова, Р. Хлодовского. («Библиотека всемирной литературы») 654 стр. Цена 2 р. 1 к.

Поэзия трубадуров.— Поэзия миннезингеров.— Поэзия вагантов. Переводы. Вступительная статья В. Пуришева. («Библиотека всемирной литературы») 575 стр. Цена 1 р. 60 к.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. (Серия литературных мемуаров). Т. 1. 542 стр. Цена 1 р. 31 к. Т. 2. 539 стр. Цена 1 р. 35 к.

В. Рождественский. Избранное. В 2-х томах. Т. 1. Стихотворения. 333 стр. Цена 1 р. 22 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Л. Васильева. Радуга снега. Стихотворения и поэмы. 95 стр. Цена 30 к.

К. Голованов. Матросы Наркомпроса. Повесть. 254 стр. Цена 58 к.

Н. Джумаев. Джейхун. Роман. Перевод с туркменского Г. Ковалевича. 238 стр. Цена 61 к.

Ю. Красавин. Хозяин. Повести. 367 стр. Цена 86 к.

Ф. Розинер. Гимн солнцу. Чюрлёнис. Повесть. 190 стр. Цена 42 к.

А. Тишков. Дзержинский. («Жизнь замечательных людей») 384 стр. Цена 1 р. 1 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В. Арро. Сокровища моего города. Невыдуманные рассказы. 127 стр. Цена 46 к.

Е. Благинина. Посидим в тишине. Стихи для детей. Предисловие и составление В. Приходько. 64 стр. Цена 19 к.

Э. Бочарнинова. Страна волшебная — балет. Очерки. 188 стр. Цена 89 к.

А. Вересов. Ключ-город. Повести. 399 стр. Цена 82 к.

М. Коршунов. Избранное. 544 стр. Цена 1 р. 34 к.

Г. Ладонщиков. Чай с вареньем. Стихи и сказки. 176 стр. Цена 43 к.

А. Леонов. Отцовский помощник. Рассказы и повесть. 96 стр. Цена 37 к.

С. Мстиславский. Грач — птица весенняя. Повесть. 336 стр. Цена 74 к.

В. Петявичюс. Мой край Литвой зовется. Книга о Литве. 176 стр. Цена 77 к.

Б. Полевой. Мы — советские люди. Рассказы. 223 стр. Цена 57 к.

А. Рутько. Суд скорый... — И жизнью и смертью. Повести. 414 стр. Цена 89 к.

Е. Сегал. Здесь живут книги. Художественно-документальный очерк. 191 стр. Цена 66 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Д. Богорад. Огни сибирской индустрии. 255 стр. Цена 46 к.

И. Борисов. У костра лет. Избранные стихи. Перевод с еврейского. Предисловие В. Цыбина. 319 стр. Цена 1 р. 18 к.

Журналисты рассказывают. Сборник. Редактор-составитель Ю. Юров. 368 стр. Цена 1 р. 16 к.

С. Калев. Сын степей. Стихи и поэмы. Перевод с калмыцкого. 158 стр. Цена 43 к.

Л. Леонов. О природе начистоту. Публицистический сборник. («Писатель и время») 71 стр. Цена 9 к.

А. Стреляный. Алейский инцидент. («Писатель и время. Письма из деревни») 88 стр. Цена 12 к.

Б. Умачин. Ветна горного недра. Стихи и поэмы. Перевод с алтайского. Предисловие В. Слущкого. 143 стр. Цена 49 к.

С. Щипачев. О Родине думаю. Стихи. 109 стр. Цена 51 к.

«СОВРЕМЕННОК»

А. Кешоков. Вид с белой горы. Повесть и литературно-критические статьи. 365 стр. Цена 1 р. 13 к.

Г. Коновалов. Былинка в поле. Роман и повести. 400 стр. Цена 1 р. 9 к.
И. Падерин. На Крутояре. Повесть. 184 стр. Цена 50 к.
Д. Сергеев. В разгаре сезона. Роман. 268 стр. Цена 69 к.
А. Усольцев. Громкая тишина. Повести. 237 стр. Цена 63 к.
Г. Халилецкий. Осенние дожди. Повесть. 231 стр. Цена 61 к.

ВОЕНИЗДАТ

А. Басов и др. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. Предисловие С. Горшкова. Изд. 3-е, дополненное. 592 стр. Цена 1 р. 82 к.
Е. Долгополов и др. У карты Индийского океана. 206 стр. Цена 56 к.
А. Пономарев. Годы космической эры. 291 стр. Цена 1 р.
А. Шепелев. В небе и на земле. («Военные мемуары») 240 стр. Цена 58 к.

«ИСКУССТВО»

Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений. Авторы М. Овсянников и др. 419 стр. Цена 1 р. 98 к.
А. Кузнецов. Верхняя Сванети. («Дороги к прекрасному») 143 стр. Цена 41 к.
Падение города. Сборник американских радиопьес. Перевод с английского. Составитель И. Попов. 255 стр. Цена 95 к.
А. Чиналов. Народная деревянная скульптура русского Севера. 191 стр. Цена 3 р. 46 к.

«МЫСЛЬ»

Ю. Давыдов. Джон Франклин. Изд. 2-е. («Замечательные географы-путешественники») 61 стр. Цена 10 к.
Б. Поршнев. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. 487 стр. Цена 1 р. 90 к.
В. Савельев и В. Саввин. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне. 285 стр. Цена 1 р. 26 к.
Д. Шульц. Моя жизнь среди индейцев. Перевод с английского В. Житомирского. («Путешествия. Приключения. Поиск») 351 стр. Цена 98 к.

«НАУКА»

С. Бочаров. Поэтика Пушкина. Очерки. 207 стр. Цена 70 к.
Л. Брауде. Сказочники Скандинавии. 239 стр. Цена 78 к.
Гегель и философия в России. 30-е гг. XIX в. 20-е гг. XX в. Сборник статей. 264 стр. Цена 1 р. 37 к.
Н. Гонсалес. Пора благодати. Повесть и рассказы. Перевод с английского. 304 стр. Цена 98 к.
Л. Гудошников. Политический механизм Китайской Народной Республики. 208 стр. Цена 72 к.
Д. Дефо. Счастливая куртизанка, или Роксана. Перевод с английского. Издание подготовили А. Елистратова и Т. Литвинова. 302 стр. Цена 1 р. 73 к.

Монгольская Народная Республика. Коллективная монография. Ответственный редактор Е. Баврин. 144 стр. Цена 47 к.
Сказки, басни и легенды белуджей. Составление и перевод с английского А. Порожнякова. Предисловие Ю. Ганковского. 174 стр. Цена 56 к.
А. Фурсенко. Критическое десятилетие Америки. 60-е годы. 347 стр. Цена 1 р. 20 к.

ПРОФИЗДАТ

С. Дьянов. Профсоюзные комитеты в борьбе за укрепление трудовой дисциплины. 80 стр. Цена 11 к.
Ф. Иотов. Эффективность экономики — основное условие успешного выполнения девятой пятилетки. 66 стр. Цена 11 к.
Ю. Полухин. Власть трассы. Рассказы. 320 стр. Цена 58 к.

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

А. Ахтамзян. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 гг. 303 стр. Цена 1 р. 23 к.
А. Панфилов. За кулисами «Радио Свобода». 192 стр. Цена 66 к.
Социалистический интернационализм в действии. Коллектив авторов. Москва, «Международные отношения» — София, Партиздат. 253 стр. Цена 1 р. 33 к.
А. Степанов. ФРГ и Китай. К истории отношений. 1949—1974 гг. 208 стр. Цена 70 к.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Гражданское законодательство. Сборник нормативных актов. 1088 стр. Цена 3 р. 15 к.
Н. Салищева, Е. Ковешников, Л. Стещенко. О народном образовании. («Новое в советском законодательстве») 127 стр. Цена 17 к.
Суд и правосудие в СССР. 358 стр. Цена 81 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Г. Банланов. Избранное. Повести и путевые заметки. М. «Московский рабочий». 463 стр. Цена 95 к.
Ю. Балтушис. Проданные годы. Роман в новеллах. Перевод с литовского К. Кела и З. Федорова. Вильнюс. «Вага». 715 стр. Цена 1 р. 40 к.
Х. Гулям. Жажда. Стихотворения, баллады, поэмы. Переводы с узбекского К. Симонова, Р. Казаковой. Ташкент. Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 167 стр. Цена 1 р. 16 к.
А. Карпов. Продиктовано временем. Из истории русской поэмы. — На земле калужской. Статьи о литературе. Тула. Приокское книжное издательство. 243 стр. Цена 76 к.
В. Колыхалов. Повести. — Дневник путешествий. Новосибирск. Западно-Сибирское книжное издательство. 352 стр. Цена 67 к.
Молодая молдавская новелла. Переводы с молдавского. Составитель И. Чокану. Кишинев. «Карта молдовеняскэ». 319 стр. Цена 32 к.
Л. Обухова. Витьбичи. Исторические новеллы. Минск. «Мастацкая литература». 400 стр. Цена 84 к.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» ЗА 1974 ГОД

Генрих Боровик. Куба в дни визита. Заметки специального корреспондента. III—3.

И. Бодюл, первый секретарь ЦК КП Молдавии. Новый этап в жизни села. VI—3.

Вадим Некрасов. Индия в дни визита. Заметки специального корреспондента. II—3.

Мария Прилежаева. Вашим, товарищ, сердцем и именем. I—3.

• **Владимир Тедряков.** Ночь после выпуска. Повесть. IX—82.

Уильям Фолкнер. Свет в августе. Роман. Перевел с английского В. Гольшев. VII—95; VIII—113; IX—148.

Александр Харчиков. Перед дальней дорогой. Повесть. VIII—19.

К 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей

Анна Караваева. Время больших начинаний. VIII—9.

Ал. Сурков. Живые традиции. VIII—4.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

В. Богомолов. В августе сорок четвертого... Роман. X—3; XI—5; XII—161.

Витаутас Бубнис. Три дня в августе. Роман. Перевел с литовского Виргилиус Чепайтис. I—17; II—52.

Василь Быков. Волчья стая. Повесть. Перевел с белорусского автор. VII—5.

Л. Дугин. Лицей. Роман. (Сокращенный вариант) V—130; VI—59.

А. Каштапов. Белые дома Толочи. Рассказ. V—18.

Фланнери О'Коннор. Рассказы: Хромые внидут первыми; Хорошего человека найти нелегко; Судный день. Перевели с английского М. Кан, Л. Беспалова, Андрей Кистяковский. Послесловие В. С. Муравьева. I—108.

• **Ю. Креплин.** Хирург. Повесть. IV—7; V—58.

Анатолий Кривоносов. Горы, горы ясно. Повесть. III—17; IV—100.

Александр Кургатников. С утра до вечера. Рассказ. II—22.

Габриэль Гарсиа Маркес. Недобрый час. Роман. Перевел с испанского Ростислав Рыбкин. XI—106.

Александр Марьянин. Легкие хлеба. Повесть. VIII—71.

Н. Н. Михайлов. Черствые именины. II—142; III—104.

Борис Можаяев. Старые истории. IV—61.

Гарий Немченко. Считанные дни. Роман. IX—5; X—126.

Павел Нилин. Мелкие неприятности. Рассказ. VI—25.

Валерий Поляев. Двенадцатая буровая. Повесть. I—72.

Н. Гарасейкова. Чары. Рассказ. VI—38.

СТИХИ И ПОЭМЫ

Белла Ахмадулина. Ожидание елки; Ада; Жила в покое океанном...; Он поправляет пистолет...; Метель. Стихи. VI—145.

Петрусь Бровка. Радушие: Был создан мир...; Кто нынче взвесит стих?...; Ты протянула на прощанье...; Не верь; Ранние холода; Почтовый ящик; Главная примета. Стихи. Перевели с белорусского Яков Хелемский, Валентин Корчагин. V—126.

Зиновий Вальшонок. В Музее революции; Курский соловей. Стихи. XI—3.

Константин Ваншенкин. Восемь стихотворений: Баллада о посыльном; Отражение; Листопад; После смерти великих поэтов...; Гармонист; В городке после войны; Не все выживают стволы...; Осинка возле стога... IV—3.

Андрей Вознесенский. Без метафор: Чили; Спальные ангелы; Обстановочка; Песенка для спектакля; Повесть; Похороны Гоголя Николая Васильича. Стихи. I—66.— Из лирического дневника: Аве роцци; Память; Вечер в «Обществе слепых»; Мелодия Кирилла и Мефодия; Говорит мама; Дневниковые строки; Кольцо; Стихи против порнографии; Фреска. Стихи. VIII—64.

Лев Гинзбург. Из лирической поэзии немецкого барокко. Новые переводы. IV—169.

Евгений Долматовский. Три стихотворения: Баллада о трубке; Противоградная служба; Линия жизни. VIII—109.

Тамара Жирмуцкая. Угощаю рябиной; «Уходящий объект». Стихи. III—157.

Натан Злотников. Пять стихотворений: Полудетская песня звучит над карьером...; Щелкнет выстрел сухой в карауле...; Не узнал я хулы и обмана...; Дом друзей на Мойке; Вечный распорядок... Стихи. XII—233.

Римма Казакова. Учась у света и у тени; Что тревожит человека...; Пока ребенку нужен твой совет...; Кто победит в нелепом этом споре?...; Эту зиму я вспомню, быть может... Стихи. VII—81.

Мустай Карим. Жду вестей; Минувшему — благословенье; На берегу осенней

Дёмы; Ночная Рига. Тишь. Немой темнеет сад...; Я немало тайн природы знаю...; Жалоба моря; О, любовь!; Я уехал, ты осталась...; Я знаю точно — миру, свету... Стихи. Перевели с башкирского Елена Николаевская, Ирина Снегова. VI—20.

Валерий Краско. Костры; В музее Ленина. Стихи. I—10.

Мэри Крус (Куба). В Мавзоле. Стихотворение. Перевел с испанского П. Грушко. I—12.

Аркадий Кулешов. Все то, что измеряется строкой...; Слово неизвестного солдата; Совет самому себе; Мне слава представлялась близкой целью...; Мостам, а не конструкторам завидую...; Из прошлого; Пастух; Единственный серп; Записная книжка. Стихи. Перевел с белорусского Яков Хелемский. II—14.

Ибрагим Кэбирли. Напряжение; Трудность. Стихи. Перевел с азербайджанского Владимир Цыбин. VII—16.

Леонид Мартынов. К чему глубокое молчание...; Баллада о зеленой земле; Виденье; Класика; Узел бурь; Чудо; Секрет пустот; Унижение; Плащ; Девочка ликует, приезжая...; Трос; Истинно не ведаю...; Топонимика. Стихи. VI—32.

Эдуардас Межелайтис. Индийский амеист: Вся жизнь моя — росинка одинокая...; Я отправился в самый, по-моему, дальний...; Куда спешишь?; Кто я такой? Садовник, в самом деле?; Миниатюры; Зима сковала озеро...; Из индийского орнамента: А жизнь проста...; Хотел я дать моим обeim птицам...; Не крылья ли спасут, вдруг сари раздирая...; Скажи, что ты держишь?.. Стихи. Перевел с литовского Поэль Карп. III—11.

Пабло Неруда. Стихи разных лет: Ода поэзии; Трущобы (Печальный напев); Ода глазу; Это я так...; Магнетическое искусство; Окраина во мгле; Незнакомец; Возвращение; Океан; Непогода с тишиной; Глагол; Весна; Ночь на Черном острове; Опасность; Поглядим; Нашпиговали воздух буквы...; Уж такие мы есть; Осень; Вымыть ребенка. Предисловие и перевод с испанского Павла Грушко. V—3.

Лев Озеров. Далекая слышимость: Присутствие Волги я чувствую даже во мгле...; Воз, полный сена воз...; Река-мастеровой...; Еще не вечер, моя родная...; Яблоко падает не в траву...; Проходящие поезда... Стихи. I—14.

Ирина Снегова. Огненный круг: Я сбросила рифму, строфу распрягла...; Только яблоки падают — стук...; Тесно, попросту тесно...; Какая мель! По щиколотку чайкам...; Над водой; Попробуйте прыгнуть...; Мне снилось — звенело! — что птицы поют...; Покров на Нерли. Стихи. III—101.

Владимир Соколов. Имя; И ранний час... И ты — моя жена... Стихи. IX—81.

Роман Солдцев. Не сразу деревья мои пробудились...; Вечером; Бессонница. Стихи. IX—79.

Владимир Трофименко. Минские тополя. Стихотворение. IX—3.

Отар Челидзе. Мое магнитное поле. Поэма. Перевел с грузинского Владимир Леонович. II—35.

Игорь Шкляревский. Поют озера; Поденка; На лето уже не надейся... Стихи. VII—3.

Георгий Эми. Перо и мотыга; Друг, протяни мне руку...; Стихи в грядущем подадут вам весть...; Знак вопросительный...; — В чем жизни смысл?; Яблоко; О труд поэта!.. Взлеты и крушенья... Стихи. Перевела с армянского Елена Николаевская. IV—96.

Из польской поэзии

Константы Ильдефонс Галчиньский. Песни; Восемнадцать желудей; Панна Венус. Перевел Александр Големба. VII—84.

Ярослав Ивашкевич. Счастье; Взлет; Не оборачивайся, даже если взгляд...; Не родится никакой уже новый родник...; Август; Зеленый сад среди зимы; Омела; Закопане; Птицы. Перевели В. Британишский, Н. Астафьева. VII—91.

Из болгарской поэзии

Елисавета Багряна. Познание. Перевела Лорина Дымова. IX—131.

Иван Давидков. Каменоломня. Перевела Лорина Дымова. IX—132.

Слав Хр. Караславов. История; Тишина; Друзья (Из цикла «Бородинское поле»). Перевели Лорина Дымова, Геннадий Серебряков. IX—133.

Георгий Константинов. Чувство; Геолог. Перевел Геннадий Серебряков. IX—134.

Любомир Левчев. Диалектика природы; Голос в защиту Луиса Корвалана; Рана. Перевели Геннадий Серебряков, М. Павлова. IX—135.

Павел Матев. Нависшие молчанья. Перевела Лорина Дымова. IX—137.

Георгий Джагаров. После допроса (Из партизанского цикла). Перевела Лорина Дымова. IX—138.

Иван Николов. Воспоминание о Пискаревском кладбище: Снимки; Золотистая пшеница... Перевела Лорина Дымова. IX—139.

Александр Геров. Сила; День. Перевела Лорина Дымова. IX—141.

Андрей Германов. В белейшую из всех земных ночей... Перевела Лорина Дымова. IX—142.

Найден Вилчев. Женщина. Перевела Лорина Дымова. IX—143.

Дамян П. Дамянов. Я медленно старею, незаметно... Перевел В. Сикорский. IX—143.

Красия Химирски. Луну и звезды нарисовали дети...; Когда спят мальчики. Перевел Валерий Краснопольский. IX—144.

Христо Радевский. Поединок. Перевела Лорина Дымова. IX—145.

Вьтьо Раковский. Я остаюсь. Перевела Лорина Дымова. IX—145.

Николай Антонов. К морю; Буревестник; Истинный цвет океана. Перевели В. Смирнова, Б. Брайнина, Д. Благой. IX—146.

Николай Христов. Творчество. Перевела Лорина Дымова. IX—147.

Голоса братских республик

Из киргизской поэзии

Суюнбай Эралиев. Моим горам, по-моему, подобен...; Время. Перевел Марк Ватагин. X—110.

Темиркул Уметалиев, народный поэт Киргизии. Джида серебрится!.. Перевел Марк Ватагин. X—111.

Аалы Токombaев, народный поэт Киргизии. Мумиё; Портрет. Перевел Марк Ватагин. X—111.

Насриддин Байтемиров. Плач о Бюбюсаре. Поэма. Перевел Михаил Синельников. X—112.

Турар Кожомбердиев. Ночь на джайлоо. Перевел Марк Ватагин. X—115.

Сулайман Маймулов. Москва. Перевел Игорь Волгин. X—116.

Из молдавской поэзии

Емилиан Буков. Товарищ; Цветы труда. Перевели Елена Аксельрод, Татьяна Сикорская. X—117.

Петря Дариянко. Мне это приснилось; Неповторимость. Перевел Александр Големба. X—119.

Петря Крученюк. Смотрю на вас; Много бродил я по свету. Перевела Татьяна Сикорская. X—121.

Нина Жосу. Родина; Холод. Перевел Кирилл Ковальджи. X—122.

Ливну Деляну. Песня моей республики; Осень. Перевела Юлия Нейман. X—123.

Анатол Чокашу. Днем одним моложе. Перевела Елена Аксельрод. X—124.

Ливну Дамнан. Вечная засада. Перевела Аариса Васильева. X—124.

Анатол Кодру. Дома. Перевела Новелла Матвеева. X—125.

Из таджикской поэзии

Мирсаид Миршакар. У Мавзолея. Перевел Александр Големба. X—196.

Мирзо Турсун-заде. Женщина. Перевел Александр Наумов. X—197.

Мумин Каюат. Память. Перевела Римма Казакова. X—197.

Бойи Рахим-заде. У нас в Таджикистане. Перевел Александр Големба. X—198.

Мавджуда Хакимова. Отец; Солдат (Из брестской тетради). Перевели Римма Казакова, Елена Аксельрод. X—200.

Аминджан Шукухи. Лестница четверостиший. Перевел Михаил Синельников. X—202.

Из туркменской поэзии

Бердыназар Худайназаров. Колодезных дел мастера. Перевел Ю. Гордиенко. X—204.

Керим Курбаннепесов. Чувство локтя. Перевел Ю. Гордиенко. X—205.

Нуры Байрамов. Когда мы были мальчишками; Из колыбельных песен моей матери. Перевел Ю. Гордиенко. X—206.

Ата Атаджанов. Гор высоту...; Размышления. Перевел Олег Дмитриев. X—207.

Тоушан Эсенова. Три пальмы плодовых. Перевел Ю. Гордиенко. X—208.

Ягмур Пиркулиев. Снова лето, жaley не жaley... Перевел Александр Наумов. X—210.

Из узбекской поэзии

Миртемир. Свеча. Перевел Александр Наумов. X—212.

Аскад Мухтар. Здесь даже время замедляет бег... Перевел Валерий Краснопольский. X—212.

Зульфия. Будущее. Перевела Юлия Нейман. X—213.

Мирмухсин. Детства моего грехи... Перевел Александр Наумов. X—214.

Тураб Тула. Ночлег. Перевел Александр Наумов. X—215.

Рамз Бабаджан. Памяти армянского друга. Перевел Александр Наумов. X—216.

Хамид Гулям. Айва. Перевела Римма Казакова. X—216.

Джамал Камал. Касанье. Перевел Александр Наумов. X—218.

Из монгольской поэзии

Ахамсүрэнгийн Чойжилсүрэн. Осчастливил нас мудростью Ленина. Перевел Александр Големба. XI—96.

Цэвэгмидийн Гайтав. Сүхэ-Батор. Перевел Александр Големба. XI—97.

Адалтайн Тарва. Мой отец (Из поэмы). Перевел Геннадий Ярославцев. XI—99.

Базарын Ширенды. По Хангайской земле (Путевые заметки). Перевел Геннадий Ярославцев. XI—100.

Дамдинцоогийн Содномдорж. Цветок. Перевел Геннадий Ярославцев. XI—104.

Пурзвийн Хорло. На рассвете. Перевел Геннадий Ярославцев. XI—104.

Лувсандамбын Хуушаан. Ночью в пути. Перевел Геннадий Ярославцев. XI—105.

НА ЗЕМЛЕ АЛТАЙСКОЙ

А. Георгиев, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС. Герой Социалистического Труда. Двадцатый хлеб Алтая. I—154.

Роберт Рождественский. Мы привыкли. Стихотворение. I—165.

Борис Укачин. Малые народы. Стихотворение. Перевел с алтайского Илья Фоянков. I—166.

Анатолий Прохоров. Две елочки следа...; Марал; Нагрянул ветер с ледников... Стихи. I—167.

Олег Смирнов. Василий Тимофеевич. I—169.

Марк Юдалевич. Дождь. Стихотворение. I—192.

Николай Черкасов. Панфилово. Стихотворение. I—193.

Эркемен Палкин. Раздумья; Кричит сары. Стихи. Перевели с алтайского А. Смердов, Михаил Синельников. I—194.

Екатерина Лопатина. Эстафета. I—196.

Аржан Адаров. Партийный билет. Стихотворение. Перевел с алтайского Илья Фоянков. I—207.

Александр Тепуков. Жаворонок. Стихотворение. Перевел с алтайского Илья Фоянков. I—209.

УКРАИНА, 74

В. В. Щербицкий, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины. В едином, могучем строю. XII—4.

Микола Бажан. Вечер 24 октября; Воспоминания о Димитрове; Кларнет Тычины. Стихи. Перевели Александр Големба, М. Алигер. XII—18.

Платон Воронько. Сон о баррикаде; Ощущенье — как ток...; В доме у художника; Нужна ли мне мудрость?...; Дрова. Стихи. Перевел Валентин Корчагин. XII—22.

Леонид Вышеславский. Земля; Сосредоточенность; Подарки; Памяти Николая Ушакова. Стихи. XII—113.

Иван Драч. Орлы смотрят на солнце... Январская баллада 1924 года; Баллада про дядю Зинька; Кладбище-небоскрёб; Баллада открытых детских глаз; Вечерняя акварель. Стихи. Перевели Валентин Корчагин, Петр Вегин. XII—57.

Виталий Коротич. Закон земли; Мое село; Птицы; Максим Рыльский на охоте. Перевели Юнна Мориц, Майя Борисова, Евг. Витковский. XII—40.

Микола Лиходид. На стройке Днепрогэса-2; Ну, а я отлично жизни счет веду... Стихи. Перевел Александр Големба. XII—135.

Дмитро Луценко. Баллада о братстве; Красная яхта; Неизвестный солдат. Стихи. Перевели Юрий Саенко, Тамара Сорочинская. XII—137.

Микола Нагнибеда. Союз; Мое сердце в степях; Белорусская пуща; Из дорожной тетради. Стихи. Перевел Юрий Саенко. XII—82.

Борис Олейник. Истина; На тревожной струне; Диптих. Стихи. Перевел Н. Котенко. XII—88.

Дмитро Павлычко. Тракторист; Береза; Отец. Стихи. Перевел Б. Косенков. XII—26.

П. Перебийнис. Коммунисты; Символ молнии; Правила нежности; Признание. Стихи. Перевел Александр Големба. XII—109.

Иван Рядченко. Цена; Забытая гитара; Одесский оперный; Летний черноморский вечер; «Идолы» Николая Рериха. Стихи. XII—131.

Михайло Стельмах. Пусть вновь годам тем не прийти...; Александру Довженко; На рассвете; На желтых полях бродят гуси...; Приходят дни, уходят годы... Стихи. Перевел Юрий Саенко. XII—24.

Микола Сынгаевский. Прелюдия весны; Ловят солнце осенью леса... Стихи. Перевел Юрий Саенко. XII—107.

Александр Былянов. Наследники. XII—28.
Феодосий Видрашку. Делись огнем. XII—64.

К. Григорьев, Б. Хандрос. Павлыш. Продолжение сказки. XII—141.

Владимир Дрозд. Люди села ~~Хазине~~. Страницы сельского дневника. Перевел И. Карабутенко. XII—92.

Федор Моргул, первый секретарь Полтавского областного комитета Коммунистической партии Украины. И снова Полтавщина. Перевод с украинского. XII—44.

Валерий Поволяев. Боцман Бересан. XII—116.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ

А. Марьянов, генерал-майор запаса. Государственные дети. II—200.

ПУБЛИЦИСТИКА

Набережные Челны. — Раис Беляев, первый секретарь Набережночелнинского горкома КПСС. КАМАЗ в биографии молодых. VI—173.

И. Блищенко, профессор. Права и свободы человека. II—193.

Николай Грибачев. С чего начинается... V—194.

Иван Лаповогов. Социализм в наступлении. СЭВ: проблемы, события, люди. VI—182.

И. Лаптев. Экология, политика, идеология. VIII—191.

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

Всеволод Овчинников. Ветка сакуры. IX—202.

О. Орестов. Другая жизнь и берег дальний (Об англичанах, их нравах и привычках). VII—205; VIII—211.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Набережные Челны

Рустам Валеев. Должно же быть в жизни что-то такое... II—182.

Екатерина Лопатина. По знакомым адресам. XI—221.

Умат-Гирей Наурбиев, бригадир бригады коммунистического труда автоскреперистов. Красная наша земля. IV—189.

В. Росляков. Вторая встреча. XI—191.
Вал. Ружикс. Деталь. XI—209.

Владимир Бардин. Обыкновенная Антарктика. V—173.

Владимир Дорошенко, помощник бурового мастера. Самотлор. X—219.

Игорь Дуэль. Рыбацкая удача. IV—198.

Василий Кожушков, бригадир отделки стана «1220» Челябинского ордена Ленина трубопрокатного завода. Мы — лица заинтересованные. III—160.

Владимир Успенский. Порт в бухте Врангеля. VI—149.

В МИРЕ НАУКИ

Академии наук СССР — 250 лет

- Академии наук СССР — 250 лет. V—202.
А. В. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. V—203.
Б. Н. Петров, академик, член Президиума АН СССР, Герой Социалистического Труда. Сверхения. V—213.
Ярослав Голованов. В гости к солнечной семье. VI—200.

ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ

- Феодосий Видрашку.** Судьбы. VIII—164.
Василий Росляков. Добрая осень. VII—175.

ИСКУССТВО

- Григорий Козинцев.** Пушкин. Толстой. Заметки к задуманным фильмам. Публикация Валентины Козинцевой. Вступление Вл. Орлова. V—222.
Н. Молева. И снова Медный всадник... III—195.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Л. Авенинский.** Глубина фронты. Этическая тема в лирике военного поколения. IV—216.
Б. Брайнна. Герой Константина Федина. XI—252.

Александр Дымшиц, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии искусств ГДР. Сила правды и бессилые наветов. X—241.

А. Желозовцев. «Долой теорию вдохновения!» Литературная политика маоистов. IV—237.

Анна Зегерс. Позиции социализма обеспечивают самый широкий кругозор. III—209.

В. Камянов. Доверие к сложности. Заметки о молодой прозе минувшего года. III—213.

Кирилл Ковальджи. Годы и книги. По страницам современной румынской прозы. VIII—253.

Вадим Ковский. «Будь заодно с гением...» Личность писателя и позиция критика. I—232.

А. Коздратович. О прозе Твардовского. II—227.

Федякс Кузнецов. Духовные ценности: мифы и действительность. Poleмические заметки. I—211.

В. Литвинов. Силовое поле романа. Над страницами «Поднятой целины». XII—236.

Ал. Михайлов. Вооруженность критика. Poleмические заметки. III—233.

Лев Озеров. Уцененные восторги. V—258.

В. Пердовский. Испытание бытом. Poleмические заметки. XI—236.

Е. Сидоров. Уроки Леонова. V—247.

Миколас Слудкис. Одной жизнью с веком. Перевела с литовского Б. Залеская. V—252.

Владимир Соловьев. Сопричастность веку. Литературная эволюция и проблемы жанров. VIII—235.

Л. Якименко. Критерий оценок. Methodологические проблемы современной литературной критики. VII—230.

К 175-летию со дня рождения

А. С. Пушкина

А. Благой, член-корреспондент Академии наук СССР. Главою непокорной. VI—233.

Б. Мейлах, доктор филологических наук. Великий новатор. VI—221.

В. Непомнящий. «Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный...» О некоторых современных толкованиях Пушкина. VI—248.

Ст. Рассадия. Невольник чести. IV—247.

К 70-летию со дня рождения

Николая Островского

Подвиг писателя

Мира Алечкович. Вместе с нами боролся Корчагин. Перевел с сербскохорватского И. Харитонов. IX—256.

Вадим Кожевников. Открытие. IX—249.

Дмитро Павлычко, лауреат премии имени Николая Островского. По праву учителя. Перевел с украинского Г. Григорьев. IX—252.

В. Юсова. Школа ответственности. IX—254.

К 150-летию со дня рождения

И. С. Никитина

Владимир Цыбин. Навстречу времени. X—232.

ОТКЛИКИ И КОММЕНТАРИИ

Владимир Большаков. Кривая предательства. IX—235.

А. Желозовцев. Погоня за Конфуцием. VII—250.

Ю. Каграманов. Юг США: спор о магнолиях. IV—210.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

И. Брайнна. Бестужевки. IX—241.

В. А. Сухомлинский. Статья человеком (Воспитание элементарной моральной культуры. Афоризмы). Конкретный гуманизм воспитательной системы В. А. Сухомлинского. Послесловие Т. Самсоновой, кандидата философских наук. III—171.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

А. Горянин. Время назрело. II—277.

Авдрей Никитин. Ожившие голоса. III—276.

ВОЗВРАЩАЯСЯ К НАПЕЧАТАННОМУ

В. Елисева. Неужто не надоело? V—264.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство

Маргарита Алигер. Круги вокруг сердца (Пауль-Эрих Руммо. Стихи. Авторизованный перевод с эстонского Светлана Семеновна). VI—267.

Владимир Амлинский. Какая музыка была... (Юрий Бондарев. Собрание сочинений в четырех томах). IV—260.

А. Автопольский. Нет контакта (Василий Воронов. На практике. Рассказ. Владимир Ляленков. Крещенские морозы. Рассказ). VII—264.

Николай Атаров. Дар понимания (Инна Гофф. Юноша с перчаткой. Рассказы). XII—260.

Феликс Бурташов. Молодая поэзия древнего континента (Поэзия Африки. Вступительная статья Р. Рождественского. Составление и примечания М. Ваксмахера, Э. Ганкина, И. Ермакова и др.). IV—268.

Л. Воронин. «Малый эпос» Николая Ушакова (Николай Ушаков. Мой век. Стихотворения). IX—262.

И. Гитович. Испытание памятью (Евген Гуцалю. Голубые овцы. Рассказы. Повесть. Авторизованный перевод с украинского). VI—270.

Я. Горди. Плоды упрощения (Владимир Иванов. Ларец мудреца). X—262.

У. Гуральник, доктор филологических наук. О Достоевском — новое (Неизданный Достоевский. «Литературное наследство», том восемьдесят третий. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. «Литературное наследство», том восемьдесят шестой). III—251.

Ю. Гусев, кандидат филологических наук. Неувядающая молодость Гидаша (О. Рюсианов. Антал Гидаш. Очерк творчества. Антал Гидаш. Господин Фицек. Роман. Перевод с венгерского Агнессы Кун). XII—262.

И. Дедков. Напряжение поиска (Олег Куваев. Территория. Роман). X—251.

В. Елисеева. Лично ответствен (Григорий Медынский. Избранные произведения в двух томах). VII—256.

Римма Казакова. Над новым днем, над незасягаемым простором (Альфонс Малдонис. Апрельские разливы. Перевод с литовского). II—261.

В. Кардин. О лебедях и «лебедушках» (Борис Васильев. Самый последний день... Повесть. Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей. Роман). II—264.

Елена Клепикова. Север сокровенный (Юрий Казаков. Северный дневник). VII—260.

Е. Книпович. Оружием критики (Л. Якименко. На дорогах века. Актуальные вопросы советской литературы). V—271.

З. Крахмальникова. Люди в пути (Пауль Куусберг. Одна ночь. Роман. Перевод с эстонского Арнольда Томма). VIII—260.

Александр Кроп. Испытание штормами (Владимир Жуков. Хроника парохода «Гюго». Роман). IX—259.

А. Лазарев. Это печаталось в газете (Анатолий Аграновский. А лес растет. Очерки. Фельетоны. Статьи). VII—270.

Л. Лебедева. Доброе начало (Сердце Зари. Восточный альманах. Выпуск первый). X—256.

С. Машинский. Целеустремленность писателя (Александр Фадеев. Письма. 1916—1936. Вступительная статья, составле-

ние и примечания С. Н. Преображенского). VIII—263.

А. Марченко. Под сводами мастерской (Поэзия. Альманах). III—253.

Л. Михайлова. Вчера и сегодня (Владимир Солоухин. Прекрасная Адыгене. Осенние листья. Олепские пруды. Из книги «Слепские пруды»). I—259.— Отражение истории в человеке (Б. Полевой. До Берлина 896 километров. Из записок военного корреспондента. Б. Полевой. Силуэты). V—269.

Дм. Молдавский. Путешествие в монгольскую степь (Песни аратов. Из монгольской народной поэзии. Переводы Н. Гребнева. Составитель Г. Михайлов. Вступительная статья Ю. Розенблюма. Молодые поэты Монголии. Составление, предисловие, примечания и подстрочные переводы К. Яцковской). XI—266.

Юрий Нагибин. Свидание не состоялось (Фильмы Чаплина. Сценарии и записи по фильмам. Составитель и автор предисловия А. Кукаркин). IV—273.

Петр Проскурин. Сказание о Сибири (Георгий Марков. Сибирь. Роман. Книга первая. Книга вторая). II—255.

И. Роднянская. «А душу можно ль рассказать...» (Александр Титов. Лето на водах. Повесть о Лермонтове). I—254.

Рейнер Розенберг, доктор. О марксистском наследии — современно (Александр Дымшиц. К. Маркс и Э. Фигельс и немецкая литература). Перевел с немецкого П. Френкель. VII—268.

Олег Смирнов. Дорога поколения (Л. Грачев. Дорога от Волхова. Литературная запись Г. Комиссаровой). X—260.

И. Соловьева, В. Шитова. Свои люди — сочтемся (Василий Шукшин. Характеры. Рассказы). III—245.

Г. Трефилова. «Там, среди солнца и печали...» (Грант Матевосян. Похмелье. Повесть. Перевод с армянского Анаит Баяндур. Грант Матевосян. Хлеб и слово. Повести. Авторизованный перевод с армянского Анаит Баяндур). XI—260.

А. Финк, доктор филологических наук. Закономерный выбор (Даниил Гранин. Эта странная жизнь...) XII—257.

В. Фролов. Образный мир классической пьесы (Б. Костелянец. «Бесприданница» А. Н. Островского). IX—266.

Г. Цурикова. Мудрость движения (Мариятта Шагинян. Собрание сочинений в девяти томах. Том четвертый. Очерки. 1941—1969). I—250.

К. Щербаков. Личность критика, позиция критика (Борис Панкин. Время и слово). VI—273.

Политика и наука

Георгий Айдинюв. Пером очевидца (В. И. Медведко. Записки председателя колхоза). X—274.

Е. Амбарцумов. Не вполне различимое будущее (Э. А. Араб-Оглы. В лабиринте пророчества. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба). X—276.

Клара Брюханова. Выдающийся революционер-ленинец (Георгий Димитров. Биографический очерк. Перевод с болгарского. Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец. Георгий Димитров. О литературе, искусстве и культуре. Перевод с болгарского). IX—272.

В. Буганов, доктор исторических наук. Армия и флот России в XIX веке (Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России). II—270.

М. Воейков. Общество и соревнование (Г. А. Куторжевский, В. А. Смирнов. Социалистическое соревнование. Проблемы, опыт социологического исследования). XII—265.

Вэл. Гольцев. Накануне (История второй мировой войны 1939—1945 гг. В 12-ти томах. Том первый. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира). V—275.— «...выше всякой похвалы» (И. Дубинский. Солдатский хлеб). XI—275.

Арсений Гулыга. В защиту истории (Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка. Перевод с французского Е. Лысенко). VIII—279.

П. Жилин, генерал-лейтенант. Первые дни войны (К. С. Грушевой. Тогда, в сорок первом...). IX—268.

Ю. Завадский, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. В Доме актера (А. М. Эскин. В нашем доме). III—274.

М. Иртанов. Эхо Яньани (П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945). VIII—274.

И. Ков, доктор философских наук. Этнос и этнография (Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография). VII—280.

В. Косолапов. Проблемы формирования нового человека (Л. И. Брежнев. О коммунистическом воспитании трудящихся. Речь и статьи). X—265.

Вл. Кузнецов, кандидат филологических наук. Стражи партийной морали (Активные помощники партийных комитетов. Из опыта работы партийных комиссий. Составители: А. Н. Безответных, В. М. Дюков, С. Д. Могилат, К. Т. Семенов). VIII—271.

Л. Леонтьев, член-корреспондент Академии наук СССР. Троянский конь антикоммунизма (Герберт Майснер. Теория конвергенции и реальность. Перевод с немецкого). VII—275.

Олег Моисеев. Хлеб целины (Ф. Т. Моргунов. Хлеб и люди). V—279.

Олег Мороз. Освоение науки (Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Сборник десяти). I—270.

Н. Новиков. Пульс планеты (А. И. Луковец. На разных полюсах). X—274.

О. Орестов. Ленинским курсом мира (Цикл брошюр) IV—276.

В. Орлов. В море — значит, дома (С. Семанов. Макаров. «Жизнь замечательных людей»). I—275.

А. Пархоменко, доцент, кандидат технических наук. Наука управления наукой (Основные принципы и общие проблемы управления наукой). IX—276.

С. Резник. От биосферы к ноосфере (Биосфера. Перевод с английского А. М. Гилярова и Ю. М. Фролова. Под редакцией и с предисловием члена-корреспондента АН СССР М. С. Гилярова). II—273.

Ю. Рыгов. Формула деловитости (Анатолий Друзенко. Не дайте делу заснуть). II—269.

Ю. Соколов. Концентрированный опыт партии (Справочный том к восьмому изданию «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Под общей редакцией П. Н. Федосеева и К. У. Черненко). XI—269.

Е. Соловей, член КПСС с 1905 года. Пламенный революционер (Ю. М. Стеклов. Избранное. Редактор М. И. Тюрин, составитель В. Ю. Стеклов). I—265.

К. Станюкович, доктор технических наук, профессор. **Д. Биленки.** Продолжение достоинств (А. Китайгородский. Реникса). VI—278.

В. Старцев. Революция, партии, массы (Х. М. Астрахан. Большевики и их политические противники в 1917 году. Г. Л. Соболев. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году). VI—275.

С. М. Троицкий, доктор исторических наук. Обобщающий труд по истории русской культуры (Б. Краснобаев. Очерки истории русской культуры XVIII века). IV—280. — Рассекреченные документы (Н. Я. Эйдельман. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать). XI—276.

В. Турбин. Тайна или секрет? (Владимир Леви. Охота за мыслью. Изд. второе, переработанное. Владимир Леви. Я и мы. 2-е изд. Владимир Леви. Искусство быть собой). I—277.

А. Формозов. Древнейшее прошлое Европы (А. Л. Монгайт. Археология Западной Европы. В двух книгах). IX—279.

Владимир Цветов. Япония: внешнеполитическая доктрина на 70-е годы (Д. В. Петров. Япония в мировой политике). XII—267.

П. Черкасов, кандидат исторических наук. Мятая эскадра (Жан Ле Рамей, Пьер Воттеро. Бунтари Черного моря). V—281.

Владимир Шубкин, доктор философских наук. Читая Робера Мерля (Рецензия с социологическими реминисценциями.— Робер Мерль. За стеклом. Роман. Перевод с французского Л. Зониной). III—258.

КОРОТКО О КНИГАХ

Г. Петрова. — Анар. Круг. Юрий Алянский. — Лазарь Маграчев. Сюжеты, сочиненные жизнью. Н. Бонцакая. — Макс Фриш. Цитиллер. Роман. Перевод с

немецкого Т. Исаевой. Игорь Мотышов. — Николай Яновский. Голоса времени. Н. Яновский. Лидия Сейфуллина. Критико-биографический очерк (издание второе, дополненное). В. Жданов. — А. Аникст. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. И. Брагинин, С. Маглакелидзе. — Яков Кривенок. Бора. Роман. А. Т. Якимов, кандидат исторических наук. — В. С. Познанский. Сибирский красный генерал. I—281.

Видади Пашаев. — Наби Хазри. Чистое дыхание земли. Стихи и поэмы. Перевод с азербайджанского. Л. Антопольский. — Миха Квливидзе. Продолжение следует. Стихи. Перевод с грузинского. В. Кантор. — Амос Тутуола. Путешествие в Город Мертвых. Перевод с английского А. Кистяковского. Лариса Исарова. — Владимир Голицын. Страницы жизни художника, изобретателя и моряка. Сборник. И. Роднянская. — А. Скафтымов. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. Вл. Кузнецов, кандидат филологических наук. — А. А. Демин, С. Б. Лавров. ФРГ сегодня. Некоторые актуальные проблемы экономики, науки, политики. В. Кулешова, кандидат филологических наук. — И. Тертерян. Современный испанский роман (1939—1969). М. Коренева. — М. О. Мендельсон. Американская сатирическая проза XX века. II—280.

Борис Дубровин. — Товарищ Москва. Литературные портреты современников. Елена Скульская. — Мати Унт. О возможности жизни в космосе. Роман и повести. Перевод с эстонского Т. Тепе. Н. Стрижевская. — Марк Шехтер. Лирика. Сатира. Избранные стихи. В. Бавина. — Б. Брагина. Память и время. Борис Яранцев. — Евгения Таратута. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. А. Майкапар. — Сергей Прокофьев. Автобиография. Лев Разгон. — Юрий Дмитриев. Человек и животные. С. Николаева. — Эдуард Багряцкий. Воспоминания современников. Дм. Молдавский. — Ю. Алянский. Театральные легенды. III—279.

Е. Полякова. — Александр Неверов. Из архива писателя. Исследования. Воспоминания. Редакторы-составители В. Скобелев, Н. Страхов. Александр Неверов. Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман. Предисловие, подготовка текста и примечания Н. Страхова. М. Хазин. — Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Анна Илупина. — Каарел Ирда. Размышляя о театре... Л. Пустильник, кандидат филологических наук. — Е. Жукова. Когда настал XX век. А. Хорт. — Владен Бахнов. Тайна, покрытая мраком. Юмористические рассказы. IV—284.

Е. Арензон. — На ударных стройках. Рассказывают писатели и журналисты. Составитель А. С. Попов. В. Сахаров. — Ксения Некрасова. Стихи. Составитель Л. Е. Рубинштейн. Богдан Чалый. — С. Алексеев. Небывалое бывает. Б. Сар-

нов. — Рембрандт. Автор текста и составитель альбома Л. А. Ефремова. V—284.

Н. Беккерман. — Михаил Лохвицкий. Выстрел в Метехи. Повесть о Ладо Кецохвели (Серия «Пламенные революционеры»). М. Кораллов. — Юрий Давыдов. Судьба Усольцева. Рассказы, повесть. Феодосий Видрашку. — Константин Шишкан. Все времена сердца. М. Лапшин, кандидат филологических наук. — Василий Кубанев. «Если за плечами только восемнадцать...» Вступительная статья Б. И. Стукалина. И. Демина. — И. Лаптев. Планета разума. А. Майкапар. — Ю. Келдыш. Рахманинов и его время. VI—282.

Ник. Кружков. — Альберт Беляев. Выше нас — одно море. Рассказы и повесть. Олег Смирнов. — Пограничники. Сборник. Серия «Жизнь замечательных людей». В. Соколюк. — Янис Ридос. Избранное. Перевод с греческого под ред. М. Ваксмахера. Составитель и автор предисловия С. Ильинская. И. Подольская. — А. Белкин. Читая Достоевского и Чехова. VII—284.

Е. Аксенова. — Визбул Берце. В этом и моя судьба. Библиотека «Дружба народов». Визбул Берце. За синей птицей. Роман. Повести. З. Лихтман, кандидат филологических наук. — Елена Благинина. Складень. Стихи. С. Миримский. — Лилиана Розанова. Три дня отпуска. Фазиль Искандер. — Ст. Рассадин. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. VIII—283.

И. Подольская. — Ольга Форш в воспоминаниях современников. Г. Петрова. — Владимир Козин. Привязанный к седлу. Дм. Еремин. — Валентина Карпова. Анатолий Калянин. Очерк творчества. Г. Товстоногов, народный артист СССР. — К. Щербаков. Обретение мужества. Критика и публицистика. Н. Молева. — Е. И. Полякова. Николай Рерих. Серия «Жизнь в искусстве». М. Тугушева, кандидат филологических наук. — Основные тенденции развития современной литературы США. IX—282.

С. Шешуков. — В. Гура. Роман и революция. Пути советского романа. 1917 — 1929. Ст. Рассадин. — С. Липкин. Рожденный из камня. Повесть по мотивам кавказских сказаний. А. Хорт. — Наталия Ильина. Священные табло. Фельетоны разных лет. П. Топер. — Левон Мкртчян. Черты родства. Е. Луцкая. — Художники театра о своем творчестве. Составители: Ф. Сыркина, Б. Кноблок, А. Мовшенсон, Е. Буторина. Лесь Танюк. — Александр Дейч. Франсуа-Жозеф Тальма. А. Абрамов. — Ал. Михайлов. Ритмы времени (Этюды о русской советской поэзии наших дней). X—282.

Александр Крон. — М. Галлай. Третье измерение. Р. Бикмухаметов. — Сурен Гайсарян. В стране поэзии. Очерки. Портреты. И. Кудрова. — Игорь Ефимов. Лаборантка. Повесть. Д. Захаров. — Томас Мор. Эпиграммы. История Ричарда III. Серия «Литературные памятники». Н. Яновский. — Юрий Оклянский. Рождение книги. Жизнь. Писатель. Творческий процесс. А. Вулис, доктор филологических наук. —

Вильям Александров. Альфа Центавра. Повесть. XI—282.

Ю. Ляхов. — Анатолий Макаров. Человек с аккордеоном. Повесть. Ю. Манин, доктор филологических наук. — С. Машинский. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. С. Фрейлих, доктор искусствоведения. — А. Караганов. Всеволод Пудовкин. «Жизнь в искусстве». А. Ромм, доктор филологи-

ческих наук. — А. Аникст. Шекспир. Ремесло драматурга. Н. Молева, кандидат искусствоведческих наук. — Ирвинг Стоун. Ван Гог. («Жизнь в искусстве») XII—274.

Книжные новинки: I—287; II—286; III—287; IV—288; V—288; VI—287; VII—287; VIII—286; IX—287; X—287; XI—287; XII—278.

«Новый мир» в 1975 году. VIII—287.

Главный редактор **С. С. Наровчатов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, В. А. Косолапов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахнин, О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Ф. Н. Таурин, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путьинковский пер., д. 1/2. Тел. 299-81-77.
Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
Почтовый адрес: 103006. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

Сдано в набор 18/X 1974 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 11/XII 1974 г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}, 28,7 уч.-изд. л., 9 бум. л. (25,2 усл.-печ. л.)
А 02904. Тираж 160.000 экз. Заказ 3523.

Отпечатано с матриц типографии издательства «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», Москва, Пушкинская пл., 5, в ордене Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», Киев, 47, Брест-Литовский проспект, 94. Зак. 011410.

Цена 70 коп.

70636